PRIEPTYAPS II HAHTROHS.

TEATPANDUCE OF ORPHHER.

издаваемое

в. межевичемъ и и. песоцкимъ.

годъ шестой.

a varrogenace vacuu assumurances. 1811 mira caraban 1-ro min.

1844.

томъ восьмой.

CAHKTHETEPBYPFT

Вонал. рецепан Тентраля БибынОТЕНА вымин А.В. ЛУНАЧАРСЬ PEHELLALD a HVILLORF

PERSONAL CHARGE CHARGE

печатать позволяется,

съ тъмъ, чтобы по отпечатании представлено было въ Ценсурный Комитегъ узакопенное число экземпляровъ. 1844 года, октября 1-го дня.

Ценсоръ И. Мехелино.

PEHEPTYAP'B II HAHTEOH'B.

1844.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

COAEPHAHIE.

І. Молитва Стикотвореніе	Cmp. 3.
II. Философія и исторія музыки. Бетховенъ. Часть вторая и по- слѣдняя (Произведенія Бетховена. — Три эпохи преобразованія его генія. — Характеръ и супіность его музыки). Статья С. К	4.
III. Мазвил. Повъсть Лорда Байрона. Перев. съ англійскаго И. Гоніс-	
IV. Дяди Пахомъ. Комедія въ двухъ действіяхъ, переделанная съ	33.
Францувскаго И. Р. Фурманномь	61. 119.
VI. Бородинское ядро и Березинская переправа. Историческій романъ.	119.
Сочиненіе автора «Леонида» VII. Куплеты изъ комедін-водевиля «Герои Преферанса или Дуща об-	120.
щества» И. И. Григорьева	205.
VIII. Смъсь. Стаканъ лимонаду. Сюжетъ для трагедіи. — Клубъ неучтив- цевъ. — Живой портретъ Наполеона. — Маэстро и теноръ. — Рос- сини и Дюпре. — Ошибки въ разсчотъ. — За смъхомъ горе. — Лизи-	
страта. Эпизодъ изъ Пелопонезской войны. — Родители и сестра Шиллера. —Похожденіе танцовщицы. — Приключеніе съ вальсомъ- Рондо г-на Пащенки и новыя его сочиненія. — Моды и роскошь	
старинныхъ временъ. — Прекрасная бріенцская перевозчица. — Нъсколько словъ о Генріеттъ Ниссенъ. В. Сдмис. — Анекдоты и	
мелочи. — Музыкальныя новости	208.

ВЪ ВЫШЕДШИХЪ ДОСЕЛЪ КНИЖКАХЪ «РЕПЕРТУАРА И ПАН-ТЕОНА» ПОМЪЩЕНЫ СЛЪДУЮЩІЯ СТАТЬИ:

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

І. Философія и исторія и музыки. ІІ dissoluto punito osia, іІ Don Giovanni (Донт-Жуант, опера Моцарта). Статья г-на Ульібышева. — ІІ. Мъщанонъ-дворянинъ. Комедія
Мольера. Переводъ В. З.—III. Любовь въ убздномъ гогодъ. Повъсть М. Г. Романовича.—IV. Пзъ в Вильгельма Мейстера». Стихотвореніс ***. — V. Не бывать-бы счастью,
да несчастье помогло. Водевиль Н. С. Оедорова·—VI. Друго, не вырь моопма коварпомът. Стихотвореніе М. Г. Романовича. —VII. Матерільна для исторів русскаго театра.
Екатерина-Вторая, Императрица русская, на поприщо драматическомъ. М. Н. Макарова — VIII. Мой теска или страданія Джона Броуна, разсканныя имъ самимъ. Переводъ съ авглійскаго. —IX. Взгаядъ на современное состояніе музыки въ Европъ. —
Х. Юмористика. Отрывки изъ писемъ тетральной мыши. —Комедія во-время комедіи. —
ХІ. Смѣсь. Нѣсколько словъ о сценическомъ искусствъ —Кто богаче —Мейерберъ или
Ротшильдъ, — День одного изъ нашихъ писателей. — Пѣвецъ въ затруднительномъ
положеніи. — Неисправимый пѣвецъ (спена въ полиція). —Кричтонъ. —Происхожденіе
Полишинела. — Казиміръ Делавинь. — Новаго рода должность при театрѣ. — Аретинъ,
такъ-называемый «Бичъ сильныхъ». —Наполеонъ, какъ эстетикъ. —Банкиръ и поэтъ. —
Апекдоты и мелочи. — Театральная льтопись.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. Философія и исторія музыки. Il dissoluto punito osia Don-Giovanni. (Донь-Жуант, опера Моцарта), Статья г-на Улыбышева. (Окончаніе). — 11. Жизиь. Стихотвореніе М. Γ . Романовича. -111. Повогородцы Араматическое представленіе въ 1X картинахъ и няти дъйствіяхъ, въ стихахъ, съ писиями. — IV. Chérubin. Стихотвореніе Д: П. Сушкова. У. Математикъ. Разсказъ. – VI. Аянный свътъ. Романсъ. – 11. Исторія драматической литературы. Менандръ и Теренцій, римскіе комики. — VIII. Герольштейнъ. Эпилогъ къ «Парижскимъ Тайнамъ» Е Сю. Перенолъ В. М. Стро-ва, - 1Х. Пелиолитанские театры. Статья Поли де-Мюссе. - Х. Юмористика. Домашние спектакли. -Театральныя животныя. — Душа общества. — Почти (философическо-филологическое разсуждение). — XI. Смвсь. Празднество по случаю рождения Его Императорскаго Высочества Великаго Киязя Александра Павловича — Описаніе празденка представленнаго въ Сухонутномъ Кадетскомъ Корпусъ, 20 поля 1775 года. - Похождения театрала въ маскералъ Большаго Театра – Нъсколько мыслей о женщинахъ. – Черты изъ жизни актрисы Дежазе. - Невымышленныя исторія Маркиза Позы. - Скелеть, разсказъ Берліоза. – Памятникъ Мольеру. – Черты изъжизни Казимира Делавния – Глубокое молчаніе. — Парижская консерваторія (изъ письма Н. И. Греча). — Анекдоты и мелочи. — Телтральная льтопись.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

І. Шкинерь. Историческія сцены 1713 года, въ ствхахъ. Сочиненіе В. Р. Зотова.—11. Не тоскуй! твои страданья. Стихотвореніе П. С.—111. Любовь танцовінны, Оригинальная повъсть.—1 V. Примъты. Стихотвореніе.— V. Дочь Русскаго Актера. Оригинальная шутка-водевиль, въ одномъ дъйствій. Сочиненіе П. И. Григорьева 1-го.—VI. Философія и исторія музыки. Мейерберь. Статья С. К.—VII. Вск къ лучшему. Стихотвореніе Н. С.—VIII. Искусство и художники. Мольеръ. Статья М. Е. Клубицкого. 1X. Юмористика. Отрывки изъ писемъ театральной мыши Письмо второе.—X. Смбсь. Зрёлища у Римлянъ.— Конныя скачки и быля въ колесницахъ; Гладіаторъ, Зоприный бои; Млишины въ циркъ и въ амфитеатръ. — Гименей, картина Теньера.—Какъ Сафиръ сдълался инсателемъ.— Музыкальныя импровизаціи восьмильтияго мальчика Джюлію Бенони.—Актеръ Жюльеиъ.—Какіе вечера задаютъ птальянскіе пъвцы въ Парижъ!—Фанни Эльслеръ и гаванискія сильфиды.—Что можетъ сдълать истиный артисть изъ самой маленькой роли. Письмо Каталани о ея смерти.— Апекдоты и мелочи.— Телтральная дътопись.

МОЛИТВА

По мфрф страданья Да молится каждый Молитвой желанья Иль ропотомъ жажды. Зане, выгорая, Горимъ мы не даромъ, И жизнь отлетая Таинственнымъ паромъ, Какъ духъ опміама, Восходить до хоровъ Громаднаго храма Незримо для взоровъ. По мфрф горфиья Да молится каждый Молитвой смиренья Иль ропотомъ жажды.

rose, or to secure party secure or course (1795, or ceso made.

nama casema upos se centrare, on a cercanica no cedo orpónicos nostevecrso aypanamentare, noturale es esea aparen. Troposensa anavermacera era moras dos manorous nosacemars meriposarados comdia se caso morastas, uto no no apara, notas cen moras anas ora comectas, apara nocasimaco caras, nomento o cro caras,

mentry cores and, early the recentury and the, quarters, the

ФИЛОСОФІЯ - ПСТОРІЯ МУЗЬІКИ.

БЕТХОВЕНЪ.

Mar posernas was: and

Louist on the asserted

Bocsonura no koposa Pomentioro zono

Часть вторая и послыдияя.

Игоизведенія Бетховена. — Три энохи преобразованія его генія. — Характеръ и сущность его музыки.

Не-смотря на то, что Бетховену было уже двадцать-четыре года, въ то время, когда вышли въ свътъ (1795 г.) его тріо, для фортепьяно, скрипки и віолончеля, которые считаль овъ первыми своими произведеніями, онъ оставиль по себъ огромное количество музыкальныхъ твореній во всъхъ родахъ. Творческая дъятельность его могла-бы наконецъ показаться невъроятною, еслибы не было извъстно, что во все время, когда онъ жилъ вдали отъ общества, послъ несчастнаго случая, лишившаго его слуха, все бытіе его сосредоточивалось только въ композиціи.

Каталогъ его сочиненій заключаеть въ себъ:

1. Тридцать-пять сонать для фортепьяно; триналцать niecs различнаго содержанія, какъ-то: нъсколько andante, фантазій, прелюдій, рондо и танцевъ, для фортепьяно; двадцать варіврован-

выхъ темъ для того-же виструмента; двадцать-двт варіярованныя телы, для фортепьяно съ аккомпаньементомъ скрипки, віолопчеля или флейты; одву сонату, двъ варіпрованныя темы и марши, для форгеньяно въ четыре руки. Десять сопать, для фортепьяно съ аккомпаньементомъ скрипки; шесть дуэтовъ, для фортепьяно и віолончеля; шесть тріо, для фортепьяно, скрипки и віолопчела; тріо, для фортепьяно, кларнета в віоловчеля; квартеть, для фортепьяно, скришки, альта и віолончеля; квинтеть, для фортецьяно, гобоя, клариета, фагота и валторны. Семь концертовь, для фортепьяно: первый въ ut; второй въ si-бемоль; третій въ ил-миноръ; четвертый тоже въ ил миноръ, со скрипкою, віолончелемь (концертанть) и оркестромь; пятый въ sol, шестой въ ге и сельмой въ ті-бемоль; фантазія, для фортецьяно, съ хоромъ в оркестромъ; пять тріо, для скривки, альта в віолончеля; есренада, для скрипки, флейты и альта. — Семнадцать квартетост, для двухъ скрипокъ, альта и віолончеля; три квинтета, для авухъ скрипокъ, двухъ альтовъ и віолончеля; септеть, для екрипки, альта, віолончеля, клариета, фагота, валторны и контръ-баса; секстеть, лля двухъ скринокъ, альта, двухъ валториъ и віоловчеля; два романса, для скривки и оркестра, первый въ sol, второй въ fa; концерть, для скрипки и оркестра.

2. Семдесять—четыре півсы, для пънья, съ аккомпаньементомъ фортепьяно, между коими особенно замъчательны: Кантата Аделанда, Приелашеніе къ вальсу, романсы, пьсни, застольныя аріи, каноны, и Le cri de guerre d'Autriche, народная пьсня, сочиненная въ 1797 году. Двънадцать півсъ для пънія, для одного или нъсколькихъ голосовъ, съ аккомпаньементомъ оркестра, въ числъ которыхъ находятся: сцена в аріл «Ah! perfido»; пъсня, подъ заглавіемъ «Германія»; три ряда шотландскихъ арій; маршъ ц хоръ изъ «Развалинъ Аоннъ»; тріо «Тremate empi, tremate» и одна элегическая пъсня. — Дев объдни для четырехъ голосовъ, хора в оркестра: первая въ иt (соч. 86), вторая въ тё (123); ораторія «Христосъ на Элеонской горъ»; драматическая кантата «славная минута»; опера «Фиделіо» и мелодрама «Эгмонтъ».

3, Девять самфоній для оркестра: первая въ ut (21); вторая въ rė (36); третья «героическая» въ mi-бемоль (55); четвертая въ si-бемоль (60); пятая въ ut-миноръ (67); шестая «пастушеская» въ fa (68); седьмая въ la (92); восьмая въ fa (93); девятая въ ré-миноръ, съ коромъ (125). «Велингтонова побъда въ битвъ при Витторіпъ, военная симфонія, для двукъ оркестровъ.

4. Десять увертюрь, подъ ельдующими названіями: «Прометей» (43), «Коріоланъ» (62), «Эгмонтъ» (84), «Леонора» (87), «Фиде-

ліо», «Развалны Абинъ» (113), «Торжество по случаю храмоваго праздника» (115), «Король Стефавъ» (117), «Освященіе храма» (124), «Характеристика» (138). — Отдъльный піссы, для оркестра, состоящія изъ двухъ менуэтовъ, нъмецкихъ тапцевъ, двухъ вальсовъ и балета «Прометей». — Тріо для двухъ гобоевъ и англійскаго рожка (66); секстеть для двухъ кларнетовъ, двухъ валторнъ и двухъ фаготовъ, небольшое сочинене, для четырехъ тромбоновъ и маршъ, для военнаго оркестра.

Нъсколько сочиненій было начато славнымъ композиторомъ, но не могли быть кончены, по случаю постигшей его смерти. Между отрывками этими замъчательны: планъ десятой симфоніи, октеть, для двухъ кларнетовъ, двухъ гобоевъ, двухъ валторнъ и двухъ фаготовъ, (съ гармонією въ восьми партіяхъ въ si-бемоль); два первые отрывка изъ жешитета, для двухъ скрипокъ, двухъ альтовъ в віолончеля; рондо, для фортепьяно в оркестра; три квартета, для фортецьяно и въсколько другихъ менъе важныхъ отрывковъ. Между бумагами Бетховена найдено было множество ненапечатанныхъ піесъ, большая часть которыхъ написаны были имъ въ молодости и потому осуждены на забвение. Рукописи эти были пріобрътены по смерти его за весьма-значительную сумму. Наконецъ, множество этюдовъ Бетховена въ контрапунктъ и гармоніи были переданы Зейфриду пріобрътателемъ Гаслингеромъ, со всеми заметками, какія сделаль Бетховень объ STRXE STREET, A LANGUAGE CONTRIBUTE OF THE STREET OF THE STREET

Вообще произведенія Бетховена могутъ быть раздълены на нъсколько категорій, изъ коихъ каждая выражаетъ собою постепенное преобразованіе его генія. Сначала, страствый почитатель Моцарта, онъ не могъ освободиться изъ-подъ вліянія удивленія, какое производила на него музыка послъднаго, — вліянія которому всегда подчиняются, болье или менье, люди самые оригинальные и предназначенные свыше къ творчеству. — Мы говоримъ о подражаніи, болье или менье явственномъ, формамъ того

Aceres communication on the content of the state of the s

skokon-im av antersemment sarage g(DE) se

^{*} Зейфридъ, выбравъ изъ нихъ нѣкоторыя, напечаталъ подъ заглавіемъ: «Ludwig van Beethovens Studien im Generall basse, Contrapuncte, und in der Compositions-Lehre». При этомъ придожены въ дополненіе біографическій очеркъ, вѣсколько анеклотовъ, нѣсколько писемъ Бетховена къ друзьямъ, опись его рукописямъ и книгамъ, нѣсколько лирическихъ стихотвореній о Бетховенѣ, систематическій каталогъ его произведеній и нѣсколько другихъ статей.

образца, который избирается, такт-сказать невольно, молодыми компонистами. Оригинальность идей, коль скоро сопровождается размышленіемъ и сознаніемъ справедливости, испытываетъ необходимость проявляться въ формахъ внятныхъ и опредъленныхъ. Но искусство создавать новыя формы, легко и непринужденно, можетъ быть только плодомъ опытности, тогда-какъ воспроизведеніе и перечень самой иден составляютъ дъло пистинкта. Отъ однихъ инстинктивныхъ воззръній не можетъ произойти твореній прочныхъ, безъ посредства формы, то есть, пока не усвоены формы чрезъ опытность. И если собственная опытность еще не пріобрътена, то обыкновенно прибъгаютъ къ опытности наставника, что и сдълалъ Моцартъ, взявъ въ образецъ Эмануила Баха, въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ для фортепьяно, и Гассе, въ композиціяхъ драматической музыки. Точно также, въ свою очередь,

поступиль Бетховенъ, идя по стопамъ Моцарта.

Итакъ, не-смотря на неоспоримую оригиналоность идей, какая заключается въ его тріо для фортепьяно, скрипки и баса (1), сонатах для фортепьяно (2, 7, 10), сонатах для фортепьяно и скрипки (12), тріо для скрипки, альта и баса (3, 8, 9) и квартетах для скринокъ (18), - всь эти произведения, въ расположенін и формахъ, напоминаютъ типъ Моцартовскаго стиля, хотя различные оттынки индивидуальности и выражаются въ нихъ, съ возрастающею степенью, до восемнядцатаго произведенія. — Въ симфоніи въ ut (21) оттанокъ этоть становится живье: уже scherzo этой симфоніи составляеть чисто-самобытную фантазію Бетховена. Но богатство воображенія композитора гораздо-сильнъе ощущается и выказывается блестящимъ образомъ въ женитеть въ иt, для скрипокъ, альтовъ и баса (25) и въ прекрасныхъ сонатахъ, для фортеньяно со скрипкою (30). — Симфонія въ те (36) составляетъ произведение, не столько замъчательное по оригинальности идей, сколько по достоинству и качествамъ фактуры, которая здъсь по-истинъ велика. Въ этой-то симфоніи замъчаетсл, въ первый разъ, то удивительное искусство въ инструментальныхъ расположенияхъ, которое, въ-последствии, сообщило симфоніямъ Бетховена столь разнообразно-разкій и блистательный колоритъ. Но особенно въ третьей симфоніи — «героической» (55), геній артиста проявляется съ абсолютнымъ характеромъ творчества. Завсь уже всякое воспоминание о прежнихъ формахъ исчезаетъ, — композиторъ дълается самобытнымъ. Его индивидуальность величественно установляется; произведение его дълается типомъ эпохи въ исторіи искусства. Время, когда Бетховенъ началъ составлять планъ этого сочиненія, относится въ 1804 году. Безъ

всякаго сомнанія, онъ быль добрымъ Памцемъ и пекренно преданъ Австрійскому Правительству; но какъ поэтъ, какъ человъкъ съ пылкимъ воображениемъ, въ то-же время, не могъ не удивляться генію Наполеона. Последній представлялся ему героемъ республики, и могущество Наполеона, въ соединении съ чистою любовью къ отечеству и свободъ, дълало его въ глазахъ Бетховена какимъто образцовымъ человъкомъ новъйшихъ времевъ. Во-время этогото душевнаго расположенія онъ, по увъревіямъ многвхъ, началъ писать героическую симфонию и хотълъ дать ей название Бонапарте, не-смотря на всю опасность, какой могло подвергнуться произведение съ такимъ названиемъ, въ странъ, гдъ имя Наполеона напоминало еще педавнее время униженія. Говорять еще, что второй отрывокъ симфоніи былъ уже оконченъ и что весь онъ составляль не что вное, какъ колоссальный дебють для последняго движенія спифоніи въ из-миноръ; но вдругъ Рисъ, войдя въ кабинетъ Бетховена съ журналомъ въ рукв, ьъ то самое время, когда онъ занимался сочинениемъ симфонии, объявилъ ему, что Первый Консуль провозгласиль себя Императоромъ. Пораженный такимъ извъстіемъ, Бетховенъ погрузился въ свои мысли и нъсколько времени молчалъ, наконедъ воскликнулъ: «Ну, и онъ такой-же честолюбецъ, какъ и другіе». Тогда мысли его измънились; героическое движение опъ замънилъ похороннымъ маршемъ, который теперь составляетъ второй отрывокъ его симфонін, и вмъсто простой надписи «Бонапарте», онъ поставиль въ заглавін симфонін слова: «Simfonia eroica, composta per festiggiare il sovenire d'un grand'uomo». Бетховенъ представиль себъ, что герой его умеръ и что вмъсто гимна славы ему нужна была пъснь похоронная. — Большой отрывокъ въ иг, чрезъ нъсколько времени, породиль въ головь Бетховена планъ симфонія въ ис-миноръ. норъ. Вторая эпоха аргистической жизни Бетховена, такъ хорошо

Вторал эпоха аргистической жизни Бетховена, такъ хорошо обозначения героическою симфовією, заключасть въ себъ почти десятильтній періоль, во-время котораго онъ написаль, кромъ упомянутаго произведенія, симфоніи въ si-бемоль и иt-мяноръ и пастушескую; прекрасные квартеты (59), оперу Фиделіо, увертнору Коріоланъ; дивные свои сопаты для фортепьяно, въ fa-миноръ, fa-діэзъ и ті-миноръ; концерты для фортепьяно, въ иt, sol и ті — бемоль; концертъ для скрипки; сскстеть, для двухъ скрипокъ, альта, двухъ валторнъ и віолончеля и первую объдию. Вообще всь эти произведенія основаны на свободной и исполненной смълости фантазіп, но заключены въ гранипахъ, опредъленныхъ вкусомъ; отличаются истиннымъ чувствомъ аналогія въ гармоніи,

и необходимостью проявлять яспость въ мысли. Къ этой-же эпохъ принадлежить и ораторія «Христось на Элеонской горы»; но какая-то принужденность, которая часто выказывается въ вокальныхъ сочиненияхъ Бетховена, когда онъ старается ввести въ нихъ учоныя формы, набросила на это твореніе какой-то холодный оттанокъ. который, не-смотря на прекрасныя идеи, разсъянныя въ немъ, вредитъ его достоинству. Не можемъ не указать однакоже, на превосходные хоры воинова: первый (alla marcia) и второй соединенный съ трепетиыми голосами юношей. Особенно поразителенъ терцетъ, исполненный тихихъ, возвышенныхъ чувствованій, въ который врываются дикіе крики вонновъ. Блистательная фуга оканчиваеть это величественное, хотя и нечуждое недостатковъ произведение. — Что касается до оперы Фиделю, то хотя она исполнена красотъ геніальныхъ и, по-истинъ, произведеніе оригинальное; особсино музыкальные характеры выдержаны превосходно: Фиделіо, Флорестанъ, Пезарро, вакія созданія! какъ все это полно, ясно! какъ существенно невозможно вложить музыкальную фразу одного лица въ уста другаго!-- но въ отношени къ сценическому ходу произведение это не изъято отъ недостатковъ. Притомъ расположение голосовъ въ пъни вовсе не мастерское. Здъсь голосъ, по большей части, играетъ второстепенную роль: первая принадлежить инструменту. Ясно видво, что стиль театральной музыки, требующій множества побочныхъ условій, быль не свойствень Бетховену; онъ здесь какъ-будто стесплася. Ему нужна была сфера независимая, чистая сфера инструментальной музыви, гдъ-бы овъ могъ давать полету своего генія и своему увле-

ченію полную свободу.

Кажется, что посль 1811-го года, Бетховенъ гораздо-постоянные, чымъ прежде, жилъ въ деревны и что въ это-то время, среди уедивенныхъ прогулокъ и въ тиши своего кабинета, онъ предавался чтенію историческихъ и философическихъ сочиненій, съ большвить рвеніемъ, нежели какъ было до того. При безпрерывномъ чтеніи, овъ, какъ эртистъ, съ каждымъ днемъ чувствоваль болье и болье необходимость предаться идеальному расположенію луха, независимому отъ всякаго внышняго сообщенія. Нечувствительно и незамътпо для него самого, философическія изученія сообщили идеямъ его легкій оттънокъ мистицизма, который разлился даже въ его произведеніяхъ, какъ это можно видъть изъ посльднихъ его квартемость. Его орвгинальность, также незамътно для него, слълавшись систематическою, утратила отчасти свою самопроизвольность; границы, въ которыхъ онъ удерживалъ ее дотъхъ-поръ, разрушились. Повтореніе однъхъ и тъхъ-же мыслей

распространилось до крайности; въ развитіи избраннаго вмъ сюжета сталъ онъ доходить иногла даже до отступленія; чемъ больше мечталь въ твореніи своемъ, темъ менее ясною въ мере становилась мелодическая илея, а въ гармоніи отпечатлъвалось болье жосткости: казалось, что съ кажлымъ днемъ все болье и болье обнаруживается ослабъваніе памяти звуковъ. Наконецъ Бетховенъ началь стараться найти новыя формы, нестолько отъ дъйствія внезапнаго вдохновенія, сколько изъ желанія удовлетворить условіямъ задуманнаго плана. Произведенія Бетховена, написанныя поль направленіемъ этихъ идей, составляють третій періоди его жизни и последнюю его манеру. — Манера эта замъчается уже въ симфоніи въ la, въ тріо для фортепьяно, въ si-бемоль (97) и въ пяти последнихъ сопатаха для того-же инструмента, чудныхъ, ливныхъ произведенияхъ, въ которыхъ красоты далеко превосходатъ недостатки. - Наконецъ эта манера дошла до послъдняго предъла: въ большой обидии въ те, въ послъднихъ увертюрахъ, въ симфоніи съ хоромь и въ особенности въ квартетахь для скрипки (127, 130, 131, 132 и 135).

Итакъ произведенія Бетховена раздълнотся на три класса и выказываютъ столько-же частныхъ направленій его духа. Бетховенъ не цънилъ своихъ произведеній перваго періода; сму не нравилось, когда ихъ хвалили и охотно върилъ, что тъ, которые находили вхъ прекрасными, были его врагами, действовавшими такимъ образомъ изъ желанія унизить достоинства прочихъ его твореній. Подобное умственное направление неръдко между великими артистами, когда они вступаютъ въ лъта мужества. Не-смотря однакожь на мивніе Бетховена въ этомъ отношеніи, многія изъ произведеній, принадлежащихъ къ первому періоду артистической его жизни, безспорно содержатъ красоты и достоинства удивительныя. Во второми періоди заключаются всь ть сочиненія, въ которыхъ великій музыкантъ выказаль наивеличайшую степень изобратательности, соединенную съ общиривищимъ познаніемъ художественныхъ совершенствъ искусства. Періодъ этотъ простирается отъ 55 до 92 произведенія. Въ началь третьяго періода иден его испытали конечное преобразование, которое, развиваясь болъе и болъе, дошло наконецъ до послъдняго его произведенія. Чъмъ болье опъ подвигался впередъ на этомъ повомъ поприщъ, тымь болые старался ввести въ искусство вещи, находящися вны его области, и темъ более ослаблялось въ немъ воспоминание о сущности искусства. При внимательномъ разборъ его произведеній отъ 127 до 135, оказывается, что въ последнихъ композиціяхъ уничтожалась потребность гармоніи въ мысли предъ созерцаніями нной природы. Къ копцу своей жизни ему неразъ доводилось слышать за это упреки отъ современныхъ критиковъ, и говорятъ, что, будто-бы, тогда онъ, потирая руки, восклицалъ: «Да, да, они удивляются и ничего не понимаютъ, потому, что ни-«чего подобнаго не находятъ въ теоріи о генералъ-басъ». Въ другое-же время, онъ съ жаромъ защищалъ правила этой книги школъ; между-тъмъ-какъ этюды его наполнены сатирическими выходками на-счотъ правилъ, въ ней находящихся. Эти два, столь противоположныя мнънія, представляютъ двъ совершено различныя системы и раскрываютъ всю исторію преобразованія генія Бетховена.

Гайдиъ и Модартъ * открыли міру неисчернаемый источникъ виструментовки и гармонів, и вмали не только почитателей, по и образовали послъдователей. Родъ этихъ двухъ атлетовъ-компози-торовъ произвелъ толны подражателей, и предълы искусства, казалось, были утверждены, какъ вдругъ явился Бетховенъ. Подобно потоку, пролагающему себъ новый путь, посреди всъхъ препатствій, его мощный гевій проложиль себів новую дорогу, не столько богатствомъ своихъ выразительныхъ мелодій, сколько удивительною способностью и даромъ владъть массами гармовіи, чтобы взвлекать изъ нея эффекты, до того еще неизвъстные. Большая часть его симфоній суть дивныя поэмы. Всъ сокровища инструментовки употреблены въ нихъ для развитія великихъ пдей, однакожъ не съ тъмъ, чтобы блеснуть богатствомъ и разнообразіемъ гармоніи, но съ цълію пополнить и возвеличить основную мысль и выразить ее во всей силв. — Произведенія великаго артиста отличаются въ особенности эпизодическою самопроизвольностью, которою онъ, въ своихъ прекраснъйшихъ твореніяхъ, ослабляетъ возбужденный интересъ, чтобы противопоставить ему другой, новый, столько-же живой, сколько и неожиданный. Искусство это принадлежить ему преимущественно и ему-же одолжено наибольшвиъ усовершенствованіемъ. Эпизоды эти, чуждые по-видимому первоначальной иден, занимаютъ спачала внимание своею оригинальностью; потомъ, когда дъйствіе, произведенное неожиданностью, начинаетъ ослабъвать, Бетховенъ умъетъ связывать ихъ съ единствомъ своего плана, и показываетъ, что въ общности его композицій, разнообразіе зависить отъ единства. Съ этимъ ръдкимъ качествомъ Бетховенъ соединяль внутрениее сознание эффек-

^{*} Говоря о Моцартъ, мы разумъемъ, собственно инструментальную музыку; въ драматической онъ стоитъ одинъ на своей высотъ.

товъ инструментовки, которая у него совствь особенаго рода и не имаетъ сходства ни съ одною инструментаціею какого-либо композитора. Никто такъ глубоко, какъ онъ, не постигалъ тапиствъ искусства наполнять оркестръ звуками, и противоноставлять ввучности звучностямъ. Отъ того-то дъйствіе, производимое его великими твореніями, превосходить своимъ могуществомъ все, что было следано до него въ этомъ отношеніи. Какимъ волненіямъ должиа была подвергаться эта геніальная голова, въ минуты дивнаго сочетанія звуковъ! За то и слухъ палъ подътяжестію такихъ усилій и, какъ сказали прежде, Бетховенъ за долго до своей смерти оглохъ. Послъднія его произведенія, несмотря на все ихъ неизмъримое достоинство, кромъ правственнаго направленія его духа, носять на себъ отпечатокъ этого бользненнаго состоянія.

Бетховенъ оставилъ безсмертные образцы во всъхъ родахъ инетрументальной музыки. Въ композиціи квартетово онъ явилъ блистательные опыты. Надобно сказать, что квартеты усовершенствованы, наи, лучше сказать, создавы Гайдномъ, распространевы и облагорожены всеобъемлющомъ геніемъ Моцарта и поставлены Бетховеномъ на степень величія и могущества, которой достигнуть можетъ только небольшое число избранныхъ, вознестисьже выше, быть-можетъ, несуждено накому. - Изъ увертюръ его многія также могуть считаться образцами первокласными; особенно превосходны его увертюры «Прометей», «Коріоланъ» п «Эгмонтъ», которыя отличаются величіемъ, драматическою занимательностію и выразительностію. — Но преимущественно въ симфоши Бетховень является неподражаемымъ геніемъ и, можетьбыть, именно зафсь, онъ достигь до того совершенства, до какого въ состоявіи только достигнуть произведеніе человака. И однакожъ, есля перейдемъ къ сравнению Бетховена съ отцомъ симфонін, Гайдномъ, то увидимъ въ последнемъ также генія первой степени, некоторымъ образомъ созидающаго все те средства, какими композиторы пользовались после него. Если изследовать внимательно качества, блистающіл въ произвеленіяхъ того и другаго, то по необходимости должно будетъ согласиться, что хотя Бетховенъ и превосходитъ Гайдна смълостію дъйствій, но уступаетъ ему въ ясности воображенія и плана. Гайднъ съ безконечнымъ искусствомъ раскрываеть иден, часто посредственныя, творитъ чудеса формъ, изящества и величія; между-тъмъ-какъ въ произведеніяхъ Бетховена видънъ удивительный приступъ и гигантскія иден, которыя однакожъ, по степени развитія ихъ. будучи истощены до какой-то неопределенной мечты, идя безпрестанно

впередъ, перъдко теряютъ свое дъйствие и накопецъ оставляютъ сожалъние, что композиторъ не кончилъ раньше. Болъе емълый, чъмъ Гайднъ и Моцартъ, Бетховенъ не страшится величайшихъ трудностей и часто надъ ними торжествуетъ. Геній его возлетаетъ въ высочайшія области; никто такъ не постигалъ дъйствій инструментовки, въ которой онъ сдълалъ множество открытій; но Бетховенъ часто бываетъ непсправенъ и, кажется, больше пмировизируетъ, чъмъ слъдуетъ опредъленному плану. Впрочемъ онъ раздъляетъ участь всъхъ великихъ людей съ геніемъ: занимая болъе красотами, онъ заставляетъ забывать недостатки.

Бетховенъ пивлъ геній независимый, оригинальный и естевенный, вногда своенравный и затыйливый, но безпрестанно дыйствующій на умы своихъ соотечественниковъ влінніемъ, которов завело ихъ за извъстныя границы, отъ чего кажется, что невозможно шагнуть далье, не переставь быть понятнымъ. Сочиненія Бетховена, въ отношения къ музыкъ, составляютъ почти то-же, что сочиненія Гёте въ отношенів въ литературъ. Сходство кажется поразительнымъ. - Часто таже возвышенность иден, таже независимость плана; иногла такая-же исопредъленность мечты, такое-же забвение началь самыхъ положительныхъ. То простота самая изысканная, или тонъ, самый высокопарный; наконецъ часто стиль увлекательный, а иногла непостижнимый. Какъ-бы то ни было, но обстоятельства, которыя попрепятствовали-бы развитію идей геніальнаго человъка, если-бы онъ родился илтидесятью годами раньше, удивительно пособили сму въ то время, когда существоваль онъ. Система трансцендентальности идей, которую Кантова философія ввела въ моду, новое направленіе, данное умамъ сочиненіями Лессинга, Шиллера и Гёте, — словомъ, все способствовало къ тому, чтобы заставить съ паступленіємъ принять композицій, гдъ видно было стремленіе миновать общів правила. Успъхи Бетховена проложили дорогу другимъ музыкантамъ, каждый старался по ней слъдовать; а такъкакъ трудно было остановиться въ этомъ музыкальномъ романтизмъ, то и кончили тъмъ, что образецъ нашли слишкомъ-простымъ и переступили границы, въ которыхъ онъ остановился. Словомъ, Бетховенъ указалъ путь въ безконечную сферу инструментальной музыки.

Сколько-бы ни были различны сужденія о твореніяхъ великаго артиста, въ разные періоды его жизни, но есть точка, на которой всв въчно будутъ согласны, то есть: что творецъ ихъ вполив заслужилъ славу всличайшаго композитора новъйшихъ временъ и становится въ число тъхъ великихъ людей, которые ръдко нис-

посылаются небомъ, и своимъ геніемъ наиболье сольйствуютъ къ развитію искусства. Можетъ-быть даже подобнымъ людямъ суждено являться на землъ одивъ только разъ. Природа, истощивъ свое могущество для созданія такихъ геніевъ, какъ Бетховенъ, на-долго пребываетъ какъ-бы въ покоъ.

До-сихъ-поръ, мы исчислили произведенія Бетховена, опредъмили три эпохи преобразованія его генія и общія черты музыки;
наконецъ, сказали о вліяніи его на развитіе искусства. Теперь
остается самое главное: объяснить характеръ и сущность Бетховенской музыки. Итакъ-какъ Бетховенъ является во всемъ своемъ
величіи, особенно въ симфоніи, то въ разсмотръніи нъкоторыхъ
изъ симфоній его и будетъ заключаться опредъленіе сущности его
музыки. — Прежде всего послушаемъ, что говоритъ о себъ Бетховенъ. Беттина, въ одномъ изъ писемъ къ Гёте, описываетъ
свое свиданіе съ Бетховеномъ. Извлекаемъ отсюда нъсколько выписокъ, считая это необходимымъ, дабы сколько-вибудь постигнуть геній великаго композитора.

«Тебь я признаюсь, что върю въ божественное очарование, составляющее элементъ духовной природы, и этимъ-то очарованиемъ владъетъ Бетховенъ въ искусствъ своемъ. Все, что онъ пи говоритъ о немъ, — дивная магія, каждая мысль— организація высшаго су-ществованія, и потому Бетховень чувствуєть себя творцомъ поваго чувственнаго основанія въ духовной жизни. И это истина. Кто могъ-бы заменить намъ этотъ духъ? Опъ свободно создаетъ изъ себя непредчувствуемое, несотворимое. Что для него весь міръ, когда съ восходомъ солнца, онъ уже за священнымъ трудомъ, забываеть телесную пишу, и на потокъ вдохновенія, несется мимо береговъ плоской вседневности! - Опъ говорилъ мив: «Тяжко «вздыхаю, открывая глаза, потому-что все, что ни вижу, все про-«тивъ моихъ върованій, и по-неволь я долженъ презирать міръ, «непредчувствующій, что музыка выше, нежели вся мулрость и «философія. Музыка есть вино, вдохновляющее къ внутреннему «неистощимому творчеству, а я Бахусъ, собирающій для людей «это драгоцънное вино, приводящій ихъ въ вдохновенное опьяненіе; «снова приходя въ себя, много уносять они въ обыкновенную «жизнь свою. Нътъ у меня ни одного друга, — я долженъ жить «одинъ самъ съ собою; однакожъ я знаю, что божественное ко «мнъ ближе, чъмъ къ другимъ, въ моемъ искусствъ; безъ страха «пребываю съ нимъ; всегда узнавалъ его и понималъ; мнъ не-«страшно за свою музыку: никакая злая судьба не постигнеть ея; «кто понимаеть ес, тотъ освобождается отъ всякой тоски, всякаго «страданія, въ которыхъ плещатся всь люди. — Стихотворенія

«Гёте могущественно дъйствуютъ на меня, не однимъ только со-«держаніемъ, но п своимъ ритмомъ; я бываю особенно на-«строенъ, расположенъ сочинять чрезъ этотъ языкъ, который, «подобно духамъ, возноситъ въ высшую сферу и уже самъ въ себв «содержитъ таинства гармоніи. Тогда, въ одушевленіи, я невольно «долженъ бросать мелодію во всъ стороны; преслъдую ее стра-«стно, достигаю, вижу, какъ улетаетъ она, исчезаеть въ массъ «разнообразныхъ переливовъ... Вотъ, съ обновленною страстью «настигаю ее, схватываю и не могу разстаться съ ней: я долженъ, «въ бурномъ восторгъ, разливать ее по всъмъ модуляціямъ; вотъ «наконецъ, овладъваю снова музыкальною мыслію, торжествую «надъ ней, смотрю — это цълая симфонія. Да, музыка есть соче-«таніе духовной жизни съ чувственною. Мна хоталось-бы пого-«ворить объ этомъ съ Гёге; не знаю, пойметъ-ли онъ меня. Мело-«дія есть чувственная жизнь поэзін. Не превращается-ли духовное «содержавіе стихотворенія въ чувственное ощущеніе? Не чув-«ствуютъ-ли въ пъсни Миньйоны, чрезъ мелодію, всей ся духо-«вной настроенности? И не возбуждаетъли это ощущение къ по-«вому творчеству? Тогда духъ хочетъ разлиться до безграничной «всеобщности, и изъ одной, простой, музыкальной мысли истекаетъ «безконечный источникъ чувствъ, которыя безъ того исчезли-бы «невыразимыми. Это гармонія, это выговаривается въ монхъ «симфоніяхъ; тогда живо чувствуещь, что во всемъ духовномъ «лежитъ въчное, безконечное, никогда вполив неохватываемое. «Такъ-какъ во мнъ есть всегда увъренность въ уснъхъ каждаго «моего произведенія, то я чувствую какой-то вычный голодъ, котоарый, кажется, только что утолясь, съ послъдпимъ ударомъ ли-«тавръ, снова начинается. Поговорите Гёте обо мив; скажите «ему, онъ долженъ слышать мон симфенін: тогда опъ согласится «со мною, что музыка составляетъ единственный, свободный отъ «всякой вещественности путь въ высшій міръ знанія, который «объемлеть всего человька; но человькъ не въ-сплахъ овладъть «имъ. — Нуженъ ратмъ духа, чтобы уловать музыку въ ся су-«щности: она даетъ предчувствіе, небесное знаніс, и то, что духъ «чувственно ощущаеть чрезъ нее, составляеть воплощение духов-«наго познанія. Хотя и есть души, которыя живуть ею, такъ-«какъ живутъ воздухомъ, но это еще не то, что духомъ пони-«мать ее; чъмъ больше душа черпаетъ изъ нея свою чувственную «пищу, тъмъ эрълъе становится духъ къ глубочайшему воспріятію «музыки. Не многіе достигають этого; хотя тысячи соединяются «бракомъ для любви, но любовь ни разу не открывается этимъ «тысячамъ, котя всъ они занимаются ремесломъ любви; -- такъ

«тысячи запимаются музыкою и однако-жъ не имъють откровенія «ся. Унея, также, какъ въ каждомъ пскусствъ, лежатъ въ осно-«ваніи высшів иден правственнаго духа; всякое настоящее, истин-«пое создавіе, составляеть правственный шагь. Подвергать себя «неизмъннымъ закономъ этихъ высшихъ идей правственного ду-«ха, ихъ силою обуздывать и направлять собственный духъ, да-«бы онъ проявлялъ изъ себя свои откровенія, воть единственная «вадача искусства. Такъ всегда искусство свидътельствуетъ о бо-«жествъ и человъческое отношение къ нему заключается въ рели-«гін: что получаємъ мы чрезъ пскусство, то отъ Бога, то соста-«вляетъ божественное вдохновение, указывающее человъческимъ «стремленіямъ цъль, до которой могуть достигнуть они.-Зпаніе-«какъ твердо замкнутое съми растенія: ему нужна влажная, элек-«трическая почва, чтобы рости, мыслить, выговаривать себя. Му-«зыка есть электрическая почва, въ которой духъ живеть, мы-«слить, творить. — Философія есть осадка электрическаго духа; «потребность философіи, стремящаяся все основать на единомъ «началь, указуется музыкою. Хотя духъ и не владвегъ твмъ, что «онъ творитъ чрезъ нее, однако-жъ онъ блаженствуетъ въ этомъ «творчества, и всякое истивное произведение искусства самостоя-«тельно и независимо; оно могущественные самаго художника; «чрезъ свое проявление, возвращается оно къ божественному, и «только тамъ зависить отъ человака, что свидательствуеть о свер-«шившемся въ человъкъ сознаніи божественнаго. — Музыка вво-«дитъ духъ въ гармонію. Мысль даже одинокая, отделенная отъ «всего, хранитъ въ себъ чувство всъхъ своихъ родственныхъ свя-«зей въ духъ; такъ всякая мысль въ музыкъ, находясь въ сокро-« венномъ, неразрывномъ сродствъ съ полнотою гармоніи, соста-«вляетъ единое съ нею. — Все электрическое возбуждаетъ духъ «къ музыкальному, волнами стремящемуся проявленю. - Я на-«гура электрическая... Однакожъ пора кончить мою прему-«дрость, въ которой я ничего не могу доказать... Напяшите Гёте, «если вы понимаете меня; дать отчотъ въ томъ, что я говорилъ, «рашительно не могу и самъ готовъ учиться у Гёте».

Вотъ накъ разсуждамъ Бетховенъ о музыкъ. Но что-же такое музыка? Музыка составляетъ пи искусство подражанія и ни какойнибудь языкъ; по искусство выражать или лучше сказать — тротать. А потому музыка есть выраженіе чувства, одного чувства, безъ участія мысли, прамое проявленіе жизпи души. Мысль, собственно какъ мысль, какъ сознаніе сущаго, — не имъстъ влась мьста. Что такое всякая, такъ-называемая музыкальная мысль, какъ не выраженіе моментальнаго состоянія души? Но такъ-какъ

есть разница между первою, пробудившеюся мыслію въ человъкъ, п мыслію спекулятивною, точно также есть разница между чувствомъ естественнымъ и чувствомъ одухотвореннымъ, прицявшимъ въ себя міровое содержаніе. Чувотво и мысль, въ сущности своей составляя единое и цълое, въ проявлении своемъ различны, какъ плодъ отъ цвъта. Движеніе, совершаемое мыслію въ своей сферь, таково-же, какъ движеніе, совершаемое чувствомъ въ своей. Какъ есть степени мысли, такъ есть и степени чувства. Отсюда проистекаетъ разность въ музыкъ различныхъ народовъ. -- Музыка, взятая отдельно, действуеть только на душу, и, следовательно, живеть одною поэзіею. Изъ всяхъ изящныхъ искусствъ, только она одна не подчинена требованіямъ міра нравственнаго и формамъ міра физическаго. Хотя она и не имъетъ точнаго и опредъленнаго значенія, однако-же выражаєть, относительно ощущеній нравственныхъ: молитвою — любовь божественую; нъжностью своихъ мелодій-любовь земную; силою, выразительностью, энергіей своей гармопіи — мужество, храбрость, гиввъ, гордость и отчание. Въ отношени къ чувствамъ физическимъ, музыка подражаетъ грому, сражению и шуму разъяренныхъ волиъ, свисту вътровъ и завыванію бури, щебетанью птицъ и вообще всъмъ звукамъ, которые приводятъ душу въ сладостное или сильное движение. Такъ-какъ музыка составляетъ искусство, по преимуществу идеальное, духовное, то въ нее долженъ входить элементъ фантастическій. - Фантастическое есть уже отръщеніе отъ непосредственной жизни и переходъ къ другой, высшей. — Человъкъ чувствуетъ, что есть что-то вна его вседневной жизни, вна чувственной любви и упосній, — есть что-то невидимо окружающее его, какой-то другой міръ, чуждый его страстямъ и ощущеніямъ, гдъ это тревожное житейское море торжественно колышется въ очаровательныхъ берегахъ, отражая въ себъ незаходимое солице духа; словомъ, онъ чувствуетъ, что есть какая-то жизнь, непохожая на его вседневную жизнь, есть бытіе, отръшившееся отъ вськъ этихъ мятежныхъ страстей, вськъ наслажденій тъла. Человъкъ всегда поситъ въ себъ предъощущение этого высшаго міра: оно въ немъ какъ стремленіе, какъ порываніе, какъ предчувствіе, паконецъ какъ что-то такое, чего онъ опредълить не можетъ, но живо чувствуетъ. Пробужденный отъ усыпленной жизни природы, онъ живо принимаеть въ себя безчисленныя явленія внутренняго міра; безсильный понять мыслію эти явленія, провидя въ нихъ нъчто, исчезающее отъ изследованія разсудка его, и нъчто внъ конечной воли его, онъ только смутно созерцаетъ вхъ. Часто эти таинственныя явленія духа, господствующія надъ T. VIII.

нимъ, предстоятъ ему, какъ нъчто грозное, могущественно тяготьющее надъ его естественностію. Эготъ переходъ отъ непосредственнаго чувства въ сферу духа—есть фангастическое. — Фантастическое есть міръ чувства, но уже отдълившагося отъ земли, неудовлетвореннаго земнымъ бытісмъ, уже возносящагося въ царство духа, созерцающаго это царство; но еще закрытое отъ него туманомъ земли. Чувство это, стремящееся и еще пеукръпленное мыслію, часто разливается въ пеопредъленное, псобъятное, часто болье безграничное, нежели безконечное. Только въ томъ народъ проявляется фантастическое, въ которомъ присутствуетъ могучій духъ мысля, потому-что глубина мысли слита съ глубиною чувства, и народъ этотъ Германцы. — Вотъ почему музыка Бетховена, какъ и вообще германская музыка, богата фантастическамъ элементомъ.

Искусство не есть что-нибудь изолированное, независимое отъ законовъ человъческихъ, — вещь условная, подчинениая фантазів и прихоти, — занятіє отдыха и праздности, — препровожденіе времени, — основаніе котораго — легкость, средство — талапть, и цъль удовольствіе. Напротивъ того, искусство составляєть върное и истипное выраженіе человька и природы, и должно повиноваться общимъ законамъ человъчества, также-какъ следуетъ за ихъ развитісмъ. — По-видимому развитіе музыки должно-бы совершаться, по мъръ того, какъ Европа упрочивала себъ просвъщение. Не-смотря на это, изъ всъхъ искусствъ, одна только музыка подвигалась медленно къ совершенству, за неимъніемъ образцовъ, которые оставила-бы древность. Явились Гайдиъ и Моцартъ, и вдругъ искусство подвинулось на высокую степень совершенства. Наконецъ предсталъ Бетховенъ. Словомъ, наступило уже, нъкоторымъ образомъ, время освоболить искусство отъ состоянія дътства и рабства, въ которомъ оно слишкомъ-долго было задерживаемо; - избавить отъ помочей и пеленокъ въ которыя было закутано; - разбить игрушки и погремушки, которыя дали ему въ руки; — стереть съ лица его румяна и сказать ему: «Наконецъ ты достояніе человька! Прими поступь важную и гордую; будь свободно; будь смело; иди!» - Теперь, когда все это въ искусссве совершилось, пора и критикъ возвыситься до точки, достигнутой вскусствомъ. Пора ей отречься отъ мелкой, поверхностной болтовии, отъ това дътски-высокомърнаго и тщеславнаго, отъ спъсиваго и кривляющагося жеманства, и следаться полной и важной, когда идетъ ръчь о созданіяхъ генія и божественныхъ его вдохновеніяхъ. Мы очень-хорошо знаемъ, до-какой степени подобный языкъ противоръчить легкимъ формамъ журнальной статьи;

но не теперь, когда музыка Бетховена перспосить наст въ высшія области поэзін; когда некры его божественнаго духа насъ восиламеняють, вливая въ душу упоеніе витузіазма. При взглядь на геніальныя созданія этого дивнаго человька, казалось-бы, дучше молчать, потому-что не лостаеть ни словь, ни мыслей, чтобы высказать вею ихъ необъятную глубину. Здысь только постигаень, что некусство священно и что оно неходить отъ Бога, какъ все истинное и прекрасное.

- Не будемъ сомитваться, что ва основанія этихъ данныхъ и съ этой точки эрвнія, последніе великіе композиторы германскіе, и особенно Бетховенъ, смотръли на музыку. Значитъ-ли это, что они ясно и полно сознавали внутрениее сродство религозныхъ идей и искусства? Конечно пътъ. Поэтъ, артистъ, не обязаны быть философами, и мы знаемъ, что и великіе поэты и великіе артисты были невърующими. Но, по-крайней-мъръ, они въровали въ искусство и человъчество, и инстинктъ генія говорилъ имъ, что то, что они выражали своимъ искусствомъ, было не что иное, какъ пстина, то-есть, изображение чувствъ, радостей, скорбей че-ловъчества, эхомъ которыхъ была ихъ душа. Это приводитъ насъ къ симфоніямъ Бетховена, глубокимъ и возвышеннымъ созерцапіямъ человъка, для котораго музыка была мыслію, а оркестръ словомъ. Геній его говоритъ ему «иди», и исполинъ стремится, къ удивленію толпы, которая движется внизу, и не видя, гдъ онъ нолагаеть стопу свою, воображаеть, что опъ погиблеть въ облакахъ. Много говорено было о томъ, что Бетховенъ выходилъ изъ границъ искусства. Если это можетъ быть справедливо, то развъ только въ отношении къ произведениямъ третьей эпохи. За тъмъ, по большой части, толки эти происходили, кажется, именно оттого, что произносившіе приговоры не видъли, какъ ужасно раздвипулъ онъ предълы пскусства. Безъ сомивнія, Гайдиъ и Моцартъ оставили удивительныя симфоніи и образцовыя творенія ихъ составляють совершенство классическое, для тахъ, кто стасилетъ геній въ предълахъ доступных в разсудку. Гайднъ ведетъ мотивъ съ необыкновеннымъ искусствомъ; изъ самаго простаго сюжета, изъ самой обыкновенной идеи, онъ извлекаетъ самое богатое развитіс, и отъ основаній науки до трудностей контрапункта, изяшество и яспость не покидають его накогда. Натъ начего наживе ero andante и самыя чистыя сокровища гармоніи сливаются, безъ усилія, съ его восхитительными мелодіями. Моцарть, болье страстный, болье бурный, болье мрачный, не имья, быть-можеть, столько ясности, — эстетически облагородиль основный мотивъ различныхъ частей симфоніи. Наконецъ, ни Гайдиъ, ни Моцартъ не улалялись изъ круга идей, утверждениаго школою. Явился Бетховенъ и что опъ савлалъ? Можетъ-быть, онъ не довольно-глубоко проникъ въ таниства науки, чтобы бороться, съ такими стра-шными атлетами, на томъ-же поприщъ; но онъ имълъ довольно генія и смълости, чтобы раздвинуть его предълы. Идея совершенно поэтическая, вдохновеніе высокое владъеть имъ, и онъ предается ей вполив. Онъ преследуеть эту идею, какъ фантастическое божество, явившееся ему; онъ возвышается съ нею въ область неизвъстную, гдъ дышатъ инымъ воздухомъ, и тамъ присутствуеть, при тапиственномъ разговоръ между тънями и призраками. Онъ дремлетъ и засыпаетъ иногда; но сонъ его возвышенъ! Надобно сказать, что тъ, кто видитъ въ Бетховенъ только музыканта, имъютъ весьма-неполное понятіе объ этомъ глубокомъ композиторъ. Въ немъ два человъка: поэть и музыканть. Можно сказать еще и философъ. Поэзія есть то божественное дыханіс, которое воодушевляетъ геній, а искусства — это его орудія. Въ Бет-ховенъ музыкантъ толькопьедесталъ поэта. Какъ музыкантъ, онъ способствовалъ развитно своего искусства, расширилъ его предълы, обогатиль открытіями. Какъ поэтъ, онь облетаеть въка и обогащенный поэтплескимъ наслъдствомъ всехъ временъ, возвращается въ свой въкъ, учоный и новый, чтобы уполть его вдохновеніями прошедшаго. Невозможно понять что-нибудь въ последнихъ произведеніяхъ этого великаго маэстро, если не разсматривать ихъ съ этой двоякой точки зртнія, и судить объ нихъ только по системъ, установленной а priori, усиливаясь заключить ихъ въ тѣсный кругъ, начертанный школою. Такъ какъ есть основаніе, по которому вскусство необходимо подчиняется могуществу, даже прихотямъ генія; то несправедливо осуждать искусство композитора, не зависимо отъ генія, подъ предлогомъ, 'что оно погръщаетъ противъ какихъ-нибудь произвольныхъ формулъ. Поэтическій полетъ всегда влечетъ за собою соотвътственное и пропорціональное развитіе въ искусствъ. Каждый истинный геній создаетъ свое. Конечно много поэзін въ sol-минорной симфоніи Моцарта; въ мелодіяхъ полныхъ прелести п выразительности Гайдна; но еще болье поэтического элемента въ Бетховень и потому-то невозможно музыкъ его назначать предълы, установленные Гайдномъ и Моцартомъ. Оба эти великіе композиторы писали симфонію, какъ сонату для фортеньяно, какъ квартетъ, какъ всякое другое музыкальное произведение: почти всегда одинъ планъ, одна форма, одна фактура. Бетховенъ, напротивъ того, находится подъ наитиемъ высокой мысли, и истощаетъ всъ вдохновения, какія она можетъ доставить. Такъ съ сердцемъ, уязвленный мыслію о често-

21

любіп Наполеона, онь сочиняеть геропиветую симфонію; —въ пастушеской расуеть все явленія природы, тапиственную тишину
ночи, восходь солнца, пьніе птицъ, бурю; въ седьмой симфоніи
онъ делаеть гимив изъ andante: это уже не музыкальныя сочиненія, —это целыя поэмы. Такъ-какъ выраженіе музыкальное и поэтическое не имьеть точнаго и определеннаго значенія, то и
инысль Бетховена, по этому, легко ускользаеть отъ техъ, кто не
свыкся съ его музыкою. И отъ одной трудности уловить мысль
его, происходить предразсудокъ, заставляющій смотреть на его сочиненія, какъ на результать воображенія блестящаго, по безнорядочнаго. Но отыщите хотя одного геніальнаго человека, которыйбы восторжествоваль безъ борьбы. Развъ не истина то, что геній
должень некоторымь образомъ воспитать массу, чтобы она постигла его!...

Теперь разсмотримъ его симфоніи: герописскую, плтую въ ил-мипоръ, пастушескую, седьмую въ ла и девятую, въ ге-миноръ съ хоромъ. Отсюда уже можно будетъ видъть, какихъ высокихъ идей исполнена музыка Бетховена.

Героическая симфонія, въ общиссти своей, составляетъ высокую и печальную эпопею, изъ которой видно, что поэтъ былъ поперемънно влохновляемъ подвигами своего героя и глубокою горестью, возбуждаемою мыслію о его честолюбін. Онъ предается то порывамъ ярости, то мрачной задумчивости. Такая борьба, различных эпергических чувствованій въ душь поэта, наполиветь первое allegro. Въ немъ есть звуки, подобные воилямъ, вырывающимся у Іова и Ісреміи.—Adagio составляеть настоящій похороиный маршъ, подобный тому, какой композиторъ написалъ на смерть герол, составляющій часть его сочиненій для фортеньяно. Скрипки издаютъ пъснь торжественную и полную, аккомпанируемую нъ-сколько глухимъ ритмомъ контръ-басовъ. Пъснь эта переходитъ къ духовымъ пиструментамъ и принимаетъ выражение болье жалобное: мажорный тонъ является за этимъ, какъ утышительная мысль. Потомъ возвращается первоначальный мотивъ, но болье бурный: сердце поэта волнуется вздохами; опъ задыхается отъ слезъ и рыданій, мысль его выражается только бользненными порывами. Душа изливается въ продолжительное сътование, онъ скоро устаетъ; голосъ его замираетъ, и уста съ трудомъ дошентывають фразу, пъсколько разъ прерываемую, которую онъ окапчиваетъ изнемогая.—Въ scherzo онъ возстаетъ благороднымъ и гордымъ; но печальнымъ, какъ человъкъ, выходящій изъ глубокаго унынія и мужественно предающійся на волю Божію. Движенія scherzo живы, одушевлены, удачно оттънены контрастами цвътистой и живописной гармовів. Валторны издають исполненные округлости и блеска аккорды, посреди быстраго движенія, которое оканчиваєтся прерываемымъ и эпертическимъ ритмомъ и взрывомъ всяхъ силъ, какія, кажется, оркестръ собралъ въ своемъ бъть.—Финалное allegro всегда казалось памъ несоотвътствующимъ красоть и величію, выдержаннымъ въ трехъ предшествующихъ отрывкахъ. Первая часть его полна жара и очаровательной оригинальности; по развитія, затъмъ слъдующія, и особенно эпизодъ прерывающій первое движеніе, хотя и замъчательный по прекрасной мелодической фразъ,—намъ кажутся неудачно соединенными. Впрочемъ, это пе мъщаєть однакожъ геропческой симфоніи быть однамъ изъ прекраснъйшихъ твореній генія, по постоянно-благородному характеру, величію впечатльній и по-тому торжественному выраженію печали, которое пропикаєть въ душу и наполняєть ее возвышенными чувствованіями.

Интан симфонія въ из миноръ представляєть совершенно другой характеръ. Завсь поэтъ возвышается до прекраспаго не нечувствительно, чрезъ постепсиное приращение; но, такъ сказать, изъ пъдръ полнаго вдохновенія, взволнованный бардъ издастъ свои удивительные звуки. Посреди блеска его поэтическаго волкана, пламеннаго и вивств съ тъмъ мрачнаго, вырывается эловыщее мерцаніс. Въ andante въ la-бемомь, душа его сосредоточивается въ самой себъ, -его чувства молчатъ; онъ размышляетъ о глубокихъ таниствахъ созданія и природы. Въ менуэтть, оставивъ метафизическія высоты, онъ сообщаеть памъ часть мыслей, принесенныхъ съ неба. Фуга для него уже не игра ума или споръ генія, по разсужденіе сжатое, логическое, увлекательное, полемика поэта ех abrupto. Полный этихъ высокихъ идей, утомленный этими видъніями, онъ предается безотчотной задумчивоств. Онъ засыпаетъ: иден эти представляются уму его сплавливающимися, ясными; уста его шепчуть таниственныя слова, не оканчивая ихъ; мало-по-малу онъ выходить изъ этого восторга, пробуждается и, призывая все могущество своего пекусства, соединяетъ всъ голоса природы, оживляетъ ихъ своимъ побъдоноснымъ ритмомъ и наполняетъ безкопсчиость звуками своего торжественнаго в великольннаго марша. Ничто столько во убъждаетъ въ способности музыки трогать не зависимо отъ словъ, какъ авиствія, производимыя музыкою инструментальною. Кто не чувствовалъ возвышенности въ идеяхъ, отъ величественнаго въ ходъ этой удивительныйшей симфоніи Бетховеца?...

Въ пастушеской симфонін композиторъ хотьлъ изобразить только сельскія сцены. Но и здысь, сколько мыста съумыль оны

посвятить мечтацію, меланхолін, лушь? Поэма его не нельна, какъ идиллія съ своею дидактическою симметрією и монотопією. Онъ попяль, что природа была-бы пустыпей, безъ присутствія человька и мысли о Богв, и онъ ввелъ вместе человека, природу и Бога. Отъ этого двойственнаго столкновенія истекъ обильный источникъ поэзін, потому-что и поэзія есть предметь духовный. Певозможно, если душа не охладъла въ груди человъка, не видъть въ созерцапін вселенной ничего далъе вещественныхъ границъ. Певозможно, чтобы мысль о безконечномъ не овладела темъ, чье сердце быется при явленіяхъ природы. Въ человъкъ, и въ особенности въ поэть, есть пламенное стремленіе познавать, возвышаться, любить, которое побуждаетъ его, иногда противъ воли, подпимать конецъ завъсы, за которою скрывается божественная рука. Такъ невидимое присутствіе Творца вселенной дълается ощутительнымъ для его разумнаго созданія. Сперва музыкантъ изображаеть висчатить пія спокойствія, какія чувствуются при виде сельской природы. Все пріятно, весело, мило, благоуханно. Это упосніє всяхъ чувствъ, усладительное раздражение нервовъ. Слышна свиръль пастуха, вияны прыжки овецъ въ неровномъ и переменномъ ритме. Потомъ поэтъ засыпаетъ или дремлетъ на берегу ручья; гармоническій ропоть волны погружаеть его въ долгую в сладкую задумчивость. Онъ ощущаетъ ту печаль, которая всегда сопровождаетъ наслажденія самыя чистыя и которая сама-по-себъ составляеть паслажденіс. Опъ вопрошаєть вътерь, качающіяся вътви, поющихъ птицъ-и однообразный шумъ ручейка отвъчаетъ ему. Онъ продолжаетъ свой путь и достигаетъ хиживы. Деревенскій праздникъ. Молодыя дъвушки, стройныя, легкія, танцують и рызвятся подъ звуки гобоя и валторны. Потомъ приходятъ грубые крестьяне, прерываютъ танецъ и скачутъ, стуча своими деревянными башмаками. Ихъ можно-бы принять за собратовъ Калибана. Молодыя дъвушки снова начинають, крестьяне продолжають, пока гроза не обратила въ бъгство и крестьянъ, и дърушекъ, и гобои. Громъ гремить въ отдалении. Молнія сверкаеть по временамъ. Начинается дождь, гроза разражается, буря своръпствуеть, вътры воють. Прирола стонетъ, умолистъ, трепеща отъ ударовъ грозной руки. Опа въ скорби и опъменіи, ей угрожаєть потопъ, хаосъ или уничтожепіс. Но мало-по-малу мракъ разсъсвается, свътъ снова проникаетъ, тучи уходять, вътры стихають, и трепетная отъ восторга природа благодаритъ Верховное Существо и издаетъ гимиъ радости. Это молитва спасенія, гимить счастья. Природа разрушенная, изпемо-женная возносится кть Богу, полная восторга и благодарности. Она снова савлалась обътованною землею.

Мы достаточно, кажется, объяснили идею, господствующую въ этой чудесной симфоніи. Какъ-бы въ дополненіе заимствуемъ у Фридриха Шлегеля страницу, которая будто внушена этимъ высо-кимъ созданіемъ, хотя и написана совершенно подъ другимъ вліяніемъ: «Поэтъ» говоритъ онъ: «входитъ чувствомъ въ соприко-сновеніе съ природой. Не только въ пъніи соловья или въ томъ, что волнуеть каждаго изъ насъ; но и въ шумъ потока, въ колыханін льсовъ, слышатся намъ знакомые голоса радости или печали, какъ-будто мысли и чувства, подобныя нашимъ, хотятъ къ намъ процикнуть, разрушая трудныя преграды и переходя боль-шіл пространства. Сомнанія учонаго — дайствительно-ли одуше-влена природа, или это только обманъ чувствъ, —для поэта ничто-жны; довольно, что подобное чувство и предчувствіе существуютъ въ воображении и въ сердцъ человъка и поэта. Если-бы даже взоръ поэта могъ пропиквуть въ тапиства созданія и подмътить, какъ силы природы дъйствуютъ въ ся тайныхъ лабораторіяхъ, то и тогда онъ не захотелъ-бы и не посмель поднять совсемъ скрывающую ихъ, благотворную завъсу. У поэтовъ греческихъ и римскихъ мы находимъ только легкіе слъды столь глубокаго взгляда на природу; болье замътенъ онъ въ произведенияхъ древнихъ поэтовъ съвера, жившихъ въ сочувстви съ природою. Но всъ эти картины природы, въ поэзи не могутъ быть представлены отдъльно отъ человъка... Если отдълить его, то полная и великая картина вселенной, какъ поозія должна преставлять ее, раздробится, гармонія потеряется и великіе эффекты ся, коль скоро кар-тина не представлена во всей общности, —раздвляются и двлаются ничтожными и пошлыми!!!»

Мы старались передать основную вдею симфоній героической и пастушеской, в уловить ее въ ся развитіяхъ, даже въ разнообравіи сцень, эпизоловъ и случаевъ, которыми музыканть обогатиль свои поэтическія драмы. Въ седьлой симфоніи, съ la, Бетховень составиль совершенно другой планъ. Твореніе это не написано, подобно другимъ, подъ однимъ могущественнымъ вдохновеніемъ. Это чистое созданіе воображенія. Шествіе композитора здъсь свободно и прихотливо. Каждая изъ четырехъ частей симфоніи отдъляется отъ другихъ и не соединена съ ними строгимъ логическимъ смысломъ. Это драма не въ четырехъ актахъ, но въ 4-хъ картинахъ, отличающихся одна отъ другой родомъ и характеромъ. Чтобы убъдиться въ этомъ, достаточно сравнить внечатлънія, производимыя различными отрывками этой симфоніи. Интродукція и первое allegro, andante, scherzo и финалъ не переносять—ли насъ, каждое въ свою очередь, въ новый міръ,

въ безвъстную страну, варугъ, какъ-бы по волшебству, безъ перехода и плана? Таковъ геній! Иногда онъ развиваетъ предъ нами цъльій порядокъ идей, въ совершенной общности; путь его хотя и не начерченъ впередъ, но означенъ въхами, опредъллющими направленіе его полета. Ипогда-же онъ покидаетъ землю, стрсмится въ пространство и следуетъ за своимъ поэтическимъ мечтаніемъ чрезъ фантастическіе міры, которыми обладаетъ его воображеніе и которые сонъ создаетъ съ помощію искусства, этого магическаго орудія. Съ этой точки зрвнія надобно разсматривать симфонію въ la. Здъсь одна основная мысль не паритъ надъвсьмъ этимъ чудиымъ произведеніемъ; мы не находимъ въ ней того созерцательнаго оттънка и того удивительнаго характера величія, какой замьтили въ предъидущихъ симфоніяхъ и будемъ имъть случай еще замьтить въ псполинской изъ всъхъ симфоніи съ хоромъ. Между-тъмъ седьмая симфонія открываетъ намъ, что тò, чтò Бстховенъ сдълалъ для каждой изъ предъидущихъ эпопей, здъсь сдълалъ тоже для каждой части симфоніи; что кажлая изъ нихъ, взятая сама по себъ, составляетъ полное цълое, отлъльное созданіе, разнообразное и исполненное подробностей, которыя, подобно колесамъ машины, движутся по одному общему закону и вертятся около исподвижной точки. И потому-то, въ симфоніи этой болье образовъ, картинъ, неожиданныхъ эффектовъ и того удивительнаго очарованія, которыя сдълали изъ Бетховена, какъ артиста, существо сверхъестественное.

Интродукція, въ стилъ, сперва граціозномъ, потомъ строгомъ, принимающемъ наконецъ характеръ ужасающій и торжественный, переръзывается мелодією въ fa, полною прелести, мелашхоліи и сладости. Si-доминанта начинаетъ ревъть изъ-подъ смычка віолончелей и контръ-басовъ, повторяется въ высокой октавъ флектами, съ жалобнымъ выраженіемъ и, какъ-будто колеблется. Первые спорятъ одно мгновеніе со вторыми, чтобы уступить имъ совершенно. Тогда флейты овладъваютъ фразою и повторяютъ её въ веселомъ и ръзвомъ ритмъ. Вскоръ устроивается полный аккордъ и передается духовыми инструментами, которые вступаютъ, въ свою очередь, по мъръ порядка ихъ дъйствій. Потомъ скрапки начинаютъ мотивъ въ с/з, мотивъ, который композиторъ не оставляетъ болье; опъ его разбиваетъ, разчленяетъ, разъединяетъ, чтобы снова постепенно соединить и показать со всъхъ сторонъ, мрачныхъ, блистательныхъ и полуоттъненныхъ, подобно фигурамъ калейдоскопа. Онъ его то уменьшаетъ, утончаетъ, то увеличвваетъ: вамъ кажется, что вы видите легкую и гибкую палочку въ рукахъ волшебника. Будьте осторожны, — это палица. Тутъ

еще пе все. Когда фантастическое существо это довольно поразвилось, опо утихаетъ, мечтаетъ, засыпаетъ, какъ исполинъ. Слышно храпвије басовъ, мало по-малу усиливающееся, и сповидънје это оканчивается конвульсіями бреда.

Воображение поэта не знастъ ин предъловъ времени, ни предъдовъ мъста. Ему въка, ему пространства, ему безконечное. Бетховенъ пробуждается въ среднихъ въкахъ. Валторны и фаготы выдерживають аккордь, эффекть коего заключаеть въ себв чтото пелигіозное. Вдругъ віолончели и контръ-басы шепчутъ древній ритмъ, это тактъ вли размъръ стиха или прозы гимна. Пропессія авижется. Эго еще только псалмопаніе, важное, отлаленное и мърное. Процессів идетъ вокругъ храма; съ каждымъ щагомъ она увеличивается толпою върующихъ, которые присоединяются къ левитамъ и священникамъ. Вскоръ звучные своды храма оглашаются тысячами голосовъ. Но иное паніе начинаєть чере-доваться съ первымъ хоромъ. За пъвчими и капитуломъ образовалась толпа лавъ. Мажорный тонъ сладуеть за минорнымъ. Эго мелодія сладостная, небесная, это концертъ ангельских в голосовъ, нъжное движение коего погружается въ гармоническомъ волнения и постоянно поддерживается ритмомъ процессіоннаго марша. Между-тъмъ шествіе на миновеніе нарушается, кортежъ какъ-будто раздъляется. Раздаются два удара литавръ; сигналъ этотъ повторяется на двухъ концахъ толпы, и все приходитъ въ порядокъ. Снова появляется основный мотивъ гимна, но съ болъе роскошнымъ развитіемъ; хоръ дъвъ все еще за нимъ слъдуетъ. Процессія вступаетъ въ святилище; образуются повые хоры мужчивъ, женщипъ, дътей, и отвъчаютъ одни другимъ. Подобное расположение орксстра составляеть чудо генія и искусства; кларнеты и флейты, гобов и фаготы, потомъ валгорны раздъляютъ между собою отрывви первопачальной мелодін, тогда-какъ pizzicato струпныхъ инструментовъ оканчиваетъ фразу и означаетъ ритмъ. Финальная фрава дышетъ меданхолісю, полною умиленія, и педаль трубы въ la произволить трепетаніе, еще болье усиливающее патетическую выразительность ея. Пъпіс прекращается, гимиъ оканчивается торжественнымъ аккордомъ, которымъ былъ начатъ. — Эффектъ этого отрывка невозможно описать. Въ благогованіи, въ восторга, въ который погружаетъ васъ эта музыка, вамъ кажется, что вы перенесены къ твиъ временамъ, когда христіяне первыхъ въковъ отправляли богослужение въ катакомбахъ. Желательно-бы послушать это andante, исполненное невидимымъ оркестромъ, въ великольпномъ готическомъ храмъ, чтобы воображение и чувства были поражены сходными-же воспоминаціями и впечатльніями. -

После подобнаго обращенія къ прошедшему, возвратитесь къ настоящему и защититесь, если можете, отъ глубокаго сожальнія и невольнаго негодованія, которое овладываетъ вами, при виде уже устаравшихъ произведеній современныхъ артистовъ, и презранія, какое они питаютъ къ влохновеніямъ протекшихъ временъ!

Посль такого эпизода, такой ноэмы, молитвы, необходимо должно было покорить внимание разкимъ контрастомъ, что и сдамаль Бетховенъ въ scherzo. Онъ увлекаеть насъ, въ своемъ магическомъ быть, или скорье полеть, чрезъ страну наслажденій и очарованій. Онъ показываєть намъ все случайности, всё противуположности; потомъ останавливается, чтобы очаровать вашъ слухъ зауками, полными энтузіазма, и пъспію, очерки которой такъ округлены, такъ напвиы, что се можно принять за швейцарскую пъсщо (ranz des vaches). Это mpio. Впечатльние отрывка этого певыразимо. Какой порыви! какое величие! какая нажность! Воть одна изъ техъ мелодій, которыя дышать любовью къ отечеству, какимъ-то благоуханісмъ природы, какою-то поэзією мьстности. Поэтъ желаетъ продолжить это восхищение, онъ замедляетъ тактъ. Послушайте сперва перекличку духовыхъ инструментовъ, подъ выдержками скрипокъ, которыя нъжно колеблются отъ sol-дізав къ высокому la; потомъ страстныя терція фаготовъ, которыя сливаются и разливаются въ роскошныхъ періодахъ, надъ глуховатою педалью второй валторны, п наконецъ эффектъ, подобный органу, эти продолженные аккорды, всегла ровную и выдержанную гармонію, до-тъхъ-поръ, нока послъдній изъ нихъ не означиль возвращения къ первопачальному могиву. Вы возвращаетесь къ точкъ исхода, пробъгаете тъже мъстоположенія, тъже виды; швейцарская пъсня (ranz des vaches) восхищаеть васъ въ другой разъ. Но при третьемъ музыкантъ, напомнивъ вамъ два первые такта тріо, впезапно переходить изъ тона ré въ топъ fa и оставляетъ васъ при этомъ сладостномъ воспоминанін.

споминаніп.

Финаль соединяєть вся роды. Сперва мотивь исполненный плыпительной оригинальности, живой и колкой ироніп. Вскорю псполинь появляєтся въ фразь въ терціяхъ, которую скрипки беругь tremolo, и продолжаєть безконечный путь свой въ странь
чулесь: это легко, грандіозно, насмышливо, это адеки. Есть меновеніе, при началь повторенія этого отрывка, когла можно сдълать
себь подобный вопрось: «Гль-же мы? пе у дьявола-ли?» За пронвительнымъ переговоромъ скрипокъ, слъдуетъ страшный, зілющій отвъть контръ-баса; потомъ унышіе, отчаянье, которое изливается наконецъ въ неистово-безумномъ смъхъ. — Седьмая сим-

фонія составляєть чудо генія. Вездъ иден, картины, образы, вдохновеніе, чудные эффекты, поэзія. Нътъ длиннотъ, нътъ холодности, нътъ тъхъ минутъ, въ которыя можно бы сказать: музыкальный Гомеръ дремлетъ.

Симфонія ст хороль, полобно прочимъ, состоитъ изъ allegro, scherzo, adagio; но въ финальной части Бетховенъ ввелъ голоса. Хотя три первыя части могуть быть разсматриваемы, какъ составляющія каждая полное цълое; по онь здъсь только пріуготовленіе къ великой окончательной драмь, въ которой происходитъ развязка. — Allegro въ ré-миноръ; но ему предшествуетъ короткая экспозиція въ la. — Все, что страсти имъютъ паиболье бурнаго п волканическаго, все это заключено въ allegro. Ръзкая п ръши-тельная фраза, исполняемая 50-ю смычками съ невъроятною энергісії, кажется однямъ изъ тъхъ ужасныхъ выраженій, которыя сосредоточиваютъ весь гиввъ человъка, составляетъ основный мотивъ. Поэтъ предается этому первому порыву врости. Послъ взрыва, истомлениая луша обращается къ самой себъ. Слабый лучъ надежды въ нее проникаетъ; гобон начинаютъ меланхолическую фразу, скрипки повторяютъ ес. Онъ желалъ-бы предаться иъжному чувству; по заглушаемые звуки трубы, подземный голосъ тром-боновъ, ясно показывають, что спокойствие это только наружное. Его воображение дъластъ послъднее усилие и обращается ко всей своей глубинъ; оно вопрошаетъ всъ идеи, всъ воспоминания; оставляетъ ихъ и снова перебираетъ; ови сталкиваются, перебиваются. Наконецъ долгій, продолжительный бредъ овладъваетъ имъ. Чтобы изобразить эти колебанія отчаянія, артистъ прибъгаетъ къ сокровенный шимъ развитіямъ искусства. Выразительная фраза гобоевъ появляется снова, но скрипки перебрасывають ее въ минорный тонъ. Межлу-тъмъ кризисъ прошолъ, слышно только глухое рычаніе басовъ; оно увеличивается, усиливается, полобно отдаленной волит, возрастающей при приближеніи къ берегу п наконецъ разбивающейся объ него съ шумомъ. Поэтъ пробу-ждается, приходитъ въ чувство и эта продолжительная драма оканчивается мощною фразой, о которой уже упомянули, и которую весь оркестръ беретъ разомъ.

Въ scherzo, легкій и ръзвый мотивъ, начатый въ канонъ гобоемъ, флейтою, кларнетомъ и фаготомъ, переходитъ мало-по-малу во всъ части оркестра и вполнъ развивается наконецъ въ tutti. Не оставляя его пи на минуту, композиторъ представляетъ намъ множество контрастовъ и разнообразныхъ сцепъ, подобно тому, какъ, пробъгая перспективу, встръчаещь безпрестапно новые виды. Кто не былъ поражонъ магическимъ эффектомъ латавръ, которыя въ пять различныхъ репризовъ, бросаютъ глухіе звуки, сквозь отрывистые такты оркестра; ритмомъ, продолжающимся въ эхо и отголоскахъ; періодами, кипящими пронісю и силою, которые льются по бархату гармонін; образами, то странными, фантастическими, то строгими, которые савауютъ одни за аругими, группируются, раздъляются и образують изъ звуковъ истинную фантасмагорію слуха? Въ *Тріо* ²/₄ замыняють галонь въ три темпа. Первая валторна молулирует в наявную и граціозную пъснь въ тоникъ, которую вторая валторна выдерживаетъ съ педалью; тогда какъ смычки первыхъ скрипокъ пленительно шутатъ на квинтъ (первой струнь). Отвътъ производится въ аккордъ доминанты: фаготы присоединяются къ валториамъ и восходятъ въ округленныхъ терціяхъ; басы медленно поднимаются полутонами, и въ то время, какъ звуки гобоя выдерживаются вадъ тоникою, какъ будто висять надъ нею, нажный переходъ переносить насъ въ неожиданную модуляцію, которая испаряется, подобно сладостному благоуханію. Посль этого очаровательнаго эпизода, возвращеніе къ мотиву scherzo дълается болве планительнымъ; оно увлекаетъ насъ своею живостью, и вмъсто того, чтобы, въ послъднихъ тактахъ, ввести любимую модуляцію, композиторъ останавливается и довольствуется темъ, что далъ случай се предвидеть и ожи-

ть. Между-тъмъ поэтъ направляетъ свой полетъ въ область бол ве возвышенную. Можно сказать, что земные звуки замвраютъ въ последнихъ аккордахъ scherzo. Духовые пиструменты постепенно прибавляются при каждомъ темпъ медленнаго такта и издаютъ полный аккордъ. Слышишь, кажется, торжественные звуки органа, раздающіеся подъ сводами храма въ то мгновеніе, когда послъдніе лучи дня угасаютъ на высотв олтаря. При этой музыкв, совершенно идеальной, вполнъ созерцательной, полной благоговънія, какъ молитва, - душа раскрывается для высокихъ мыслей. Варугъ иные звуки производять совершенно противуположное впечатавніс. Сладострастная мелодія нъжно переливается въ такть въ три темпа. Запсь двь иден. Въ продолжение поэмы, композиторъ желасть постепенно возвыситься отъ наслажденій земныхъ къ радостямъ небеснымъ, истекающимъ изъ пъдръ божества. Это его господствующая мысль. Въ adagio онъ въ первшимости, колеблется еще между небомъ и землею; онъ противополагаетъ человъческія чувствованія, чистымъ и целомулреннымъ наслажденіямъ восторга. Вотъ что выражаетъ этотъ отрывокъ, глубокое произвеленіе, чудно обрасовывающее того двойственнаго человька, котораго объясняеть намъ одна только религія.

До-сихъ-поръ Бетховенъ следуетъ плану, начертаниому имъ въ прочихъ своихъ симфоніяхъ, съ тою только разницею, что опъ выказываетъ размъры, которые изумляютъ и поражаютъ воображение. Теперь опъ оставляетъ всъ преданія и примъры, и одною силою своего генія производить то новое и оригинальное созданіе, которому пигдъ пъть образца и о которомъ пичто не могло подать ему идею. Сначала, при этомъ грубомъ и дикомъ аккордв, вдругъ взятомъ мъдными инструментами, при этомъ оркестръ, который стремится и вертится съ шумомъ, по каменистой гармония, исполненной задержекъ,—слышится, кажется, стонъ Сивиллы, нів, исполненной задержекъ,—слышится, кажется, стоиъ Сивиллы, угистаемой пеумолимымъ божествомъ. Оркестръ умолкаетъ. Важный и торжественный голосъ віолоичелей и контръ-басовъ про-износитъ речитативъ, который прерывается тромбонами; оркестръ спова начинаетъ свою фразу, но трепетный, вдругъ останавливается. Речитативъ продолжается. Нетеривливый оркестръ опять налагаетъ молчаніе на басы, и бросаетъ имъ первый мотивъ allegro въ la; принужденный оставить его, хватается за мотивъ scherzo; побъжденный еще разъ, опъ снова начинаетъ adagio. На-конецъ басы одерживаютъ верхъ и шенчутъ одни, унисономъ, ре-лигіозпую пъснь. Альты и скринки послъдовательно овладъваютъ ею и передають один другимъ, для украшенія аккомпаньементами до-тахъ-поръ, когда весь оркестръ, покорившійся побадителю, сдинолушно повторяеть этоть мотивь, въ движени марша, ритмъ коего означають скрапки. Послъ ритуриеля, исполнениаго блеска и сілнія, тромбоны и оркестръ спова издають ужасный вкордъ. Тогда возвышается одинъ голосъ, и въ мелодів речитатива басовъ, произносить слова, значеніе которыхъ слъдующее: «Друзья! пора оставить намъ мірскіе аккорды; возгласимъ пъсни болъе чистыя и дышащія небесною радостію.» — Оркестръ повинуется; скринки, флейты и гобои снова начинаютъ религіозную пъснь; тогда какъ аккомпаньементъ фагота подражаетъ модуляціямъ церковнаго серпана. Главный голосъ, общій квартетъ и хоръ поютъ поперемънно гимнъ во славу Творца вселенной и прославляють Его благость, которая изливается на всъ существа, отъ на-съкомаго до херувима. Слова хора взяты изъ Оды къ радости— Шиллера. Варугъ сцена перемъняется. Одно нижнее si - бемоль фагота раздается чрезъ интервалъ. Терціп флейтъ и гобоевъ означають веселый и рызвый ритмь; рызкія ноты тромбоновъ, gru-pelto маленькой флейты, — придають этимъ звукамъ характеръ деревенскаго танца и какой-то древній видъ. Стараясь проник-нуть идею композитора, замычаемь, къ величайшему удивленію, что она все таже, только подъ другою формою. Здысь мы отчаяваемся вередать впечатльній этой высокой сцены; — всь эти эффекты органа, доведенные до высшей степени обмана, посредствомъ духовыхъ инструментовъ и басовъ; — тысячи голосовъ, раздающихся, какъ-бы въ обширномъ соборъ, полныхъ уписоновъ, заимствованныхъ у грегоріанскаго пънія; вэрыва тромбоновъ, группъ флейтъ в кларистовъ; — важныхъ голосовъ, шепчущихъ глухіе и заглушаемые звуки, въ то время, какъ поэтъ призываетъ звъзды, милліоны, всъ созданія преклопить чело предъ Верховнымъ Творцомъ и воспъть Ему торжественное Те Deum...

Симфонія съ хоромъ есть одно изъ последнихъ его произведсвій... Онъ никогла не слыхаль этой симфоніи, по причина глухоты. Изъ уединенія, въ которое заточила его жестокая бользнь, отягченный непріятностями и огорченіями, онъ бросиль эту симфонію въ свой въкъ, какъ вызовъ потомству. — Бетховену предоставлено было осуществить, въ XIX-мъ въкъ, возвышенныя иден восточныхъ философовъ о музыкъ: «Музыка», говоритъ Ли-Ки, «есть выражение и образъ соединения неба съ землею.» Злись видно, кажется, то божество, о которомъ говоритъ Гоаi-Hant-Це: Два первые пиструмента, называемые зенгь и годигь, служили Ніувъ, для сообщенія съ восемью вътрами, посредствомъ куэнь пли двойныхъ флейтъ; Ніува сослинила всъ звуки въ одинъ и согласовала солице, луну и звъзды: это называется совершеннымъ согласіемъ, полною гармонісії; лира ся была пятиструнная; опа играла на ней на холмахъ и на водахъ, — звукъ лиры былъ оченьнажень; она увеличила число струнъ до пятидесяти, чтобы сосдиниться съ небомъ и пригласить духъ снизойти на землю! «Проникнувшись высокими пдеями древности о человъческомъ голосъ, сравнительно съ инструментами, авторъ сохранилъ его для последняго отрывка 9-й симфоніи, посвященнаго восхваленію всевышпяго.

Итакъ, все, сказанное здъсь о музыкъ Бетховена, уже достаточно убъждаетъ въ томъ, что Бетховенъ составляетъ полное и совершенвое проявленіе германской музыки. Каштъ опредълилъ прекрасное такъ: «непосредственное проявленіе безконечнаго въ конечномъ». Мысль эта чудесно прилагается къ поэтическимъ композиціямъ Бетховена. Дайте голосъ горамъ, долинамъ, ръкамъ, вътрамъ, стихіямъ, всей природъ,—музыка Бетховена представляетъ этотъ неизмъримый концертъ. То онъ стремится въ пространствъ, и, воздушный путешественникъ, открываетъ новый міръ; то, собирая, въ своей общирной музыкальной сферъ, вдохновенія всъхъ въковъ,—предается религіозпымъ преданіямъ средняго въка и учоному одушевленію новъйшихъ временъ. Никогда, ни одинъ ком-

позиторъ, не представлялъ подобнаго смъщенія естественныхъ пъсенъ, простыхъ мелодій и сложныхъ, трудныхъ гармоній. - Въ музыкъ Бетховена не одно безконечное стремление, но и проявление абсолютнаго духа; она составляетъ глаголъ того міра, въ которомъ блаженство въ духъ стало достовърностью. Что предощу-щалъ Гайднъ, къ чему стремился Моцартъ, то высказалъ Бетховенъ; онъ положилъ истинное, духовное основание своему великому искусству. Эго такой художникъ, истинное понимание котораго дается только вдохновеніемъ. Всь чувства человька, всю безконечность души его, обняль Бетховенъ. Возвышенность, свобода и глубина, одушевленная торжественность, любовь съ ел святою, тихою грустью и трепетным в блаженствомы, величественная религіозность и кроткое благогованіе, стремленіе къ безконечному и вдохновенное пребывание въ немъ; - не щекотанье нашего слуха, не забавы и услаждение чувствъ, но тапиственный, потрясающій душу говоръ, — голосъ изъ области, недоступной для самой мысли, — языкъ существъ совершеннъйшихъ, небесный, очаровательно выраженное предчувствие высочайшаго блаженства, -вотъ что проявляется въ стройномъ совокуплении звуковъ музыки Бетховена. — Его величіе уничтожаетъ воображеніе, и падаетъ предъ нимъ всякое мягкое, сантиментальное чувство, всякая бользненная, безсильная душа; разсудокъ не въ-силахъ следовать за нимъ; лухъ и фантазія возстають тогда и возпосятся въ міръ идей, а въ этой сферь чувство освобождается отъ безконечнаго, неутомимаго стремленія, но наполияется сознательнымъ и полнымъ блаженствомъ: въ этой музыкъ царство духа стало дъйствительностью. - Божественное величіс, въчное торжество побъды свъта надъ мракомъ, выступаетъ въ Бетховенъ; но человакъ не только не уничтожается предъ лучезарнымъ свътомъ ихъ, напротивъ, внимая имъ, онъ сознаетъ себя причастникомъ этого незаходимаго солица духа, гражданиномъ этого въчнаго, блаженнаго царства... Таковъ Бетховенъ, такова его музыка! Не достаетъ пи мыслей, ни словъ, чтобы высказать все величие его и достаточно определить характеръ и сущиость его музыки... гулійнована статурнова за папатация вистем им испаМ

стильны, всен природо, прубля тыт види представляеть этот в пейтигровый видинента Ти об терровических предправатор, и, minimization of the state of th pas seccionel of amphilitary and administration to copy, excessive terms SARONE, -- TREATMENT OF THE PROPERTY OF THE SANDERS SPECIAL CORN. CO. P. C. C. many paymentonin naveliment opening. Hurarys no oxidet non

Lerronnia, france, rotors, roman, manual, carrer, serious,

MASEITA.

Обрызавать кропыс, Карать стремцыея

Pro pair, eradant no lia noceatran a

Can't rudners and train, No a vort

Parerr connects, a coord Env Plera veryanera

Из виду сперианодохум огней

lipour oremnayon as anough

ПОВЪСТЬ ЛОРДА БАЙРОНА.

Canon hore, as spanerally begenning

Is sen-at assume more Repell

Надъ Карломъ, въ страшный день Полтавы, Потухла счастія звъзда: Разбитый въ прахъ, съ стези кровавой Онъ тамъ сведенъ былъ навсегда. И власть, и слава одольныя, Невърныя, какъ поколънья Ихъ обожателей-людей, Къ стопамъ Царя послушно пали! И стънъ московскихъ не видали he anne porce Враги; и бури миновали Hesoph Hagean Москву, пока черный, грозный dionapar no-dapenoid Година не настала ей. Когда судьбы долженствовали Позору, гибели предать Славный вождя, несмытный рать!

11.

Такъ неизбъжный рокъ свершился!.. И. силясь раны превозмочь, Обрызганъ кровью, Карлъ стремился Чрезъ ръки, степи, день и ночь. Его рать сгибла; но въ несчастьи Щадить его упрековъ гласъ. Хоть правда смело въ этотъ часъ Могла гремъть предъ самовластьемъ. Несется Карлъ-коня его Разитъ свинецъ, и своего Ему Гіета * уступаетъ. Самъ гибнетъ въ-чужь. Но и тотъ Подъ Карломъ мертвый упадаетъ, Свершивъ такъ браво свой полетъ!.. И въ дебряхъ, сумракомъ одътыхъ, Въ виду сверкающихъ огней Сквозь льсъ, на вражескихъ бекетахъ, Король съ дружиною своей Ночлегъ опасный обратаетъ. За эти-ль лавры межь царей Такъ брань неистово пылаетъ?-Изнеможенъ, окрававленъ, Подъ дикій дубъ Карат положонт; Его быетъ дрожы; пылаютъ раны: Онъ глубоки... Ночь мрачна. Смыкаетъ очи Карлъ—нътъ сна; И дышутъ холодомъ туманы. Но не скорбълъ, не унывалъ, И какъ вассаловъ подчинялъ Всъ роды золъ своей онъ волъ. Въ дань року духа не принесъ; Позоръ паденья въ тяжкой долъ Монархъ по-царски перенесъ!

> Когла сульбы долологогорияли Позору, габоля пролягь Слагаля покаль посматили г

> > BLA M

^{*} Gieta — полковинкъ шведскій.

Вожатыхъ рой! Увы, какъ мало Ихъ съ поля смерти ускакало! Но полнъ отваги пылъ сердецъ Въ остаткъ этомъ!-Наконецъ, Толпа героевъ, омраченныхъ Тоской, безмолвіс храня, Садится на земь, вкругъ царя, И подль коней утомленныхъ. Въ нуждъ мы всъ друзья: судьба Людей и тварь въ бъдъ равняетъ. Мазепа ложе избираетъ Подъ старымъ дубомъ для себя. Украйны Гетманъ, бодрый, смълый, Угрюмъ, какъ дубъ его дебълый, И также старъ почти, суровъ; Но напередъ вождь козаковъ Съ коня стеръ мыло; торопливо Ему постель изъ листьевъ склалъ; Разгладилъ чолку, вытеръ гриву, И разнуздалъ его, и живо Взоръ старца радостью сверкалъ, Когда увидълъ онъ, какъ жадно Усталый конь на кормъ напалъ; А то онъ ждалъ, что къ ночи хладной Пренебрежетъ скакунъ травой, Покрытой позднею росой. Но безъ причудъ былъ конь ретивый, Какъ самъ вздокъ, и терпъливо Нужду и трудъ переносилъ. Могучъ и быстръ, въ порывъ силъ, Какъ вихрь онъ Гетмана носилъ! Отъ звука шпоръ, отваги полный, Радъ былъ летъть въ огонь и волны! На зовъ знакомый онъ бъжалъ; Мазепу въ сонмахъ узнавалъ; Кипи народъ окрестъ пучиной, И въ мракъ ночи ни единой две опека и Те Не брезжи звъздочки съ высотъ,

aking nepasuara enopa en aparoua.

Свободной степи сынъ свиръпый, Онъ бодро несся-бъ за Мазепой Съ заката солнца по восходъ! —

He nough create but 'YI specie

И вотъ Мазепа разстилаетъ Широкій плащъ; подъ дубъ густой Вонзилъ копье, и озираетъ, Снарядъ въ порядкъ-ль боевой: Булатъ осматриваетъ ловко; Глядитъ-прикръплены-ль ножны; Не разсорился-ль порохъ съ полки; Курки надежно-ль взведены. Потомъ старикъ давай походный Готовить ужинъ: и свободно. Безъ царедворческихъ затъй, Имъ угощать поочерёдно И вънценосца и вождей. Превозмогая скорбь и раны, Упрямо твердость Кара в хранить; И дълить ужинъ съ свитой бранной. И вотъ Мазепъ говоритъ: «Взгляни-хоть все въ толие героевъ «Монхъ, сильны рукой, тверды «Душой-но въ стычкъ-ль, въ вихръ-ль боевъ -«Ни одного изъ ихъ среды «Тебя отважнъе, удалый! «Съ дней Александра не бывало «На рубежахъ земли четы, «Другъ съ другомъ сродной такъ, какъ ты «Съ своимъ, Мазепа, Буцефаломъ. «Вся слава Скиновъ предъ тобой «Ничто, когда летишь стрълой «Ты черезъ глубь, иль въ чистомъ поль.» А тотъ въ отвътъ: «Проклятье школь, «Гав удаль эту я постигъ!» -«За что-же, если въ ней, старикъ, «Ты славно такъ образовался?» —«Не время говорить о томъ: «Еще неравный споръ съ врагомъ

«Для насъ въ степяхъ не миновался;
«Еще не разъ взмахнуть мечомъ
«Придется намъ въ отбой погони,
«Пока свободно за Днъпромъ
«Не раздохнутся наши кони.
«И должно, Царь, чтобъ слабость силъ
«Ты сномъ цълебнымъ подкръпилъ.
«А я дружины утомленной
«Межъ-тъмъ возьмусь стеречь покой.»
—«Нътъ, старый Гетманъ, непремънно
«Хочу разсказъ я слышать твой.
«И, можетъ, часъ успокоенья
«Навъетъ повъсть мнъ твоя.
«Теперь-же-бъ кстати—нътъ терпънья!
«Томитъ безсонница меня.»

V.

-«Изволь Монархъ: въ надежат этой Готовъ давно-минувши лъта Старикъ на память привести. Да, такъ, я былъ лътъ двадцати. И Казиміръ владълъ короной — Янъ Казиміръ. — А л пажомъ Седьмой ужъ годъ служилъ при немъ. Вотъ истинно былъ царь учоной! Съ тобой подобія-ни въ чомъ. Опъ не терпълъ кровавой брани; Соблазнъ воинственныхъ стяжаній Его луши не искушалъ. И Янъ, не будь лишь сеймскихъ преній, Премирно-бъ царствомъ управлялъ. Я не скажу, чтобъ огорченій Житейскихъ вовсе онъ не зналъ: Янъ музъ и женщинъ обожалъ, А съ ними ладить трудъ не малый. Разбъсять такъ его бывало, Что Янъ въ отчаяньи, за-чъмъ Онъ на ведетъ войны ни съ къмъ. Но чуть лишь буря утихала, Онъ книгу новую читалъ,

Въ другую женщину влюблялся, И пышные пиры давалъ! И цълый городъ собирался Взглянуть на роскошь тыхъ пировъ! Янъ ото всъхъ своихъ пъвцовъ Честимъ былъ польскимъ Соломономъ. Но обойденный пенсіономъ, Изъ нихъ одинъ лишь очернилъ Его въ язвительной сатиръ; И страхъ какъ хвастался, что въ міръ Онъ никому льстить не любилъ. То дворъ затъй различныхъ былъ, Гав безъ изъятья, всв вельможи, Пускались рифмы плесть. Я тоже Стихами бредилъ иногда, И псевдонимъ мой былъ всегда: «Тирсись унылый».

Въ Польшъ сильный Жилъ воевода той порой: Графъ блескомъ, древностью фамильной Извъстный всемъ въ земле родной; Богатъ какъ рудникъ золотой! И гордъ былъ онъ, высокомъренъ, Какъ въ этомъ всякой ужъ увъренъ. Графъ такъ былъ знатенъ, такъ богатъ, Что въ целомъ Царстве Польскомъ врядъ, Ему нашолся-ли-бъ кто ровный. И блага такъ онъ обожалъ, И въ дурь такую онъ впадалъ, Своей любуясь родословной, Что доблесть предковъ безусловно Своею собственной считаль. Не то супругу занимало. Она, годами тридцатью Моложе мужа, проклинала И власть его, и жизнь свою. А послъ тягостныхъ волненій, Надеждъ, желаній, опасеній, Прощальныхъ славъ доброй слезъ, Одной иль двухъ пестройныхъ грезъ, Романсовъ, вальсовъ, объясненій Съ толпой поклонниковъ, — должно Извъстивихъ случаевъ ждать было.

thouse was view view and and and

«Мазена сумрачный тогла Красавцемъ слылъ; въ мон года Ужъ мнь такъ выразиться можно. На утръ жизни безтревожной, Изъ юной знати той земли, Взять верхъ немногіе могли Въ дарахъ природы надо мною. Я молодъ, веселъ, ловокъ былъ; Мой ликъ тогда не походилъ На нынъ видимый тобою. Какъ смуглъ и грубъ теперь сталъ онъ — Такъ нъженъ, свъжъ, быль той порою. Войной, лътами удручонъ, Я какъ-бы весь переродился, Случись родныхъ мив повстрвчать — Изъ нихъ никто-бъ теперь признать Меня своимъ не согласился. Но безобразіемъ морщинъ За-долго страсти до съдинъ, Мое лицо такъ исказили; Ты знаешь, годы не убили Ни силъ, ни бодрости моей, А то-бъ про быль минувших в дней, Подъ этимъ дубомъ и средь этой Холодной тьмы, тебя бестдой Не занималь теперь старикъ... Но слушай-же: - Терезы ликъ... Она, мнъ кажется, строптиво Скользить предъ нами вотъ-такъ живо Воспоминаніе объ ней! — Но нътъ, я не найду ръчей, Для описанья тъни милой; Тереза пламенемъ очей На Азіятку походила;

Въ нихъ отразилась вся краса Сосъдокъ Польши сладострастныхъ: Какъ у Турчанокъ, также ясны, Черны, какъ эти небеса, У милой Польки были очи! --И въ мглъ ихъ лучъ сверкалъ живой, Какъ будто мъсяцъ молодой Изъ-подъ покрова полуночи! Большія, чорныя, онъ Купались въ влагъ сладострастной; И мвилось, сумракъ ихъ прекрасный, Растаетъ въ собственномъ огнъ: И полу-живы, полу-томны, Онь взирали, какъ горъ, Въ часъ смертной муки, на костръ, Взпраетъ праведникъ безмолвный. Чело, какъ лоно вешнихъ водъ, Когда пхъ глубь зарей златится: Не ропшуть волны, а глядится Въ ихъ синеву пебесный сводъ. Уста, ланиты-но напрасно Распространяться такъ о ней. Ее любилъ я; къ ней пылъ страстный Горитъ досель въ груди моей. А кто таковъ, какъ л, - не знаетъ Границъ въ сей страсти, п пылаетъ Душой средь благъ и въ бурв бъдъ. -Въ ожесточеньи самомъ даже Мы върны ей; идемъ подъ стражей Любви до самыхъ позднихъ льтъ. И вотъ примъръ тому Мазепа, Досель ей преданный такъ слепо.

VII.

«Намъ случай видъться бывалъ;
Въ насъ встръча пламень раздувала;
Смотря ей въ очи—я вздыхалъ,
Она безъ словъ— но отвъчала.
Првиътъ и средствъ не перечесть,
Въ которыхъ тайна для насъ есть
Другъ-друга молча понимать.

Но въ чомъ она — не разсказать... Есть искры — мыслей отраженье — И что не скрыто въ глубинь Души — всему дають онъ Таинственное выраженье. И огненная цъпь изъ нихъ Куется свлой чудотворной, И ей связуются невольно Сердца любовниковъ младыхъ. Съ Терезой встрътясь, я вздыхаль, Я плакалъ — но не забывалъ, Какой рубежъ насъ раздъляетъ. И наконецъ къ ней обрътаетъ Мазепа доступъ — и съ-тъхъ-поръ, Неистощимый разговоръ Нашъ съ ней свободно начинался. О! сколько разъ я покушался Открыться ей, — но робость, страхъ, Мой замыслъ въчно разрушали... Я говорить - и на устахъ Монхъ, какъ прежде, зампрали, Рождаясь, звуки... Но пора Моя настала. Есть игра, Пустая, вздорная; за нею Проводять день; но не умью Ее назвать. Не номню, разъ, Какой свелъ случай вмъстъ насъ. li cangain nous За той, мы кажется, сидъли Игрой. - Но лумать объ игръ-ли H могъ? — Въ умъ лишь было то́, Что я одинъ въ минуты эти Близь той, которую ни что Не замъняло мнъ на свътъ! — И за Полячкой мололой Я наблюдаль, какъ часовой. Пусть въ эту темнеть нашей стражей Преобладаетъ зоркость таже. И было такъ... Вдругъ вижу я, Она задумываться стала; Развлечена, не замъчала Своей игры. Игра моя —

И не грустить; была за ней — Не веселится; и хоть явно Наперекоръ удача ей — Но длить забаву своенравно Не престаетъ. - Ужъ ей пора -И все ни съ мъста — та-жъ игра, Та-жъ развлечонная бесъда! — И вдругъ, какъ молнія вотъ эта, Сверкнула мысль во мнъ. У ней Въ лицъ такое что-то было, Въ чомъ все надеждой такъ свътило. За мыслыю хлынулъ токъ ръчей! И хоть въ нихъ мало было склада. Но все-же выслушали насъ, А только этого и надо. Вияла-ли женщина намъ разъ Въ другой — готова слушать вдвое. Въ ней сердце, върь, не лединое, Ея суровость — не отказъ.

Modes and the formation

«И я любилъ, и былъ любимъ. Ты, говорятъ, Монархъ, крушимъ Весь въкъ свой не былъ страстью нъжной. А если такъ, то про матежный, И сладкій пылъ любви, тебя Не утомлю разсказомъ я. А то-бъ онъ для души холодной Твоей былъ вздоренъ и смъщонъ. Не всякой въ міръ сотворенъ Повельвать, тебь подобно, Страстями сердца и судьбой Народовъ! Я былъ самъ главою, Вожатымъ тысячъ, и за мной, На гибель первымъ тёкъ любой Изънихъ, — но, сильный надъ толною, Не властенъ былъ я надъ самимъ Собой. — По рачь возобновимъ: в обожаль, и быль любимъ. Любовь плънъ сладкій, правда, только

Онъ сопряженъ съ развязкой горькой. Видались тайно мы; и часъ во водения вом. Къ тому условный, каждый разъ Былъ благъ небесныхъ ожиданьемъ! Дни, ночи-были для меня Ничто — вся жизнь ничто! Заря, Закатъ мой — ясны вспоминаньемъ Часовъ свиданья лишь. —Опять Готовъ Украйну-бъ я предать, Что-бъ возвратить ихъ сладость снова. Преобразиться вновь въ того, Кто быль владыкой одного Тогда сокровища такого; Въ того счастивиа молодаго, Кого лельяли въ ть дни Дары природы лишь одни — Краса и юность золотая. Видались тайно мы — (двойная Услада сердцу, говорять, Въ такомъ свиданьи) можетъ-статься! Что-жъ до меня, то я, признаться, Всегда быль бъщенствомъ объять, Что лишь украдкою такою Могли делиться мы душою. Я быль-бы жизнь готовъ отдать, Что-бъ только вслухъ ее назвать Своей предъ небомъ и землею.

Чтобы такос-ыл прихі очине. Не поэторилося сонть

Глазъ зоркихъ много за четой Любовниковъ. Надзоръ такой Былъ и за нами. Демонъ злобный, Поступкомъ, нашему подобнымъ, Ужъ върно, не былъ раздражонъ. Не знаю къмъ, но на влюбленныхъ, Въ одну изъ ночей вожделенныхъ, Былъ рой шпіоновъ наведенъ. Схватили насъ. Вулканомъ ярымъ Пылала злоба въ Графъ старомъ. Обезоруженный, съ толной

Я не отважился на бой: Мой подвигъ былъ-бы безуспъщенъ, Ла и тогда-бъ мит не помогъ, Когда-бъ хоть съ темя и до ногъ, Я быль оружіемъ обвъшенъ. Къ тому-жъ толной былъ схваченъ я Близь замка Графа, отъ жилья, Людей и помощи далёко! Еще тогда сквозь мракъ глубокой Нигат не брезжилась заря. Не ждалъ я, чтобъ сіянье дня Въ числъ живыхъ меня застало. Казалось, смерть ужъ сосчитала Мои минуты; и въ тиши, Изливши исповъдь души Предъ небесами, и смиренно, Молитвой съ гробомъ примиренный, Я предался моимъ врагамъ. Меня ватага къ воротамъ Большаго замка проводила. Не зналъ я, что съ Терезой было, Какой надъ бъдной судъ свершонъ. -Судьба съ-тъхъ-поръ насъ разлучила. Свиръпый, грозный мужъ былъ онъ, Надывный этотъ воевода. Старикъ вину такого рода Могъ и забвенью-бы предать; Но къ мести звало опасенье, Чтобы такое-жъ приключенье Не повторилося опять Въ его грядущемъ покольньь: Да и фамильный гербъ его Страдалъ не мало отъ того. А воевода оскорбленный Былъ солнце рода своего, И мужъ первъйшій во вселенной! Такимъ онъ самъ себя казалъ Въ глазахъ вельможъ высокомърныхъ; Меня-жъ, вичтожнаго, навърно И человъкомъ не считалъ. О срамъ!.. вмъщайся въ это дъло

Какой-нибудь блестящій родъ, Тогда-бъ, быть-можетъ, оборотъ Совсьмъ другой оно вмедо. Но пажъ ничтожный... О! какимъ ал оющ с Графъ былъ неистовствомъ палимъ!... Bearant uponamen militaria.

По грозосъ, констій на гараль Нив доходить до нагл. Хыть-вожесть, И ота мысль моне трозовить. Коня!.. и конь быль подведень. То правда-конь былъ бравый, статный, Украйной вскормленъ благодатной! Казалось, весь онъ превращонъ влийе дист Въ порывъ былъ мысли. Дикъ былъ онъ, Какъ серна дикъ, не укрощонъ. поло пакуя!! Бичомъ, ни шпорой не израненъ, дели ин ээй Лишь накануна заарканенъ; подт ни станда Свирьпо-бъщенъ, и съ грозой, пол выпада Стопами роя прахъ земной, зтока вислона оП Храпълъ, дрожалъ онъ, — дыбомъ грива! Весь въ пънъ, въ страхъ, предо мной Стоялъ дикарь нетерпъливый. И вотъ рабовъ свиреныхъ рой, Съ его хребтомъ меня ремнями Перекрутилъ. Арканъ долой! Внезапно бичъ гремитъ надъ нами... Впередъ! — И мы въ опоръ! Быстрый, шумный потоковъ горъ!

Harara byilings padounce By to spens, sapao, aIX start

Royas, naus monuis, nonveno. «Впередъ! впередъ! духъ замеръ мой! и вто Не взвидълъ я, куда со мной втоен того от Понесся конь; разсвътъ дневной на ванижной Еще чуть брезжился съ высотъ — в даруг в.Н. А мы стремглавъ, впередъ! впередъ! И вмигь толпъ враговъ незримы! од ви вари! Последнимъ звукомъ вследъ коня Былъ дикій хохоть, доносимый Отъ буйныхъ вътровъ до меня. Вабъщонъ, насмъщливой толпою,

Я варугъ рванулся головою - долования И вотъ какъ не было ремня, Которымъ былъ притянутъ я За шею къ гривъ лошадиной. И приподнявшись въ половину, Врагамъ проклятья посылалъ. Но грохотъ конскій не давалъ Имъ доходить до нихъ, быть-можетъ. И эта мысль меня тревожитъ. Мив-бъ не хотелось уступить, Но зломъ за зло врагамъ отметить! Насъвремя послъ поквитало: Тамъ замка гордаго не стало. Его тяжолыя врата, пробем анадо авицов аб Пруды, окопы, рвы, ограды - вычет анал Все въ прахъ и пламень безъ пощалы! Окрестъ ни травки, ни куста! привания Кой-гав лишь плющъ осиротельно опробления По сводамъ вьется обгорълымъ. Лежить-ли путнику тамъ следъ, Идеть-и признака вкругъ нътъ, Что вамокъ тутъ стоялъ когда-то. Я эрълъ, какъ пламенемъ объятой, Съ высотъ, тамъ башенъ рухнулъ рядъ. Какъ лава съ равющихъ палатъ, Шумя, свинецъ лился кипучій. Ничто всъ скръпы противъ тучи на запачана Свирыныхъ метителей враговъ! Ватага буйная рабовъ Въ то время, върно, не мечтала, Когда, какъ молнія, помчало Отъ нихъ чудовище меня, глоченя ! глочен За Что часъ настанетъ мой, и я, в ападняя оН Должникъ признательный, къ ихъ пану, На тучахъ конницы нагряну, жоло атте ода За шутку шуткой отплатить, некоменто там А Пора на все даетъ намъ случай. пот апиле П

Последника заумома вследа коли Была дикій хохода, диксимый

На крыльяхъ вътра, миновали привы глада Въ пути всъ признаки жилья! дане візна оН Мы лётомъ воздухъ разсікали, Какъ метеоръ, когда за нимъ, Потухшимъ съ трескомъ громовымъ, Огни зарницъ браздятъ мракъ ночи. Стремлю окрестъ я робко очи — Въ виду ни города, ни сёлъ! Но разетилался дикій доль, Дремучимъ боромъ окружонный; Да лишь, черитя въ сторонъ, Громады башенъ зрълись мнъ На высотахъ, сооружонныхъ Встарь отъ грозы татарскихъ ордъ. Повсюду глушь. Предъ тъмъ за годъ Тутъ войско Турокъ проходило: Гав кони спаговъ протекли, Окрававленной той земли Ужъ мурава не зеленила. Взглянулъ я въ высь-и надо мной, Какой-то тяжкой, сизой мглой Омрачено все небо было. А долу, вкругъ насъ, вылъ уныло Передразсвътный вътерокъ. Хотълъ-бы съ нимъ я вздохомъ слиться— Но быстръ впередъ, впередъ нашъ скокъ. И напрягая грудь, не могъ
Я ни вздохнуть, ни помолиться. Холодный потъ, какъ градъ, съ меня Струясь, на гриву лилъ коня; Огъ страха, гивва, онъ храпалъ, И бурно вдаль, все вдаль летълъ. Порой надежду я таплъ, Что конь мой выбьется изъ силъ. Но нътъ! для бурп столь могучей Начтоженъ былъ мой станъ летучій. И только шпоры заманяль! Освободить-ли я пскалъ Отъ узъ распухнувшіе члены, — Въ конъ усильемъ напряженнымъ Лишь пуще гиъвъ я раздражалъ. Порой вскричать я покушалсяКрикъ зампралъ, едва звуча;
Но двкій звърь, какъ отъ бича,
При каждомъ звукъ содрогался,
Какъ-бы трубы внезапный громъ
Онъ слышалъ въ голосъ глухомъ!
Межъ тъмъ, изъ ранъ всъхъ выступая,
На членахъ кръпко кровь густая
Ряды веревокъ запекла
И страшно жажда неземная
Палить гортань мнъ начала.

Prouduct beauth of IIIX and Ha meteoraxy coop.

«Предъ нами лъсъ. Смотрю кругомъ-Предъловъ нътъ ему... Мъстами... Деревья хмурилися въ немъ, Произращонные въками; И устилая слъдъ бъдами, Несясь изъ нъдръ Спбирскихъ странъ, Ихъ не колеблетъ ураганъ Своею силою могучей!.. Своею силою могучеи:.. А вдаль, подъ сънью ихъ дремучей, Вилась цъпь зелени густой, Такъ нъжно-юной, и порой Непоражонной еще той, Когда хладъ осени суровой, Мертвя дубравы, листья ихъ Непоражонной еще той, Пятнаетъ краскою багровой; И раветъ этотъ знакъ на нихъ, Какъ кровь на трупахъ незарытыхъ Въ сраженьи ратниковъ побитыхъ, У конхъ воронъ не произитъ Морозомъ стянутыхъ ланитъ; То, зеления, разстилался Кустарникъ дикой. — Здъсь и тамъ Каштаны высились; очамъ То дубъ могучій попадался, То сосны мрачныя кой-гдж, Но порознь всъ — или-бъ бъдъ Не миновать. Намъ уступали

Деревья путь; и не терзали Сучки мнъ ребръ; упасть съ коня -Напрасный страхъ; не одольли И язвы лютыя меня, Какъ вътръ мы листьями шумъли! — И вотъ въ мгновенье облетъли Деревья, зелень и волковъ! — Я слышалъ, сердцемъ замирая, Ихъ шумъ во-следъ своихъ следовъ! Какъ ураганъ неслась ихъ стал, За нами въ сумракъ ночномъ! Куда-бъ мы бъгъ не устремили, Повсюду волки за конёмъ, Ло всхода солнца насъ слъдили! Ихъ на разсвътъ видълъ я: Ихъ рой на шагъ лишь отъ коня Сквозь чащу льса прорывался! А въ мракъ ночи раздавался Во-следъ намъ топотъ ихъ глухой! О! что-бъ кинжалу быть со мной, Я вторгся бъ въ ихъ среду съ отрадой! И еслибъ гибель обръсти Должно — я палъ-бы, но среди Окрававленнаго мной стада. Какъ конь сперва понесъ меня — Желалъ предъла бъгу я — Теперь боязнь меня томила, Чтобъ не утратилась въ немъ сила, --Напрасно! дикій сынъ степей Стремился серной быстроногой. Играетъ выога не быстрый Зимой вкругъ хижины убогой, Какъ онъ летълъ путемъ глухимъ! Суровъ, свиръпъ, неукротимъ, Весь буря, пламень, образъ ада, в вмаг П Какъ избалованное чадо, дат описка отвода Какъ своенравная жена, мен за да ступпы Когда обижена она.

Усельной пристан, паконедівний в Усельной пристанти на облюзавителної пристанти

XIV.

Лъсъ мимо. День ужъ вечервать. Но воздухъ, чувствую, свъжелъ, Хоть быль іюнь тогда. Иль въ жилахъ Моихъ ужъ кровь, быть-можетъ, стыла. Подъ пыткой медленной падетъ И духъ могучій. Я не тотъ Въ ту пору былъ. Нетерпъливый. Стремительный, какъ бурный токъ. Чувствъ необузданныхъ порывы Я прежде изъявлялъ, чемъ могъ Постичь причину ихъ стремленья. — И мудрено-ль, что изнемогъ Я на-минуту отъ мученья. Страхъ, пытка, бъщенство и стыдъ, Быть такъ свирепо осужденнымъ — Всъхъ этихъ золъ сосудъ испитъ Вполнъ былъ тъмъ, кому врожденнымъ Въ крови остался свойствомъ пылъ, Который въ злобе походилъ На смертью дышущее жало. — Земля, казалось мнъ, бъжала; Небесный сводъ ходилъ вругомъ; Съ коня валюсь — но нътъ, на нёмъ Скручонный, кръпко я держался; Мой мозгъ трещалъ; духъ занимался, То въ сердцъ трепетъ пробуждался, То обмираль я — небеса, Какъ-бы громада колеса Неизмъримаго катились; Деревья падали, кружились; Вдругъ блескъ мгновенный мнъ въ глаза -И тьма вастала... Нътъ, на свътъ, Никто ужасно такъ, какъ въ эти Минуты я, не умиралъ. Мракъ наступалъ и исчезалъ... Хочу опомниться — напрасно! Усилью чувство неподвластно. Такъ на обломкъ корабля

По бездив носится несчастный, Когда валы, всхолмясь, тебя Въ морскую пропасть погружають; И въ то-жъ мгновенье, изъ себя Въ міръ дикихъ дебрей извергаютъ! Волненьемъ чувствъ я походилъ На призракъ быстрыхъ тъхъ свътилъ, Которыхъ блескъ намъ эримъ бываетъ Въ полночной мглъ — когда палить Нашъ мозгъ горячка начинаетъ. Волненій этихъ вскоръ нить Перервалась. Но не забыть Следовъ ихъ. — Страшно если то-же Меня ждетъ вновь на смертномъ ложь! Однако намъ, какъ надо мнить, Горчьй придется чашу пить Въ часы предсмертнаго страданья. — Но что о томъ! — смерть не бъда: Отважный Гетманъ ей всегла Смотрълъ въ лицо безъ содроганья.

XV.

«Очнулся... Гав-жъ былъ я? Какъ ледъ, Весь хладенъ; члены въ онъменьъ: И мракъ и головокруженье Туманять разумъ мой. Но вотъ Сталъ биться пульсъ... И въ сердцв мало-По-малу жизнь затрепетала... Какъ вдругъ опять меня всего Проникъ морозъ, и устремилась Вся къ сердцу кровь, а до-того Она такъ медленно струилась!.. И дивный шумъ въ ушахъ моихъ!.. И сердце вновь затрепетало... Прозръли очи вдругъ; но ихъ Какъ-будто влагой заливало; Какъ гдъ-то слышу я шумъ волнъ... И вижу — звъздами сверкаетъ Небесный сводъ — то былъ не сонъ — Мой конь ръку переплываетъ!

И широко, окрестъ себя, За зыбыю, съ шумомъ, зыбь клубя, Дикарь пучину раздвигаетъ!. И отгандом а Борясь съ хаосомъ волнъ и тьмы, На серединъ вотъ ужъ мы! Вода боль ранъ моихъ смягчила; И истомленнымъ членамъ сила На-время новая дана. Широкой грудью, конь отважно, Дробитъ валы стихіи влажной, И воетъ въ-следъ насъ глубина! Но вотъ и берегъ, сномъ обытый... И мнъ ни сколько въ томъ отрады! За мною смерть и тьма была! Напротивъ — глушь и ночи мгла! Какъ долго съ смертью я сражался, Въ припадкъ судорожномъ спалъ — Не помню. Чуть лишь понималь, Въ какомъ я міръ обрътался. Смограль ръ лицо безъ окарогивъв.

XVI.

«И съ влажной шерстью, мокрой гривой, Клубами пара окружонъ, Мой конь бросается изъ волнъ На скользкій берегъ горделиво. Вскочилъ. — И залитое мглой, Безбрежье степи предо мной! И вотъ, теряяся въ эопръ, Растетъ все шире, шире, шире, Какъ зримымъ пропастямъ во сиъ -Нигав конца! — На вышанв проста вой Варугъ выплылъ мъсяцъ изъ тумановъ, И полнымъ свътомъ озарилъ Ряды разсъянныхъ кургановъ. по одгано И Какъ море зыблясь, серебрилъ Всю степь ковыль съдой! Напрасно Раздолье взоромъ мърилъ я --Нигат и признака жилья положение — умена П Не озаряль вкругъ мъсяцъ ясный! Хоть-бы где светочь одинокой да выстаной

Сверкнулъ привътомъ издалёка!
Или блудящій огонёкъ
По степи сумрачной пробъгъ —
И тотъ мнъ былъ-бы въ утъщенье!
Завиля свътъ вдали пустой,
Я обманулся-бъ коть мечтой,
Что не далеко до селенья.

Taken vitues of XVII. beach daying accept

He success the supplies at Manuelle

«Впередъ мой конь! но ужъ изъ силь Онъ выбился; склонясь главою, Онъ шаткой, медленной стопою, И взмыленъ весь, меня влачилъ. — Сталъ смиренъ, тихъ, ребенокъ слабый Могъ съ нимъ управиться тогда-бы, Но что-же въ этомъ было мнъ? Лежалъ скручонъ я на конъ. Но будь и воленъ, — можетъ, сила Мнв и тогда-бы изменила; Порой ръщался я, и рвалъ Веревки, злобой обалнный, Все тщетно — пуще только раны Я, порываясь, растравляль; Измученъ пыткою свиръпой, Я бросилъ замыселъ нельный, И ждать, что будеть, сталь. — Кой-глъ. Мерцанье свъта въ высотъ, Восходъ мнв солнца возвъщало... Увы! какъ медленно свътало! Казалось, въкъ въ степи глухой Не снимется туманъ съдой! Какъ онъ лъниво распадался!.. На горизонтъ показался Съ-начала пурпуръ. — Чередой Звъзда потухла за звъздой. И вотъ, всплывая надъ востокомъ. Заря въ величьи одинокомъ Пожаромъ по небу пошла, заправен вазумент И землю огненнымъ потокомъ Съ высотъ престольныхъ залила.

XVIII.

«Вскатилось солнце! расклубился Туманъ волнистый надъ страной, Повсюду мертвой тишиной Объятою. - Куда-жъ конь мой Такъ необузданно стремился Чрезъ глушь лъсовъ, чрезъ бездну ръкъ? Ни дикой зверь, ни человекъ, Не промелькнутъ въ краю забытомъ! Нигат стопой, нигат копытомъ Напечатлъннаго слъда, Ни знака жизни, ни труда! И самый воздухъ былъ молчаные: Ни насъкомаго жужжанье, Ни птички утренней напъвъ, Ни изъ-подъ травки, ни съ деревъ, Тамъ по заръ не раздавался. Давно чуть движась, подо мной Изнеможенный конь шатался; Давно духъ бурный занимался Ужъ въ немъ предсмертной хрипотой. И мертво все вокругъ насъ было... Но наконецъ, изь-за вътвей, Какъ-будто ржанье лошадей, Я слышу, воздухъ огласило... Не вътеръ-ли въ бору реветъ? Нать! нать! то изъ-за ласу мчится Табунъ, шумя-онъ близокъ - вотъ! Громовой тучею стремится! Я вскрикнуть-силъ не достаетъ. Летъ коней прахъ столбомъ вздымаетъ! Но гав-жъ они? Кто управляетъ Неукротимымъ табуномъ? Тьма коней, и не на одномъ Нътъ всадника. Хвосты ихъ, гривы, Клубятся по вътру игриво; Раздуты ноздри; мундштукомъ У нихъ въ вровь морды не размыты; Гвоздыми не пробиты копыты,

Крутыя бедра не изрыты Ни острой шпорой, ни бичомъ, -Тьма коней, бурныхъ, дикихъ, вольныхъ, Какъ ураганъ, морскія волны, Неслось на-встръчу намъ! Табунъ Завидя, ожилъ мой скакунъ. Съ минуту онъ перемогался, На гулъ знакомый отозвался Охриплымъ ржаніемъ... и палъ. Конецъ! онъ путь свой пробъжалъ! Потухъ въ могучемъ пламень гордый! Клубами паръ съ боковъ валитъ! Волною пъна хлещетъ съ морды! Притекъ табунъ... и вотъ глядитъ... И конямъ дивно, кони въ страхъ, Узря поверженныхъ на прахъ... Они стоятъ, они дрожатъ... На вътеръ морды... пъной прыщутъ. И вотъ шарахнулись... и рыщутъ, Кружатъ по степи... и назадъ, Грохоча, дружнымъ мчатся скокомъ, Водимы воронымъ конемъ, Главой табуна, и ни клока, Ни струйки бълизны на немъ! Вновь ржатъ, храпятъ... на стражъ ухо! И варугъ всъ врознь... и вотъ взвились... И снова къ лъсу понеслись Огъ человъческаво духа! Они покинули меня! Къ хребту издохшаго коня Привязанный остался я! И ни его, и ни себя, Не находилъ я ни умънья, Ни силъ, избавить отъ мученья. — На жизнь надежды никакой! И вотъ лежимъ! На охладъломъ Охладъвающій! Не смъла Дружиться мысль уже со мной, Что солнце встрычу я живой Заутра въ крав опустыюмъ.

Крутыв белра не ворхіх На острой шпорой, як сихом

«Проходитъ утро, день, но путы, Съ меня не пали, и минуты Судьбы ужасной, роковой, Ужъ тяготъли надо мной. И чуть могли мои зъницы Взирать на разнощій закать Послъдней для меня деннипы. Ужъ я былъ мракомъ тъмъ объятъ, Когда разсудокъ заставляетъ Насъ слепо ввериться тому, Что въщій голосъ льть, уму Последнимъ страхомъ предрекаетъ, Чего никто не избежитъ. Чего никто не избъжить, Въ чомъ даже милость смертный зритъ Порой, но отъ чего, однако, Готовъ-бы опрометью всякой Бъжать, какъ-будто-бъ звърь какой Гнался за нимъ; чего порой Мы такъ желали, умоляли, Порой неистово искали Съ мечомъ въ рукахъ-и все напрасно! Смерть людямъ въчный врагъ. Какой Не придавай ей видъ умъ твой-Во всякомъ, грозная, ужасна! И странно! счастія сыны, Въ уделъ которымъ суждены Всв наслажденья жизни дольной-Они встръчаютъ смерть спокойно, Спокойный, можетъ-быть, чемъ тотъ, Кого въ загробный край ведетъ Дорога бъдности суровой. Тотъ, кто извъдалъ въ жизни сей. Все, что ни мило въ ней, ни вово, Онъ ничего не ждетъ ужъ въ ней; Здъсь ничего не покидаетъ: И, кромъ помысла въ тиши, О темной въчности, души Его ничто не возмущаетъ... Бъднякъ-же върой полнъ... все ждетъ,

Что горе кончится... но вотъ Туманъ его объемлетъ въжды, Приходить смерть, и дерзко жнётъ Имъ насажденный садъ надежды, -За утро-бъ, можетъ, онъ донесъ Свой тяжкій кресть; вознаградились Его утраты; прекратились Недуги сердца, токи слезъ; За утро-бъ можетъ онъ впервые Творца за жизнь благословилъ, И пролиль слезы-бы святыя, И годы бъдствій роковые Въ избытка благъ онъ позабылъ; За утро-бъ онъ былъ грозенъ силой, Имълъ и власть, и блескъ царя — И утра этого заря Должна-ль равть надъ его могилой?

«Садилось солнце; все скручонъ Лежу на трупъ я. И съ страхомъ Сталъ помышлять, что съ конскимъ прахомъ И мой смъшаться обречонъ. И смерти требовали въжды. Мой часъ ударилъ, нътъ надежды! Я бросиль взглядь последній свой На небеса — и тамъ въ туманъ Ужъ вился воронъ надо мной. Онъ насъ терзать алкалъ заранъ, Чемъ возродится голодъ въ немъ; Остынемъ оба мы съ конемъ... То отлетить, то къ намъ онъ снова... И къ трупу онъ, что поворотъ, То ниже, ниже все... и вотъ Съ широкихъ крылъ его гробовый Ужъ въялъ холодъ мнъ на ликъ, Но мой глухой могильный вскрикъ, Руки усильное движенье Остановили нападенье... И воронъ скрымся отъ очей...

Не помню болье. Моей
Мечтой посльдней что-то было
О звъздочкъ... Въ пустынной тьмъ
Она то гасла... то свътила,
И издалека подходила,
Сверкая, ближе все ко мнъ.
Я, мнилось, въ волны погружался;
Вдругъ цъпенълъ и возвращался
Вновь къ ощущенью бытія.
Потомъ опять, какъ мертвый я,
И вновь перевожу дыханье...
Какой-то вдругъ недужный мразъ
Сдавилъ мнъ сердце, и изъ глазъ
Исторглись искры... тошно... горько...
И вотъ вновь трепетъ, вздохъ — и только.

Colectors of XXI. of France at -arrange.

«Очнулся... гдъ я?... что со мною? Кто это смотритъ на меня? Лежу на ложъ-ль?.. надъ главою Моею кровля-ль? точно-ль я Въ пріютъ мирномъ состраданья? И очи смертнаго-ль созданья Такъ на меня устремлены? Сочтя, что это еще сны Нелуга, вновь закрылъ глаза я. Алинноволосая, младая, Стройна, какъ пальма, у стъны Сидъла дъва. Быстро томной, Такъ полный дикаго огня, Казачка взоръ свой на меня Бросала въ горести безмолвной. Сверкавшій пламень глазъ ея Чуть только ожилъ, встрътилъ я, До-той-поры былъ къ ней прикованъ Пока увършлся, что нътъ, Я не мечтою очарованъ, Но что я живъ, гляжу на свътъ. И стаей врановъ не расклеванъ. Открылся взоръ, и на лицъ

Казачки радость заиграла; Я говорить хотвать-но мив Приметно сила изменяла. И лъва къ ложу подошла, И перстъ къ устамъ прижавъ, дала Понять, чтобъ я хранилъ молчанье, Пока совсъмъ пройдетъ страданье Пока безъ боли, безъ труда, Я отверзать могу уста. И за руку меня въ безмолвью Она беретъ, и поголовье Мое она приподняла; Потомъ неслышимо пошла Отъ ложа прочь, и отворила Легонько дверь, проговорила Тамъ что-то шопотомъ; я мнилъ Что слышу райскіе напъвы! И самый шумъ походки дъвы Въ себъ ту-жъ музыку таилъ! Но тъ, къ кому тотъ шопотъ былъ, Не пробуждались. И порхаетъ Казачка вонъ; но наперелъ Она свой взоръ въ меня вперяетъ; Еще разъ знакъ мнъ подаетъ, Что скоро вновь она придетъ, И что мна нечего страшиться; Что не замедлить все явиться На зовъ мой. - И что вынесъ я, Какъ скрылась дъва отъ меня?

XXI.

«Казачка вновь вошла съ отцомъ
И матерью. — Но чтд-жъ потомъ?
Я о своей превратной доль
Съ-тъхъ-поръ, какъ принятъ былъ подъ кровъ
Гостепріимныхъ казаковъ,
Не продолжу разсказа болъ. —
Они въ степи меня нашли;
Они, какъ трупъ перенесли
Меня подъ кровлю хаты ближней;

Меня призвали снова къ жизни... Меня, чтобъ властвовать потомъ Надъ краемъ ихъ... Кто предузнать свой жребій можеть? Пусть малодушье не тревожить Ни чьихъ надеждъ, ни чьихъ сердецъ! Затихнетъ скоро гулъ погони; За-утра будутъ наши кони Пастись свободно наконецъ На той странь ужъ Борисфена; Съ какимъ привътомъ я колъна Передъ Днапромъ склоню, когда, Богъ дастъ, минуетъ насъ бъда. И берегъ дружній наши очи Увидять... Братья, доброй ночи!...» И вотъ раскинулся старикъ На листьяхъ, настланныхъ подъ дубомъ. Одръ не новомъ и не грубомъ Тому, кто въ жизни сей привыкъ Вездъ поконться, гдъ-бъ только Не довелось ему, нисколько Не мысля, гдв, на чомъ. Какъ разъ Мазепа крыпкимъ сномъ забылся. И странно-ль вамъ, что за разсказъ Спасибомъ Карломъ не поплатился? Мазена вовсе не дивился: Карлъ спалъ назадъ тому ужъ съ часъ. its some and .- He are asserted

«Каначка пподъемния съ отцона. И матерыю.—На чэдеки потопал

Poercoplinaurity, handware.
He upogody pascensa dour, ---

LEGAL ATO MAL ASSET H. FORHIEBB.

дядя пахомъ.

AVACCIONAL CRESCA CONTRACTOR SALES BARCO MIL 63

nave, par varyo ocasio nomenago tallareol. Represente en Ilereprepera vara car dylavo unuva capadi approcesa na necomonio nama apocava, pensava semaina a vo caros ca trevna cró?. no-

комедія въ двухъ дъйствіяхъ.

(Передъланная съ французскаго).

creamanns for examenist, Kastal. He compare, August Mu-

дъйствующія лица:

BLE CLEAN BAIL BELTIGERET CHARLES

Авдрей Михайловичъ Сноповъ, купецъ 3-й гиль-	
Настинька, дочь его.	Г-жа Шелехова 2-я.
Пахомъ Михайловичъ, братъ его	
Прасковья Сергъвна, жена Пахома	Г-жа Сосницкая.
Самойла Моисеичъ Пустышкинъ, аферистъ	Г-нъ Мартыновъ.
Баронъ Думштольцъ	Г-нь Каратынинь 2-й.
Дмитрій Семеновичь, племянникъ его	Г-ит Самойловт.
Трофимъ, прикащикъ у Андрея Михайловича	Г-ит Воробьевт.
Слуга.	and the control of th

Первое действіе происходить въ уездномъ городке Псковской губернів; второе—въ Петербурге.

ДЪЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Простенькая комната. Въ срединѣ и по бокамъ двери. На первомъ планѣ на-лѣво фортепьяно, а на-право столъ съ письменнымъ приборомъ.

ABAEHIE I.

Пустышкикъ разсматривает ноты у фортепьяно; Андрей Михайловичь на-право, у стола, пишеть.

пустышкинъ. Посулите сами, почтеннъйшій Андрей Михайло-

вичъ, вы такую оказію не скоро найдете!.. Перевзжайте въ Петербургъ: тамъ вы будете имъть случай привесть въ исполненіе ваши проекты, нажить деньги... а то здъсь въ глуши что?.. ничего!

авдрей махайловичъ. Конечно; но вы не повърите, какъ мнъ трудно оставить навсегда городъ, въ которомъ меня любятъ, уважаютъ...

пустышкинъ. Вотъ еще! да чтобы разбогатъть, можно оставить не только вашу Псковскую губернію, но и рай!.. Я васъ увъряю, что всъ ваши чудесныя изобрътенія пропадуть здъсь ни за грошъ.

андрей михайловичъ (улыбалсь). Помилуйте, какія чулесныя

изобрътенія!

пустышкинъ (ст экаромт). Какія!.. Не говорите, Андрей Михайловичъ: я, можетъ-быть, только одинъ понялъ, какое сокроввще у насъ въ головъ!.. Знаете-ли, что съ машиной, которую вы выдумали, вы можете разбогатъть какъ... какъ... какъ Ротшильдъ! И прославиться еще въ-лобавокъ!..

андрей михайловичъ (съ радостію). Вы думаете?

пустышкинъ (разгорячаясь). Вы, просто, геніальный человъкъ! (въ-сторону) Надо ему немножко польстить.

анарей мыхайловичъ (вставъ и подойдя къ Пустышкину). Но

заведение фабрики сопряжено съ огромными издержками.

пустышкинъ. За симъ дъло не станетъ; у насъ всегла есть въ запасв люди, у которыхъ есть деньги, чтобы воспользоваться хорощями идеями. Я вамъ доставлю всъ нужныя суммы. Обдумайте только хорошенько все дъло. Теперь мнъ надо идти. Я скоро ворочусь и мы поговоримъ.

андрей михайловичъ. Я буду ждать васъ. пустышкинъ. Я скоро ворочусь... до свиданія.

(Yxoduma).

ABAEHIE II

Андрей Михайловичь, одинь, садится къ столу и погружается въ размышленія.

Да. Пустышкивъ правъ: устройство фабрики близъ столицы можетъ доставить мнъ большія выгоды... у меня здъсь не достаетъ средствъ...мнъ необходимо общирнъйшее поприще...Да!.. но сколько трудностей должно преодолъть!.. разстаться съ братомъ!..

Комедія

Ахъ, если-бъ не дочь моя... Я долженъ заботиться о ея будущно-

явление ии.

Андрей Михайловичъ, Настинька тихопько подходить къ отцу и опирается на плего его.

настинька. Здравствуйте, папенька!

андрей михайловичъ. Здравствуй, дитя мое... (цилуеть ее вы лобы и говорить, улыбаясь) Я готовъ биться объ закладъ, что ты только что встала?

настинька. Кто, я?.. какъ можно, папенька! Я уже приготовила урокъ французскому учителю. Вы хотите непремънно, чтобы я какъ можно больше училась, и я охотно вамъ повинуюсь.

андрей михайловичъ (со вздохом»). Да, дружочекъ... Не-смотря на то, что меня учили на мъдныя гроши, я поннмаю всю цъну наукамъ! Ученье свътъ, а неученье тьма. (встает») Я купецъ... и если я что-нибуль знаю, такъ это, благодаря страсти, которая влекла меня къ ученію. Когда я былъ еще сидъльцемъ, то, оченьчасто, воротившись домой изъ лавки, усталый, измученный, брался еще за книги и просиживалъ цълыя ночи! Я тогда уже любилъ мать твою; она была прекрасно воспитана, образована, и мнъ хотълось сдълаться достойнымъ ея. Теперь-же я хочу, чтобы ты болъе походила на покойную мать твою, чъмъ на меня.

настинька. Что вы говорите, папенька?..

андрей михайловичъ. О! я знаю, что между мной и братомъ моимъ Пахомомъ есть большая разница, но этого мало; пусть онъ сердится, что я обрилъ бороду и подстригъ волосы...

настинька. Онъ и теперь недоволенъ темъ воспитаниемъ, кото-

андрей михайловичъ (со вздохомъ). Онъ, можетъ-быть, в правъ... Впрочемъ онъ насъ очень любитъ; ты сама знаешь, сколько разъ уже онъ предлагалъ мнъ все небольшое имущество свое, для приведеніа въ дъйствіе моихъ проектовъ.

настинька. О, конечно!:. Онъ гордится вами... не такъ-какъ тетушка: она, какъ-будго завидуетъ намъ... хотя очень-въжливо обходится съ нашими знакомыми, хоть-бы, напримъръ, съ Дмитріемъ Семеновичемъ...

андрей михайловичъ. Неужели!.. Ахъ, да! кстати; онъ у насъ сегодня объдаетъ?

настинька. Да-съ; онъ объщалъ...

андрей михайловичъ (смотря на дочь). Онъ, кажется, большой охотникъ до музыки... ты сегодня послъ объда его поподчуещь какимъ-нибудь новымъ романсомъ.

явление им. в придокам в начин А

Настинька, Пахомъ Михайловичъ, Андрей Михайловичъ.

пахомъ михайловичъ (остановившись у дверей). Наше вамъ-съ!..

андрей михайловичъ. А! здравствуй Пахомъ!

пахомъ михайловичъ. Здорово, Андрюша! (Настинькъ) Здравствуй, цыпленочекъ!.. А что-съ, хозяйка моя не бывала?

настинька. Нътъ, дядюшка.

пахомъ михайловичъ. Въ-самомъ-дъль?.. Куда это она пропала?.. (Ст радостію). А вы еще не знаете, братцы, какое происшествіе.

андрей михайловичъ. Что такое?

пахомъ михайловичъ. Удивительная-съ вещица!.. Ну, то есть просто, мы теперь какъ сыръ въ маслъ будемъ-съ кататься... Прасковья Сергъвна прибъжала ко мнъ въ лавку съ этой въсточкой... Я и не вытериълъ, да и пустился-съ прямо къ вамъ въ старомъ кафтанишкъ! Ей-Богу-съ! Ну, да ужъ за-то въсточка! Хе, хе, хе! Я все, знаешь, по-просту, безъ гарматики!.. Да и что за чины съ братомъ!.. А у васъ въ домъ все благополучно?

андрей михайловичъ. Слава Богу! Но ты началъ говорить о ка-

кой-то новости..?

пахомъ михайловичъ. Не новость, а просто мое почтевіе!.. Да куда дъвалась моя дражайшая сожительница?.. Постой, постой! кажись она—ея голосъ!.. Точно, она! (поет»).

Слышенъ, слышенъ голосокъ Раздается во лъсокъ!

(Кригитт за дверь). Ну, ступай-же скорый поворачивайся!

явление у.

Настинька, Прасковья Сергъевна, Пахомъ, Андрей.

прасковья. Иду, илу!.. (Въ-попыхахъ). Заравствуйте Андрей Михайловичъ, здравствуй Настинька!..

пахомъ. Я не зналъ, куда ты пропала.

прасковья. Пропала! пропала!.. Я ходила къ городничему и тебъ туда-же надо пдти.

андрей. Къ городничему?

пахомъ. Да, да! она получила наслъдство?

андрей. Неужели?

пахомъ. Да, сударикъ, наслъдство!.. Въдь не шутка, сорокъдвъ тысячи ассигнаціями, или 12 тысячъ серебромъ!.. Ей-Богу-съ! андрей. Какъ я радъ! Добрый Пахомъ, теперь ты обезпеченъ на всю жизнь твою; дътей у тебя нътъ...

прасковья. Да-съ, теперь мы въ знать попали!

пахомъ. Именно! Я впередъ на квасъ и смотръть не стану, подавай намъ кислыхъ щей! И водки не хочу-все шинпанскова!

настинька. Какъ я рада вашему счастію, дадюшка!

пахомъ. Ну, братецъ ты мой, Андрей Михайловичъ, теперь у меня до тебя есть прошеньице.

прасковья. И чтобы вы могли лучше потолковать, то я пришла васъ звать къ объду.

андрей. Сегодня?

прасковья. Мы хотимъ на-радости созвать гостей; Настинька поможетъ мнъ въ хозяйствъ... она къ этому не больно привыкла... ну, да ничего, я ее выучу.

настинька (смотря на отца). Ахъ, тетенька, намъ...

прасковья. Ну что?

андрей. Мы не можемъ принять вашего приглашенія.

прасковья. Вотъ тебъ на!

андрей. У насъ сегодня гость.

прасковья (обиженная). А! это другое дъло... мы-жъ не могли знать, что вы сегодня угощаете... вы насъ, батюшка, не удостоили чести и не пригласили... куда намъ!

андрей. Это совству незваный объдъ! Ужъ коли намъ на-радости надобно провесть время вмъстъ, такъ останьтесь у меня объдать...

пахомъ. А кто твои гости?

андрей. Какіе гости! Одинъ Дмитрій Семеновичъ.

T. VIII.

прасковья. Кто это? чиновник 6?.. Не люблю его! пахомъ. Отчего-же, матушка?.. За что-жъ его не любить? прасковья. А ты нешто забылъ, что не любишь Нъмцевъ? пахомъ. А развъ овъ Нъмецъ?.. Я этого не зналъ-съ; правда твоя, Параша, не люблю Нъмцевъ.

прасковья. Хоть онъ не чистый Намецъ, да мать его была

Нъмка.

андрей. Полноте! будто Нъмцы не люди? За что-же ихъ...

пахомъ. Охъ, не говори!. терпъть не могу... я помню, въ 12-мъ году, мнъ было 18 лътъ отъ роду, и я жилъ тогда въ Смоленскъ. Охъ, отцы родные! худое было время, когда Францувъ подступалъ къ матушкъ Бълокаменной... тогда-то я видълъ Нъмца, который хотя былъ въ нашей службъ, но отдался въ руки непріятелю...

настинька. Но чемъ-же туть виновать Дмитрій Семеновичь? прасковья. Ужъ ты, матушка, не говори! Мы знаемъ, что ты за него заступаться будешь. Онъ почти живетъ у васъ въ доме безвыходно! И все знаютъ, за чемъ онъ здесь сидитъ!..

настинька. Я васъ не понимаю.

андрей. Прасковья Сергъевна, ради-Бога!

прасковья. Чего тутъ!.. Слепой увидитъ, что онъ за ней ухаживаетъ... а она, матушка, не больно-то серчаетъ.

настинька. Тетушка!

андрей. Ступай, Настинька, оставь насъ однихъ!

(Настинька уходить).

ABJEHIE VI.

Тъже, кромъ Настиньки.

пахомъ (эксень). Вишь ты, глупая... вздоръ нагородила... ай язычовъ!

андрей. Прошу васъ, Прасковья Сергъевна, не обращаться впередъ съ подобными замъчаніями къ дочери моей...

прасковья. Откуда, батюшка, строгость такая?

анарей. Вы придаете посъщеніямъ Дмитрія Семеновича такое значеніе, какого они, върно, не имъютъ; слъдовательно, замъчанія ваши могутъ имъть вредное вліяніе на дочь мою... Съ воображеніемъ молодыхъ дъвушекъ шутить не должно.

пахомъ (толкает ее локтемъ). Слышь ты!.. онъ правду гово-

Komedia 67

андрей. Теперь я долженъ буду ръже принимать этого молодаго человъка, котораго посъщенія мит были пріятны и полезны... прасковыя. Конечно, батюшка, наша компанія вамъ неприлична.

андрей (ст неудовольствіем»). Ахъ, Прасковья Сергъевна, вы не знаете, что говорите!

· прасковья. Гаф намъ!.. Мы княгъ не читаемъ, нфмецкихъ шаяпокъ не носимъ!..

андрей (становится между Пахомомь и Прасковьей). Ну, перестаньте-же сердиться. Кончимте ссору. Я не могу идти къ вамъ, такъ отобъдайте-же вы у меня.

прасковья. Ну нътъ! Ужъ этого не будетъ!

андрей. Да отчего-же?

прасковья. Да такъ... не хочу!

пахомъ. Намъ твоего объда не нужно... мы сами хотимъ уго-щать!

прасковья. А я еще приготовила тъсто для аладьевъ. Бросить его, что-ли?

пахомъ. Къ тому-жъ, мнъ нельзя будетъ поговорить съ тобою о моемъ намъреніи... не люблю толковать о дълахъ при чужихъ. прасковья. Чего добраго, мы еще помъщаемъ чиновнику...

андрей. Прасковья Сергъевна, вы наконецъ выведете меня изъ терпънія! Перестаньте, ради Бога! (Смотрить на часы). Однако, извините, у меня есть дъло. Итакъ вы объдаете у меня?

пахомъ. Послушай, братъ, право лучше въ другой разъ.

андрей. Слышать не хочу!.. Вы объдаете у меня или мы разсоримся не на шутку. Итакъ до свиданія.

(Yxodums).

ABJEHIE VII.

ПРАСКОВЬЯ, ПАХОМЪ.

пахомъ. Слышала, что онъ сказалъ?.. (Помомась). Сергтевна, въ-самомъ-дълъ, почему-жъ бы намъ и не отобъдать у него?

прасковья. Какъ почему?

пахомъ. Такъ.

прасковья. Въдь ты не хотълъ...

пахомъ. Нътъ, матушка, ты!

прасковья. А что-же, въ-самомъ-дель, хоша-бы и я! Что онъ за знатный баринъ, что не хочетъ у насъ объдать?

пахомъ Вишъ ты, у него гости!

прасковья. Эко баринъ, гости!.. Чамъ мы хуже его?

· пахомъ. Слушай, хозяйка, ты что-то черезъ-чуръ зачванилась. Не люблю, ей-ей, не люблю!.. Тебъ досадно, что племянница Настя носитъ шляпку...

прасковья. Полно врать! Не самому-ли тебъ досадно, что брать получше тебя грамотъ знаетъ, что къ нему ходятъ чиновники въгости и что ему оказываютъ всякій почотъ? А ты что? мужикъ-

мужикомъ. Вотъ что тебъ досадно!

пахомъ (ст чувствомъ). Нътъ, Прасковьющка, не говори этого!.. никогда не завидовалъ и не позавидую Андрею; его всъ уважаютъ... да такъ и слъдуетъ! Въдь онъ... то есть... какъ бишъ это называется... Ну, да онъ... (ударял себя въ лобъ) просто башка!

прасковья. Неужели?

пахомъ. Да. матушка, башка, да еще какая?.. ты развъ не ви-

прасковья. Какую?

пахомъ. А такую, что не твоимъ кастрюлямъ чета!.. Видишьли, въ чомъ дъло: онъ какъ-то выдумалъ машину, съ какимъ-то новымъ устройствіемъ, по которому онъ будетъ дълать какъ-то иначе то, что прежде дълалось не такъ. Понимаешь?

прасковья. Постой-ка, ты говоришь, что прежде дълалось не

такъ?..

пахомъ. Ну да! а теперь будетъ дълаться иначе. Въдь этого не всякой выдумаетъ. А ты еще Богъ знаетъ что выдумала! Мнъ-бы хотълось, чтобы ему на шею повъсили медаль, пожаловали-бы во всякіе чины, сдълали-бъ купцомъ первой гильдіи... А ты говоришь, что мнъ досадно! Ну, какъ тебъ не стыдно! Вишъ у тебя нътъ чувствія ни на грошъ...

прасковья. У тебя у самого нътъ чувствія, иначе ты не позволилъ-бы младшему брату распоряжаться такъ, что иной подумаетъ,

что онъ голова въ семействъ?

пахомъ. Учоному и книги въ руки.

прасковья (передразнивал его). Учоному и книгу въ руки... а кто тебъ не велълъ учиться? (разгоряталсь все болье и болье). Вотъ и живешь болваномъ, подъ командой у млалшаго. Видно, грамота тебъ не далась; книги не при тебъ писаны. Едва умъешь имя свое подписать каракулями, да читать по складамъ Въдомости...

пахомъ Полно, матушка, про политику-то толковать; еще бълу наживешь...

ABJEHIE VIII.

Прасковья, Пустышкинъ, Пахомъ.

пахомъ. Самойла Монсенчъ, наше вамъ-съ нанглубочайшее-съ. пустышкинъ. А! почтеннъйшій Пахомъ Михайловичъ! Прасковья Сергъевна, какъ вы поживаете?

прасковья. Такъ себъ, батюшка, по-маленьку... пустышкинъ. Все здоровы, Пахомъ Михайловичъ?

пахомъ. Благодаря Бога-съ; намъ некогда хворать, надобно дъломъ заниматься; хе, хе, хе, точно-съ, некогда. (Пустышкинъ подчуетъ его табакомъ). Не употребляю-съ! Ну да ужъ развъ для васъ. (Съ комитеского важностію и неловкостію нюхаетъ табакъ). Въдь всъ господа изволятъ употреблять! А какъ подумаетъ, что за удовольствіе набивать носъ какимъ-то... Э-чхъ! (Чихаетъ нъсколько разъ сряду и посль всякаго разу Пустышкинъ ему кланяется). Какимъ-то... Э-чхъ!.. Какимъ-то перцомъ! Фу ты, какъ щекотитъ! А какъ-бы вы думали, Самойло Моисеичъ, что это за зелье такое?

пустышкинъ (съ учоною важностію). Американское.

пахомъ Вотъ какъ-съ, американское? Какихъ, подумаешь, чулесъ на свътъ не бываетъ! Вотъ хоть-бы у меня, вчера была койкакая лавчонка, да товаришко, ни то ни се, и торжишка шолъ по маленьку, еле-еле хлъбишка наживалъ, а сегодня откуда ни возьмись, наличнаго капиталу сорокъ двъ тысячи!..

пустышкинъ. Возможно-ли?

прасковья (обиженная). Помилуйте, батюшка, да чего-жъ тутъ невозможнаго?

пустышкинъ. Это прекрасно! Знаете-ли, почтеннъйшій Пахомъ Михайлычъ, что мы можемъ прекрасное дъло затъять?

пахомъ. Благодаримъ-съ! Я останусь при своемъ. пустышкинъ. Хе! хе! хе! братецъ вашъ сговорчивъе! пахомъ. Что такъ-съ?

пустышкинъ. Мы съ нимъ чудесное дъло затъваемъ. Хотимъ основать фабрику около Петербурга. Да-съ, фабрику! Да еще около Петербурга! Вотъ какъ съ, батюшка!

пахомъ (съ безпокойствомъ). Какъ! и братъ согласенъ?

пустышкинъ. То-есть онъ еще не сказалъ ни да, ни нътъ; но я въ этомъ не полагаю встрътить большихъ препятствій и надъюсь склонить на мое предложеніе.

прасковья (Пахому). Ну, что я говорила?. Ему-бы подальше отъ насъ!

пахомъ (ришительно). Нътъ, это не можетъ быть!

пустышкинъ. Отчего-же?.. Въ столицъ онъ, при своемъ умъ, не замедлитъ прославиться, сдълаться извъстнымъ и главное... разбогатъть!.. А здъсь что ему дълать?

пахомъ. Здесь-съ?.. Да здесь онъ чудеса надвлаетъ-съ! Это я вамъ докладываю-съ!.. Разстаться съ Андрюшей!.. Нетъ, воля ваша, а это вы не хорошее дело затеяли! Ведь и у меня есть дельцо не хуже вашего!

пустышкинъ. Какое дъльцо?

пахомъ. Такъ, ничего-съ! Послъ узнаете. Пойду скоръе переговорить съ братомъ... А ты, Параша, бъги домой... не вели ничего готовить... мы будемъ здъсь объдать...

прасковья. А тъсто мое?..

пахомъ. Ну, завтра саълаешь что-нибудь.

пустышкинъ. Позвольте, позвольте, Пахомъ Махайловичъ, не отговорите братца. Право, дъло хорошее...

пахомт. Спасибо, батюшка, что сказали... Я знаю, что мнъ остается дълать!

пустышкинъ. Пожалуста не испортите дъла. Въ Петербургъ ждетъ Андрея Михайловича счастие.

пахомъ. Счастіе его у меня въ карманъ. Да ступай-же, Прасковья Сергъевна!

прасковья. Иду, иду!

 $(Yxodum_{\bar{b}}).$

пахомъ (Пустышкину). До радостваго-съ! (Уходить вы другую сторону).

ABAEHIE IX.

пустышкинъ (одинв). Я готовъ биться объ-закладъ, что онъ все испортитъ!.. Надобно-же мнъ было говорить ему... Однакожъ Сноповъ не захочетъ упустить изъ рукъ собственнаго своего счастія и въ особенности счастія дочери...

явление х.

Пустышкинъ, Дмитрій Семеновичъ.

пустышкинъ. Ба! я не ошибаюсь; точно, это Дмитрій Семеновичь!

Ronedia 7

дмитрій семеновичъ. Пустышкинъ! Какими судьбами! Я никакъ не ожидалъ здъсь съ вами встрътиться.

пустышкинъ. А я слышалъ, что вы здесь, да не имълъ еще случая побывать у васъ.

дмитрій семеновичъ. Но по какому случаю вы сюда попали? Вы въдь, кажется, вышли въ отставку; чъмъ вы теперь занимаетесь?

пустышкинъ. Сказать правду, я и самъ не знаю, какое настоящее занятіе мое. Такъ, гдъ случится дълишко состряпать, я не прочь...

дмитрій семеновичь: А! понимаю. (В з-сторону). Онъ аферистъ,

какъ и прежде.

пустышкинъ. Но вы перемънились; право, перемънились! Вы прежде были ужасный весельчакъ, шутникъ... а теперь вы стали какъ-то солиднъе, серьёзнъе... право, подумаешь, что у васъ какая-нибудь кручинушка?

амитрій семеновичь. Что за идея! Я все тотъ-же.

пустышкинъ. О, нътъ! У меня опытный глазъ. Вамъ, можетъбыть, нужны деньги?.. Скажите откровенно.

дмитрій скменовичь. О, натъ! съ этой стороны я совершенно обезпеченъ.

пустышкинъ. То-то же, а не то вамъ гръшно-бъ было не обратиться ко мнъ... мы старые знакомые, и вы знаете, что я всегда готовъ служить вамъ по-старому. (Tuxo) Семь процентиковъ, да еще бездълушку за коммисію...

амитр. свм. (улыбансь). Благодарю, благодарю!

пустышкинъ. Ну, такъ у васъ должно-быть другое горе. Держу пари, что вы влюблены!

динтр. сем. (осматриваясь). Тише, рази Бога!

пустышкинъ. Угадалъ! А нельзя ли узнать, кто сей земной ангелъ... съ которымъ вы желаете связаться неразрывными, законными, брачными узами? Есть-ли у онаго ангела приданое, богатый папенька или дядюшка?

дмитр. сем. Вы ошибаетесь...

пустышкинъ. То есть, вы не хотите открыться... (Нюхаеть табакь). Ничего-съ! Я и такъ узнаю!.. стану разспрашивать всъхъ завшнихъ и начну сейчасъ-же со Снопова.

дмитр. сем. О, нътъ! ради Бога...

пустышкинъ. Ага!.. Вы влюблены въ дочь его!.. (Дмитр. Сем. двлаеть ему знакъ, гтобы онъ замолгалъ). Ничего-съ!.. Я булу въмъ, какъ рыба, когда дъло коснется до этого предмета; готовъ вамъ даже помогать и больше ничего знать не хочу, съ тъмъ однакоже условіемъ, чтобы вы мнъ сами все разсказали.

дмитр, сем. Я самъ ничего не знаю... смъю-ли надъяться или долженъ навсегда отъ нея отказаться.

пустышкинъ. Ага! значитъ дъло еще не обдълано; повимаю, понимаю!.. Не хотите-ли вы, чтобы я помогъ вамъ? Хоть сейчасъ пойду сватомъ къ отцу?

(Xouems udmu).

- дмитр. сем. (удерживая его). Постойте!.. Я не смыю еще рышиться...

пустышкинъ. О, не безпокойтесь! Я съ васъ ничего не возьму за коммиссію. Тамъ, если вамъ угодно будетъ посль подарить мнъ что-набудь, такъ я не прочь. (Въ-сторону). Мнъ-же очень-кстати пришлись-бы золотые часики.

дмятр. сем. (подумавъ). И въ-самомъ-дълъ! Я знаю, что вы хитры на выдумки, а потому вамъ не трудно будетъ помочь мнъ уговорить какъ-нибудь дядюшку, брата покойной матери моей, барона Думштольца! Отъ него зависить вся будущая участь моя, я его наследникъ...

пустышкинъ (съ живостію). Конечно, конечно, противъ него идти нельзя и не должно. Это не шутка! Въдь онъ богать... А! такъ почтенный дядюшка не соглашается?..

дмитр. свм. (прислушиваясь). Теъ... Кто-то идетъ... Это она! Прощайте, почтенныйшій Самойла Монсеевичъ, до свиданія!

пустышкинъ. Вы идете!

лмитр. сем. Нетъ, я здесь остаюсь.

пустышкинъ. Какъ-же... Ахъ, понимаю! До свиданія, значитъ: убирайтесь подальше отсюда!

амитр. сем. Савлайте одолжение, поскорые! пустышвинъ. Иду, иду! Прощайте, до свиданія.

 $(Yxodum_{\overline{v}}).$

явление хі.

Настинька, Дмитр. Семенов. (потомъ) Прасковья. настинька. Ахъ, Дмитрій Семеновичъ!

дмитр. сем. Вы не ожидали меня такъ рано?

настинька. Нътъ, но...

дмитр. семенов. Извините, но вы такъ нетерпъливо желали имъть дуэтъ изъ оперы «Лючіи», что я думалъ... миж казалось... вастинька. Какъ я вамъ благодарна!

дмитр. семен. Если вамъ угодно, то мы сейчасъ можемъ спъть этотъ дуэтъ...

настинька. Съ удовольствіемъ... теперь папеньки натъ дома, но Трофимъ сказалъ мнъ, что онъ сейчасъ воротится.

дмитр. семен. Начнемте-же, если вамъ угодно. настинька. Савлайте милость.

(Она садится къ фортепьяно; въ это время за кулисами раздается голосъ Прасковыи).

прасковья (за кулисами). Ахъ ты, негодная, я тебъ дамъ знать... ты у меня своихъ не узнаешь...

настинька. Боже мой! тетушка!..

дмитр. семен. (въ-сторону). Опять эта старуха.

прасковья (входить съ кулькомь). Да я ей!.. да я ее! вишь дрянь какая!

настинька (подходя къ ней). Что съ вами, тетенька?

прасковья. Что?.. А то, что новая кухарка ваша не хотъла меня впустить... да ужъ я ее за то! Будетъ помнить!

настинька. Но почему?

прасковья (кладеть кулекь на столь, и вынимаеть изъ него гуся). Почему? по рылу, матушка! Она думала, что я салопница какаянибудь, пришла продавать гуся.

настинька. Вы?

прасковья. А все потому, что я принесла тебъ гостинецъ (Показывая ей гуся). Услуживай-же послъ этого!.. А каковъ гусь?.. Я хотъла поподчивать васъ имъ у себя; ну, да ужъ коли вы угощаете, такъ я принесла его вамъ... Эка штука! Ну, погляди сама, фунтовъ десять съ половиной въсу будетъ... а жирный какой! Я его сама купила сегодня утромъ.

дмитр. семен. (въ-сторону). Какая скука!

прасковья. И дешево купила!.. Ну, да ужъ я на эти вещи мастерица! А важный гусь.

настинька. Надобно отдать его кухаркъ.

прасковья (сердито). Какъ-бы не такъ!.. Да я эту чухонку и видъть не хочу! Какъ она смъла мнъ сказать: проваливай баба, намъ твоего гуся не нужно? Какъ она смъла? Нешто я похожа на торговку?.. Нътъ, скажите на милость, сами, похожа-ли я на торговку?

настинька. Нисколько, тетенька!

прасковья. Тото-же! (Показывал на Дмитрія Семеновича) Небось ваше-то благородіє молчить!...

дмитрій семеновичъ. Кто? я! помилуйте, сударыня!

ирасковья (садится къ столу и начинаеть чистить гуся). Знаемъ мы васъ короткохвостыхь!... Какъ-съ?... Где намъ съ вами тягаться? Здёсь все народъ такой учливой, все тары да бары... а мы что? такъ себв, народъ простой, комплеменція не знаемъ, деликатности не понимаемъ... (Настинькъ, которая подошла къ фортепьяно). Что ты, на музыкъ хочешь играть?

настинька. Мы хотъли начать...

прасковья. Ну, и съ Богомъ! Я вамъ мъшать не стану... Я пока ощиплю гуся; ахъ штучка славная!

настинька. Но вы напрасно трудитесь, я позову кухарку. прасковья. Полно, полно; сами съумъемъ. Работа не тяжолая, руки не отвалятся... Ступай, играй.

дмитрій семеновичь. Но не обезпокоимъ-ли мы васъ, сударыня? прасковья. Полно, батюшка, не безпокойся самъ — я очень-люблю, когда вграютъ на музыкъ... прикащикъ нашъ Кузька отлично заигрываетъ на балалайкъ, то-есть, просто заслушаешься! Такъ и выдълываетъ!... Играйте, играйте.

(Дмитрій Семеновичь и Настинька играють на фортепьяно и начинають пъть).

прасковья (прерывая ихъ). Ахъ, Настя, скажи-ка, есть-ли у васъ кислая капуста?

настинька. Есть... есть.

прасковья. Гуся-то надо будеть начинить капустой... Пахомъ Михайлычь это очень любить.

(Настинька снова начинаеть пъть).

прасковья. А ты любишь-ли гусей?

настинька (съ досадой). Нътъ... да... нътъ...

прасковья. Я такъ очень-люблю... Да что-жъ вы сталю? Играйте, играйте, вы мнъ не мъщаете.

Амитрій Семеновичь и Настинька опять начинають дуэть, во время котораго Прасковья вторить имь, фальшить, бъеть ножомь и ногой такть, такь-что совершенно сбиваеть молодых подей).

дмятрій семеновичь (отходить от форменьяно). Невозможно продолжать.

настинька (съ досадой). Какая досада!

(Bcmaemt).

прасковья. Что-жъ вы? Кончили? Ты, видно, Настинька, сегодвя не въ голосъ. настинька. Да, тетенька...

прасковья. Тото и голосу вътъ... а все отъ вашихъ проклятыхъ корсетовъ; по-неволь дыханье сопретъ. Вотъ я и знать не знаю вашихъ корсетовъ... за то ужъ и голосъ у меня былъ... повърите-ли, за версту бывало слышно, какъ я аукну! дмитрій семеновичъ. Я въ томъ не сомнъваюсь.

прасковья. Я особенно любила пъсенку...

Поетъ:

Во саду-ли въ огород в дъвушка гуляла, Сама лицомъ...

Какъ бишъ? Да,

Сама лицомъ круглоличка, а

Ну, не помню! Охъ, отцы родные, стара стала!

ABAEHIE XII,

пахомъ. Кто завсь плачетъ?...

прасковья. Дуралей! я пъсню пою...

пахомъ. Пъсню поешь? вотъ что! А мнъ прислышалось, что ни то кто плачетъ, ни то кошки мяучатъ!... Слышь ты, я говорилъ съ братомъ.

прасковья. Что-жъ онъ?

пахомъ. Я только началъ говорить, а ужъ онъ и смъкнулъ.... Эка, подумаешь, голова!... Вишъ, вотъ какъ я ему сказалъ: Братъ ты мой возлюбленный! ты уменъ и учонъ, а я простъ да глупъ; у тебя вичего нътъ, а мнъ Богъ послалъ сорокъ-двъ тысячи!... Давай сложимся—ты умомъ, а я деньгами! По рукамъ что-ли?

амитрій семеновичъ (съ живостію). И онъ согласился?

пахомъ. То-есть, онъ не сказалъ мнъ еще ни то, ни се, но только подалъ большую надежду.

настинька. Возможно-ли! пахомъ. Что, рада, небось? настинька. Дядюшка...

пахомъ. Чего тутъ дядюшка! Ужъ какъ-же мы заживемъ! Эка радость, подумаешь! Будемъ жить вмъстъ... всегда вмъстъ! Днемъ, послъ объда, ночью и... и всегда! Никогда не разстанемся...

прасковья. Только въ ресторацію будешъ ходить одинъ.

пахомъ. Какая растеряція? Пропади она совсьмъ! Знать ее не хочу... Впередъ милости прошу ко мнъ... кой-когда, такъ, изръдка: по воскресеньямъ, по праздникамъ, а иногда и по буднямъ.... ко мнъ, милости просимъ! Чайкомъ ханскимъ-съ угощу, не то что китайскимъ... на славу кутнемъ!

дмитрій семеновичъ (въ-сторону). Этого не доставало!

прасковья. Полно пустяки-то врать... кутнемъ, да кутнемъ! Люди подумаютъ, что ты и нивъсть какой кутила (Дмитрію Семеновичу), а на повърку выходить, что двумя рюмками его можно съ ногъ сшибить.

пахомъ. Вотъ правда, такъ правда! Особенно какъ разсержусь! Съ трехъ, четырехъ стакановъ я...

прасковья (скороговоркой). Врешь, врешь! Не порочь, не марай себя; ты хорошей поведенців.

пахомъ. Ну, полно, полно! Экъ она разважничалась — по-французски заговорила!... Кума-ву порте-ву? Поведенція. Ха! ха! ха, Извините, но я право, такъ радъ, такъ радъ, что и сказать не могу!... А ты, Настинька, что носъ повъсила! (Тихимъ голосомъ). Ты любить чиновника? Ну, говори правду, любить?

настинька (умоллющимъ голосомъ). Дядюшка...

пахомъ. Ну, что-жъ такое? Въдь въ этомъ никакого стыда нътъ!.. Ну, ладно, ладно! не буду больше говорить! А что, хозяюшка, объдать-то мы еще не скоро будемъ, а не худо-бы покамъстъ перехватить чего-нибудь?... Не прикажите-ли чего. Дмитрій Семенычъ? Я здъсь какъ дома! Ха, ха, ха!

дмитрій свменовичь. Благодарю покорно; у меня есть дело.

настинька. Вы идете?

дмитрій семеновичъ. Не на-долго; я скоро ворочусь.

пахомъ. Такъ я провожу васъ. Надо сходить домой надъть новый кафтанъ.

прасковья. А я похлопочу объ объдъ.

пахомъ. Такъ-съ.

прасковья. Я кухаркъ-то намылю подзатыльникъ; она увидитъ, что я здъсь все-равно что хозяйка.

дмитрій семеновичь (въ-сторону). Я теряю последнюю надежду; дядюшка никакъ не захочетъ сродниться съэтими людьми! (Въ-слухъ, печально). Прощайте, сударыня.

настинька (печально). До свиданія.

пахомъ. Ваше благородіе-съ, побреденте вивстъ...

(Дмитрій Семеновичь, Пахомь и Прасковья уходять).

ABAEHIE XIII.

Настинька (проводивь ушедшихь, слыдить еще за ними глазами) Андрей Михайловичь (съ бумагой въ рукы).

андрей михайловичъ (*пе замъчал Настиньки*). Да, предложеніе брата хотя очень-хорошо, но оно представляетъ гораздо-менъе выгодъ, чъмъ предложеніе Пустышкина; я нахожусь въ мучительной неръшимости!... На что ръшиться? Что предпринять? (Садимся къ столу).

настинька (садясь ка форменьяно, со взодохома). Ахъ Боже мой! Боже мой!

андрей михайловичъ. Настинька! (Смотрить на нее съ удивлениемъ) Что съ тобою, дочь моя?

настинька (вздрогнува, встаеть). Ахъ! папенька...

андрей михайловичъ. Ты плачешь?

настинька. О, нътъ...

андрей михайловичь (съ живостію). Что съ тобою?... Дитя мое... говори... говори... не опускай глазъ, не отворачивай головы... Развъ ты не знаешь, какъ я люблю тебя?

настинька (цълул руки его). О, папенька, какъ вы добры...

андрей михайдовичъ. Зачъмъ-же не хочешь ты повърить мнъ причину горести твоей? Что удерживаетъ тебя?... Скажи, скажи мнъ все, какъ лучшему другу твоему...

настинька. Я... я не смъю...

андрей михайловичъ. Я постараюсь угадать... Неужели слова тетушки твоей справедливы?...

настинька (въ-смущеніи). Папенька...

андрей михайловичъ. Итакъ, ты къ Дмитрію Семеновичу нера-. внодушна? Знаетъ-ли онъ о томъ?

настинька (съ живостію). О, нътъ?...

андрей махайловичь. Очень-хорошо!.. Но это дъло должно объясниться... я поговорю съ нимъ. Частыя посъщенія его доказывають, что и онъ не равнодушенъ къ тебъ...

настинька (съ радостію). Вы думаете?

андрей михайловичъ. Я въ томъ увъренъ...

вастинька (бросаясь во объятія отца). О, какъ вы добры, папенька! Какъ я вамъ благодарна и чемъ заплачу я за любовь вашу...

андрей михайловичъ. Будь счастлива, вотъ все, чего я желаю...

ABAEHIE XIV.

Тъже и Пустышкивъ.

пустышкинъ. Вотъ я и воротился... Вы меня, можетъ-быть, ждали? Извините, я случайно встрътилъ стараго знакомаго, Дмитрія Семеновича...

андрей михайловичь. А!... вы съ нвиъ знакомы?

пустышкинъ. Еще-бы!... (Въ-сторону). Воспользуюсь случаемъ. (Въ-слухъ, со вздохомъ). Бъдный Дмитрій Семеновичъ!... онъ груститъ, скучаетъ, страдаетъ...

настинька (съ живостію). Страдаетъ!.,.

пустышкинъ (жалобно). Да-съ, страдаетъ!... Бъдняжка!... Я вамъ по секрету разскажу причину горести его... только, смотрите, вы никому не говорите! Видите-ли въ чомъ дъло: онъ страстно влюбленъ...

настинька и андрей михайловичъ. Влюбленъ?

пустышкинъ. Только не говоритъ, въ кого; она прелестна, отецъ ея прекраснъйшій и умнъйшій человъкъ... но къ-несчастію, у нихъ есть родственники, которые... которые не совсъмъ-хорошо воспитаны.

настинька (въ-сторону). Боже!

пустышкинъ. Случись-же бъда, что у Дмитрія Семеновича есть дядя, какой-то прегордый лифляндскій баронъ, который на за что не согласится вступить въ родство съ людьми низкаго происхожденія!...

андрей михайловичъ. А Дмитрій Семеновичъ не хочетъ ссориться съ дядей?

пустышкинъ. Еще-бы!... Въдь онъ его единственный наслъдникъ!... Придетъ-ли тутъ охота ссориться?... Хе, хе, хе!

андрей михайловичъ (разсъянно). Да, конечно... вы правы... но нътъ-ли другихъ препятствій?

пустышкинъ. Никакихъ!... Если баронъ не согласится, такъ это изъ одного приличія, чтобы не быть принужденнымъ принимать у себя людей, неимъющихъ ръшительно никакого образованія! Если-бъ отецъ молодой лъвушки согласился отдълиться отъ родни своей, переъхать куда-нибудь подальше отъ нихъ, то баронъ согласится съ удовольствіемъ...

андрей михайловичь (жметь руку дочери, такь однакожь, что Пустышкинь того не примъчаеть). Al такъ вы думаете, что...

пустышкинъ. Ядумаю, что тогда не будетъ никакихъ препятствій къ обоюдному счастію молодыхъ людей. Дмитрій Семеновичъ говоритъ, что отецъ молодой дъвушки, хотя не высокаго происхожденія, но уменъ, образованъ и благороденъ... да признаться-ль вамъ по секрету? Кажется, молодая дъвушка къ нему не равнодушна.

(Настинька невольно отворачивается и садится у фортепьяно).

андрей михайловичъ (въ-сторону, смотря на дочь). Онъ говоритъ правду!... Прости меня, Боже мой! но счастіе дочери моей зависить отъ этого!

пустышкинъ (въ-сторону). Кажется дъло пойдетъ на ладъ. Я все очень-ловко устроилъ.

андрей михайловичъ (въ-сторону). Но разстаться съ Пахомомъ...

надолго, навсегла, можетъ-быть...

пустышкинъ (въ-сторону). Надо ковать жельзо, пока оно горячо... (Въ-слухъ). Однако извините, Анарей Михайловичъ, мы разговорились о чужихъ дълахъ и забыли свои собственныя... Я пришолъ за ръшительнымъ отвътомъ... знасте, на-счотъ нашего проекта...

андрей михайловичъ (смотря на дочь). Да, да, знаю. пустышкинъ. Что-же? обдумали-ли вы хорошенько? андрей михайловичъ (смотря на дочь). Конечно. пустышкинъ. На что-же вы ръшились?

андрей михайловичъ (въ-сторону). Я долженъ всъмъ пожертвовать для счастія Настиньки... Я ръшился! (Въ-служь Пустышкину). Пойдемте, я вамъ дамъ ръшительный отвътъ (Тихо Настинькъ.) Надъйся.

настинька. Что вы говорите?

андрей михайловичъ. Ты будешь счастлива. (Пустышкину) Пойдемте, пойдемте...

(Пустышкинь и Андрей Михайловичь уходять).

ABAEHIE XV.

Настинька, потомо Прасковья и Пахомъ.

настинька (задумчиво). Надъйся!... Ты будень счастлива!... О, если-бы!...

прасковья (въ полосатомъ тиковомъ передникъ и съ засучоными рукавами). Ухъ, какъ жарко!... Сходи-ка, Настинька, посмотри, какъ нашъ гусь жарится! чудо!—Я его славно начинила.

пахомъ (входя) Ну, Прасковья, лихо! Повеселимся-же мы сегодня! Смотри-ка. (Вышимаеть изт кармана листь бумаги, тщательно развертываеть его и не говоря ни слова, держить его передь лицомъ Прасковьи).

прасковья. Что это за грамота?

пахомъ (ст комическою важностью). Читай!

прасковья (отворачивается съ неудовольствиемь). Читай самь!

пахомъ. Ахъ виноватъ! Я и забылъ, что ты тово... не любишь читать! Не при тебя писано!.. Ничего жена, ничего! Зато я готовъ биться объ закладъ, что лучше тебя никто не сваритъ ни щей, ни каши! Особенно крутой!.. Чудо! (Къ Настинькъ) Ты любишь крутую кашу?

прасковья. Полно вздоръ молоть!.. скажи лучше, что это у тебя за бумага?

пахомъ. Эта бумага стоитъ сорокъ двъ тысячи рублевъ ассигнаціями... двънадцать тысячь на серебро!.. Мы ее за объдомъ положимъ на самую средину стола. Вотъ будетъ вкусное блюдо!.. (Смъется) Да что ты не весела, Настинька? смъйся-же!

настинька. Я смъюсь, дядинька.

пахомъ. Смъешься?.. Ну, можетъ-быть, это по вашему; по нашему такъ не смъются!.. Вотъ хоть-бы я! Посмотри, хоть плясать готовъ!.. Давай, Параша! (Пристукиваетъ каблуками, вертитъ жену и приплясываетъ).

прасковья (смпьется). Полно, полно!.. Экъ на старости раскодвяся!.. Полно, перестань...

пахомъ (припалсывая и повертывая жену, напываеть):

Какъ у нашихъ у воротъ, Стоитъ дъвокъ хороводъ...

Ай люли! ай люли! ай люлишеньки мои!.. Ахъ ты моя судару-шка!..

прасковья. Не хочу больше, оставь!.. (Садится на стулг, запыхавшись). Экъ умаялась!.. Придетъ-же охота!

пахомъ (отмахиваясь платкомъ). Устали, сударыня!.. Эй человъкъ, швецаръ или фолеторъ, какъ ихъ тамъ называютъ — подай лодикалону! барынъ дурно...

настинька во все время прислушивалась, не идеть-ли кто,

Rayedia

боясь, чтобы не застали дядю ел въ припадки этой тривіальной веселости; вдругь скоро подходить къ нему. Дляюшка! кто-то идетъ!

ABAEHIE XVI.

Тъже и Дмитрій Семеновичъ.

амитрій семеновичь (увидавт Пахома и Прасковью, въ-сторо-

ну). Опять эти люди! пахомъ. А! заравія желаємъ, ваше благородіе!.. Поздно пришли!.. Не видали, какую я выпляску задалъ съ сожительницей! Но мы будемъ вмъстъ объдать! (Замитиет еходящаю Пустышкина). О! надобно заставить стряпчаго объдать съ нами... веселье будетъ!.. Сюда, ребята, сбирайтесь живъе!..

S CANCELLY ABJEHIE XVII. ME NOW THE APPEAR MANY THE WAR OUR SHOWING HIT LESSINGS OF SERVICE COMMISSION AS COMMISSION AS A COMMISSION AS A

this was great the following the state of the following for a state of the state of Тъже и Пустышкинъ, потомъ Андрей Михайловичъ. пахомъ. Съ нами, что-ли, вы объдаете?.. пустышкинъ (потирая руки). Разумъется, разумъется.. пахомъ. Вотъ люблю, такъ люблю! (Ударлеть по плечу Пустышкина, который морщител. Поеть.)

Братья, рюмки наливайте, Выпивайте все до дна!

Ну стряпчій, быть тебъ сегодня подъ столомъ!.. пустышкинъ. Нътъ-съ! надо поберечься, завтра рано по-утру MLI BACNT, I IN COLUMN A MALE TO STROKE VICENTIAL CE DISTORT DEL tomormon Commence of teamment

пахомъ. Блете?..

пустышкинъ. Да, мы ужъ заказали лошалей.

пахомъ. Вы!.. да съ къмъ-же вы ъдете?

пустышкинъ. Съ Андреемъ Михайловичемъ. (Андрей Михайловичь входить. Минутное молганіе, во-время котораго внутренияя борьба должна выражаться на лиць Пахома).

пахомъ (ст трудом выговаривая слова). Вы... ъдете... (Указы-

вал на брата) съ... съ нимъ?..

пустышкинъ (дплаеть утвердительный знакь головою). ortransama (nodecodo do Massay). Harana Murailadura

Андл Пахоме пахомъ (брату). Ты... влешь... (Указывал на Пустышкина) съ... съ нимъ?

андрей михайловичъ. Да, братецъ, я принялъ предложение г. Пустышкина.

пастинька (въ-сторону). Какое счастіе! дмитрій семеновичъ. Возможно-ли?

прасковья (Пахому). Что-жъ ты мна говорилъ?..

пахомъ (совершенно разстроенный). Что я говорилъ?.. Нътъ, не можетъ-быть!.. а мое предложение?

андрей михайловичъ. Оно меня очень тронуло, любезный братъ,

пахомъ. Что за по? Чъмъ мое предложение не хорошо? Кто можеть заставить тебя ужхать отъ насъ? Говори, кто? Да я его... да я ему... (Грозно смотрить на Пустышкина).

анарей михайловичь (въ сторону). Какъ объяснить ему?..

(въ-слуль) Я долженъ жхать...

пахомъ (съ чувствомъ). Неправда! не должевъ!.. (Смягливъ голось) Анарісша, голубчикъ! Ты знаешь, что я... что я... (Платемь) что я безъ тебя жить не могу!.. Андрюша, вотъ ужъ двадцать льть... жена! выдь будеть двадцать льть? THE THE PARTY OF T

прасковья. Кажись, больше...

пахомъ (брату). Вишь ты, она говорить... кажись, больше... воть ужъ, кажись, больше двалцати льтъ, какъ мы не разставались... ни на одинъ день... пи на одинъ часъ... все вывств... горе и радость все по-поламъ... ты не захочешь теперь разстаться со старымъ товарищемъ... что-жъ я буду одинъ дълать?..

апдрей михайловичь (тропутый, жеметь руку брать). Ахъ,

Пахомъ1.. Мнъ очень-больно разставаться съ тобой...

пахомъ (съ радостію). Такъ ты остаешься?

андрей михайловичъ. Невозможно!

пустышкинъ (показывая листь бумаги). Условіе подписано! пахомъ (съ горестио). Подписано!

настинька (съ радостию). Подписано!

апарей михайловичь (въ-сторону, смотря на донь). Она будеть счастлива! (Тихал музыка).

пахомъ (мрагно, тихима голосома). Итакъ ты ъдешь? андрей михайловичъ. Сегодня вечеромъ. пахомъ. Кончено. Пойдемъ жена.

андрей михайловичъ. Вы не останетесь?

пахомъ (ръшительно). Прощай!

пустышкинъ (подходя къ Пахому). Пахомъ Михайловичъ...

пахомъ (сердито). Тебв что нужно, воронье пугало! (Пустышкина отскакиваета).

андрей михайловичъ. Братъ, неужели ты думаешь... пахомъ. Гдв намъ думатъ! Кончено. Я виноватъ. Я полагалъ, что за любовь надобно платить любовью. Я ошибался. Прощайте!..

прасковья (утирая слезы). Неблагодарные...

пахомъ (съ чувствомъ). Конечно пеблагодарные!.. (Утирая слевы) Повзжайте съ Богомъ! мнъ что за дъло... только не пиши ко мнъ... слышь, не пиши... пусть жена читаетъ письма...

прасковья (утирая слезы). Да я грамоть не зчаю...

пахомъ. Тъмъ лучше... накто не будетъ читать твоихъ пи-

андрей михайловичъ. Другъ мой, горесть твоя дълаетъ тебя песправедливымъ.

пахомъ (старалсь скрыть горесть и удерживал слезы). Горесть? Вогъ еще! было бъ о чомъ горевать! Не безпокойся! поважай себъ... поважай! Мы скучать не будемъ! Правда, старуха?

прасковья (платеть). Правда!

пахомъ. Мы будемъ смънтся... паясать .. горевать не будемъ! Мы будемъ пъть...

(Поеть, всхлипывал).

Хорошо тому на свътъ жить У кого старуха ворожитъ. .

Горесть одоливаеть его. Онь всхлинываеть).

Пойдемъ, женя! будемъ веселиться... прасковья (асхлинывая). Пойдемъ. андрей михайловичъ. Братъ!..

настинька. Дядюшка!..
пахомъ (громко и съ тувствомъ). Оставьте меня! Я вашъ не братъ и не дядя... Пойдемъ жена!

плучив. Чезовата св. большой достопистье... и прав его илуча опочные брочрено! (. гумско, пландания). О, та бручения! Она буданть опочны-больте!... Усть та, врязь чен чествень, не планданть! (. Содания и соворими и больта реши со-служа) браза, и спре не балушить по-силь борь отнети на-счоть името, поторый и продаждения предлагаемия.

дъйствіе второе.

ABBERT MENN BROKERS. SPRATE, ROS ROLLES TO A CORRECTION.

irractions (yearing realist). Heffersonalitate...

Красиво и богато-убранная комната. На-лѣво столъ, на которомъ лежатъ книги, журпалы и письменный приборъ. На-право дамскій рабочій столикъ.

ABACHIE I.

nytour. Train drupper or make no fivery surper prough

Баронъ сидить у стола, ст письмомь ст руках; Дмитрій Семеновичь стоить возли него; Настинька, ст рукодъльемь, у рабогаго столика.

дмитрій семеновичъ. Такъ матушка пишетъ, что она будетъ сюда на-дняхъ?

варонъ. Завтра или сегодии вечеромъ. Она будетъ вмъстъ съ твой сестра.

настинька. Какъ я рада ихъ увидъть.

баронъ (встаетъ и подходитъ къ Настинькю). Я шерезвычайно charmirt, што прівхалъ брежде ихъ... потому-што я балушилъ удоволсвіе познакомиться съ васъ, прелестный Fräulein Anastasie! настинька. Вы слишкомъ-добры, господинъ баронъ, и присут-

ствіе ваше въ нашемъ дом'в мы должны считать счастіемъ.

варонъ (клаилясь). A, Fräulein (Въ-полголоса, племлинику). Она шармантъ, шармантъ!

дмитрій семеновичъ. Неправда-лп, длдюшка?

варонъ. Натюрлихъ!.. Прекрасно воснитана, образована!.. Ошинь-карато!

дмитрій семеновичъ. Но въдь и Андрей Михайловичъ...

варонъ. Человъкъ съ большой достоинства... и дъла его идутъ ошинь-брекрасно! (Лукаво, племянику) О, ти блутишка! Она будитъ ошинь-богатъ!.. Хоть ти, какъ мой паслъдникъ, не имъешь нужда въ богатая невъста, но эть не мъшайтъ! (Садится и говоритъ въ-слухъ) Однако я еще не балушилъ до-сихъ-боръ отвътъ на счотъ мъсто, который я прос... который мнъ предлагаютъ.

настинька. Вамъ предлагаютъ мъсто, баронъ?

варонъ. Да, да! хоть мив и не пушно... я могу жить и нишего не атлать; я ошинь довольно богать, но все-таки... знаете, для консидераціонъ, для... для... ви банимаеть? (Вдругь перемънивь разговоръ) Но Андрей Михаличъ, я его севодни ещо не видалъ?

вастинька. О! батюшка очень-занять... онъ производить сегодня значительную плату, честы меня бышей спо экотикург отопы

БАРОНЪ. Ага!.. это большой клопотъ... большой клопотъ...

настинька. Особенно для старшаго прикащика нашего Трофима... батюшка самъ очень не любитъ заниматься денежными раз-

варонъ. Xe! xe! хе! Геніальный люди не любить заниматься съ матеріальны вещи!.. У мене всегда управляющій съ моя мыза получаетъ и отдаетъ деньга...

амитрій семеновичь. По, кажется, я слышу голосъ Андрея Ми-Kallaosena. ventenal accomena e con es e amendo adecanal allores anared manufactures. Plans recently oraquers registriff apprecies in

STRUE CHARPE.

Тъже, Андрей Михайловичъ и Трофимъ Облоговичъ.

андрей Мяхайловичь (остановившись съ Трофимомъ Оедоровитемъ въ дверяхь). Ты говоришь, что весго следуеть около девяносто трофимъ Восемьдесять-семь тысячъ. тысячъ?

андрей михайловичъ. Довольно будетъ того, что намъ следуетъ получить съ фабрики Наживина? лучить съ фабрики Наживина? трофимъ. Конечно... даже останется.

андрей михайловичь. Иди-же сейчасъ получать. трофимъ. Слушаю-съ.

-противность принципальный подках (Уходить). андрей михайловичъ (увидивъ барона). Ахъ! г. баронъ!...

варонъ (встаеть и протягиваеть руку ко Андрею Михайловичу). Зараствуйте, поштенъйшій Андрей Михаличъ... мы васъ PARAMETER A PRINCIPLE OR OTHER PROPERTY AND ASSESSED BY THE BEAUTY ASSESSED.

андрей михайловичъ. Виноратъ, меня задержали... Дмитрій Семеновичъ, вы раненько сегодня встали...

амитрій семеновичь. Какъ, вы развъ видъли меня?

андрей михайловичь. Въ нять часовъ вы провхали мимо нашихъ оконъ. в часа выделятативой в изпро-дажновай продва

БАРОНЬ (изумившись). Ви такъ рано встаеть?

андрей михайловичъ (улыбалсь). Что дълать?... мы не свободны располагать временемъ своимъ, не такъ какъ вы...

варонъ. Да, знаю, знаю... Этъ бравда; надобно трудиться работать... Есть люди, который все жалуются... хлъба пътъ, кушать хочу... Когда ти хочешь кушать, такъ работай!... Не правда-ли, Андрей Михаличъ?

настинька (подходя къ отиу). Да, но папенька уже слишкомъмного трудится; онъ всякій день встаетъ до зари.,.

андрей михайловичъ. Что дълать?.. (Баропу). Я наконецъ нашолъ средство привесть льняно-прядильную машинну свою въ дъйствіе.

БАРОНЪ. А!

дмятрій семеновичъ. Но, что васъ столько затрудняло?..

андрей михайловичъ. Настоящая бездълица. Я не понимаю, какъ я могъ столько думать объ этомъ. Представьте себъ: стоитъ только измънить направленіе средняго колеса...

баронъ (какъ-бы понимая и шохая табакъ). Конешно, конешно! андрей михайловичъ. Еще должно открыть верхній ящичекъ и провесть черезъ него карды, стремленіе которыхъ будетъ равно силь сопротивленія, которое будетъ тъмъ сильнъе, что всъ углы будутъ въ 45 градусовъ...

баронъ. Это натурально... ощинь-понятно... надо закрыть ящикъ...

анарей михайловичъ. Нътъ, открыть...

варонъ. Да, да, это все-равно... углы въ 65 градусовъ...

андрей михайловичъ. Въ 45 градусовъ...

баронъ (сбиваясь). Да, да, 45 градусовъ... О, будьте увъренъ, что правительство будитъ наградить васъ, господинъ фонъ Сноихофъ.

анарей михайловичъ. Я уже вполит вознагражденъ многими, весьма-значительными заказами.

варонъ. Ага! это ошинь-карошо! А много вамъ будить бенефисъ?

дмитрій семеновичь. Андрей Михайловичь говориль, что чистой выгоды будеть около 100,000 рублей.

варонъ. Ого!.. это ощинь-карошо!.. Это ощинъ-пріятно! Позвольте мна посмотрать вса вашъ мастерской... ваши рабочій народъ... я думай, что это ощинь-карошъ народъ, когда можно съ нимъ такъ много деньги достать...

андрей михайловичъ. Позвольте мна самому проводить васъ.... варонъ. О, натъ, натъ! У васъ ошинъ-много дала. Я ни качу машать вамъ. Вашъ прикащикъ мна все покажитъ... онъ ошинъ-кароши человакъ... ошинъ понимайтъ, для кому нало поштеніе

87 Комедія

day a thursday отдавайтъ... онъ покажитъ мнъ всъ ваша машинъ... Ахъ, а ргороз, ваша машинъ кръпка, не скачить на воздухъ?..

андрей михайловичь (улыбансь). О, не безнокойтесь! Опасности никакой вытъл, и потод деля опристед доповый ини прина

баронъ (успоконенись). Хе, хе, хе! Я пошутиль.. я никому и ни отчего не боюсь... я быль на война много разъ... До свиданье, херъ фонъ-Споихофъ. (Настинькть). До свиданье, мейнъ шармантесь фрейлейвъ! Не безпокойтесь, херъ фонъ-Сноихофъ... я ни CMOTHATA OC. apadecan- to year necours. качу мъшать вамъ...

Inal , ook and the over (Yxoduma). The

ABAEHIE III.

Тыж Е, исключая Барона.

динтрій семеновичъ. Ахъ, Андрей Михайловичъ! Какъ в радъ, что нашолъ наконецъ случай поговорить съ вами.

андрей михайловичъ. О чомъ?

амитрий семеновичъ. Съ самаго прибытія дядюшки, я не могъ еще поблагодарить васъ за свисходительность вашу къ въкоторымъ... странностямъ дядюшки, которыя могли-бъ показаться обидными...

андрей михайловичъ. Э! полноте, Дмитрій Семеновичъ, у кого ныть своихъ недостатковъ?...

дмитрій сеченовичь. Это правда, но не-смотря на то, поступки барона выводять меня иногда изъ терпънія... но матушка всъмъ одолжена дядюшкъ, слъдовательно, я долженъ...

андрей михайловичъ. Точно, точно, Дмитрій Ссменовичъ! Въ подобныхъ обстоятельствахъ должно всемъ жертвовать и все пе-

реносить ...

настинька (съ живоетию). Къ-счастію, батюшка, всъ пожертвованія вознаграждаются... Вы думаете папенька, что а не знаю причинъ, побудившихъ васъ разстаться съ дядюшкой Пахомомъ Михайловичемъ? Вы предпочли счастіе мое дружов и любви брата!.. Васъ теперь безилконтъ и мучитъ то, что, въ-течение целаго года, вы не получили отъ него никакого извъстія?...

андрей михайловичъ. Да, это мив очень-горько!

настинька. Знаетс-ли что, папенька, я думаю, что онъ напишетъ мнъ отвътъ!..

андрей михайловичъ. Какъ! развъ ты ему писала?

настинька. Да; я писала имъ, что скоро будетъ моя свадьба и что льтомъ мы прівдемъ къ нимъ погостить.

андрей михайловичъ. Неужели? interestation of the content of the

дмитрій семеновичъ. Точно; мы думаємъ вхать къ Пахому Михайловичу вскоръ послъ нашей свадьбы.

андрей михайловичъ. Благодарю васъ, дъти, за это намъреніе!..

Это прекрасно!

настинька. Дялюшка и тетушка, въроятно, будутъ рады!.. Я съ нетерпъніемъ ожидаю отъ нихъ письма... сегодня приходитъ почта, и я увърена, что мы получимъ отвътъ. Кстати, я схожу посмотръть не принесли-ли уже писемъ.

андрей михайловичъ. Иди, дитя мое, иди!

(Настинька уходить).

ABAEHIE IV.

Дмитетії Семеновичь, Андрей Мяхайловичь и Трофимь, посльдній входить поспышно.

трофимъ. Андрей Михайловичъ!.. Андрей Михайловичъ! андрей михайловичъ. Что тебъ, Трофимъ Оедоровичъ? трофимъ. Весьма-важное дъло...

(Смотрит» на Длитріл Семеновича, какъбы не желал говорить при исмъ).

cedia con a com a with the contraction of the contr

андрей михайловичъ. Говори, говори! Дмитрій Семеновичъ свой человакъ...

трофимъ (запинаясь). Но дъло такого роду...

дмитрій семеновичь. О, ради Бога!.. не церемоньтесь со мною, я удалюсь.

андрей мяхайловичь (удерживая сго). Помилуйте, зачьмъ!... (Трофиму). Ты оть Наживина?

трофимъ. Отъ него-съ.

андрей михайловичъ. Получилъ деньги?

трофимъ. То-есть .. я... знаете-ли...

андрей михайловичъ. Что-же, говоры! Неужели онъ отказывается платить?

трофимъ (съ горестию). Наживинъ объявилъ себя несостоятельнымъ!

андрей михайловичъ (съ испусом»). Что ты говоришы дмитрий семеновичъ. Боже мой!

трофимъ. Я вамъ всегда, Андрей Михайловичъ, говорилъ, что не надобно быть слишкомъ-довърчивымъ.

андрей михайловичъ. Несостоятельный!

Комеділ

89

трофимъ. Со вчерашняго дня! Все запечатано!

андрей михайловичъ. Следовательно, деньги нужныя намъ для уплаты?..

трофимъ. Гдв ихъ взять?..

авдрей михайловичь (ст отчаниемь). Я погибъ!

дмитрій семеновичь. Что вы говорите?

андрей михайловичъ. Я нуждался въ этихъ деньгахъ для уплатъ, которыя должно произвесть сегодня-же... черезъ нъсколько часовъ!

дмитрій семеновичъ. Но вы можете требовать отсрочки.

андрей михайловичъ. Э, Боже мой! Да развъ вы не знасте, что въ коммерческихъ дълахъ подобными отсрочками можно погубить себя?.. Одно сомнъніе можетъ навсегда разстроить самый прочный кредитъ...

трофимъ. Мнъ кажется, что остается еще одно средство... аварей михайловичъ (съ экивостию). Какое?

трофимъ. Пустышкинъ былъ сейчасъ на фабрикъ...

можетъ помочь мив... Опъ теперь богатъ. Мив сейчасъ падобно повидаться съ нимъ.

дмитрій семеновичь. Кажется, онъ самъ сюда идетъ.

андрей михайловичъ. А! хорошо. Трофимъ Оедоровичъ, собери все, что у насъ есть наличными, и дай мнъ поскоръе знать о томъ, сколько мы можемъ набрать.

трофимъ. Сейчасъ исполню.

а андрей михайловичъ. Ступай.

(Трофимъ уходитъ).

tageres does president one farter

SHE HEAPHE V. THE ASSESSMENT OF THE PROPERTY OF

Андрей Михайловичъ, Пустышкинъ и Дмитрій Семеновичъ.

пустышкинъ (онъ одить съ изысканностію, ньсколько потолстыль и важно выступаеть). А! заравствуйте Дмитрій Семеновичъ... здраствуйте, Андрей Михайловичъ!

дмитрій сеченовичъ. Какъ я васъ давно не видалъ.

пустышкинъ. Что дълать, что дълать!.. Дъла, хлопоты, заботы... притомъ-же шалунья Ножкина отнимаеть у меня все спободное время. Знаете Ножкину? дмитрій семеновичъ. Натъ.

пустышкинъ. Неужели вы ее не знасте?.. помилуйте, да это Сильфида... болъе того... настоящая Тальйони!... да-а-съ.

андрей михайловичъ. Какъ... вы, Самойла Монсенчъ?

пустышкивъ. Что дълать, дражайшій Андрей Михайловичь! Положеніе мое въ свътъ требуетъ того... есть обычан, противъ которыхъ богатому человъку илти нельзя, иначе онъ потеряетъ кредить... знаете, богатая квартира, лошали, танцовщица — это все въ порядкъ вещей...

дмитрій свменовичь. Я этого не зналь.

пустышкинъ. Да вамъ и знать не зачъмъ... вы не капиталистъ; вашъ братъ долженъ покровительствовать искусствамъ... помогать нуждающимся и... и прочее... Не правда-ли Андрей Михайловичъ?

андрей михайловичъ. Правда, правда.

пустышкинъ. А въдь вы знаете, что я готовъ услужить, особенно такимъ върнымъ плательщикамъ какъ вы... хе, хе, хе! да вотъ бъда! этакіе люди и въ деньгахъ не вуждаются, хе, хе, хе! (Дмитрію Селисювичу). Повъряте-ли, я недавно предлагалъ ему около восьмидесяти тысячъ,.. бездълица... а между-тъчъ, я не зналъ куда дъвать ихъ. Что-жъ вы думаете? Не взялъ. Не надо, говоритъ. Такая бъда! право, не знаешь куда деньги дъвать!

андрей михайловичъ. Но въдь Горкинъ взялъ у васъ эту сумму.
пустыпкинъ. Какой! Сегодия возвратилъ. Не надо, говоритъ.

дмитрій семеновичъ (въ-сторону). Я думаю всъ бояться жидовскихъ процентовъ.

пустышкинъ. Право, вынче деньги какъ щепки-никто на нихъ и смотръть не хочетъ.

андрей михайловичъ. Я знаю человъка, которому вы окажете услугу одолженіемъ этой суммы...

пустышкинь. Ага!.. А кто этоть человькь?

анарей михайловичъ. Я самъ.

пустышкинъ. Вы? Какъ, вы хотите...-

- андрей михайловичъ. Да; большів работы, предпринятыя мною, завлекли меня въ нъкоторыя вздержки, въ-слъдствіе которыхъ я нуждаюсь въ этой суммъ.

пустышкинъ (въ сторону). Та, та, та!.. Ему нужны деньги... Прижму...

дмитрій семеновичъ. А въдь вы сами говорили, что Андрей Михайловичъ върный плательщикъ...

э пустышкинъ (схвативт руку Андрен Михайловича). Еще-бы!.. говориль, еще скажу в всегда говорить булу... Да я готовъ съ

вами раздълить послъднее... только та бъда, что нынче деньги стали ужасно ръдки...

дмитрій семеновичъ. Какъ! да не вы-ли сейчасъ говорили, что деньги нынче, какъ щенки...

пустышкинъ (съ притворнымъ изумленіемъ, но весьма-любезно). Будто в это сказалъ?.. А! вы меня не поняли! Я говорилъ, что деньги какъ щенки у тъхъ, у которыхъ ихъ много... но у кого ихъ ньтъ, тамъ они очень-ръдки!.. Очень, очень-ръдки!

дмитрій семеновичь (смпется). Я думаю!

андрей михайловичъ. Но въдь Горкинъ отдалъ вамъ 80 тысячъ?.. пустышкинъ. Конечно... но, у меня было въ-вилу другое дъльцо... очень-выгодное...

андрей михайловичъ (насмишливо). Въроятно, большіе проценты?

пустышкинъ. О, никогда!.. никогда больше шести процентовъ не беру...

андрей михайловичъ. Я на это согласенъ.

пустышкинъ. Да еще бездъляцу, о которой впрочемъ не стоитъ и говорить... два процентика за комиссио...

андрей михайловичъ. Два?

дивтрій семеновичъ. Следовательно это составить уже...

андрей михайловичь и дмитрій семеновичь. Какъ десять? Восемь, пустышкинъ. Нътъ, десять. Два процента еще за хлопоты...

анарей михайловичъ. Вы поступаете со мною не по-пріятельски, Самойла Моисепчъ!

пустышкивъ. Э, полноте! Я, какъ вы сами видите, дъйствую чисто законнымъ образомъ...

андрей михайловичь (*пропически*). Хорошо, хорошо... что-же касается до обезпеченія...

пустышкинь (взявь его за руку). Какія обезпеченія между арузьями, помилуйте!.. Мы только напишемь векселёкь, и то, знаете, порядка ради... да еще закладную на фабрику... только ради порядка... вы знаете... это такъ водится... А вамъ сегодня нужны деньги?

андрей михайловичь. Сейчаст-же!

пустышкинъ. Эка досада! Нельзя-ли обождать до завтра? андрей михайловичъ. Мив нужны эта сумма сегодня.

пустышкинъ. Вечеркомъ?

андрей михайловичъ. Сейчасъ-же.

пустышкинъ. Ну, нечего дълать! И вамъ сейчасъ принесу семдесятъ тысячъ, а остальныя десять черевъ недъльку... дмитрій семеновичь (въ-сторону). Какое счастіе!

андрей михайловичъ. Вы сегодия отобъдаете съ нами?

пустышкинъ. Съ удовольствіемъ. (Въ-сторону). Я немножко поцеремонился... можно-бъ спросить больше... но съ друзьями надо быть иногда уступчивымъ... притомъ же я еще немножко утяну изъ десяти тысячъ... (Въ-служь). До свиданія, друзья мон.

амитрій семеновичъ. До свиданів...

SELECT SOUTHER VEHICLES OFFICE

Андрей Михайловичъ, Дмитрій Семеновичъ, потоме Па-COALING DIVERSITY STREET, STRE

(Вся эта сцена должна быть играна на-право, на авансцень, чтобы помеление Пахома импьло большій эфекть).

BERSPREHERS OF RITSRIES.

дмитрій семеновичъ (съ живостію). Слава Богу, вы спасены! андрей михайловичъ. Дай-то Богь! дмитрій семеновичь. Я такъ испугался!

андрей михайловичъ. Я болъе всего боялся за васъ, за дочь Богатство и репутація моя суть единственныя достоинства мон въ глазахъ вашего дядюшки... лишиться ихъ, значить разстроить счастіе мосії Настиньки... Я буду покосиъ тогда только. когда у меня будуть въ рукахъ деньги.

пахомъ (за кулисами). Андрюша дома?.. Ладно!

дмитрій семеновичь. Боже мой!.. Мив послышалось

пахомъ. Ползи-же, Параня!

Diffranced's BU CTORYL

андрей михайловичъ. Это брать мой!

CARLO DE LOCAL A ROOL CETORES DESCRIPTIONS

амитгій семеновичъ. Я не ошибся!.. Боже мой! Какимъ это образомъ? Reputated paned .. 48 cont. Monthfullylo em coopiest.

ABJEHIE VII.

Настинька, Прасковья, Пахомъ, Андрей Михайловичь, Дмитрій Семеновичъ. (Прасковья входить съ картонкой, которую ставить на столь на-льво).

пахомъ (бросансь въ обънтія Андрея). Андрюша! голубчикъ мой!..

андрей михайловичь. Брать... сестрица... (Цилуеть Прасковию).

Комедія

93

пахомъ (растроганий). Ахъ, ты умница моя! головушка!.. То-есть я радешенекъ... Кажись, плачу... прасковья (утирая слезы). Чего плачешь?

(Андрей Михайловить экметь имь руки)

пахомъ. И она хнычеть!.. (Плачеть) Ну... ну... ну... чего хнычень! (Толкаеть жену). Глупо! (Настинькь.) Заранствуй, ягодка моя! (Настинька становится между Пахомъ и Прасковьей. Дмитрію Семеновичу). Заранствуйте, наше благородіе!

андрей михайловичъ. Добрый мой Пахомъ!.. Какъ это вы прі-

ъхали, не предувъдомивъ меня?

пахомъ. Вотъ въ этомъ-то и штука!.. Получили мы грамотку Настиньки... Ну, братъ, ужъ грамотка! Этакъ и Сидорычъ, дьячокъ нашъ, не напишетъ...

прасковья. Ей Богу, не напишетъ! Я плакала, какъ дура, когда

она отписала намъ, что, дескать, выхожу за мужъ...

пахомъ И съ такимъ почтеніемъ, что просто мое почтеніе! Мы оба расплакались...

дмитрій семеновичъ (въ-сторону). Теперь понимаю.

андрей михайловичь (экметь руку Настинькт). Добрая моя Настя!

пахомъ. Четыре раза прочитали письмо, а жена говоритъ: читай еще! Я еще разъ прочиталъ, да и говорю: слышь ты, старуха; они хотятъ прівхать къ намъ, когда сыграютъ свадьбу... удружимъ имъ, повдемъ въ Питеръ, поплящемъ у нихъ на свадьбъ... Ладно, говоритъ. Взяли, да и повхали! Повхали, да и прівхали, да и мое почтеніе! Вотъ и вся штука.

настинька. Добрый дядюшка!

пахомъ (съ чувствомъ). Чего добрый! Нътъ, матушка, какъ вы ужхали, намъ больно взгрустнулось... Бывало, съвмъ тарелку щей, да и говорю: старуха, лавай еще! а тутъ... куда! и одной не довдалъ! Ей, ей, одной не довдалъ! Просто бъла! Только разъ во всю жизнь свою, было миъ такъ грустно... Когда Французъ на Москву пришолъ... Ну, да и тутъ отъ сердца скоро отлегло.

настинька. Добрый дидюшка!

пахомъ. То-то! А вы, сударыня, даже не облобывали дядюшку! Лобывайте-ка! (Подставляеть щоку, Настинска цълуеть его; Пахомъ протягиваеть руку Дмитрію Семеновичу). А вы какъ поживаете, ваше благородіе? (Подходить къ Дмитрію Семеновичу, а Андрей Михайловичь между тъмъ разговариваеть дружески съ Прасковьей).

дмитрій семеновичъ. Какъ видите, Пахомъ Михайловичъ...

пахомъ. Эки штуки! Пахомъ Мяхайловичъ... зовите меня просто дадюшкой .. въдь я вамъ булу дадюшка... хе, хе, хе! (Прожаживается по сцени съ Прасковый и осматриваеть убранство комнаты, между тымь Дмитрій Семеновичь подходить къ Настиньки). Ого, братъ! Да какъ ты, это того, вальяжно жительствуень! Лихо! Да и лихія денежки стоило! Поди-ка, за пятакъ этого не купишь... под от усови из ангольно вышинова.

прасковья. Это повеликативе, чемъ у городничаго нашего. андрей михайловичь. Я ве могу отставать отъ другихъ... пахомъ. И не-зачъмъ! Ты, братъ, не хуже другихъ...

прасковья (подходя къ Настипьки). Поди-ка, и ты выходишь

за-мужъ чтобъ не отставать отъ другихъ?

пахомъ. Да, ла... (Дмитрію Семеновиту). Да, кстати, какъ хорошо, что ся благородіс, матушка ваша, позволила вамъ жепиться... Должно быть добрая баба! а я, признаться сказать, думаль что она... тово... неможно... знаете... васъ воленъ зн!

дмитрий семеновичъ. Я васъ не понимаю?

пахомъ. И не нужно!.. Я ощибся и повторяю еще разъ, что матушка ваша добрая баба... Кончено дъло.

прасвовья. А про дядю-то что говорилп... будто онъ невъсть

какъ важничаетъ!.. Мы было прозвалн его мусье педотыка...

пахомъ (смпется). Правда, правда! ха, ха, ха! Только теперь я скажу ему... настинька (испугавшись). Что вы ему скажете, дядюшка?

пахомъ. Скажу... скажу... мусье, пардонъ! Виноватъ, а повинную голову и мечъ не съчетъ! Вотъ что я ему скажу!.. (Брату). Такъ-ли, умпица?

настинька (тихо Дмитрио Семеновичу). Ахъ, Боже мой!..

дмитрій семеновичь (тихо). Надо постараться, чтобы они не встръчались...

гръчались... настипька (тихо). Но мы ждемъ его съ ыппуты на минуту (Съ

безпокойством в смотрить на дверь).
пахом (месть). Ну что, жена, какъ ты ... послъ тряски? прасковья. Ничего!.. Завтра и следовъ не будеть.

пахомъ. То-то!.. Ты не привыкла такъ много вздить, да еще въ кибиткъ ... тряско! неча сказать!

андрей михайловичь. Въ-самомъ-дълъ... Я и не подумаль... вы устали съ дороги...

і устали съ дороги.... пахомъ. Ни почомъ!.. хоть мы наъ ямской сюда пъщечкомъ прибрали...

андрей михайловичъ. Пъшкомъ. пахомъ. Да, чтобъ немножко поразмяться; къ тому-же Прасковье такт и загорелось... Куплю, говорить, шлянку, кунлю! Отродясь не носила, а ужть на свадьбу Настивьки разорюес!.. Мы и махнули на Щукивъ дворъ... Важнейшія тамъ магазей и этакъ тово... народъ все великатный... Пожалуйте-съ, говорять, что покупаете-съ? Атласу, канифасу, сапожки, полусаножки, дамскіе башмаки, тулупы, кафтаны, готовое платье-съ, что нокупаетс-съ, покупаете-съ?.. Такъ это, знаете, все прилично, дъйствительно!.. Мы и купили шляпку, отличительную! Такое, знаете, перышко съ боку, на то пътушье, на то гусипое!.. Хорошая магазея... просили рекомендовать и адрессъ дали... Вотъ Настя, коли понадобится...

настинька (которая во все время старалась улучить минуту, чтобы тихопько поговорить съ отирмъ). Влагодарю, дядюшка... Но вамъ надо отдохнуть...

дмитрій свивновичь (съ оживостію). Консчно! прасковья. Ночью отдохнемь!

ABAEHIE VIII.

Тъже и Трофимъ.

трофимъ (входя поспишио). Я къ вамъ, хозяннъ... (Останавливается, увидъвз Пахома).

вается, увильсь нахоми».

пахомъ. Трофимушка! Давно не видались! Здорово, какъ поживаешь?

трофимъ. Покорно благодаримъ-съй.. Здравствуйте, Прасковья Сергъевна. (Андрею Михайловичу). Надо покончить дъло...

андрей михайловичъ. Хорошо, хорошо... Я сейчасъ буду ... прасковья. Да вы съ нами безъ чиновъ... Дъла, батюшка, прежие всего...

андрей михайловичъ. Извините, я на минуту отлучусь... пахомъ. Полно чиниться!.. Ступай себъ, ступай...

(Андрей Михайловить уходить, разговаривая съ Трофимомь).

настинька (хотеть идти). А я пойду, прикажу приготовить для васъ комнату...

пахомъ. Зачъмъ торопиться? Успъется!

дмитрій семеновичь. А я скажу, чтобы вамь подали вина. . пахомъ. Не надо, ваше благородіє! Не употребляю хмъльнаго. (Вт-сторону). Кабы водочки, такъ ништо!

настинька. И позавтракать...

прасковья. Не надо, я сыта...

настинька. Хоть кофею?..

пахомъ. Это ладно! Она у меня кофейница страшная...

прасковья. Ну, ужъ такъ и быть... да ужъ кстати и икорки, да коли семга есть, а не то селедочку, да съ лучкомъ... Такъ, самую малость, только червячка заморить...

настинька. Все приготовлю...

(Vxodumz).

пахомъ. Ахъ ты разумница моя! Слышь ты, ваше благородіе, эко тебъ сокровище достанется! Смотри, береги, а не то, брать, я... хе, хе, хе!

дмитрій семиновичъ (въ-сторону, смотря въ окно). Боже мой!.. дядюшка въ саду... Пойду удержу его (Bъ-слухъ). Извините, что оставлю васъ однихъ... но меня ждутъ... дъло есть... извините...

(Уходить поспышно).

пахомъ. Съ Богомъ, съ Богомъ, мы не хотимъ никому мъщать.

ABAEHIE IX.

Пахомъ, Прасковья.

прасковья. Что-жъ это?.. Онъ ушолъ?.. Ну, Пахомъ, это, кажись, не великатно.

пахомъ. Полно врать, баба!.. Вишь дело есть!

прасковья. Все равно... молодежь должна уважать старшихъ... такъ следуетъ!

пахомъ. Ну, матушка; влюбленнымъ много въ зубы смотръть не падо... ужъ любовь такая заноза, что самаго умнаго съ толку собъетъ!.. Охъ ты, свътъ ты мой! Какъ вспомню, какъ я тебя полюбилъ! Ну вотъ точно первый разъ на Француза вышелъ!..

прасковья. Ахъ ты, проказникъ!

пахомъ. Ей, ей такъ! Подъ Смоленскомъ въ ногу ранили, а подо Псковомъ въ сердце... Охъ ты моя краля... (Ласкается къ neù).

прасковья. Ну, полно, полно! Не забывай, что ты въ Питеръ — тутъ все народъ такой церемонный... То-то братъ! И ты былъ-бы такой же баривъ, какъ Андрей, коли умълъ-бы въ прокъ пустить деньгу свою!

пахомъ. Куды намъ!... А, въ-самомъ-дълъ, посмотри-ка Анарей-то какъ важно живетъ... Все канапели, да зеркала и кресла... Комедія 9

(Садится). Ой, батюшки, увязъ! (Встаеть и ударяеть по подущки). Экъ, подумаеть, ухитрились! И на креслахъ перинки понадълали... (Идеть къ окну).

прасковья. А Настя-то? Разодъта въ пухъ, а говоритъ: «Такъсъ, по-домашнему...» Ну, поглядъла-бъ, какъ-же это она наряжается не по-домашнему...

пахомъ (смотря ез окно). А вотъ увидишь, какъ она подвънечное платье надънетъ, вотъ будетъ... что это? Его благородіе гуляетъ по саду съ какимъ-то старикомъ... върно дядя...

прасковья. Мусье Недотыка?.. Какъ-же это намъ не сказали,

что онъ здъсь... Следовало познакомить...

пахомъ (смотря въ окно). Ой, батюшки мои, глянь жена, глянь! Ноги-то, ноги-то у него? Словно ходули!.. Ужъ точно итмецкія, журавляныя ноги!..

прасковья. (смотря въ окно). Экой долговязый!...

пахомъ (смотря во окно). Странно! Мнъ кажется, что я гдъ-то видълъ эту птицу...

прасковья. Онъ, върно, пришолъ къ объду!..

пахомъ. Вздоръ!.. Насъ-бы не посылали спать!

прасковья. Ой-ли?.. (Таинственно). Пахомъ, а Пахомъ? пахомъ. Что тебъ?

прасковья. Подь-ка сюда, поближе... за темъ-то насъ и посы-

пахомъ. Зачемъ?

прасковья. Эка!.. Ты думаль, что тебя воть такъ и посадять вмъсть съ барономъ?.. Натка!

пахомъ. А какъ-же? Коли племянникъ его женится на моей племянниць?.. Въдь, слъдовательно, мы съ-родии!

прасковья. Какъ-бы не такъ?.. Въдь имъ стыдно признать насъ! пахомъ. Стыдно?.. Да если... Ну, полно врать! Охъ ужъ эти мнъ бабы!

прасковья. Ты самъ хорошъ! Нешто не поняль, что они оттого и уфхали отъ насъ?

пахомъ. Опять завралась, сударушка!.. Нешто ты сама не видала, какъ она рады намъ?.. а Настя? Полно, Сергъевна, ты въчно усумляещься! Коли-бъ они стыдились насъ, стали-бъ они мнъ предлагать вина, а тебъ кофею!.. Вздоръ ты несещь!

прасковья. Нътъ, Михалычъ; я своимъ простымъ умомъ смъ-

каю...

пахомъ. Ничего ты не смъкаешь!.. А письмо-то, которое она намъ написала? Что, нутка письмо? кто-бъ велълъ ей писать, если-бъ она не уважала насъ? Что?

T. VIII.

прасковыя. Опо такъ; да въдь въ письмъ она пе писала, чтобы мы прівхали... въдь это тебъ вздумалось ъхать безъ приглашенія.

пахомъ (престодушно). Ахъ, Сергъвна, да какія церемоніи между братьями?

прасковья. Ну, да я знаю тебя; ты въдь Божья коровка! Ты не думаешь, чтобы на свътъ могло быть эло!

пахомъ. А ты во всемъ видишь дурное.

прасковья (разгорятаясь). Ну, ладно, увидимъ; они взяли съ собою въ горинчныя Малашку, Тряпьева племянницу, я отъ нея узнаю всю подноготную...

пахомъ (удерживан ее). Не моги!

прасковья. За чъмъ-же ты говоришь, что я вездъ вижу эло? Я доберусь до правды; хочу знать, рады-ли они намъ...

пахомъ. Разумъется, рады!

прасковья. Увидимъ, увидимъ; у нихъ будетъ балъ... они только того и хотятъ, чтобы удалить насъ... и если я узнаю, что дъло такъ... ни минуты не пробулу вдъсь... уълу... право уъду!..
Мнъ не нужно ихъ... я не на хлъбы къ нимъ пріъхала... сама,
благодаря Богу, имъю свое пропитаніе... ничего мнъ отъ нихъ не
нужно! Богъ съ ними! Уълу... А подит-ка небось надъятся таки
получить и нашу деньгу въ наслъдство...

пахомъ. Полно врать! Разважничалась своимъ пятакомъ съ гривной; они, братъ, плюютъ на такую дрянь... они побогаче насъ съ тобой!

прасковья. Ну, кто знаетъ!.. Не красна изба углами, красна пирогами... у нихъ, братъ, журавли-то въ небъ есть, да, можетъ, синицы въ рукахъ нътъ!.. увидимъ...

вахомъ. Да полно горячиться...

прасковья. Хочу, буду! Если узнаю, что они не рады намъ, уъду, и знать ихъ не хочу. Пойду, все разузнаю...

(Скоро уходить).

явление х.

Пакомъ, (одинь, бижить за него).

Эй, баба, перестань; говорять тебъ, не хочу! Полно!.. Ушла! (Возвращалсь). Ну, что за охота ей?.. По-моему, лучше ничего не внать, ничего не видать... спокойнъе будешь... При томъ-же она чепуху вретъ! Чепуху!.. Чтобы Андрей стыдился меня?.. Не-

Ko.wedin 99

можеть быть... Выдь я жъ горжусь имъ... Я готовъ дать пэрубить себя на мелкіе куски за него!.. Нътъ, нътъ! Андрей добрый братъ... я увъренъ въ томъ... Кстати у меня есть до него просьбица... вотъ тогда моя Прасковья Сергъвна сама увидитъ, что вздоръ городитъ... (Оглядывается). А вотъ, кажись, и онъ самъ!

ABAEHIE XI.

Пахомъ, Андрей Михайловичъ (выходить изы кабинета наливо).

андрей михайловичь (пе видя Пахома, считает посиглации). Тридцать-пять тысячь... воть все, что у меня есть наличными... пахомь (въ-сторону). Экъ у него разноцвътныхъ сигнацій сколь-ко!..

андрей михайловичь. А Пустышкина все еще ньтъ!

(Хогеть выдти въ двери на-право).

пахомъ (остановиль его). Куда ты, мое золото съ ассигнаціямъ? андрей михайловичъ (кладеть деньги въ кармань). Ахъ, ты здъсь, Пахомъ!

пахомъ (съ любосно смотря на брата). Поджидать тебя... давно ужъ мы не видались... давненько... (Жметъ ему руку). Андрюша ты мой!.. голубчикъ!.. мы съ тобою вмъстъ выросли, вмъстъ въ бабки играли, вмъстъ голубей гоняли... охъ! славное было времячко! Все у насъ было по-поламъ; что мое, то твое — что твое, то мое! Только ты всегда былъ умиъе меня...

андрей михайловичъ (съ безпокойствомъ). Помню, помню... но ты, кажется, котълъ мнъ что-то сказать?

пахомъ. Правда; вотъ въ чомъ дело: ты знаешь, что Параше досталось наследство... л даже предлагалъ тебе... помнишь?

андрей михайловичъ. Помню... но...

пахомъ. Ты не принялъ предложенія мосго... Кончено... дъло прошлое! Вотъ деньги-то у насъ и залежались, какъ вдругъ хозяйкъ моей пришла мысль...

андрей михайловичь (разспянио). Неужели?

пахомъ. Да; хотимъ купить домъ... недвигающееся имъніе, какъ говорятъ чиновники.

андрей михайловичъ. Что-жъ? и дело!

пахомъ. Кажись, что дъло. Торжишка идетъ плохо, съ нимъ дачеко не увдешь... притомъ-же Паранъ пришла охота имъть жильцовъ, куръ, дворника, собаку, корову и, знаешь, таво, всъ прочія околичности!.. Вишь ты, она говоритъ, что больше уваженствія будетъ. Ну, я и не прочь! Хозяинъ дома проживаетъ здъсь, въ Питеръ; хочу скоръе покончить дъло...

андрей михайловичъ (разсъянно). И хорошо сдълаешь. Зачъмъ-

же дъло стало?

пахомъ. За бездълицей! Пять тысячъ не хватаетъ; я и пришолъ къ тебь, чтобъ ты мнъ одолжилъ на годикъ. .

андрей михлиловичъ. Я?

пахомъ. Тебъ это ни по чомъ...

андрей михайловичъ. Другъ мой, я-бы охотно услужилъ тебъ, но увъряю тебя, что у меня нътъ теперь и тысячи лишней.

пахомъ (съ удивленіемъ). Какъ? у тебя нътъ?.. (Въ-сторону)

А самъ сейчасъ цълый пучокъ въ карманъ сунулъ...

андрей михайловичь. Я самъ теперь въ затрудчени...

пахомъ (съ безпокойствомъ). Право? ужъ не плохи-ли дъла твои?

андрей михайловичъ. Да... неожиданное несчастіе... уплата, которую я долженъ сегодня-же произвесть или лишусь кредита...

пахомъ (еще болпе обезпокоенный). Кредита?

андрей михайловичъ. Но мнь объщали одолжить...

пахомъ. Да върно-ли?..

андрей михайловичъ: Надъюсь. Но вотъ кто-то идетъ; это, можетъ-быть...

пахомъ. Нътъ, это жена моя.

андрей михайловичъ. Жена твоя?.. Не говори ей ии слова... женщины нескромны... мы еще поговоримъ, и я тебъ все объясню.

(Уходить па-право).

пахомъ (провожая его). Ладно, ладно!

явление хи.

Пахомъ, потомъ Прасковья, (виходить таинственно).

пахомъ (въ-сторону). Онъ нуждается!.. бъдный братъ!.. прасковья (тихо). Ну, что я говорила?..

пахомъ. Что ты говорила?

прасковья. Я говорила, что насъ хотять выпроводить, и не ошиблась! Насъ посылають спать, между-тымь какъ сами хотять за столь садиться...

Комедія

101

пахомъ. Что за вздоръ!

прасковья. Ахъ ты Оэма невърный! Я сама заходила въ кухню; видъла всѣ приготовленія... поди-ты какая роскошь! фальянсовая посуда, и серебро, и золото...

пахомь (въ-сторону). А онъ говорить, что находится въ затруд-

нешіп?..

прасковья. Поразговорилась я съ горничной и узнала, что Настинька ва-строго запретила сказывать барону, что мы прівхали!..

пахомъ. Можетъ-ли быть!.. (Въ-сторону). Охъ, ты Господи мой! Неужели баба не ошиблась?.. Неужели они выживають? насъ.. стыдятся... о! нътъ, не можетъ-быть,.. но если? О, тогда я знать ихъ не хочу! тогда...

(Въ это время Прасковья отошла къ средней двери).

явление ххии.

Пахомъ, Прасковья, потомъ Пустышкинъ.

прасковья (у двери). Эго что еще за господинъ тамъ идетъ? Не другой-ли баронъ?.. Вишь какой важный... ай, батюшки! На немъ два сюртука, верхній-то словно мъщокъ... Что это? кажись Пустышкинъ? Ахъ онъ шарамыга, туда-же льзетъ!

пахомъ. Пустышкинъ!.. (Ударлеть себя по лбу, какъ-бы пораэконный внезапной мыслыо). Отъ него донытаюсь...

пустышкинъ (сходя). Что я вижу? Возможно-ли? Вы здъсь!

прасковья. Небось вы меня не жлалв?

пустышкинъ. И точно не ждалъ, матушка.

прасковья (обиженцая). Матушка! (Вг-сторону). Самъ ты матушка, пройдоха этакой!

пустышкинъ. Я думаль, что вы не въ-дадахъ съ Андреемъ Михайлычемъ.

прасковья. За что, батюшка? (Въ-сторону). Вотъ тебь и матушка!

пахомъ. Не за то-ли, что вы отвезли его въ Питеръ?

пустышкинъ. Надъюсь, что вы больше не сердитесь на меня за это? Вы видите, что я открымъ брагу вашему путь къ богатству.

пахомъ. Ой-ли?.. стало... таво... делишки ползутъ?

пустышкинь (папыщенно). Орлинымъ полетомъ летятъ!.. Черезъ годика четыре, Андрей Михайловичъ будетъ милліонщикъ! пахомъ и прасковья, Милліопщикъ!

пустышкинъ. Еще-бы! Мит дъла его также хорошо извъстны,

какъ мон собственныя... еще на-дняхъ онъ показывалъ мнъ по книгамъ, сколько онъ нажилъ въ нынъшнемъ году.

пахомъ (въ-сторону). Неужели братъ обманулъ меня? пустышкинъ. Но какими сульбами вы въ Петербургъ? прасковыя. Вотъ тебъ на!.. Мы прівхали на свадьбу! пустышкинъ (съ изумленіемъ). А! вы приглашены?

пахомъ (съ горькой усмишкой). Нътъ! Мы хотьли обрадовать полныхъ нечаяннымъ прівздомъ.

пустышкинъ. А-а!.. (Въ-сторону). Хороша радость!.. Они, по-

жалуй, еще разстроятъ всю свадьбу.

прасковья (выразительно Пустышкину). А незваный гость часто хуже Татарина. Не такъ-ли, Самойла Моисеичъ?

пустышкинъ. Полноте... съ чего вы это взяли?...

пахомъ. Бульте откровенны. . признайтесь; насъ не ждали? пустышкинъ. Коли вы требуете, чтобы я сказалъ вамъ правлу, такъ... прівздъ вашъ поставиль ихъ въ.... затруднительное положеніе, потому-что здась баронъ...

пахомъ. Следовательно, они будутъ рады, если мы...

прасковья. Уберемся во свояси!

пустышкинъ. Нътъ, нътъ; но имъ пріятнье было-бъ принять васъ въ другое время; такъ... за просто... безъ церемоній...

пахомъ (съ сердцелиз). То-есть, имъ стыдно показать насъ чужимъ людямъ!

прасковья, (торокествуп). А!... что я говорила! пахомъ (подходя къ ней). Ты, старуха, говорила правду!

пустышкинъ. Я въдь сказалъ это только потому, что вы сами требовали, и потому, что они сами никогда не ръшились-бы ска-

пахомъ (съ притворнымъ хладнокровіемъ). Нътъ, нътъ... они сами уже сказали...

пустышкинъ. А! это дъло другое.
плхомъ (съ негодованіемъ). Сказала, но не на-прямки... нътъ, а съ увертками... съ обманомъ... и Андрей... О! послъ отказа его я ни въ чомъ не сомнъваюсь... все ясно... чтобы скрыть неблагодарность свою, онъ воспользовался неблагородною хитростью... онъ стылится меня, но не стыдится быть дурнымъ братомъ, дурнымъ человъкомъ!... Кончено... спасибо, Самойла Монсенчъ, спасибо и прощайте... пойдемъ, жена...

прасковья. Что? теперь повърнаъ?

пахомъ (съ сердцемъ). Пойдемъ!.. Мив завсь душно!

пустышкинъ. Что вы, почтеннъйшій...

пахомъ (смотрить Пустышкину въ глаза). Я не почтеннъйшій,

а Пахомъ Михайловичъ! Прошу запомнить!

прасковья (въ-сторону) Вотъ и тебъ загвоздка, воронье пугало! пахомъ. Скажите бра... Антрею Михальтчу, что мив не надо пи денегъ, ни объда его... скажите, что въ Петербургъ много трактировъ...

пустышкивъ (удерживая его). Полноте...

пахомъ. Скажите ему, что я пе ношу нъмецкаго платья, что не умъю сладко говорить... но что у меня туть (ударлень себя по груди) есть то, чего у него нътъ. (Съ возрастающимъ гипьомъ) скажите ему, что онъ миъ не братъ, что я плевать хочу на... Пойдемъ, жена... (Спокойно). Наше вамъ наиглубочайшее.

(Уходить съ эксной).

ABAEHIE XIV.

Пустышкинъ, потомъ Настипька

пустышкинъ. Что это значитъ?... Какъ эта сволочь щекотлива! (Пожимаетъ плечами и идетъ къ окпу). Туда-же! И въ-самомъдълв уходятъ... Что это! Они вошли въ трактиръ... Ха, ха, ха! Впрочемъ и слава Богу! Надо только предувъдомить Дмитрія Семеновича.

настинька (входя). Все готово... (Усидива Пустышкина). Ахъ, это вы, Самойла Моисеичъ!

пустышкинъ (клапппсь). Точно такъ, сударыня.

настинька. Но гав-жъ они?

пустышкинъ. Кто это?

настинька. Дядюшка и тетушка...

пустышкинъ. Ушли...

настинька. Ахъ, Боже мой! только-бы они не встрытились съ барономъ!

ABAEHIE XV.

Настинька, Баронъ, Дмитрій Свменовичъ, Пустышкинъ, потомъ Андрей Михайловичъ.

варонъ. Очинь-карошо вашъ садъ... все такъ авантажно.... дмитрій семеновичъ. Настасья Андреевна сама заботится объ немъ... (Увидљев Пустышкина). А, Самойла Монсенчъ! (Жметь

ему руку).

БАРОНЪ (Настиньків). Ви любитъ свъти?... Я вамъ будитъ пришлетъ съ мой миза... Камеліа, гіацинтъ, жасминъ... секи, секи свъти у мнъ есть... осоглавъ дорогой... дорогой свъти ошинъкрасивъ.

настинька. Вы слишкомъ-добры, баронъ!

дмитрій семеновичъ (представлял Пустышкина). Дядюшка, честь им'ью представить вамъ г. Пустышкина, добраго пріятеля Андрея Михайловича и моего стараго знакомаго. Онъ человъкъ очень-богатый и имъетъ сношенія почти со всъми извъстивищими здъщними купцами...

варонъ (важно). Зо, зо. . Ви то-есть, банкирь!... Прекрасни карьеръ, ошинъ-прекрасни; деньги имъетъ свой аристократи... Ви sans doute, объдать съ намъ! (Пустышкинъ кланяется). А propos, neveu, я балушилъ отъ министръ отвътъ; просьбъ мой будитъ ис-

полнент!

диптий семеновичь. Отъ-души поздравляю васъ дядюшка!

(Бароиз прогуливается по сцень между Дмитрісмъ Семеновичемъ и Настинькой, между-тъмъ, входить Андрей Михайловичъ, и идетъ прямо къ Пустышкину).

андрей михайловичь. Ахъ! я съ нетерпъніемъ жду васъ...

андрей михайловичъ. Ну, что-же? Деньги?

пустышкинъ. Черезъ четверть часа онъ будутъ здъсь.

андрей михайловичъ (съ радостию). А! прекрасно!

варовъ (выходя впередъ съ Дмитріемъ Семеновичемъ и Настепькой). Ви соглашайсъ?

настинька. Если вамъ непремънно уголно...

андрей михайловичъ. Что такое?

варонъ. Фрейлейнъ будетъ пъть послъ объда. Я большой аматёръ отъ музикъ... особенно военный музикъ... ошинъ-карашо... пустышкинъ. Вы, въроятно, изволили служить, госполняъ ба-

пустышкинъ. Вы, въроятно, изволили служить, господинъ ба-

баронъ (шохая табакт). Хе, хе! Служилъ и на войну булъ...

(Баронг тихо разговаривает съ Дмитріем Семеновичем и Настинькой, Входить Грофимь). трофимъ (тихо Андрею Михайловичу). Принесли счоты и вексе-

андрей михайловичъ (*muxo*). Боже мой! трофимъ (*muxo*). Хотятъ протестовать...

пустышкинъ (подслушивавшій посльдніп слова, въ-сторону).

Протестовать? Что это значитъ?

— андрей михайловичъ (тихо). Скажи, чтобъ полождали... я сейчасъ все выплачу.

(Трофимь уходить).

пустышкинъ (искоса поглядывая на Андрея Михайловича). Тутъ что-то не ладно... Сноповъ въ такомъ безпокойствъ...

андрей михайловичь (въ-сторону). Нать, я не могу болье оставаться въ этой неизвъстности... пойду, посмотрю...

(Идеть къ дверямь. Въ это время за кумисами слишится шумь; слуга кричить: — Нельзя! Я не впущу вась! — Растворяется дверь и входить Пахомь).

варонъ. Какой шнектакаь! дмитрій семеновичъ (въ-сторону). Боже! пустышкинъ (въ-сторону). Ай, ай, ай! Чортъ возьми! андрей михайловичъ (въ-сторону). Братъ!

(Пахомъ входить, общее изумление).

всъ, А!

явленіе хуі.

Настинька, Баронь, Дмитрій Семеновичь, Пахомъ, Анарей Михайловичь, Пустышкин в. (Пахомъ пьянь; опъ, ин слова пе говоря, гордо идеть къ столу па-льво, береть съ пего картопку, оставленную Прасковьей и окидываеть встахъ гордымь взилядомь).

пахомъ. Не безпокойтесь... я примоль за шлянкой супруги моей... Прасковы Сергъвны... за шлянкой, которую она... здъсь оставила... Эго ся шлянка... она только забыла ее... шлянку...

андрей михайловичь (въ-сторону). Несчастный! въ какомъ онъ состояніи...

БАРОВЪ (удаляется от Пахома). Was ist das?

пахомъ. Кислый квасъ!.. шляпка мосй сожительницы... Прасковьи Сергъвны... что, вы думасте запретить ей... носить шляпку... ну, а вотъ будетъ-же... носить шляпку... баронъ. Что это за шеловъкъ?

дмитрій свивновичь (съ замишательством»). Это... кажется п думаю...

андрей михайловичъ (съ товрдостію). Это брать мой, господинъ баронъ!

баронъ. Вашъ братъ!..

пахомъ. Неправда... вретъ... баронъ, господинъ мусье... вретъ... не върь... я ему не братъ... я слишкомъ простъ... по-пъмецки не одъваюсь... вретъ, мусье...

андрей михайловичъ. Что ты говоришь?

. пахомъ. Вретъ... да я и не похожъ на него... и онъ на меня не похожъ... онъ фа... ри... бри... какъ это, называется? фа... браканъ, что ли! а я, просто купчишка. а пляпка эта сожительницы моей... и въ милиціп служилъ...

Баронъ (въ-сторону, ст живостію). Милисъ? что опъ говоритъ... Липо его мнъ будто знакомъ... (Въ-слухъ) Вы служилъ въ милисъ, любезнъйшій?

пахомъ (сердито идеть къ барону). Любезнъйшій!.. я не любезнъйшій, слышь—ты!.. и не въ мились... а въ милиціи служилъ... слышь ты, мусье недотыка!

баронъ (отскогивт). Что-о?

дмитрій семеновичь. Дядюшка!

пахомъ. Говоритъ любезнъйшій... а точно будто ругается. (Съ горькой усмышкой, указывая на Андрея Михайловиса). И для него... вонъ, для этого... я тоже любезнъйшій...

андрей михайловичъ. Полно, Пахомъ!

пахомъ. Будьте покойны, господинъ фа... бри... фабрикапъ Сноповъ... я уйду... мит не надо твоего объда. . я натася до-сыта, вотъ тамъ, въ растеряціи..., что напротивъ... хоть мит и не до тяды было... все-равно, я талъ, пилъ...

баронъ. Это замътно.

пахомъ (съ горестию). Можетъ-статься и замътно... а мнъ что... вино весслить сераце человъческое... а у меня тутъ кручина... (Показывиетъ на сердце). Да что тутъ толковать... пойду... вынью съ горя...

андрей михайловичъ (старалсь увесть брата). Пойдемъ, Пахомъ, пожалуста...

пахомъ (вырывалсь от исго). А! вы изволите употреблять фальянсовую... ла еще какую-то посулу... а не можешь мить одолжить... пяти тысячъ... (Указывал на брата). Онъ обманщикъ! всъ. Что это?

андрей михайловичъ (желая заставить его замолгать). Пахомъ! пахомъ. Ага! Небось стыдпо стало... такъ я-же все разскажу!.. все...

андрей михайловичь. Умоляю тебя...

пахомъ. Ему нужно пятьлесять тысячь.

андрей михайловичь. Братъ!

пахомъ. Сто тысячъ ему нужно!

андрей михайловичъ. Замолчи!

пахомъ. И нужно сегодия-же!

андрей михайловичъ. Да замолчишь-ли ты!

пахомъ. А не то онъ будетъ объявленъ несостоятельнымъ...

€ БАРОНЪ, Што̀-о?

Дмитрій Свменовичь, Настинька и Андрей Михайловичь.

»/ Боже!

а пустышкинъ. Несостоятельнымъ?

пахомъ. То-есть... вотъ разорится! всъ. Разорится! андрей михайловичъ. Боже, я погибъ!

(Настинька упадаеть на стуль и закрываеть лицо руками).

дмитрій семеновичь (подходя къ Андрею Михайловиту) Андрей Михайловичь, успокойтесь!

андгей михайловичъ (задыхающимся голосомь). Оставьте меня, другъ мой, оставьте меня, теперь нътъ надежды къ спасенію!

(Скоро уходить).

дивтрій семеновичъ (за нимг). Я не оставлю васъ. (Пахому). А! вы дурной человъкъ!

(Yxodums).

пустышкинъ (въ-сторону). Нътъ, чортъ возьми! Теперь я и копейки не дамъ взаймы!

(Тихонько удаляется въ противоположную сторону).

баронъ. Банкротъ!.. (Смотря на Пахома). И этотъ человъкъ въ моей фамиль?.. (Скоро июхаетъ табакъ). Никогда!

(Yxodums).

явлене хуін.

Настинька, на стуль, Пахомъ. (Оно како-бы беземыеменно слидиль за движеними всьхо удалившихся и двлается задумино, хотя не можеть еще отдать себы яснаго отгота во происшедшемь. Во всю слидующую сцену замытно, како разсудоко его мало-по-малу проясилется. Потомо входить Прасковыя).

настинька. Изтъ надежды!

пахомъ. Что съ ними слъналось? Что съ ни.... Они не смъялись... Когда и сказалъ, что онъ разорился... они не пристыдили его за ложь... за скупость... Зачъмъ-же онъ обманулъ меня?.. Зачъмъ?.. Настипька!.. а, Настя!

настинька. Что вы сделали, дядюшка!

пахомъ. Ты плачешь... Тебъ жаль, что ты обидъла родныхъ... что стыдилась ихъ?

настинька. Я?

пахомъ. Да пу-же, не плачь!.. Зачъмъ онъ обмапулъ меня?.. Я хочу знать... какъ онъ смълъ обмануть меня...

настинька. Натъ дядюшка, онъ васъ не обманулъ; но вы... нахомъ. Что я?

прасковья (входить смущенная). Батюшки свъты! Возможно-ли? нахомъ (спокойно). Что такое?

прасковья. А, ты здъсь!.. Ну, нагородилъ, заварилъ кашу, неча сказать!

пахомъ. Что такое?

прасковья. Говорила я тебь, не ходи сюда въ этомъ видъ! нахомъ. Въ какомъ видъ?

прасковья. А въ такомъ, что вотъ баронъ-то хочеть дълать, что свадьбе не бывать, и все по твоей винь!

пахомъ (поражонный). По... моей... впнъ?

прасковья. А внизу заимодавцы кричать, что если имь сейчась не заплатять, то они подадуть векселя ко взысканію!.. Брать твой, Андрей, разорился!

нахомъ (приходя въ себя). Разорился!

прасковья. Да! разорился!.. погибъ!.. опозоренъ!..

пахомъ (сильно встревоженный). Какъ.. и ты плачеть?.. следовательно... слъдовательно... онъ не обманулъ меня?

прасковья. Разумъется, нътъ!

нахомъ (ст отсалніемт) Такъ стало-быть я всему виной?

прасковья. Ты! пахомъ (громко вскрикивает»). Опозоренъ! И я... я виноватъ! (Упадаетъ въ кресла).

настинька (испуганная). Дядюшка! прасковья (испуганная). Пахомъ!

прасковья. Успокойся!

пахомъ (ст отганиемт). Нътъ... оставьте меня... я злодъй! извергъ! подлецъ!.. Бъдный братъ!.. и я могъ думать, что онъ менл обманываетъ!..

прасковья. Да выслушай...

пахомъ (вить себя). Не хочу... ты сама лишила меня довърія къ брату... Ты заставила думать, что онъ гордецъ!

прасковья, Я!..

пахомъ. Ты! Пустышкинъ! вы всв!.. а на-повърку выходитъ, что мы сами негодные... не серчай, баба, его-то благородіе правду сказалъ: мы дурные люди!..

прасковья. Одинъ Богъ безъ гръха!.. Ну что-жъ, виноваты, такъ

пахомъ (вставая). Эхъ! Андрюшъ теперь не до нашихъ извиненій... Этимъ онъ долговъ не заплатитъ... ему нужны депьги... наличныя... деньги!.. (Съ радостію). Ба ба! да въдь у насъ есть деньги!... (Выпимаетъ бумажникъ).

настинька. Что вы хотите дълать?

прасковья. Въдь это на покупку дома...

пахомъ (ст пеобузданною радостію). Чортъ побери домъ! Куды

(Поетъ приплясывая).

Ай люли, ай люли, ай люли!

Кто сказалъ, что у Андрея денегъ нътъ? а? Кто сказалъ? Враки! Есть деньги — вотъ онъ!

настинька. Возможно-ли?

пахомъ. Параня, берп этотъ бумажникъ и ступай къ Андрею... нътъ, нътъ! онъ пожалуй обидится... ступай къ Трофиму и старайся подсунуть ему бумажникъ — знаешь, такъ искусно, чтобы онъ и самъ ничего не замътилъ... понимаешь, баба?

прасковья. Понимаю, понимаю...

настинька. Папенька спасенъ!.. Пойду обрадую его!

(Убыгаеть).

пахомъ (съ гувствомъ и цълул Прасковью въ лобъ) Ступай!.. добрая старуха моя! Спасибо тебъ, что не прекословнить!

прасковья (цваул его). Чево туть!.. Только-бъ хватило!..

пахомъ. А и въ-самомъ-дъль. На-же, возьми еще, что мы отложили для прожитія въ Питеръ. (Отдаеть ей пошелекь).

прасковья. Постой — тутъ въдь и дорожныя денежки

наши.

пахомъ. Начего... вернемся домой пъшкомъ. Доктора говорятъ, что это здоровъе. Ступай, старуха!

прасковья (еще разъ цилуеть его). Сейчасъ, сейчасъ... ну, Пахомъ, ты доброе дъло дълаешь... люблю за это.

пахомъ (провожал ее). Ладно, ладно; я останусь, обожду Андрея...

(Прасковья уходить).

явление хіх.

Пахомъ, (одинг).

пахомъ. Во-первыхъ я долженъ просить у него прощенія... я узнать, есть-ли еще надежда. О! если уже поздно? если я виной... (Ударлеть себл по головь). Если ты, разбойникъ, испортилъ все двло? Не спущу! Но смирно! Вотъ идетъ Пустышкинъ...

(Утираеть глаза).

ABAEHIE XX.

Пахомъ, Пустышкинъ.

пустышкинъ. А! это вы, Пахомъ Михайловичъ. пахомъ. Ну да, это я.

пустышкинъ. Я ищу Дмитрія Семеновича, чтобы проститься съ

пахомъ. Не-што вы уходите?

пустышкинъ. Сейчасъ же... По-счастію я встрътилъ артельщика, который несъ сюда деньги... (Съ улыбкой). Если-бъ не вы, такъ я славно попался-бъ...

пахомъ (въ-сторону). Все я!

пустышкинъ. Но вы сами поймете, что человъку, который не можетъ заплатить старыхъ долговъ своихъ, одолжать опасно...

Konedia 111

пахомъ (сердито наступая на Пустышкина). А кто вамъ это сказалъ?

пустышкинъ. Что?.. Что?..

пахомъ. Андрей заплатитъ старые долги свои, слышите-ли? пустышкинъ. Что вы говорите?

пахомъ (разгорятнов). Да-съ, овъ все заплатитъ-съ... и безъ помощи ростовщиковъ-съ! Слышите-съ!.. Не нужно намъ вашихъ денегъ... оставьте ихъ при себъ... солите ваши деньги... и чортъ васъ побери!.. Да скоръе чъмъ занимать у васъ деньги, я ногтями своими стану грядки копать... лучше пойду дрова рубить...

пустышкинъ. Но... я васъ не понимаю...

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Пахомъ, Трофимъ, Пустышкинъ.

трофимъ. Извините... Андрея Михайловича здъсь пътъ?.. пустышкинъ. Нътъ... а зачъмъ?

трофимъ. Надо отдать ему уплаченные векселя, пустышкинъ (съ изумленіемъ). Какъ?.. уплаченные!

трофимъ. Какъ видите! (Показываеть ему векселя). Купцу Рябинову двадцать тысячъ рублей, купцу Шабову десять тысячъ рублей и другимъ.

пахомъ (торожествуя, подходить ка Пустышкину) Что, Самой-

ла Моисенчъ? Досадно, небось? Все уплачено!

пустышкинъ. Слъдовательно, Сноповъ не разорился?

пахомъ (гордо). Разорплея? Кто разорился? Да кто осмъ-

пустышкивъ (въ-сторону). Чортъ возьми! Что-жъ это значить? пахомъ (тихо Трофиму). Все-ли уплачено?

трофимъ (тихо). Еще авънадцать тысячъ не достаетъ.

нахомъ (maxo). Ладно! (Bv-c-ayxz). Ну, что скажете? Не говорнати я вамъ, что не нужно намъ вашихъ денегъ? Хе, хе, хе! опростоволосились!

пустышкинъ. Опростоволосился? (Стараясь поправиться). А, Пахомъ Михайловичъ, я увъренъ, что вы хотъли подшутить надо мною!

пахомъ. Можетъ-быть.

пустышкинъ. Понимаю! маленькое мщеніе.

пахомъ. Такъ; когда я потягивалъ водочку, мни пришла охота подразнить васъ..

пустышкинъ (ег-сторону). Дуракъ и я, что повърилъ пьяному! (Вг-служг). Ха, ха, ха, злодъй! Ай да дядюшка! Подшутилъ!..

пахомъ. Не правда-ли, смъшно?

пустышкинъ. Да!.. очень-смъшно... (Въ сторону). Чортъ тебя побери! (Въ-служъ съ напыщенностно). Но во всякомъ случав я, върно, не покинулъ-бы Андрен Михайловича!..

пахомъ (ст изумленіемт). Неужели?

пустышкинъ. Никогда!. Въ несчастін познается истинный другъ... и я хотълъ доказать...

пахомъ (еще болье изумленный). Вы?

пустышкинъ. Я!.. А вотъ вамъ и доказательство!.. Я принесъ съ собою деньги, которыя объщалъ брату вашему...

пахомъ Не надо намъ...

трофимъ (тихо Пахому). Нужно; пусть даетъ:

пахомъ (тихо). Оставь только — онъ клюетъ... (Вг-слухг). Не надо намъ вашихъ денегъ!

пустышкинъ (съ живостію). Все-равно... Я долженъ доказать ему привязанность свою... (Въ-сторону). Десять процентовъ не скоро достанеть! (Въ-слухъ). Впрочемъ, онъ далъ мнъ честное слово, что возьметъ деньги мов, и я буду настанвать...

пахомъ. А! онъ далъ вамъ честное слово... Это другое дъло! пустышкинъ (горягась). Онъ далъ честное слово... и я далъ честное слово...

пахомъ. Ну, въ такомъ случав...

пустышкинъ (скоро Трофиму). Тебъ, въролтно, сказано уже было, что в лоставлю деньги?

трофимъ. Точно.

имстышкинъ. А коли сказано, такъ ступай за мною... Я ничего знать не хочу... Андрей Михайловичъ далъ честное слово... (Говорить еще, уходя съ Трофимоль) и я далъ честное слово... Этамъ шутить не должно...

пахомъ (слидуеть за нимь и знаками поддакиваеть; когда Пустышкинь ухсдить, то Пахоль возвращается на авансцену). Ура!.. Урра!.. Спасъ брата!.. Уфъ! Какъ-то на душь легче стало... право, легче! Гдв-то голубчикъ мой? Теперь-бы обнять, да поцъловать его.

андрей михайловичъ (за кулисами). Онъ уплатилъ... онъ... пахомъ. Охъ, ты Господи! Кажись онъ идетъ... Куда я спрячусь... ей, ей, стыдно!.. авось проститъ!

ABJERIE XXII

Андрей Михайловичъ, Пахомъ, потомя Настинька. андрей михайловичъ. Гдъ онъ, гдъ онъ?.. А. Пахомъ! пахомъ (на кольняхъ). Помилуй, родной! Премного виноватъ... анарей михайловичъ. Приди въ объятія мон! пахомъ (всканивая). Такъ ты мнъ прощаещь? а!

(Бросается въ объятія брата).

андрей михайловичъ. Столько великодушія!

пахомъ Полно! не говори!..
андрей михайловичъ. Нътъ, я хочу, чтобы всъ знали...

пахомъ (въ объятіяхъ брата). Замолчи-же, говорять тебы! Неужто ты въ-самомъ-деле думалъ, что я способенъ следать тебе зло?..

пахомъ. Ну, ладно, ладно... ты радъ, и я тоже,.. у тебя не достаетъ еще 12 тысячъ, но Пустышкинъ видълъ уплаченные векселя и хочетъ одолжить тебъ объщанную сумму,

андрей михайловичъ. Возможно-ли?

пахомъ. Точно, а потому прочь горе! Веселись и радуйся, душа! настинька (пходя). А, вотъ они!

пахомъ (увидивъ ее). Ахъ, постой!.. не все еще покончено! А что будеть съ этой пташкой? Какъ поправить разстроенную свадьбу? Чортъ возьми, какъ подумаю, что я всему виной, такъ и хочется поколотить себя.

пахомъ. Да, хорошъ твой дядюшка! Напроказилъ такъ, что и не дай Богъ!.. А что, баронъ все еще думаетъ вхать?

андрей михайлончвъ. Непремънно.

пахомъ. Ну, такъ мит надо съ нимъ поговорить... и если онъ не согласится, такъ я его... (Показываеть кулакь)

андрей михайловичъ. Братецъ!

пахомъ. Виноватъ, виноватъ... Я опять глупость какую-нибудь савлаю... буду хладнокровенъ.,

настинька. Вотъ, кажется, и онъ.

андрей михайловичъ. Баронъ... миж надо съ нимъ переговорить. нахомъ, Пусти меня... Я устрою все дъло... только гляди... смирно! (Уходить въ глубину театра, такь, что баронь, входя, не примъгаетъ его). жодя из мент). Но разсульты сомили вы ябож

T. VIII.

ABAEHIE XXIII.

Баронъ, Дмитрій Семеновичъ, Андрей Михайловичъ, Настинька, Пахомъ.

дмитрій семеновичь. Однакожь, дядюшка, это не причина! варонь. Что ти скажить? Не причинь, такъ резонь!.. Я очень шармирть, что касподинь Снопхофь остался богать... но марьяжь нельзя... Я не будить согласится — никада!

настинька (въ-сторону). Боже!

варонъ (Дмитрио Семеновичу). Скажитъ самъ... какъ можно... пьяни мужикъ будитъ вашъ дядя? Пустеки!

дмитрій семеновичь (ст вампьшательствомт). Помилуйте... андрей михайловичь (ст сердцемт). Господинь баронь!..

пахомъ (Андрею Михайловичу). Тсъ! нишкни!

варонъ (Дмитрію Семеновиту). Ну, что вы скажить? Antworten sie!

пахомъ (подхойдя сзади, становится между барономъ и Дмитрій Семеновичемъ). Что-съ? чего-съ.

динтрій семеновичъ. Пахомъ Михайловичъ!

баронъ. Апетъ этъ шелавъкъ... Водки вонайтъ! (Отворагиваето голову).

пахомъ (ст достоинстволт). Отчего-же вы другихъ-то хотите наказать за вину мою?

варонъ (желая прервать разговоръ). Я съ вамъ не могу гово-

пахомъ. Отчего-жъ нътъ?.. хоть вы не больно-хорошо маракуете по росейски; ну, да не бъда! Ужъ какъ-нибудь уразумъю... Особение если вы согласитесь на счастіе дътокъ...

баронъ (намиревалсь выдти). Нельзя... Я вельлъ заложить калеску...

пахомъ. Калиску можно отложить....

андрей михайловичъ (*Пахому*). Оставь, Пахомъ... Я не хочу... пахомъ. Молчи, молчи! Мы съ нимъ сладимъ...

баронь (все отворагивая голову от Нахома). Оставь мнв въ спокойствіе.

пахомъ. Такъ вотъ нътъ-же, не оставлю! (Движение барона и Андрел Михайловича). Вы не выйдете отсюда!

баронъ (гордо смотря на Пахома). Wa-a-as?

пахомъ. Полно горячиться!.. Я не хочу обвжать васъ... (Подходя къ нему). Но разсудите сами, господинъ баронъ... (Пристально смотрить на него, потомь съ изумлениемь). О! какъ стравно! ELFORD. Tomung. .: an Estady a, Dod h. BBST

БАРОНЪ. ШТО странъ?

пахомъ (въ сторону). Помнится, я этого гуся ужъ где-то ви-ABAB!

андрей михайловичъ. Что съ тобою?

пахомъ (разсълнио и не спуская глазъ съ барона). Ничего, ничего... во я говорилъ... ($B_{z-cmopony}$) его глаза... ($B_{z-cxyxz}$) что, коли у васъ доброе сердце... ($B_{z-cmopony}$) и подбородокъ ($B_{z-cmopony}$) служт), то надо пожальть молодыхъ людей и... и носъ его!

баронъ (сердито). Какой носъ!

авдрей михайловичъ. Но что съ тобою, Пахомъ?

пахомъ (съ висзапною, шумною радостью). Такъ и есть, чортъ возьми! Что со мною? А то съ, что я стараго знакомкаго нашолъ дивтрій семеновичь. Возможно-ли?

Баронъ (смпшавшись). Што... што? Er irrt sich! Тутъ ни есть стари знакоми... das ist... неправда!

пахомъ. А правда! Я и фамиль-то вашу вспомою. Какъ-бишь? Думъ... дум... помню, что на Думъ начиналась. дмитрій семеновичъ. Думштольцъ?

пахомъ. Такъ и есть! Думштольцъ и есть!

баронъ (въ-сторону). Попадился! Ай, ай, das ist schlimm! пахомъ. Онъ тоже служилъ въ милиців.

дмитрій семеновичь. Точно!

пахомъ (потирая руки). Ха, ха, ха! У меня память лахая-съ Помните, баронъ, подъ Смоленскомъ дъло было жаркое.

ne, nevace a near past samuars

баронъ (бъ-сторону). Donnerwetter! Прокляти мужикъ!

пахомъ. Въдь и вы были подъ Смоленскимъ, баронъ... Я номню, вы долго поджидали непріятеля, а какъ онъ нагрянуль, такъ вы... (Пристально смотря на барона). Помните-ли, аль изволили запамятовать?

амитрий семеновичъ. Дядюшка попался, кажется, въ плънъ, въ то время?

пахомъ. Попался въ пленъ? Можетъ-быть. (Тижа барону). Добровольно отдалея въ руки непріятелю .. попада притима

BAPORE (muxo). Toult. Stillel worth) Transaction from

пахомъ (въ-служе). Съ техъ-поръ мы не видались, госпедииъ баронъ... всечли вы въ вожделенномъ здравів? а супруга-съд а двточки-съ? Слава Богу? Очень-радъ-съ! Хе, хе, хе! Очень-радъ-съ, настинаца. Онъ нашъ блигодотель. ей Богу-съ?

БАРОНЪ. А ВИ САМЪ СЛУКВАЪ ВЪ МИЛИССЪ? "ТРИНОВЛАКИМ НАЧЕВА

пахомъ. Какъ-же-съ, служилъ; только меня въ полонъ не би-

варонъ. Тошно... я, кажется, вамъ знаю... вашъ лицо... тошно.

шно... пахомъ (радостно другимя). Видите-ли, хоть тошно, да узнаетъ! Баронъ (папыщенно). Я чувствую большой плезиръ, что нашоль одинь изъ защитникъ отъ отешество!

пахомъ. Товарища!

пахомъ. 1 оварища. Баронъ (пе охотно). Да, да, товаришъ!.. Тогда булъ.

всъ. Возможно-ли!

Баронъ (дилая знакъ, чтобы вст отступили). Да, только erlauben sie... мнъ нада сказать одинъ слово...

пахомъ (съ комическою важностью). Да, да, мнв съ товаришемъ надо кой-о-чомъ поболтать. Хе, хе, хе! внаете, мало-ли что бываетъ-съ между-старыми товарищами. (Машетъ рукою, чтобы отстипили).

барони (тихо, отводя Пахома въ-сторону). Я ошинъ-богатъ... что вамъ нужно... сколько?.. скажитъ и молчитъ.

пахомъ (тико). Помилуйте-съ! Неужто вы думаете, что в ду молчать за деньги? Полноте, я и такъ ничего не скажу!

варонъ (тико). Въ-самомъ-лелъ? Ви кочитъ молчатъ?

пахомъ (тихо). Савлайте одолжение, что это вы изволите сумлъваться! Да коли племянникъ вашъ женится на моей племянницъ, неужто я пойду разсказывать разныя разности про роднаго? Согласитесь только на ихъ свадьбу и я увлу въ свою Псковскуюгубернію и безвывздно буду жить тамъ со старухой своей. Никто не узнаетъ, что я вамъ съ-родни. Такъ, что-ли?

варонъ (вздохнувъ). Што дълитъ! Нада согласись.

пахомъ (громко). Согласился! Браво!.. Ура! еще побъда!.. Сюда, дътки, сюда! (Береть за руку Настиньку и Дмитрія Семеновича) Соединяю в благословляю васт!...

> (Въ это время входить Пустышкинь и Прасковья).

ж настинька. Возможно-ли? / примен эта привода присхан

0

дматрій семеновичъ (барону). Ахъ, дядюшка!

авдрей михайловичъ (Пахому). Тебъ мы всъмъ одолжены! прасковыя (Пахолу). Какъ? ты опять все уладилъ?..

пустышкинъ (жметь ему руку). Добрый Пахомъ Михай-TOWN - CHAIN BORY! DORDE-PRINGER! NO. NO. Set DORNE LEPIAN

настинька. Онъ нашъ благодътель.

андрей михайловичъ. Теперь мы съ нимъ уже не разстанемся!

пахомъ. А, нътъ-лудки, братъ!., Мит надо вхать. андрей михайловичъ. Зачъмъ?

пахомъ. Про то мы съ господиномъ барономъ знаемъ. варонъ. Да, да, каспадинъ... вашъ братъ долженъ вкиты! пахомъ. Надо, надо...

андрей михайловичъ. Но подумай, другъ мой, какъ мы будемъ счастливы,...

пахомъ (растроганный). Ничего — будемъ и такъ счастливы... будемъ любить другъ-друга. Но не могу оставаться... долженъ вхать... Намъ жить вмъстъ не приходится... не говори, братъ, а я самъ знаю, что не приходится... знаете, какъ я буду подальше отъ васъ, такъ вы меня, можетъ-быть, еще больше полюбите...

настинька (съ чувствомъ). Дядюшка!

пахомъ (съ живостию Настинькъ). Только ты пиши намъ почаще... ты мастерица писать... (Со слезами). Напиши, что ты счастлива... этого съ меня довольно... а тамъ современемъ, Богъ дастъ и увидимся... Ну! кончено... кончено... прочь отъ насъ тоска и горе!.. Мы булемъ жить разно, любить другъ-друга и одинъ другому не булетъ мъшать...

анарей михайловичъ. Но позволь ... и и положению И

пахомъ. И слышать ничего не хочу! ужъ дялъ честное слово, такъ и не говори! Дяда Пахомъ хоть въ мужицкой кожъ, да, зато, завсь (показывая на грудь) благородно. За тъмъ наше почтеніе, счастливо оставаться.

п. фурманнъ.

Они разетались... Умерь онъ. До смерти мученика нелуга:

Опа еге не поминада

Kars ons, beame, repas ness,

П сда то тажь, поль небомь Юга. Поль санью горь похоронень.

А ей послать, вак от предрект. Скупой на все — дающій ка воли: Чего не просять – нудрый ровь

Благополучићішую долю. Своя совья, язавотный вругь Своиху, ногорые вграли

Но грому ва ристива, да супруга Всю жизси пезбазущій петали. Гомакода врють, калака друга.

me... the wastepens encare ... (Co chemna", Hamma, tro ver ease chause... areas conpensation; bore seen a trace compensation; bore seen a trace and according to the core of t

CANCERT A, BETT - 17 asu, Operal., June Bago nagra -

паходъ: Иро то жыг си госполнают баронотъ знаемъ. паходът долженъ вкитъ.

Anared singardanning. He norvest, appear not, nous as Status

паховь (распроганций). Пичего — булемь и такъ счастивы... булемь любыть другь-друго. По не могу остабаться... полжень влать... Намъздать вимога не приходется... не геворы, брать, а в семъ замо, что не приходител... залете, какъ в булу полазите

Augres and allowing, Barenne

BANONE, HERO, 6810.

... bunderships

Лежала общая на нихъ
Печать проклятья иль избранья,
И одинаковый у нихъ
Въгруди таился червь страданья.
Хранить въ несбыточные свы
Надежду гордую до гроба
Сърожденья ихъ осуждены
Они равно казались оба.
Но шутка-ль рока то была,
Неостроумная нимало, —
Какъ онъ, больна, горда и зла,
Она его не понимала.

Они разстались... Умеръ онъ, До смерти мученикъ недуга; И гдъ то тамъ, подъ небомъ Юга, Подъ сѣнью горъ похороненъ. А ей послалъ, какъ онъ предрекъ, Скупой на все — дающій въ волю, Чего не просятъ — мудрый рокъ Благополучнъйшую долю. Своя семья, извъстный кругъ Своихъ, которые играли По грошу въ вистикъ, да супругъ, Всю жизнь невъдавшій печали, Романовъ врагъ, халата другъ,

Ей жизнь цвѣтами украшали.
Но все казалось, что порой
Ей было душно, было жарко;
Что на щекахъ горѣлъ такъ ярко
Румянецъ грѣшный и больной;
Что жаждой прежнихъ, странныхъ сновъ
Болѣзненно сіяли очи;
Что не одной безсонной ночи
Вы въ ней доищетесь слѣдовъ...

sury traceout, at crade out about 1 recommendations are

manustration assess especial manuscriptures of the pro-

Sara, de come dono coma terra montre la marcha. Caucadonal Regulativas magazinas de Escaladores

GEPERMICKAR HEPEHPABA.

HETOPH TECHIN PONAUL

Contract of the second of the

The manager of the confinement of a first open pages a section of the second

Начто тякь разко не оттандеть человическага характера подъстирость, какь восниая служба. Пакакія здоводисткім жизивали служать такинь прінтрычь воскрановання, какъ прукци онаспость компаній служників, зъ моломія дву, Войза вт жомо ра акумое общество, вод жожлу сотико дю бой, хоризськи усласте преджиде компа. Ватакть разк, прісвод компанія наобинтать его. Войза остання на вень неиздукцивые следы и възобе разк мыслей и сужневій и въ самочт обращенія, бакія-бы перемяній и перенороты на провосили покуусь, него съ-туха-поръзо дакъ онь остания восное попраще, онь одик пребулеть ненокотобимъ и върсик своимъ принячами. Но хотите видать втогь

BOPOZNECKOE SZPO

Что жиждой прежинки, странилсь сирок.

По все казалось; что порой ЯН было лушно, было мерио;

upon liomossad iloma sa or P

И

БЕРЕЗИНСКАЯ ПЕРЕПРАВА.

историческій романъ.

TARA I

Ничто такъ ръзко не оттъняетъ человъческаго характера подъ старость, какъ военная служба. Никакіп удовольствія жизни не служатъ такимъ пріятнымъ воспоминаніемъ, какъ труды и опасности компаній, сдъланныхъ въ молодыя лъта. Войдя въ много людное общество, вы, между сотнею людей, тотчасъ-же узнаете преженлю воина. Взглядъ, ръчи, пріемы, самое молчаніе изобличать его. Война оставила на немъ неизгладимые слъды и въ образъ мыслей и сужденій, и въ самомъ обращеніи. Какія-бы перемьны и перевороты ни произошли вокругъ него съ-тъхъ-поръ, какъ онъ оставиль военное поприще, онъ одинъ пребудетъ непоколебимъ и въренъ своимъ привычкамъ. Но хотите видъть этотъ твпъ въ превосходствъ, возьмите любаго воина 1812-го годи.

Эта внаменитая комнанія, грозная година бъдствій и славы нашего отечества, буря, стряхнувшая съ Россіи ржавчину вноземства
и очистившая ее отъ плевелъ космополитства, этотъ 1812-й голъ
оставилъ по себв исполнискіе слъды на всемъ и на всъхъ. — Особенно тъ, которые мечомъ и кровью защищали свои пепелища отъ
Нъмана до Москвы, и потомъ шли по пятамъ враговъ отъбереговъ
Оки до Сены, представляютъ заблюдательному взору теперешняго
покольнія самый замъчательный классъ людей. — Если вы въ обществъ встрътите человъка суровой, холодной, но скромной наружности; если онъ мало говоритъ, ничему не удивляется, ничего
че хвалитъ безусловно, ничьмъ не восхищается, не вступаетъ въ
продолжительные споры, не произноситъ скорыхъ и ръшительныхъ сужденій, не строго наблюдаетъ условія общественнаго этивета, не очень-ловко повинуется необходимымъ учтивостямъ, не
слишкомъ торопится предлагать свое знакомстно и дружбу, не
большой охотникъ до новыхъ связей, не прикрываетъ своего образа мыслей наборомъ фразъ, а называетъ каждую вещь и каждаго
человъка настоящимъ ихъ именемъ: — върьте, что предъ вами
воинъ 1812 года. — Эти люди 1812 года видимо отстали отъ нынъшняго тона и обхожденія, — но они и не хотятъ приноравливаться
къ нимъ: они знаютъ, что въ свое времл они были хороши, и что
вто времл останется на всегда почотнымъ.

Десять льтъ тому назадъ, и время это, и люди, были еще довольно въ свъжей памяти. Съ-тъхъ-поръ и число ихъ очень уже по-убавилось, да и воспоминаніе объ нихъ становится темнымъ, чуть не мионческимъ. — Но если кто изъ читателей приведетъ себъ на память десятильтнюю давность, то, върно, изъ числа ветерановъ 1812 года вспомнитъ одного, котораго ежедневно видъли, въ хорошую погоду, съ перваго до третья о часа, прогуливающимся по солнечной сторонъ Невскаго-проспекта. Ростъ его былъ высокъ, черты выразительныя, взглядъ проницательный, волосы темно русью; усы и бакенбарды придавали физіономіи его нъкоторую суровость, а измънники — съдые волосы, кое-гдъ пробивавшіеся докавывали, что, не-смотря на бодрую походку, свъжій цвътъ лица и живость пріемовъ, ему уже давно было за сорокъ лътъ. — Много молодежи отправлялось ежедневно на Невскій проспектъ въ часы его прогулки, чтобъ поздороваться съ нимъ, остановиться и поговорить минуты двъ. — Огтого-то его прогулка отъ Полицейскагомоста до Аничкова-дворца и обратно, всегда и продолжалась цвлые два часа. — По человъческому самолюбію, ветеранъ приписываль ежеминутныя встръчи, остановки и ласковые разговоры полу-дру-

вей и полу-знакомых собственному своему достопиству. Увы! онъ ошибался. Вовсе другое обстоятельство было тому причиною: съ нимъ всегла гуляла дочь его, прекраситишая дъвушка, съ томными и напвными взорами, въчно-улыбающимися губками, стройнымъ, едва развившимся станомъ, прелестною маленькою ножкою и мелодическимъ голоскомъ, который, казалось, всякому говорилъ: господа, миж еще 17-й годъ! — Одежда отца и дочери, не отличаясь изысканностію, отличалась вкусомъ и приличіемъ;конечно, не многимъ было дело до ихъ одежды: отецъ могъ одеваться въ любое платье, и никто-бы не обратилъ на это особеннаго вниманія, лишь-бы оно не выходило изъ границъ благоприличія, а дъвушка... ol на 17-мъ году — хорошенькой дъвушкъ все пристало, и даже, чемъ менее изысканности и роскоши, темъ она милъе и привлекательнъе. При всемъ томъ, многіе изъ молодыхъ людей, опытныхъ и дальновидныхъ, которые, при взглядъ на прекрасную дъвушку, вмъютъ не одни созерцательные виды, но в благороднъйшія законныя побужденія, основанныя на правилахъ государственнаго хозяйства и домашней экономів, замъчали, что отецъ-ветеранъ долженъ быть не изъ богатыхъ степныхъ помъщиковъ, потому-что дочь его очень-ръдко мъняетъ шляпки, клоки и платья. И они были правы.

Александръ Петровичъ Сульмской былъ владътель ста-десяти душъ, въ тверской губернія. Проведя всю свою молодость въ военной службы, онъ вовсе не заботился о пріумноженій своего капитала и увеличении доходовъ. Притомъ-же, въ то время высокія тайны агрономів и сельскаго хозяйства не были еще на точкъ нынъшняго вхъ состоянія. Еще немногіе придумывали новыя средства къ обработыванию земли: довольствовались старыми, прадъдовскими. Просвътительные журналы не старались еще подводить иностранныя формулы подъ русскія правила, не учили уму-разуму нашихъ помъщиковъ, не толковали имъ о золотыхъ горахъ плодоперемъннаго землепашества, не объясняли имъ, сколько возовъ удобренія требуеть каждая ихъ десятина и сколько они, слъдственно, обязаны вмъть для этого рогатаго скота, не доказывали имъ математически, что со 120-ти душъ можно имъть 130 тысячь дохода... О! тогда время было еще темное. Великіе профессоры агрономическихъ наукъ не преподавали еще ex officio своихъ наставленій, отъ которыхъ теперь всю такъ разбогатели,и Александръ Петровичъ имълъ отъ своихъ ста-десяти душъ самый скромный доходъ. Военная жизнь поглотила у него даже нъсколько тысячь въ-стоть будущих благь, - и онь, для поправленія своего состоянія, долженъ былъ прожить пять льтъ безвывзлно въ своей деревнъ. — Но какъ въ это самое время дочери его, Въръ Александровнъ, минуло 10-ть льтъ, и дальнъйшее ея воспитаніе, начатое имъ самимъ, имъло нужду въ ближайшей обработкъ, то онъ и ръшился отправиться къ фокусу теплоты и просвъщенія — въ С. Петербургъ. — Здъсь поселился онъ въ скромной коломенской квартиръ, и старался ограничить себя во всемъ, чтобъ только дочери доставить возможность къ пріобрътенію всъхъ познавій и развитію талантовъ. Старанія его были небезуспъшны.

Въра Александровна, проведя четыре года въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ, вскоръ развила всъ свои природныя способности. — На 16-мъ году она была уже украшеніемъ общества — и по красотъ, и по ловкости, и по познаніямъ, и по талантамъ. Всъ были отъ нея безъ ума, — а болъе всъхъ отецъ. Съ нъкоторою гордостію смотрълъ онъ на толпы любезниковъ, безпрестанно тъснившихся около его Въры, и взглядомъ строгаго критика разбиралъ достоинства и недостатки каждаго. Ни одинъ не выдерживалъ его рецензів...

не выдерживаль его рецензів...

Болье года провели они въ столиць со времени выпуска Върушки изъ пансіона. Болье года ходили всякой день по Невскому проспекту, гуляли по островамъ и на дачахъ, болье года вздили по гостямъ и баламъ, принимая и къ себъ избранный кругъ знакомыхъ. И въ ту минуту, какъ вполнъ развивающаяся красота и любезность Върушки начинали наиболье дълать шума въ обществъ, вдругъ, въ одно утро, между безпокойною молодежью пронесся слухъ, что Сульмскіе уъхали въ деревню. Это извъстіе поразило всъхъ. Долго не върили ему, бъгали по Невскому въ урочные часы гулянья, встръчались, спрашивали, сообщали одинъ другому свои догадки, и возвращались съ печальнымъ убъжденіемъ, что Сульмскіе дъйствительно уъхали.

Что-же было виною такого внезаннаго отъзда? Изъ всъхъ возможныхъ догадокъ, ни одна не попала-бы на истинную причину. Даже если-бъ вся толпа любезниковъ и волокитъ узнала объ этой причинъ, то никто-бы не повърилъ ей. Кто-бы могъ вообразить себъ, что семнадатильтняя прекрасная лъвушка, имъющая довольно-значительный кругъ знакомства и, слъдственно, достаточное число обожателей и предметовъ разсъянія, что эта дъвушка соскучится въ Петербургъ, что она будетъ просить отца о возвращени въ свою тверскую деревню и что отецъ будетъ радъ ея просьбы Все это однако было дъйствительно такъ, а не иначе, и черезъ два дни въ «С. Петербургскихъ Въдомостяхъ» напечатано было: въ Тверъ—отставной полковкикъ Сульмской.

Дълать было нечего: поговорили, поговорили, да и забыли. А Сульмскie?...

пів, понатов виль освиння, привиму ять Алисанией обраничь, то от в правиней обраничь, — то от в останувани привиненти от состануваний подприви. — Пенен Пенен пото от от состануваний.

ГЛАВА И.

The common crowd but see the gloom
Of wayward deeds, and fitting doom
The close observer can espy
A noble soul.

manager of respondence of the printing of the second printing of the

Byron, Giaour.

CHOIL CONTINUE, IN CERTIFICA

На берегахъ Волги, нъсколько ниже соединения ея съ Селижаровкою, и въ пятидесяти верстахъ выше Твери, находилось село Люлино, принадлежащее Александру Петровичу Сульмскому. Тутъто онъ провелъ съ Върушкою всъ ея младенческие годы, и такъ хорошо умълъ образовать ея юное сердце и душу, что и въ блестящемъ вругу столицы, она соскучилась по люлинскимъ полямъ и рощамъ. Съ самаго дня рожденія своего не знала она матери. Однь ласки отца были для нея все. Сульмской не ръшался вступить во вторичный бракъ, сперва по разстроенному здоровью и состояню, потомъ, по привычкъ уже къ холостой жизни, а наконецъ и по досаднымъ просъдинамъ, изобличавшимъ его пятый десятокъ. Мало-по-малу заботы о дочери замънили ему все, -- ласки ея и привязанность радовали его выше всего на свътъ. Видя развивающуюся красоту ея, онъ заранъе началъ стараться объ образованій ея сердца, а привезши въ столицу для окончательнаго воспитавія, еще болве усилиль свои старанія о томъ, чтобы дать вадлежащее направление ея образу мыслей и характеру.

Съ живостію мололой дъвушки провела Въра цълый годъ въ столицъ и все ее свачала восхищало, все казалось подъ розовымъ покровомъ искренности, чувства и добросерлечія. Но опытный Александръ Петровичъ былъ каждый вечеръ туте-какъ-туте съ своими разочарованными сужденіями: всякой день срывалъ онъ съ глазъ ея завъсу мечтательности и излишней довърчивости. Она вздыхала, провъряла его слова съ собственными своими чувствами и молчала. Но всякой разъ, она чрезъ нъсколько дней говорила ему: «Папа! вы были правы!»

Сперва самолюбіе ея было обольщено безпрестанными похвалами красотъ ея и уму; но Александръ Петровичъ растолковалъ ей, что всъ эти фразы не что иное, какъ математическія формулы, заучоныя, затверженныя, неизбъжныя, необходимыя, общія, въчныя; что говорять ихъ потому, что надобно говорить; что одно слабоуміе и тщеславіе принимаютъ ихъ за истинное выраженіе мыслей, но что всякая благоразумная дъвушка, которая хоть скольконябуль чувствуетъ себъ цъну, должна почитать это жужжаніе любезниковъ за лътвій вътерокъ, который томно в прілтно навъваеть прохладу, но который все-таки не больше какъ вътеръ. Дъйствительно, Върушкъ мало-по-малу такъ прислушались все однъ и тъже фразы, что она напередъ могла сказать ихъ сама себъ, при каждой встрвчв, при каждомъ случав. Все это сборище благоразумныхъ селадоновъ, сперва съ жаромъ бросавшихся на хорошенькое личико, тотчасъ же потомъ развъдывало о наличныхъ достоинствахъ ангела красоты, и узнавъ о ста-лесяти лушахъ въ тверской губернін, принадлежащихъ отцу, который, въроятно, захочетъ еще пожить десятка два льтъ, оно самымъ любезнымъ манеромъ продолжало увиваться около личика, не вдаваясь въ излишнія нъжности и высокія чувства. Мулрено-ли-же, что Върушка, руководимая опытнымъ отцомъ, вскоръ разочаровалась на-счотъ искренности столичныхъ жителей, и вспомня счастливое время своего дътства, проведенное въ Люлинъ, стала просить Александра Петровича, чтобъ онъ увезъ ее опять въ тъ мъста, которыя всегда такъ много говорятъ воображению. Сульмской тотчасъже согласился. Даже видно было, что онъ радъ былъ просьбъ, а вто знаетъ? можетъ быть, онъ мало-по-малу и внушилъ ее.

Такимъ-образомъ Сульмскіе, посля пятильтняго отсутствія, вдругь опять появились въ селя своемъ. Какая пища для догадокъ и говорливости праздныхъ сосъдей, которыхъ ничьмъ нельзя такъ одолжить, какъ доставя имъ случай поговорить, потолковать и посплетничать! Вся окрестность Люлина взволновалась. Пошли толки за толками, визиты за визитами. Всъмъ хотълось узнать встинную причиву возвращенія полковника, вся истощались въ политическихъ распросахъ у него и у дочери, — и кончилось тъмъ, что никто ничего не узналъ, потому-что Сульмскіе очень-откровенно говорили правду, а правдъ-то нынче никто и не върить. Покойный Талейранъ былъ правъ, говоря, что если хочешь скрыть какую-нибудь тайну, то разсказывай ее только съ видомъ добродушил каждому, кто тебя будеть спрашивать: можешь быть увпренъ, что никто не повтрить словамъ твои из.

Наконецъ, когда все передумали и перетолковали, когда любопытство и удивленіе прошли, когда бъдная человъческая натура требовала новой пищи для вседневной говорливости, то, мало-помалу, забыли о Сульмскихъ, тъмъ болье, что, къ-счастію ихъ, въ это самое время случились другія городскія, губернскія и столичныя новости. Съ одной стороны кипъла турецкая война, а съ другой подходила холера. Было, слъдственно, о чомъ поговорить.

Сосъдство Сульмскаго состояло изъ слъдующихъ лицъ.

Г-жа Мылова, двухъ-мужняя вдова, съ полдюжиною сводныхъ датей. Типъ провинціальной барыни. Боже упаси, однако, если кто хоть нечаявно наменнетъ ей, что она провинціалка. Непримиримая вражда тому несчастному! — Она съ первымъ мужемъ жила въ Москвъ, со вторымъ въ Петербургъ и вздила даже въ Ревель и въ Кронщтадтъ; слъдственно, все морское и сухопутное было по ея части. Она знала все. Впрочемъ женщина не влая. Давокъ сама ръдко била. Дътей драла только за уши, и чрезвычайно любила мосекъ и котятъ. Страстная охотница играть въ бостонъ, и почиталась отличнымъ игрокомъ во всей губернии. Любила хорошій столь, сахарныя варенья, яблочную постилу и моченую бруснику, иногда не отвергала и домашней наливки или водянки,только всеми этими вещами она съ удовольствіемъ угощала себя, будучи въ гостяхъ. У себя она редко делала праздники. Каждый годъ два раза, въ храмовый праздникъ и въ имянины ея, передълывали у нея домъ, — и ей никакъ нельзя было принимать любезныхъ сосълей. Впрочемъ исправникъ и засъдатель земскаго суда ъзжали къ ней часто безъ приглашения, и всякой разъ были очень-довольны ся угощеніемъ. Другой сосъдъ Сульмскаго былъ отставной корнетъ Чубу-

Аругой сосьдъ Сульмскаго былъ отставной корнеть Чубуковъ. — Льтъ 20-ть тому назадъ выпущенъ онъ былъ изъ корпуса въ корнеты К. Драгунскаго полка. Это случилось въ мав.
Въ іюнъ онъ отправленъ былъ въ полкъ, дорогою заъхалъ къ родителямъ, погостить у нихъ, захворалъ, (такъ по-крайней-мъръ
рапортовался онъ и въ удостовъреніе сего послалъ свидътельство губернскаго врача), и въ сентябръ того-жъ года подалъ въ
отставку, чтобъ, не отвлекаясь обязанностями, по службъ заняться,
улучшеніемъ своего помъстья и умноженіемъ доходовъ. Съ-тъхъпоръ у него давно уже умерли отецъ и мать, — да и самъ онъ уже
видимо клонился къ разряду тъхъ существъ, которыя безирестанно поговариваютъ: вотъ въ наше-то время! и прочая...— Покуда
отецъ и мать были живы, они хлопотали о пріисканіи ему невъсты и даже раза два возили его для этого въ разсадникъ невъстъ,
въ матушку Москву; но, Богъ въсть, какъ и отчего, всегда

случалось, что сватовство расходилось послъ первыхъ свиданій. Это надожло нашему корнету, — и онъ далъ себъ слово: только на той дънушкъ жениться, которая сама придетъ и попроситъ его объ этомъ. - До той минуты, какъ повъсть наша началась, ни одна еще не имъла этой догадки. Будущее увидимъ. Впрочемъ онъ былъ видный, дородный малой, съ густыми бакенбардами, широкимъ краснымъ лицомъ, взлызастою головою, въсколько отвисшими шеками и губами, продолговатымъ носомъ, достаточнымъ для пріема корошей пригоршни табаку, и обширнымъ пищепріемнымъ отверзтіемъ, изъ котораго никогда почти не выходилъ чубукъ съ курящимся кнастеромъ, № 1-го, Жукова фабрики. Мы уже видъли, что кориетъ воспитывался въ корпусъ; следственно, онъ былъ человикъ довольно-образованный, и хотя быль не изъ числа прилежныхъ учениковъ,-однако-же, не-смотря на продолжительную сельскую жизнь, все еще любилъ словесность, выписываль себв С. Петербургскія Въдомости и часто выпрашиваль у сосъдей-чего-нибудь почитать. Онъ даже помниль еще много французскихъ словъ и всемъ знакомымъ говорилъ: «монъ-шеръ» и «бонъ-журъ»!--не удостоивая конечно литеру и глупаго французскаго носоваго выговора. Иравъ его былъ живой и откровенный, когда онъ бывалъ въ кругу друзей. У себя-же дома, говорять, онъ тяжоль быль на руку и частехонько разсчитывался съ прикащиками и деревнею собственноручно. Наконецъ любилъ поиграть, попить, поговорить, поспорить, -- во все это не выходило за черту провинціальвыхъ обычаевъ.

Третій сосъдъ быль надворный совътникъ Антинъ Егоровичъ Сусликовъ, — совътникъ какой то палаты: тихое, скромное и молчаливое существо, не выъзжавшее нвкуда изъ своей губервін, начавшее въ ней съ малольтства свое служебное поприще, и къ 51-му голу дослужившееся до 7-го класса. И все, что въ продолженіе сорока пътней его службы (онъ на 11-мъ голу уже быль коніистомъ!) случилось въ родимомъ его городъ и въ палатахъ, онъ зналь также тверло, какъ праздичные дни, въ которые присутственныя мъста свободны отъ засъданій, и какъ имянины всъхъ начальниковъ и благодителей, къ которымъ надобно было являться съ почтеніемъ. Удивительная была память! Гль-бы ни зашолъ сноръ о прошедшемъ времени, онъ всегда оканчивался словами: да лучше всего спросите у Антипа Егоровича, —и что онъ скажетъ, то и свято, безъ апелляціи. Вся губернія чрезвычайно любила Антипа Егоровича за его тихій нравъ, доброту, скромность и услужливость. Одинъ былъ недостатокъ... но у кого ихъ нътъ? Часто упрекали всъ его знакомые этимъ недостаткомъ

и говаривали ему, что безъ этого онъ былъ-бы образцовыме человькомъ; — но Антипъ Егоровичъ всякой разъ взлыхалъ и отвъчалъ: одинъ Богъ безъ гръха. — Чт) было говорить послъ такого философическаго изръченія! Всякой долженъ былъ думать про себя: въдъ и п небезгръщенъ! А Автипъ Егоровичъ продолжалъ попрежнему любить свою сткляницу съ цвътнымъ напиткомъ, который собственнаго имени не имъегъ, а называется только по-батиошкъ.

Кромъ этихъ ближайшихъ сосъдей, было у Сульмскаго и еще нъсколько, но съ тъми онъ сходился только въ важныхъ случаяхъ. Да и съ ближайшими неохотникъ онъ былъ проводить время, — но нельзя-же было отдълаться, когда возокъ, кибитка, или дрожки подъъдутъ къ крыльцу, и баринъ, вылъзая изъ экипажа, громогласно кричитъ своему кучеру: «Распречь! я до-вечера здъсь останусь.»

усь.» Въ эти-то роковые дни наиболъе всего скучала Върушка.—Если ей надовля любезники петербургскіе, то каково-же ей было отъ тверских л.! - Надобно было цалый день выслушивать ежеминутныя сравненія красоты съ цвътами, съ солнцемъ, съ Волгою, съ жаворонками и даже съ наливкою. — Впрочемъ всъ эти провинціяльныя похвалы были гораздо-искренные столичныхъ, потомучто тамъ 110 ть душъ Александра Петровича пугали всехъ обожателей, а здъсь и Чубуковъ и Сусликовъ готовы были пожертвать своею, свободою и всеми удовольствіями холостой сельской жизни, если-бъ Въра Александровна согласилась сдълать тоже. Късожальнію, она не увлекалась блистательными качествами своихъ сосъдей. Напротивъ дви посъщенія ихъ были для нея всегда днемъ муки. Ей не правилось даже и общество г-жи Мыловой, у которой было три дочери отъ перваго брака и два сына отъ втораго. - Впрочемъ и г-жа Мылова, съ своей стороны, не очень любила Върушку. Везав, где Върушка бывала вместе съ ея дочерьми, никто уже не обращалъ на нихъ вниманія, а всъ комплименты обращались къ Сульмской. Но, какъ г-жъ Мыловой чрезвычайно нравился самъ Александръ Петровичъ, до того, что она въ умв своемъ рашилась испытать для него роковое поприще третьяго и послъдняго брака, - то она, по-неволъ, и должна была часто видеться съ Върушкою.

Самые пріятные дни для молодой нашей мечтательницы были тъ, которые она могла провести одна съ своимъ отцомъ. Ни наминуту она его не оставляла, провожала его въ прогулкахъ, участвовала во всъхъ занятіяхъ, распрашивала обо всъхъ предметахъ наукъ, художествъ, политики и сельскаго хозяйства. Все это было

сопровождаемо безпрестанными поцьлуями и ласками, которыя, къ въчной досадъ Върушки, отецъ ел принималъ очень-холодно икакъ-бы не-хотя. Такимъ-образомъ день проходилъ съ такою быстротою, что они оба и не замъчали. Изръдка вздили они и въ свой губернскій городъ, — но всякій разъ по-необходимости, и оба сознавались потомъ, что въ деревнъ веселье. Всякой разъ однако-же эти поъздки увеличивали ихъ кругъ знакомства. Въ про-винціи не то, что въ столяцъ. Тамъ у васъ тысячи знакомыхъ, съ которыми вы встрвчаетесь то на гуляньяхъ, то на балахъ, то за карточнымъ столомъ, всегда съ ними кланяетесь, разговариваете: а, по большой части, если васъ кто другой спроситъ: «Съ къмъ вы говорили?» вы принуждены отвъчать: «Право, не знаю», -потому, что на сами лично въ домъ къ этимъ людямь не вздите, на она къ вамъ. Въ провинцін совсемъ другое лело. Туть если кто подойдетъ къ вамъ и скажетъ: «Позвольте, батюшка такой-то, рекомендовать себя въ ваше благорасположение и дружбу»-то уже можете, навърное, ожидать, что на другое-же утро, въ десять часовъ, онъ къ вамъ явится съ визитомъ, и съ той минуты онъ вашъ въчный гость и другъ.

Въ-слъдствіе этого похвальнаго провинціяльнаго обычая, Александръ Петровичь вскоръ пріобръль кучу друзей и знакомыхъ, такъ-что уже почти кажлый день начали пріъзжать къ нему гости, которые, по тому-же обычаю, оставались уже на весь день. Разумъется, красота Върушки была наибольшею привлекательною силою въ этомъ случаъ,—но и безъ нея, Александръ Петровичъ не спасся-бы отъ посътителей. Таковъ уже обычай. Эго однако-же до того наконецъ разсердило Върушку, что она оставалась по цълымъ днямъ въ своей комнатъ и не выходила къ гостямъ, подъ предлогомъ бользни. Сперва гости заботились, распрашивали, потомъ уже привыкли къ ея отсутствію и утъщались картами и наливками. А Александръ Петровичъ, всякой разъ, усадя послъ объда всъхъ своихъ гостей за зеленые столы, уходилъ къ Върушкъ и просиживалъ у ней часа по два. За то съ какимъ уловольствіемъ проводили они, послъ отъъзда гостей, еще часа два, какъ-бы поздно гости ни засидълись!

Въ эго время Сульмскій обыкновенно занимался свовмъ журналомъ. Съ самыхъ молодыхъ льтъ сохраниять онъ привычку: ежедневно записывать свои мысли, чувства и особенныя происшествія каждаго дня. Изъ этого составилась очень-любопытная книга, и покуда онъ былъ еще въ военной службъ, товарищи его часто упрашивали прочесть имъ нъсколько листковъ изъ его жизни, и это чтеніе было всегда такъ занимательно, что за нимъ Т. VIII. проводили пълые вечера, не думая ни о картахъ, ни о винъ. Сътъхъ-поръ, какъ Върушка вышла изъ пансіона и, какъ взрослая дъвушка, вошла въ управленіе всъхъ домашнихъ секретовъ своего отца, узнала она о ежедневныхъ его по-вечерамъ занятіяхъ, и всякой разъ находилась при нихъ. Ея остроумныя замъчанія часто вписывались съ идеями Александра Петровича — и эта ежедневная повърка обоюдныхъ происшествій, мыслей и ощущеній, сближала, очищала и облагороживала ихъ сердца. Оба знали, что въ-вечеру нельзя будетъ ничего утанть другъ-отъ-друга, и потому привыкли такъ думать и дъйствовать, чтобъ можно было, не краснъя, все сообщать другъ-другу.

Одно только было для Върушки непроницаемою тайною. Это журналъ окончанія компаніи 1812 года и дня Березинскаго сраженія. Эти листки пряталъ Сульмскій отъ дочери и викакія просьбы ея не могли принудить его къ открытію ей тайны, заключающейся въ этихъ дняхъ журнала. Онъ всегла съ задумчивостію отвъчаль ей: «Въ это время, милая Върушка, даровалъ мнъ Богъ тебл». Больше ничего она не могла добиться. Разъ отецъ приказалъ ей, даже съ суровостію, вовсе ему несвойственною, никогда боль-

ше не спрашивать его объ этомъ,

Было, правда, въ домъ существо, которое знало и эту тайну; но Върушка не хотъла нарушать приказанія отца и не старалась болъе развъдывать. Притомъ-же она была увърена, что и это существо на за что въ свътъ не скажетъ ей на слова, если отецъ не вельлъ. Это существо, участвовавшее въ тайнъ скрываемыхъ листковъ, былъ не кто-иной, какъ старый унтеръ-офицеръ. служивтій накогда деньщикомъ у полковника. Егоръ Сидоровъ выходилъ всь походы неразлучно съ Сульмскимъ, и не отходилъ отъ него ни на шагъ. Тогла какъ другіе деньщики оставались въ обозь, онъ переходиль во фронть, какъ скоро полкъ готовился къ сраженію. И туть-то онъ, казалось, следиль за каждымъ ядромъ, за каждою пулею, чтобъ они не задъли его полковника. А когда ни усердныя молитвы его, ни бдительность не помогли, когда Сульмскій былъ раненъ, а это случилось при Бородинъ, то онъ былъ искусныйшимъ подлекаремъ при перевязкахъ, и бдительныйшимъ сторожемъ во-время бользии. Когда Егору вышелъ срокъ двадцатильтней службы, и онъ получилъ чистую, то, не имъя ни роду, ни племени, остался при своемъ полковникъ и выпросилъ у него позволеніе-умереть при немъ. И теперь, со времени вторичнаго переселенія Сульмскаго въ деревню, онъ быль и управитель, и камердинеръ, и курьеръ, и дядька его. Онъ самъ хотълъ, чтобъ вездв и во всемъ употребляли его, - и очень обижался, если полковникъ хотълъ дать ему отдыхъ. Словомъ, это былъ типъ русскаго солдата, котораго высокія качества такъ у насъ обыкновенны и вообще такъ мало цънятся въ общественномъ мивніи, потому только, что у насъ много такихъ.

Быма еще для Върушки другая статья довольно-темная, таннственная, о которой отецъ также не любилъ говорить съ нею. Это покойная ся мать. Не зная съ малольтства, что значить мать. Върушка всъмъ сердцемъ прилъпилась къ отцу, и только тогда, когда иден ея начали развиваться, когда она увидъла подругъ своихъ, ласкаемыхъ матерями, приступила она съ вопросами къ отцу. Отвъты его всегда были одинаковы и печальны. Онъ объявилъ ей, что матерью ея была молодая и прекрасная Полька, на которой онъ женился передъ самымъ началомъ похода 1812 года, и что первая минута существованія Върушки была послъднею для бъдной матери. Болъе ничего онъ не говорилъ объ ней, и не любилъ, когда Върушка начнетъ объ этомъ распрашивать. Когдаже она сдълалась обладательницею всего журнала его жизни, (кромъ извъстныхъ листковъ), то приступила однажды къ нему съ распросами, почему въ журналъ нътъ описанія любви его къ покойной ея матери? И на это получила въ отвътъ, что листки объ этомъ эпизодъ жизни его хранятся у него особенно, и что она не прежде ихъ получитъ, какъ въ то время, когда сама выйдетъ замужъ.

Все это безпоковло Върушку. Любопытство получила она въ наслъдіе еще со временъ Еввы, — и спрятанные листки были для нея древомъ познанія добра и зла. Зная всъ ящики отцовскаго бюро, она дорого-бы дала за то, чтобы узнать также, въ которомъ изъ нихъ хранятся эти роковые листки; но, къ-сожальнію, отецъ ея былъ такъ довърчивъ, что никогда не запиралъ бюро и съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрълъ, если Върушкъ иногда приходило на мысль — порыться при немъ-же въ его бумагахъ. Это спокойствіе удостовъряло ее, что листки должны быть спрятаны въ другомъ мъстъ.

Былъ въ домъ еще предметъ таниственный для всъхъ, кромъ Сульмскаго, Върушки и Егора. Это — желъзный ларчикъ, стоявщій всегда въ углу подъ образами въ спальнъ полковника, который носилъ всегда при себъ ключъ отъ него. Только три раза въ годъ отпирался этотъ ларчикъ и никто изъ постороннихъ, кромъ одного священника, не могъ быть тутъ въ это время. Но Върушка уже была посвящена въ тайну ларчика и знала, что въ немъ содержится. Листковъ журнала тутъ не было.

TAABA III.

Деревня.....
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій Благословить-бы небо могъ:
Госполскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражленный,
Стоялъ надъ рѣчкою. Вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя.

Пушкинъ.

Однообразно текло время для Сульмскаго и Върушки. Наступила зима. Ежедневныя прогулки прекратились, но за то визиты сосъдей и городскихъ жителей сдълались еще чаще. Сульмскій, съ своей стороны, долженъ былъ дълать посъщенія, и, разумъется, Върушкъ приходилось иногда оставаться одной дома, потомучто къ холостымъ сосъдямъ она не могла ъздить. Это были самые скучные для нея дни, и какъ-бы поздно ни воротился домой отецъ, она не ложилась и ждала его, не-смотря на всъ увъщанія Егора.

Однажды дожидалась она такимъ-образомъ отца, который быль въ городъ, и соскучившись безпрестанвыми просьбами Егора, чтобъ неизнурать себя и ложиться почивать, вступила она съ нимъ въ

разговоръ, котораго тотъ вовсе не ожидалъ.

— Послушай, Егоръ, сказала она: я давно хотъла спросить у тебя, знавалъ ты мою покойную маменьку?

Егоръ позамялся, однако-же съ твердостью рышился отдылаться русскимъ отвытомъ:

- Не можемъ знать, Въра Александровна.
- Да въдь ты говоришь, что неотлучно всегда былъ при папенькъ?..
- Съ прапорщичьяго чина и до сей минуты ни шагу отъ него не отставалъ.
 - Такъ какъ-же ты не знаешь моей маменьки?
- Не можемъ знать! Его высокоблагородіе запретиль говорить съ вами про это. А вы изволите знать, командирскій приказъвыше всего на свътъ.

— Да я и не прошу тебя разсказывать миж ничего особеннаго. Я хочу только знать, какого она была роста, вида... миж хочется думать иногда объ ней, но миж досадно, что я не могу себь представить ея лица... Ты въдь, върно, видаль ее. Разскажи миж только, на кого она была похожа?..

Егоръ опять замялся, подумалъ, покачался съ боку на бокъ, почесалъ указательнымъ пальцемъ за ухомъ — и наконецъ, собравшись съ духомъ, отвъчалъ:

- Да вотъ изволите видъть, Въра Александровна... Покойная ваша матушка ни дать ни взять была похожа на васъ.
 - На меня?
 - Точно такъ.
 - Ну, а какъ се звали?

Егоръ ръшительно замялся и старался опять отдълаться своимъ не можемъ знать, но Върушка пристала къ нему такъ убъдительно, что онъ наконецъ вымолвилъ съ какимъ-то страхомъ, что по-койницу звали то-же B пърого.

- А по батюшкъ?
- Ужъ этого воля ваша, не можемъ знать. Его высокоблагородіе и такъ на меня разсердится за мое болтовство. Нътъ, сдълайте милость, Въра Александровна, не спрашивайте меня. А не то я уйду...

Върушка замолчала. Ей удивительно показалось, что изъ всего того, что касается до ея матери, дълаютъ для нея тайну. Тысячи идей, одна страннъе другой, толпились у нея въ головъ на этотъ счотъ, и ни одна не правилась ей.

- Можешь-ли ты мнв сказать, гдв она жила и гдв вънчалась?
 спросила опять Върушка у Егора.
 - Нътъ-съ! не могу.
 - И того даже не скажешь, гдъ я родилась?

Егоръ съ минуту подумалъ-и потомъ смъло отвъчалъ.

- Кажись, что это я могу вамъ доложить... Вы изволили родиться въ городъ Борисовъ...
 - Тамъ, гдъ въ 1812 году было сраженіе?
- Точно такъ-съ. Церкви Ильи Пророка священникъ Петръ Александровичъ крестилъ васъ. Онъ-же... Тутъ Егоръ опять на минуту замялся, — однако-же продолжалъ, понизя голосъ:
- Онъ-же и хоронилъ покойную вашу родительницу. У его высокоблагородія есть и метрическое свидательство между бума-гами...

Мысль быстрве молніи блеснула въ умв Върушки. Она схватила

свъчу, бросилась къ бюро, и съ удивительною скоростію начала перебирать бумаги, между которыми полагала найдти свидътельство о рожденіи ся в крещенів. Егоръ молча смотрълъ на обыскъ Върушки и только изръдка покачивалъ головою. Онъ зналъ, что полковникъ далъ полную ей волю во всехъ бумагахъ этого бюро, -и потому полагалъ, что если она отыщетъ свидътельство, то это не можетъ быть противно командиру.

Лолго рылась Върушка въ бюро. Она знала почти совершенно, что заключается въ каждомъ ящикъ, но никогда не ръщалась на подробный ихъ обыскъ. Теперь только приступила она къ этому съ какимъ-то отчаяннымъ усиліемъ. Наконецъ она достигла желаемой цъли. Роковая бумага была отыскана. Дрожащею рукою развернула она ее, и сердце ея стъснилось невъдомою грустію и страхомъ. Все показалось ей въ какомъ-то тумань, -буквы будто быгали и мъшались, рука не въ-силахъ была держать бумаги, ноги подгибались подъ нею, и она съ глубокимъ вздохомъ опустилась на стулъ, уронивъ свидътельство. Егоръ подбъжалъ, поднялъ бумагу и хотя не зналъ грамотъ, но, посмотръвъ на нее, сказалъ: - Такъ! это она!

Слова Егора возвратили Върушку въ чувства. Она протянула

руку, взяла свидътельство, - и почти въ-слухъ прочла:

«1812-го года ноябра 19 дня дано сіе свидътельство въ томъ, «что у М. Уланскаго полка г. полковника и кавалера Александра «Петровича Сульмскаго родилась сего ноября 16-го, въ законномъ «бракъ, дочь Въра, которая сего 20-го числа и крещена мнею по «обрядамъ православной грекороссійской церкви. Воспріемниками «были: того-же полка ротмистръ князь Гульбинъ и жена ниже-«подписавшагося Іерея Петра.

«Вивств съ-симъ свидътельствую, что того-же числа похороне-«на мною на кладбищъ церкви св. Пророка Ильи, супруга озна-«ченнаго г. полковника Сульмскаго Въра Сигизмундовна, скончав-«шаяся во-время разръшенія отъ бремени упомянутою дочерью, «по исполненія всъхъ установленныхъ христіанскихъ обрядовъ,

«Городъ Борисовъ.

Церкви Св. Пророка Ильи, Іерей Петръ Успенскій.

Обильный потокъ слезъ облегчилъ грудь Върушки. Ей такъ сладко, такъ пріятно было плакать надъ этою бездушною бумагою! Ей казалось, что это могила ея матери, что духъ умершей надъ нею носится — и она, прижавин бумагу къ груди, возвела плачущія свои глаза къ небу, чтобъ тихою, безмольною молитвою благодарить Творца за эту утъщительную минуту.

Погружонная въ печальныя размышленія, она и не замътила, что отецъ давно уже вошолъ въ комнату и, сдълавъ Егору знакъ, чтобъ онъ молчалъ, стоялъ предъ нею, сложа руки и разсматривая ее съ нъкоторымъ восхищеніемъ.

- Что ты это двлаешь, Върушка? сказалъ онъ наконецъ тихимъ голосомъ.
- Ахъ, папа! воскликнула она и бросплась къ нему на шею. Виновата! я нашла свидътельство о моемъ рожденів...
- Оно никогда не было для тебя тайною, другъ мой, отвъчаль отецъ, тихо освобождаясь изъ ея объятій: но только ты напрасно перерыла всъ мои бумаги... Приведи ихъ опять въ порядокъ...
 - Завтра, папа, завтра. Сегодня сердце мое такъ полно...
- Ну, о чомъ-же ты, дурочка, плакала?.. Перестань... Вотъ видишь-ли, что я былъ правъ, не отвъчая тебъ никогда на вопросы о твоей матери. Ты такая чувствительная, такая плакса...
- Ахъ! если-бъ вы знали, какъ пріятно плакать! этой минуты и этихъ слезъ я не промъняю ни на какое счастіе въ міръ.
- Ну, полно-же, душечка! пора спать. Я сегодня засидълся въ гостяхъ; да в ночь такая темная, — того и смотри, что въвдешь въ оврагъ, или въ ръку. Ступай-же въ свою комнату, — прощай.

Тутъ онъ поцвловаль ее въ лобъ и началъ раздъваться. Тихо пошла она, не сказавъ ни слова. Въ первый разъ она почувствовала, что отецъ не понимаетъ ее, и что ей будетъ пріятите провести въсколько времени въ уединеніи.

Когда она ушла, Сульмскій распросилъ Егора обо всемъ, что происходило при отысканіи бумаги, — и хвалилъ его за отвъты. Потомъ самъ убралъ всъ бумаги, и, по-обыкновенію, сълъ за бюро, чтобъ записать происшествія того дня. Въ первый еще разъ не учавствовала Върушка въ этомъ занятіи, — и на этотъ разъ написалъ онъ два особые листка журнала: одивъ присоединилъ къ своимъ ежедневнымъ листкамъ, а другой... Сульмскій подавилъ пружину въ одномъ мъстъ своего бюро, и вдругъ передъ нимъ открылся потаенный ящикъ, въ которомъ лежало нъсколько бумагъ. Бросивъ на нихъ задумчивый и печальный взглядъ, Сульмскій положилъ туда и сеголняшній особенный листокъ, подавилъ опять пружину, и все исчезло.

- Такъ! сказалъ онъ со вздохомъ: она никогда объ этомъ знать не будетъ. Да и къ чему?..

Полный грустныхъ думъ, бросился онъ на свой диванъ, — и мечты прошедшаго сильно взволновали кровь его, - а будущее!.. О! тутъ разсудокъ еще громче всегдашняго говорилъ ему: «Молчи и будь твердъ!» Долго однакоже не могъ онъ заснуть, и только ноль-утро тълесная натура одольла духовную. Но и тутъ измънническіе сны безпрестанно рисовали ему картины, которыхъ уже бодрственный расудокъ не побъждалъ; тутъ разгулъ воображенія Аъйствовалъ самовластно: ни прошедшее, ни будущее не останавливали его. Бурно билось и во снъ сердце Сульмскаго...

Онъ проспулся-и первый взглядъ его упаль на Върушку, си-

дъвшую у изголовья. — Что ты тутъ дълаешь, душечка? спросилъ онъ ее. Жаркій поцълуй быль ответомъ.

— Дай-же мнъ встать... Выйди на минуту...

Еще жарче обняла она его и отошла къ окну. Сульмскій всталъ.

- Э, э! ла какъ я заспался, сказалъ онъ. Девять часовъ! Этакъ не спять въ деревив. А ты, другъ мой, хорошо-ли спала?

— Иътъ, папа, очень-дурно, — и однако-же очень-хорошо, в все такіе прекрасные сны видъла, - и все плакала.

- Какой ты еще ребенокъ, Върушка. Пора тебъ быть посолиднье. Ты ужъ невъста, -скоро выйдешь за-мужъ...
 - Я! викогла! Я хочу съ вами провести всю жизнь мою.
- Да я то не хочу. Дъвушки на то родятся, чтобъ выходить за-мужъ. Это цъль ихъ созданія и существованія... Да я-же тебъ и жениха прінскалъ. Вчера двое сватались...

— Какіе это сумашедшіе?

- Наши сосъди, Чубуковъ и Сусликовъ, пристали ко миъ вчера после-обеда, чтобъ остастливить ихъ твоею рукою. Это вхъ собственныя фразы.
 - Да! ну, такъ это было посль-объда; сегодня-же по-утру...

— Они явятся за отвътомъ.

— Что вамъ за охота, папа, говорить такой вздоръ.

— Увъряю теоя, что это совершенная правда, — и ты сама чрезъ часъ въ этомъ удостовършшься.

— Нътъ, сдълайте милосты! я ужъ, върно, къ нимъ не выйду. Я и прежле ихъ терпъть не могла, а теперь... я ихъ, просто, булу бояться. Они ръшительно съ-ума сошли.

- И они говорять тоже, только прибавляють, что съ ума со-

шли отъ любви къ тебъ.

- Перестаньте, пожалуйста, папа. Какъ можно говорить о подобныхъ вещахъ...
- Для дъвушекъ всегда самый пріятный разговоръ о женихахъ.
 Да притомъ-же мнъ надобно имъ дать отвътъ.
 - Скажите имъ просто, что они съ-ума сошли.
 - Это неучтиво.
- Ну, такъ скажите имъ, что когда я сдълаюсь похожа на одного изъ нихъ, то тотчасъ-же за того и выйду.
 - Такъ ты ръшительно имъ отказываешь?
- Кажется, вамъ-бы не надобно было и спрашивать меня объ этомъ.
- Я, какъ отецъ, обязанъ былъ передать тебъ сватовство моихъ сосъдей. Какъ другъ, разумъется, я не посовътовалъ-бы тебъ соглашаться на подобный бракъ; но теперь долженъ однако дать имъ отвътъ, который не оскорбилъ-бы ихъ самолюбія.
- Придумывайте сами, —а если-бъ они мнъ сдълали это предложеніе, то я-бы очень-учтиво присъла и сказала имъ оченьявственное: итто-съ!

Егоръ принесъ въ это время самоваръ, — и разговоръ продолжался за чаемъ. Върушка чрезвычайно сердилась за глупое сватовство сосъдей и не постигала, какъ подобная мысль могла войти вмъ въ голову.

- Эта мысль должна каждому входить, кто тебя увидить, отвычаль Сульмскій. И въ Петербургъ многіе сдълали бы подобное предложеніе, но тамъ благоразуміе говорило каждому: она бидиа—и при этой мысли, желанія каждаго молчали. Здъсь-же патріархальные нравы дозволили еще двумъ женихамъ искать руки твоей, не-смотря на мои сто душъ.
- Такъ в-же еще должна и благодарить ихъ... Очень-мило! Придетъ-же въ голову такая глупость. Нътъ, папа! послушайте, что я вамъ скажу серьёзно. Если и впередъ вздумается кому-нибудь слълать вамъ подобное предложение, то, пожалуйста, не говорите мнъ, а отказывайте всъмъ.
- Какой вздоръ! Вотъ у дъвушекъ въчно такія идеи; нътъ, сударыня. Я становлюсь старъ. Раны мои сократятъ мою жизнь. Кто знаетъ, долго-ли я проживу. . такъ мнъ тебя непремънно надобно пристроить...

Сульмскій хотвлъ-было продолжать ораторствовать въ этомъ тонв, но влругъ замолчалъ, увидъвъ, что Върушка заливалась слезами.

[—] Ну, это еще что? о чомъ ты плачешь?

Она не отвъчала и продолжала плакать.

— Охъ ужъ вы мав! Обо всемъ надо плакать. Да перестань. Ты внаеть, что я этого терпъть не могу. Слезы!.. Дочь солдата должна умъть переносить все.

— Такъ не говорите-же и вы пустяковъ, сказала Върушка сердитымъ голосомъ. Съ чего вы тутъ взяли старость, раны, смерть...

Она опять заплакала.

— Ну, перестань-же. Ты прямой ребенокъ. Да развъ ты и и не должны умереть когда-нибудь? Это общая доля. Одинъ сегодня, аругой завтра. Почему-же не говорить объ этомъ? Человъкъ долженъ свыкаться съ этою мыслію. Развъ не можетъ случиться, что ты или я, черезъ недълю умремъ? Скажи сама. — Развъ это было-бы такое сверхъестественное чудо?

— Не чудо, - но этого не должно быть - и не будетъ!

— Не булеть! Это ужъ очень-рышительно... Ну, да пусть по твоему, — пусть я буду безсмертенъ. Это все-таки не резонъ, чтобъ тебы не выходить за-мужъ. — Что-жъ ты будешъ цылый выкъ дылагь со старикомъ?

Да какой вы старикъ, папа! Вы лучше всъхъ молодыхъ.

— Спасибо, душечка, за комплиментъ. Но мив все-таки полные сорокъ-восемь лютъ, а это такъ близко къ старости, что ужь лучше заранъ говорить это всюмъ, чемъ после миль будутъ напоминать объ этомъ... Ну, да пожалуй, пусть и это будетъ по твоему. Пусть я еще и молодъ и хорошъ собою. Такъ по этому въдь я еще могу и жениться. Что-жъ ты тогда будешь дълать?

Сульмскій думаль, что Върушка расхохочется отъ его идеи, — вышло совсьмъ противное. Она вспыхнула, покрасиъла.

глаза ея засверкали, чашка чаю полетъла въ сторону.

— Вы, папа? Жениться? вскричала она съ какимъ-то изступленіемъ. Нътъ! этого никогда не будетъ. Я не допущу васъ до этой глупости.

— О, о! да ты ужъ, кажется, серлишься... послушай, другъ мой, это неприлично. Эгой черты я някогда еще не замъчалъ въ твоемъ характеръ. Посмотрись скоръе въ зеркало, — и ты увидишь, какъ гнъвъ обезображиваетъ самое прекрасное лицо. Сердиться-же на отца—и душевно, и тълесно—нехорошо.

Съ воплемъ бросилась Върушка къ Сульмскому на шею, - и

осыпала его въжнъйшими поцълуями.

— Ну, ну! я въдь такъ сказалъ. Знаю, мой милый другъ, твое доброе сердце, твою чистую душу... Перестань-же... Кончено!.. поговоримъ о другомъ...

Разговоръ ихъ однакоже не продолжался. Слуга доложилъ, что подъяхали сани Чубукова.

— Ну, вотъ видишь-ли, —а я и неодътъ еще. Заболтался съ тобою. Поди-же, прими его, — а я въ минуту явлюсь и выручу тебя.

Молча повиновалась Върушка и отправилась къ Чубукову.

Можно вообразить себъ все затруднительное положение его. Онъ думалъ, что Върушка начнетъ съ намъ объясняться на-счотъ свадьбы и приданаго. И потому на обыкновенное ея привътствие и спросъ о погодъ, морозъ и вътръ, отвъчалъ съ большими ужим-ками и поклонами, выжидая ръщительнаго съ ея стороны начала. Заранъе восхищался онъ мыслію, что успоконтъ всъ ея опасенія и великодушно скажетъ ей: «Мнъ никакого приданаго не надо. Вы олнъ», и прочее... Къ-сожальнію ожиданіе его не исполнилось. Вошолъ Сульмскій и Върушка исчезла. — Надобно было снова отвъчать на въчные вопросы о погодъ и морозъ. - Когда-же они кончились и Чубуковъ уже сбирался самъ начать свои вопросы, влругъ доложили о пріъздъ Сусликова. Надобно было снова под-вергнуться разговору о метереологіи.

Наконецъ фразы китайской учгивости окончились. Сусликовъ

первый откашлялся и началь рычь.

— Итакъ, всепочтеннъйшій и любезнъйшій Александръ Петровичь.. позвольте вамъ всепокорнъйще напомнить о вчерашнемъ нашемъ разговоръ и моемъ усерднъйшемъ предложения. Смъю-ли спросить, какая воспослъдовала резолюція?

Сульмскій позамялся, придумывая, какія слова употребить для учтиваго отказа;— но минутою его молчанія воспользовался Чубу-

ковът чтобъ отпустить ему и свою фразу.

- Да! старый камрадъ! (такъ называлъ онъ безъ разбора всъхъ военныхъ) и я за тъмъ-же пріъхалъ. Пора остепениться. Ты меня знаешь, я человъкъ безъ чиновъ, богатъ и ни отъ кого не завищу. Родни у меня нътъ. Триста душъ и конской заводъ: все это но смерти достанется женъ моей. А миъ ничего не надо. Говори-же, сосъдушка, что ворковала объ насъ твоя сизам пташка? Кто изъ насъ двоихъ съ носомъ?
- Вы, господа, знаете дъвичій обычай. Всъ онь говорять сперва, что ни за что въ свъть за-мужъ не пойдутъ, а послъ какъ сердчишко заговоритъ... Тутъ онъ остановился, и старался, дать своей ръчи другой оборотъ, но Чубуковъ опять воспользовался этимъ и спросилъ:
- Въ чью пользу говоритъ ея сердце, сосъдушка? Военнаго или штатскаго она хочетъ? шпагу или перо?

- Кажется, добрые друзья мои, что у ней сердечные въсы нивуда еще не перетягиваются. Она еще очень-молода... я говориль ей объ васъ, и она очень-благодарна вамъ, особливо за вашу великодушную готовность, чтобъ не требовать большаго приданаго...
- Я ужъ сказалъ, что мнъ ничего не надо, воскликнулъ Чубуковъ: все, что мое —ей принадлежитъ.
- И я, всепочтенныйшій Александры Петровичы, совершенно полагаюсь вы этомы случан на ваше усмотрыніе, прибавиль Сусликовы. Знаю, что изы вашихы 110-ти душь мудрено вамы будеть удылить намы на прожитье... развы что-нибудь изы желызнаго ларца пожалуете... ну, да это все совершенно вы вашей волы...
- О какомъ жельзномъ ларцѣ вы говорите? спросилъ Сульмскій.
- Ну, извъстно о какомъ. У всякаго хозяина есть свой запасный ларчикъ денежка на чорный день. Вы, по походамъ хаживавши, не даромъ-же били Французовъ и всю заморскую сволочь. Върно понакопили кое-что. Ну, да дай Богъ. Оно такъ и должнобыть. Кто-жъ изъ службы выходитъ съ пустыми руками! И у меня есть своя кубышка. Все крохи отъ просителей. Станетъ на нашъ въкъ съ Върой Александровной, если вы изъ своей не захотите намъ прибавить...
- Очень ошибаетесь, Антипъ Егоровичъ, сказалъ Сульмскій съ нъкоторою гордостію. Я службу оставилъ гораздо-бъднъе, нежели былъ при вступленіи. Я долженъ былъ пять льтъ здъсь выжить, чтобъ поправить имъніе, и только эта ръшимость сохранила мнъ мою маленькую деревню. Въ ней все мое имущество; запасныхъже ларцовъ у меня нътъ. Я служилъ, а не грабилъ. Въ приданоеже за Върушкою съ радостію отдамъ половину всего, что имъю, если сердце ея выберетъ кого-нибудь и если избранный ею согласится принять 55-ть лушъ...

- Боже сохрани! вскричалъ Чубуковъ.

— Богъ съ ними, повторилъ слабымъ голосомъ совътникъ. Вашихъ деревень намъ не надо... Да и о жельзномъ ларцъ я только для того упомянулъ, чтобъ вы, всепочтеннъйшій Александръ Петровичъ, не скрытничали съ друзьями и будущею роднею. Все ваше останется при васъ...

— Не понимаю, о чомъ вы мнъ говорите, перебилъ его Сульмскій. Кажется, я уже ясно вамъ сказалъ, что у меня нътъ подобнаго ларца... — А тотъ, что въ спальнъ у васъ стоитъ подъ образами, — съ живостію подхватилъ Сусликовъ. Мы-таки слыхали объ немъ.

— Такъ вы объ этомя говорите? сказалъ Сульмскій съ горькою пронією. О! вы правы. Въ немъ заключено самое драгоценное мое достояніе. Но изъ него не могу я вамъ уделить ни золотника...

— А! такъ тутъ золото!.. сказалъ Сусликовъ... Ну, да впрочемъ въдь это не мое дъло. Оставьте все при себъ, а когда Въра Александровна будетъ счастлива со мною, то, можетъ-быть, вы и разступитесь.—Теперь прошу васъ только объ ея рукъ...

— И я, дружище, сказалъ Чубуковъ: только съ тъмъ, чтобъ ты

— И я, дружище, сказалъ Чубуковъ: только съ тъмъ, чтобъ ты мнъ никогда и не запкался ни о своихъ 55-ти душахъ, ни о своемъ желъзномъ ларцъ. Ну, говори-же ръшительно, кого она

выбираетъ?

— Покуда никого, любезные сосъди. Она благодаритъ васъ обоихъ за ваше доброе къ ней расположение, — и проситъ остаться по-прежнему ея друзьями. Впередъ-же, что Богъ дастъ. Но сколько я могу догадаться изъ словъ ея, то, кажется, она еще слишкомъ-молода для семейной жизни. Дайте ей годокъ, другой осмотръться въ свътъ, такъ она заговоритъ другое.

— Оно-бы и такъ, дружище, сказалъ Чубуковъ со вздохомъ: да наши-то года уходятъ. И теперь ужъ есть кое-гдъ проклятыя съдинки, а года черезъ два, смотри, ихъ разведется столько, что ужъ жениться-то и совъстно будетъ. Впрочемъ какъ быть! Насильно милымъ не будешь... Дай руку! Между нами все остается по-прежнему. Старые камрады никогда не сердятся другъ на друга... Дай-же водки — и выпьемъ съ горя. Не такъ-ли, Антипъ Егоровичъ?»

— Выпить то конечно надо, сказалъ Сусликовъ: а все-таки очень-жаль, что Въра Александровна такъ неблагоразумно поступила. Не всякой день найдутся такіе женихи, какъ мы. Ну, да я въдь старинный служитель правосудія. Знаю, что хорошее ръшеніе не дается въ одинъ день. Будемъ почаще ходить къ ней на поклонъ, такъ, можетъ-быть, и смилуется. А до-тъхъ-поръ, разумъется, мы съ вами, Александръ Петровичъ, останемся въ прежнихъ дружественныхъ сношеніяхъ... А въ доказательство выпью за ваше и Въры Александровны здоровье!

Принесли водку, закуску, и въ продолжение прощальнаго разговора полштофика какъ не бывало. И тогда уже, какъ Автипъ Егоровичъ увидълъ ужасную пустоту сосуда, онъ тотчасъ-же раскланялся и увхалъ. — Чубуковъ остался еще на нъсколько минуть, и за неимъніемъ уже водки, спросиль воды, потому-что его мучила жажда.

— Эхъ, братъ, обидно! сказалъ овъ, пригорюнясь. Цълый въкъ сбирался я жениться и, увидя твою Въру Александровну, похвалилъ было себя за пожданье. А теперь выходитъ на-повърку, что ролъ Чубуковыхъ покажутъ въ выморочныхъ. И глупо, и досадно! Сказавъ эго, онъ схватилъ фуражку и ушолъ.

TAABA IV.

Довольный праздничнымъ объдомъ, Состав сопить передъ состадомъ; Подсёли дамы къ комельку; Дъвицы шепчуть въ уголку; Столы зеленые раскрыты...

Пушкинг.

Какъ мраморъ лоснится чело, И мертвеца до половины Пушистымъ снъгомъ занесло.

Черезъ нъсколько дней послъ этой сцены, сидълъ Сульмскій съ Върушкою по-утру за чаемъ и распредъляль часы занятій предстоящаго дня. Все уже было условлено, улажено и даже запечатлено несколькими поцелуями Верушки, вдругъ сульба все разрушила. Явился человъкъ съ письмомъ отъ Аграфены Петровны Мыловой. Она приглашала Сульмскаго съ дочерью на ветерокъ, по случаю имянинъ одного изъ сыновей своихъ. Дълать было нечего. Въ провинціи нельзя отказаться отъ приглашенія: это считается величайшимъ преступленіемъ, а потому Сульмскій пожалъ плечами и сказалъ слугъ, что «велъно де-благодарить и непремънно

Върушка надулась. Она такъ была сейчасъ довольна, что цълый день проведетъ одна съ отцомъ, - а теперь надобно было ъхать въ гости, и къ кому? Къ несносной Аграфенъ Петровнъ, которую она отъ-души ненавидъла и къ которой всегда съъзжались всъ старухи, осматривающія съ ногъ до головы и пересу-

жающія каждую нитку, каждую булавку.

Отецъ лумалъ развеселить ее, завявъ разговоромъ о нарялахъ, и спросилъ, что она надънетъ? Но и это не помогло. Она уныло отвъчала, что надънетъ голубое кисейное платье, потому-что оно ему нравится, и замолчала.

- Но кисейное на имянины не йдетъ. Надобно какое-нибудь шолковое, сказалъ Сульмскій, чтобъ расшевелить ее.
 - Пожалуй. Такъ я надъну голубое тафтяное.
- Все голубое! Что у тебя за страсть къ этому цвъту.
- У меня? Да въдь онъ вамъ нравится, папа.
 - Ты тедешь не для меня, моя милая...
- Да ужъ ей Богу и не для тъхъ уродовъ, которые тамъ будутъ.
- Да въль для меня ты хороша и въ ситповомъ платьъ, а для нихъ приличіе требуетъ надъвать другое.
- Ну, такъ я и надъну то, которое вамя правится. А до ихъ
- сужденій мнъ, право, очень мало нужды.
- Нътъ, моя милая. Сужденья общества очень-вэжны на свътъ. Мы безпрестанно въ гордости своей говоримъ, что презираемъ людскимъ мнъніемъ, а между тъмъ все лълаемъ, чтобъ пріобръсть извъстность. Мы воображаемъ, что можемъ прожить и безъ похвалы людей, а между-тъмъ все наше существованіе зависить отъ общественнаго мнънія. Болье-же всего подвержены его приговорамъ женщины. О мужчинахъ судятъ всегда снисходительно. Ихъ поступки извиняютъ, потому-что всякой почти можетъ быть заглаженъ. Но женщины!.. О! Боже сохрани попасть женщинъ въ передълъ молвъ и общественному сужденію! Она погибла. Теперь ты еще этого не понимаешь, милый другъ мой; но старайся во всю жизнь дорожить общественнымъ мнъніемъ: для васъ оно часто выше собственнаго своего сознанія.

Сульмскій замолчаль, потому-что Върушка почти не слушала его наставительной тиралы. Онъ съ разсъявностію выводила разные узоры мизинцемъ по-столу, на который сама же нелавно пролила чай. Внимательно посмотрълъ онъ нъсколько минутъ на нее. Внутреннее волненіе ясно изображалось во встять чертахъ ел. Видно было, что она преодолъваетъ какое-то чувство, обдумываетъ какую-то идею. Сульмскій всталъ и хотълъ выйдти.

- Куда вы, папа? спросила она задумчиво.
 - Никуда. Обойду по дому. Все-ли въ порядкъ?
 - Все, папа. Не ходите. Посидите со мною.
 - Да ты сеголня не въ-духъ, а я сердитыхъ не люблю.
- Ахъ, папа! я не сердита. И на кого мнъ сердиться?.. Но вы мнъ сказали такую вещь...

- Какую-же?
- Скажите миъ откровенно, развъ это можетъ случиться, чтобъ вы женились?
 - Случиться можетъ, но не случится.
- Послушайте, папа... Объщайте мнв торжественно, что это никогда не случится, и я вамъ покляпусь, что никогда за-мужъ не выйду.
- Это что за идеи! Какая тутъ аналогія? Если л женюсь, то конечно это будеть глупость; но если ты выйдешь за мужъ, то исполнишь долгъ свой и мое искреннъйшее желаніе.
- Ваше желаніе! вскричала она и вдругъ замолчала. Лицо ея вспыхнуло, слезы блеснули на глазахъ.
- Въ такомъ случав назначьте мнъ сами мужа, и чъмъ скоръе, тъмъ лучше, чъмъ онъ будетъ сквериъе, тъмъ для меня прівтиве. Я очень буду рада, что исполню ваше экселанге.

Сказавъ эти слова едва внятнымъ отъ слезъ и досады голосомъ, она вскочила и ушла. Молча посмотрълъ Сульмскій ей во-слъдъ, покачалъ головою и тихо сказалъ:

— Боже мой! Неужели?..

Печально свять онъ за быро и машинально началъ перебирать бумаги. Вчерашнее свидътельство попалось ему на глаза. Долго и залумчиво смотрълъ онъ на него, вздохнулъ и медленно опять спряталъ. Посилъвъ нъсколько минутъ въ размышленіи, Сульмскій вдругъ опомнился, всталъ и пачалъ очень-хладнокровно одъваться. Потомъ пошолъ по дому и по скотнымъ дворамъ.

Возвратясь черезъ полчаса, нашолъ онъ Върушку у фортепьяно, очень-усердно разыгрывающую ноктюрну Цейнера. Красныя глаза ея изобличали, что она плакала. Сульмскій сталъ, по-обыкновенію, за стуломъ ея и началъ дълать на игру замъчанія ея, а какъ овъ былъ взыскателевъ по музыкальной части, то иногла безпрестанныя его остановки производили въ ней нетерпъніе. Теперьже она кротко и послушно передълывала всъ пассажи и исполняла всъ его замъчанія.

- Хорошо-ли, папа? спросила она его по окопчаніи.
- Изрядно.
- Дайте-же ручку, да поцълуйте меня.

Онъ наклонился и поцъловалъ ее въ лобъ; она обвилась объими руками вокругъ его шеп.

- Не правда-ли, папа, я очень-глупа?
- Нътъ, моя милая, но очень-молода еще. Впрочемъ и отъ втого недостатка ты будешь день-ото-дня исправляться.

Върушка тихо опустила голову и о чомъ-то задумалась.

-- Скажите мит пожалуйста, папа, сказала она посли иткотораго молчанія: отчего дити всегда любять родителей своихъ больше, нежели родители любять дитей своихъ?

- О! какъ ты ошибаешься, другъ мой, отвъчалъ Сульмскій съ нъкоторою досадою: этого почти никогда не бываетъ, а чаще бываетъ на-оборотъ. Но любовь родителей, какъ святыня, глубоко заключена въ сердцъ. Она не проявляется въ безпрестанныхъ ласкахъ и нъжностяхъ, она не расточается въ пустыхъ словахъ, не вспыхиваетъ при всякомъ случаъ, а горитъ тихою, въчною, неугасаемою лампадою, которая и за гробомъ не гаснетъ.
- Все это можетъ быть, но только я увърена, что я люблю васъ больше, нежели вы меня.
- Ошибаешься и въ этомъ. Ты еще сама не понимаешь своихъ чувствъ. Твои ощущенія пылки, нъжны, но они вовсе не доказываютъ истинной дътской любви. Тебъ нуженъ какой-нибудь предметъ привязанности, отецъ, мать, братъ, сестра, чижикъ, кошечка, все-равно, лишь-бы ты могла расточать свои ласки.

Задумчиво покачала Върушка головою, и оборотясь къ фортепіано, заиграла опять прежнюю ноктюрву, а Сульмскій началь ходить по комнать. Взглянувъ на нее нечаянно, онъ увидель, что по щекамъ ея текутъ крупныя слезы.

— Это что еще? сказалъ онъ. О чомъ ты плачешь? Ну, какъ тебъ не стыдно. Развъ этимъ ты тоже докажещь любовь свою къ отпу?

Она перестала играть, опустила голову и зарыдала.

Перестань-же, пожалуйста. Ты знаешь, что для меня слезы твои хуже всего на свътъ.

Върушка встала, подошла къ отцу, обняла его, отерла слевы, и не сказавъ ни слова, опять съла за фортеніано. — Оба замолчали. Такъ прошло цълые полчаса. Наконецъ она встала и весело сказала отцу:

- А что, папа? Не страшно вхать ночью? Въ чомъ мы повдемъ?
- Въ саняхъ, въ одну лошадь. Тутъ всего три версты. Бояться нечего: здъсь не водятся разбойники. Только въ романахъ случаются всегда приключенія, если герои куда-нибудь поъдутъ ночью... Но прошу тебя одъться потеплъе. Сегодня, кажется, холодно.
- Совсъмъ нътъ. Перепадаетъ свътъ и на дворъ туманно... А рано-ли мы повдемъ? т. Уні.

- Обыкновенно, часовъ въ 5-ть после обеда. Здесь ведь съезжаются не по-петербургски.

Опять молчаніе. Видно было, что прерванный разговоръ касался вовсе не того, о чомъ каждый изъ нихъ думалъ. Върушка первая рышилась приблизиться къ предмету своихъ думъ.

- А что, папа, сказала она нъсколько дрожащимъ голосомъ.

правда-ли, что я похожа на покойную маменьку?

Сульмскій горько улыбнулся и быстро взглянуль на Върушку. — Ты знаешь, моя милая, отвъчалъ онъ, что я очень не люблю говорить объ этомъ. За чъмъ-же ты спрашиваешь?

- Но отчего вы, папа, не любите говорить объ этомъ?

- Это тайва, другъ мой. И если-бъ для твоего счастія и спокойствія нужно было, чтобъ ты ее знала, то я давно-бы сказалъ
- О, какъ-бы я была счастлива и спокойна, если-бъ теперь вкене смоте сбо
- Напротивъ! Повърь моей любви къ тебъ и моей опытности. Изъ пустаго упрямства я-бы, върно, не скрываль отъ тебя этой тайны. Тебъ, по твоямъ лътамъ, надобно помечтать о чомъ-нибуль: слово мать, разумъется, воспламеняетъ твое воображение, говоритъ твоему сердцу. Ты совершенно права. Это самое свяшенное чувство въ природъ. Думай, мечтай о своей матери. Таинственность, подъ которою я отъ тебя скрываю прочія обстоятельства, даетъ тебъ общирное поле для мечтательности. Но говорю тебъ въ послъдній разъ: никогда не спрашивай у меня объ этомъ ничего. Теперь я тебъ отвъчаю, какъ другъ и отецъ; другой разъ я ни слова не скажу и уйду.

Върушка опустила голову, и слезы опять показались на щекахъ. — Странныя вы, дъвушки! продолжаль Сульмскій: удовлетворевіе любопытства для васъ выше всего, а разсудка — ни искры. Неужели ты можешь думать, что безъ важнайшихъ въ свата причинъ. я скрывалъ-бы отъ тебя тайну ?... Ты-бы сама должна была уважать мое молчаніе... Впрочемъ, для твоего успокоенія, я могу сказать, что скрытность моя будеть не вычна. Обыщаю тебы все сказатьтолько на другой день твоей свадьбы.

— Значитъ ваше модчание будетъ въчно, потому-что я никогда не выйду за-мужъ. Эго я вамъ также върно и свято объщаю.

— Противъ этого я тебъ ничего не буду говорить. Пока сердце твое молчить, ты, можеть-быть, въ-самомъ-деле така думаешь, а когда пробъетъ твой часъ, ты заговоришь другое.

— Никогла.

- Увидимъ.

Разговоръ кончился. Сульмскій прошолся нісколько минуть молча по комнатів и ушоль, чтобъ заняться хозяйственными распоряженіями, а Върушка бросилась на диванъ, схватила лежащую тамъ книгу, принялась, по-видимому, читать, но вскоръ опустила и книгу, и голову, и ньсколько минуть оставалась въ этомъ положеніи. Наконець кинула книгу, вскочила съ живостію, и съ твердостію сказала:

- Увидимъ!

Посль объда ови отправились къ Аграфень Петровнь. Черезъ четверть часа были уже у нея. Мелкіе гости давно собрались. Таковъ обычай. Крупные люди всегда и вездъ прівзжаютъ позже. Ихъ надо ждать, имъ надобно кланяться. Впрочемъ, Аграфена Петровна каждому твердила, что она церемоній терпьть ве можетъ. И дъйствительно, она никого изъ гостей не встръчала, ви для кого почти не вставала, а всъ къ ней подходили, здоровались и садились около ея дивана, въ томъ разстояніи, какое каждому гостю по чину или богатству, слъдовало.

Не знаю, пожелали-ли-бы мои читатели имъть описание комнатъ. освъщенія и угощенія Аграфены Петровны? Но признаюсь, какъ ни вравились мнъ самому подобныя картины, я всегда жальлъ объ одномъ: почему всъ такія описанія выставляются съ смъшной стороны? Конечно, для столичных жителей, которые всякой вечеръ видять блескъ кенкетовъ въ самыхъ роскошныхъ переливахъ, которые ежедневно скользятъ по паркету, и въ уготеніи привыкли къ мороженому, ананасамъ, конфектамъ и ко всемъ предметамъ, такъ пріятно льстящимъ нашему вкусу и очищающамъ наши карманы, - для такихъ, конечно, деревенскій вечеръ покажется и жалкимъ, и смъшнымъ. Но въ-самомъ-то дъль онъ вовсе не таковъ. Сельскіе помъщики съвзжаются рано, потому-что у нихъ и день начинается гораздо-раньше городскаго. У нихъ нътъ паркета, потому-что, принимая ежедневно прикащиковъ, старостъ и крестьянъ, они-бы вскоръ всякій паркетъ сделали хуже досчатаго пола. У помъщиковъ горятъ сальныя свъчи, вмъсто восковыхъ, а кенкетовъ очень-мало, и это потому, что сельская прислуга такъ-бы хорошо чистила и содержала лампы, что овъ были-бы хуже всякой сальной свычи. Тамъ нытъ мороженаго, ананасовъ, конфектъ, но гдъ-жъ ихъ взять въ деревнъ? - Однимъ словомъ, тамъ, съ одной стороны, довольно благоразумія, чтобъ не разоряться по-городскому на пустую роскошь въ угощения, а съ другой, они самымъ радушнымъ и изобильнымъ образомъ потчують собственными своими произведеніями и издаліями! Всв къ этому привыкли, всъ довольны. Желудки отъ этого дораздо еще полные, а карманы не страдають чахоткою, какъ это случается посль городскихъ угощеній. Наконецъ, излишняя церемонность провинціаловъ точно покажется странною для столичнаго жителя. Впрочемъ, и на этотъ счотъ, Богъ въсть, гдп лучше обычан! У насъ привыкли являться къ обълу и на вечеръ почти также, какъ въ трактиръ, то-есть, не занимаясь ни хозяевами, ни гостями, а только собственно собою, и если гость навлея, напился, провелъ часа два, три пріятнымъ образомъ, то спокойно беретъ шляпу, не говоря никому ни слова, и уходитъ. И никто объ эгомъ не заботится. Въ провинціп, для гостей конечно тяжело. Нельзя ни състь выше старшаго, ви сказать своего мнанія прежде его; надобно прівхать и увхать по всемъ правиламъ установленичихъ церемоніадовъ; надобно взвъсить каждый отвътъ, каждое слово, каждый шасъ, а не то щекотливость провинціаловъ тотчасъ приметъ на свой счотъ малейшую остроту. Въ танцахъ надобно выделывать всъ па; въ картахъ надобно угождать дамамъ п чиновнымъ людямъ, въбостонъ ходить въ вистъ ни съ чъмъ, акогда игра проиграна, то выпускать ихъ. Конечно это все имъетъ свои неудобства; но къ нимъ уже правыкли провинціалы; это уже ихъ таблица умноженія, которую они твердо заучили, - это ихъ вторая нагура. Бываютъ и они въ столицахъ, но воротясь, говорятъ всегда: тамъ хорошо, а у насъ лучше. И едва-ли они не правы! Все хорошо на своемъ мъстъ, все прилично въ своемъ кругу, все пріятно по своимъ обычаямъ.

Вотъ по этому-то я и не описываю полробностей дома, лицъ и угощенія Аграфены Петровны. Извините, читатели!

У Аграфены Петровны все было, какъ водится.

Въ числъ гостей, разумъется, были и отставные женихи Върушки, Чубуковъ и Сусликовъ. Не-смотря на полученный отказъ, они оба при появлении ея прилънули къ ней взорами и преслъдовали ее повсюду. Сульмскимъ-же тотчасъ завладъла сама хозяйка—и засышала всъми возможными ласковостями и вареньями.

Самымъ важнымъ гостемъ былъ въ тотъ вечеръ уйздный предводитель дворянства, отставный ротмистръ Хрюминъ. По званію своему онъ былъ должностной покровитель всего окружнаго дворянства—и, послъ хозяйки, всъ пріъзжіе гости кланялись ему прежде всъхъ. Однако-же и онъ оказывалъ Сульмскому всъ возможные знаки уваженія, потому-что военный, какимъ-бы онъ гражданскимъ званіемъ ни былъ облечевъ, никогда не посмотритъ съ высока на бывшаго своего товарища на полъ битвы, а окажетъ ему все вниманіе, какое тотъ заслуживаетъ.

Аграфена Петровна засадила тотчасъ-же съ собою въ бостовъ Сульмскаго, Хрюмина и Чубукова. (Видно и она любила оказы-

вать уважевіе военнымъ!)

Во-время антрактовъ бостона, вст распрашивали Хрюмина о городскихъ и государственныхъ новостяхъ. Онъ по-маленьку сообщалъ имъ все, что зналъ и слышалъ, и, какъ кажется, берегъ самую важную новость подъ конецъ, — потому-что уже на шестомъ туръ обратился онъ вдругъ къ Сульмскому съ вопросомъ:

— A вы не слыхали, Александръ Петровичъ, еще важной новоств?

— Нътъ, Иванъ Егоровичъ. Вы въдь знаете, что я не любопытенъ. Что мна за дъло до новостей?.

— Однако-же эта очень-интересна. Къ намъ ъдетъ новый губер-

наторъ...

Едва успълъ онъ это выговорить, какъ всъ общество вскочило, взволновалось и приступило къ нему съ распросами, разумъется, всъ кромъ Сульмскаго, который очень-спокойно остался на своемъ мъстъ.

Хрюминъ былъ въ восторгъ отъ дъйствія, произведеннаго его извъстіемъ, — и важно покачиваясь на креслахъ, отвъчалъ на всъ вопросы какъ бы не-хотя и забавлялся всеобщимъ нетерпъніемъ. Наконецъ, по усильной просьбъ хозяйки, объявилъ онъ, что новымъ губернаторомъ къ нимъ назначенъ дъйствительный статскій совътникъ, князь Иванъ Александровичъ Гульбинъ.

При этомъ имени, Сульмской, непринимавшій дотоль ни мальйшаго участія во всеобщемъ разговоръ и любопытствь, обратилъ особенное вниманіе на слова Хрюмина и заставилъ его еще разъ повторить имя и отчество князя. Это имя напомнило ему многое. Невольно взглянулъ онъ на Върушку, — и тихо повторилъ: князь Гульбинъ? Послъ этого, однако-же, чтобъ, въ свою очередь, не привлечь всеобщихъ распросовъ, онъ замолчалъ и съ участіемъ слушалъ разсказъ Хрюмина о свойствахъ новаго начальника губерніи.

Прівздъ новаго губернатора! о! это великая эпоха для провинціаловъ. Столичные жители не могутъ имъть и понятія о впечатлъніи, какое производитъ подобное событіе. Перемъна министровъ, прівздъ иностранныхъ принцевъ, гораздо-менње производятъ толковъ и ожиданій въ столиць, нежели прибытіе новаго губернатора въ провинціи. Аграфена Петровна въ эту торжественную минуту даже забыла о своемъ бостонь, сдълала ренонсъ, поставила ремизъ — и это обстоятельство заставило ее воскликнуть:

— Ну, такъ не къ-добру-же онъ сюда прівхаль! По его милости я поставила ремизъ, и предсказываю ему такую-же во всемъ удачу. Припомните мое слово!

По снисхожденію, йлн по долгу службы, многіе вступились за новаго своего начальника—и начался споръ; а какъ на провинціальныхъ вечерахъ это составляеть самое пріятное занятіе, да и провинціальн не охотники притомъ часто переходить отъ одного предмета къ другому, то разговоръ о бывшихъ и будущихъ губернаторахъ занялъ общество на весь вечеръ, вплоть до ужина. Да, господа читатели, до ужина! Въ провинціи еще ужинаютъ, и порядочно ужинаютъ. Счастливые люди! У нихъ отъ этого и предватъ! лица не портится, ни желудокъ не обременяется, ни совъ не пропадаетъ.

За столомъ присоединилось къ собранію и общество д'ввицъ, бывшихъ во все это время въ другой гостиной и занимавшихся собственными своими предметами развлеченія и пріятнаго препровожденія времени. У нихъ были фортепьяно, романсы, невинные между собою вальсы, и особенный столъ, уставленный разными вареньями и мочоными яблоками. И за ужиномъ съли онъ всъ отдъльно, рядкомъ, и не мъщались въ общій разговоръ. Да и что имъ за дъло до губерваторовъ и вице-губернаторовъ? Онъ очень хорошо знаютъ, что вся власть на землъ принадлежитъ граціямъ.

Умильно поглядывали на Върушку Чубуковъ и Сусликовъ, и даже Хрюминъ изръдка косился на нее, не-смотря на то, что вблизи его сидъла сухощавая его супруга, подарившая ему въ пять лътъ семерыхъ лътей. Одна Върушка смъло и величаво осматривала все застольное общество; прочія дъвицы не ръшались и на это. Зато Аграфена Петровна, наклонясь на ухо къ г-жъ Хрюминой, шепвула ей, чтобъ взглянула на Върушку и замътила, какъ поглядывающъ петербургскія барышии. Та пожала плечами, — и отвъчала: срамъ да и только!

За ужиномъ Аграфены Петровны не часто обносили гостей винами. Только въ концъ, за десертомъ, подели домашней наливки, и всъ спъшили выпить за здоровье хозяйки. Тъмъ все и кончилось. Ни у кого голова не отяжелъла, никто не могъ на другой день пожаловаться, чтобъ у него желудокъ былъ испорченъ. Все было чинно и благоразумно.

Цълый часъ продолжалось прощаніе гостей въ хозяйкою и потомъ взаимно между собою, и все-таки въ 11 часовъ уже всъ разъъхались.

И Сульмскіе съли въ свои саночки и пустились тихою рысцой

по уединенной дорожкъ, ведущей въ ихъ деревню.

Въ продолжение вечера погода нъсколько перемънилась. Поднялся довольно-сильный вътеръ, и снъгъ повалилъ густыми хлопьями. Отъ этого ночь сдълалась еще темнъе, а дорогу совсъмъ замело. Бъда была еще не велика. Кучеръ и Сульмскій могли найти дорогу ощупью. Три версты въ деревнъ то-же, что въ Петербургъ черезъ два дома. — Но какъ дороги вовсе не видать было, и легко можно было-бы попасть въ ямы, канавы, или на ъхать на косогоръ, то Сульмскій и вельлъ кучеру опустить возжи и дать волю лошади, которая лучше всего умъетъ въ такихъ случаяхъ находить дорогу. И дъйствительно, конь, почувствовавъ себя на свободъ, пошолъ смълъе и веселье, хотя и не такъ скоро.

Върушка прижалась въ отцу и съ въкоторою боязнію смотръла впередъ, хотя далье двухъ шаговъ и ничего не видала передъ собою. Сульмскій закуталь ее и смъялся надъ ея опасеніями.

Но развъ мы не можемъ заблудиться, папа? сказала она.

 Мы съ тобой, можетъ-быть, и заблудились-бы, отвъчалъ отецъ, но мой Сърко умиве всъхъ насъ на этотъ счотъ, и при-

везетъ насъ прямо къ крыльцу.

Не успълъ онъ сказать этого, какъ вдругъ конь остановился и захрапълъ. Кучеръ схватилъ возжи и хотълъ понукать испуганное жавотное, но оно фыркало и пятилось. Кучеръ выскочилъ, чтобъ посмотрать, отчего происходить внезапный страхъ лошади, но вдругъ остановился и самъ. Передъ самою мордою коня стоялъ огромный волкъ, и глаза его ярко свътились въ темнотъ. Въроятно, онъ былъ уже намъренъ въ эту минуту броситься на лошадь, но видъ человъка остановилъ его. Кучеръ не имълъ пра себъ никакого оружія и боялся даже крикнуть своему барину объ ужасной встрача, чтобъ не перепугать Варушки. Однакоже, не раздумывая долго, онъ мгновенно ръшился на русскую удаль. Отступя сперва шагъ, онъ вдругь съ ужаснъйшимъ крикомъ и гикомъ бросился впередъ, съ поднятыми кулаками, прямо на волка. И что-же? Волкъ опрометью бросился бъжать отъ него, а кучеръ, преследовавъ его шаговъ двадцать, возвратился съ легкою побъдою. Каково-же было его взумленіе, когда, приля на то самое мъсто, гдъ стояли сани, онъ не нашолъ никого! Онъ остолбенълъ отъ изумленія, началъ звать своего барина громко, громче, во все горло, и — ни слуху, ни луху. Кучеръ перекрестился, постоялъ съ минуту въ раздумьи и началъ потомъ, наклонясь къ землъ, разсматривать то мъсто, гдъ стояли сани. По слъдамъ копытъ и полозьевъ, которыхъ снъгъ еще не успълъ засыпать, кучеръ увидълъ, что сани поъхали въ противную сторону отъ той, куда бъжалъ волкъ, и поъхали вовсе не по дорогъ, а цъликомъ, по полямъ, кочкамъ и оврагамъ. — Но зачъмъ, какимъ случаемъ и куда поъхали, этого онъ не могъ придумать.

Нъсколько времени, почти ползкомъ, шолъ онъ по слъдамъ саней; вдругъ въ одномъ мъстъ остановился съ недоумъніемъ. На свъжемъ снъгу видънъ былъ отпечатокъ человъческаго тъла, какъбудто тутъ лежавшаго нъсколько времени, и около этого отпечатка слъды шаговъ другаго человъка.

— Ихъ вывалило! вскричалъ кучеръ съ горестію, и оставя слъды саней, пошолъ теперь по слъдамъ барина и барышни. Эти слъды ясно были видимы въ снъгу, потому-что иногда ноги глубоко уходили; но по направленію ихъ оказывалось, что Сульмскій воротился опять на проъзжую дорогу, съ которой лошаль по какому-то случаю своротила.

Посмотримъ, что, въ-самомъ-лълъ, случилось съ отцомъ и дочерью? Въ ту минуту, какъ лошадь остановилась и начала фыркать, Сульмскій догадался, что, върно, гдъ-нибудь по-близости долженъ быть волкъ, и когда увидълъ, что кучеръ пошолъ отыскивать предметъ, пугающій коня, то хотълъ ему закричать, чтобъ онъ былъ остороженъ. Но когда раздался крикъ и онъ увидълъ, что кучеръ бросился преслъдовать волка, то выскочилъ самъ, чтобъ воротить своего удальца. Только, въ то самое мгновеніе, какъ раздался этотъ крикъ, испуганвная лошадь вдругъ бросилась въ сторону и понесла по полю. Сульмскій едва успълъ ступить изъ саней и еще держаль въ рукахъ возжи, какъ быстрый бъгъ несущейся лошади принудиль его броситься поперекъ въ сани. Тутъ онъ употребилъ всъ свои силы, чтобъ удержать лошадь, но вскоръ увидълъ, что это не возможно.

- Въра! вскричалъ онъ: выскакивай изъ саней вонъ. Скоръй выскакивай.
 - Какъ выскакивать! Я боюсь! Я упаду!
- И лучше всего. Упади просто въ снъгъ. Сани не высоки снъгу много. Скоръй! Я за тобою.

Върушка послушалась, наклонилась, и почти въ клубокъ свернувшись, бросилась изъ саней. Черезъ нъсколько секундъ, и Сульмскій, оставя возжи, сдълалъ тоже, подбъжалъ къ своей дочери, подняль ее, успокоиль и повель болье на удачу, нежели въ полной увъренности, что идетъ на дорогу. По его расчисленію до
дому оставалось не болье лвухъ версть; но ночь, снъгъ, вътеръ
и неизвъствость направленія сильно безпокоили его. А главное
то, что Върушка, въ тоненькихъ своихъ мъховыхъ сапожкахъ,
подвергалась сильной простуль, потому-что сапожки эти оченьхорошо гръли, когда она сидъла въ саняхъ, но давно ужъ промокли при первыхъ шагахъ ея въ снъгъ, доходившій иногда до
кольнъ. Къ-счастію, Върушка, казавшаяся испуганною въ первыя
мивуты происшествія, вскоръ опомнилась и не только съ твердостію и смълостію пошла подль отца, но еще безпрестанно объ
немъ самомъ заботилась. Это обстоятельство успокоило Сульмскаго, и онъ, съ болростію подхватя Върушку, несъ ее почти на
воздухъ, быстро шагая по снъгу.

Съ трудомъ однако подвигался онъ впередъ. При напряжении силъ своихъ для поддержанія Върушки, чтобъ нога ея не глубоко уходила въ снъгъ, онъ самъ погружался за то по кольни на каждомъ шагу. Слишкомъ полчаса шоль онъ бодро и смъло; но малопо-малу начали силы его упадать, и какое-то безпокойство овладъло его сердцемъ. Поминутно спрашивалъ онъ: Върушка! Каково тебъ? — И та всякой разъ ему отвъчала: Мнъ очень-хорошо! берегитесь только вы, папа!

По расчисленію Сульмскаго, они давно уже должны были-бы придти домой, еслибъ направленіе ихъ было настоящее, и Върушка часто спрашивала: Гдв-же, папа, наша деревня? Но сомнаніе уже сокрушало Сульмскаго, и онъ каждый разъ тише отвачаль: Успокойся, другъ мой, скоро придемъ.

Между-тъмъ силы обонкъ начали видимо ослабъвать. Сульмскій быль въ совершенной неръшимости. Ясно было, что онъ миновалъ свою деревню, потому-что уже почти часъ, какъ онъ шолъ, но куда именно идетъ, Богъ въсть! — Далье идти впередъ значило еще болье удаляться; оставаться-же на мъстъ невозможно. Надобно было имъть всю твердость души его, чтобъ не растеряться. Сперва оба они говорили, шутили, помогали другъ-другу, теперь уже молча шли другъ подлъ друга, и Сульмскій только машинально поддерживалъ Върушку. Силы его уже истощились; ноги едва двигались. Чаще и чаще началъ онъ останавливаться, будто-бы для того, чтобъ прислушиваться, а въ-самомъ-дълъ, для краткаго отдыха. Наконецъ онъ остановился.

— Послушай, Върушка, мы уже слишкомъ полтора часа идемъ. Значитъ мы не въ ту сторону пошли. Намъ давно надобно-бы быть дома. Далъе впередъ не зачъмъ идти. Лучше воротиться.

- Куда-же, папа?
- По нашимъ слъдамъ... куда-нябудь... Я, право, теперь не знаю. Но на мъстъ намъ нельзя остаться. Мы оба замерзнемъ.
 - Помилуйте, мив жарко...
- И мнъ тоже, но это отъ движенія. Пробывъ-же пять минутъ на мъстъ, мы оба погибнемъ. Чувствуешь-ли ты въ себъ довольно силы, чтобъ идти назадъ!
- Я пойду за вами, куда хотите, только, признаюсь, я очень устала.
- Это оттого, что мы сначала слишкомъ-скоро и свльно пошли: это была большая неосторожность. Но теперь надобно на чтонибудь решиться. Если-бъ не мятель, то мы где-нибудь увидели-бъ огонекъ,—а теперь нетъ никакой надежды. Въ двухъ шагахъ ничего не видать. Кто знаетъ, лругъ мой, можетъ-быть, придется гулять намъ до разсвета.
 - Боже мой! Эго ужасно!
- Я за тебя только и боюсь... Тебъ, върно, не вынести этого... но я понесу тебя на рукахъ...
- Нътъ, папа, я вижу, что вы сами очень устали... и если-бъ мнъ только немножко отдохнуть, я готова ходить хоть до утра...
- Да отдохнуть-то и нельзя. Я ужъ сказалъ тебъ, что пять минутъ отдыха—явная смерть. Пойдемъ.

Онъ почти насильно потащилъ ее назадъ. Теперь они шли тише и сберегая послъдніе остатки упадающихъ силъ. Еще полчаса прошло, —и все та-же ночь, тоть-же снъгъ и мятель. Върушка начинала видимо склоняться на руку отца, который едва могъ поддерживать ее.

- Папа! Я на минуточку сяду. Только на одну минуту отдохнуть.
- -- O, ради Бога, другъ мой, собери всъ свои силы... не останавливайся.

Она повиновалась и прошла еще съ четверть часа.

— Папа! я не могу болъе вдти. Одну минуту отдохнуть...

Сульмскій съ отчаяніемъ въ душь остановился, сбросиль съ себя шубу на снътъ и посадиль на нее Върушку. Та сначала не замьтила его движенія, и въ первую минуту наслаждалась только блаженствомъ отдыха; глаза ея невольно смыкались, руки опустились... Вдругъ она вспомнила объ отцъ—и быстро взглянула на него. Сложа руки на груди, стоялъ онъ передъ нею и смотрълъ на нее. Тутъ только замътила она, что онъ безъ шубы, оглянулась и съ крикомъ вскочила.

 Надъньте, надъньте поскоръе, папа! сказала она. Я не устала. Пойдемте.

Медленно приподняль онъ шубу, набросиль на плеча, схватиль дочь свою за руку и молча побрель далье. Казалось, физическія силы обоихъ воскресли на минуту отъ сильнаго душевнаго движенія. Еще четверть часа прошли они, — но это была послъдняя вспышка человъческой воли. Оба шатались при каждомъ шагъ и оба должны были помогать другъ-другу вытаскивать ноги изъ снъга. Наконецъ они остановились, постояли, посмотръли другъ на друга и упали другъ-другу въ объятія.

— Милосердный Боже! Что съ тобою будеть! вскричалъ Сульм-

скій съ отчанніемъ.

— Мнѣ ничего, напа, сказала Върушка томнымъ голосомъ. Право, ничего. Только я устала... отдохнемте... Только не скидавайте шубы...

- Напротивъ, другъ мой. Она послужитъ для насъ обонхъ.

Вотъ видишь-ли какъ!

При этомъ онъ опять сбросилъ шубу, посалилъ на нее Върушку самъ сълъ подлъ, подобравъ оба конца шубы и закутавъ ими ноги Върушки.

— Натъ, натъ! Этакъ вамъ холодно, вы простудитесь... Я не

хочу...

Туть она снова хотела встать, но уже не могла, и съ воплемъ

упала на грудь отца.

— Успокойся, милый другъ мой, ради Бога, успокойся. Присутствіе духа намъ теперь всего вужные. Мы отдохнемъ немного и опять пойдемъ. Потомъ устанемъ и опять отлохнемъ. И такимъ-образомъ постараемся какъ-нибудь проходить до разсвыта...

Но Върушка уже не слышала словъ его. Склонясь къ груди отца, она погрузилась въ сонъ, или родъ безпамятства отъ истощевія силъ... Вдругъ волизи послышался лай...

- Върушка! Мы спасены! вскричалъ съ восторгомъ отецъ и вскочилъ на ноги. Слышишь-ии лай собакъ?
- Слышу, отвъчала она сквозь сонъ. Только дайте отдохнуть, уснуть.

- Върушка! другъ мой! приди въ себя!..

Онъ наклонился къ ней, приподняль ее, но она сладко дремала. Онъ схватилъ горсть снъгу и потеръ ей лобъ и виски. Это привело ее въ чувство.

— Что это, папа?

— Встань, мой другъ, встань! Слышишь-ли лай собакъ? И я узнаю. Это наши собаки. Мы близко отъ дома.

— Въ-самомъ-дълъ!.. Какъ жаль! А я такъ хорошо спала! Овъ приподиялъ ее на ноги, но она все-еще едва стояла и, склонясь на плечо его, дремала.

Въ эту самую минуту прибъжали къ нимъ двъ собаки и испустнии радостный визгъ, узнавъ своего господина. Съ какимъ восторгомъ овъ обнялъ свою дворняжку!..

— Върушка! Посмотри! Наши собаки. Султанъ! Медоръ!.. сказалъ онъ и снова потеръ ей сиъгомъ лобъ.

Наконецъ она совершенно пришла въ себя, вспомнила, гдъ она, и обрадовалась появленію собакъ. Сульмскій быстро схватилъ свою шубу, надълъ ее, взялъ Върушку за руку и быстро пошолъ за върными своими вожатыми, которые снова огласили воздухъ лаемъ, но уже радостнымъ.

Черезъ въсколько минутъ явилась и толпа людей, предводимая върнымъ Егоромъ и кучеромъ. Потерявъ отъ мятели слъды своихъ господъ, онъ скоро нашоль дорогу въ деревню; тамъ онъ поднялъ всъхъ на ноги, чтобъ шли отыскивать господъ и сани съ
лошадью. Всъ бросились въ разныя стороны, но върнъе всъхъ
поступилъ старикъ Егоръ; велъвъ спустить съ цъпи дворовыхъ
собакъ, позвалъ ихъ и давъ имъ обнюхать старое платье Сульмскаго, пустился вмъстъ съ ними въ поле. — Сперва животныя бъжали и лаяли безъ цъли; но какъ Егоръ безпрестанно подзывалъ
ихъ и давалъ обнюхивать платье, которое держалъ въ рукахъ, то
они, по-видимому, поняли его мысль и бросились по полю. Късчастію, вътеръ лулъ съ той стороны, гдъ были Сульмскіе: животныя скоро почуяли ихъ—и вашли.

Куда вдругъ дъвалось безсиліе Сульмскаго и Върушки! Узнавъ, что уже близехонько отъ дома, — они также бодро и твердо пошли, какъ въ первую минуту своей ходьбы. Съ радостными восклицаніями вездъ встръчали ихъ — и по странному случаю, въ туже самую минуту, когда Сульмскій подходилъ къ подъвзду, прискакала и лошадь съ пустыми санями, и стала тутъ же, какъ-будтобы привезла кого-нибудь.

Съ какою радостію вошли Сульмскій и Върушка въ теплыя свои комнаты! Егоръ заравъе затопилъ каминъ и уже три часа съ нетерпъвіемъ жогъ дрова и тихонько бранилъ полковника за позднюю потядку. Теперь снова набросалъ онъ полъньевъ— и огонь весело затрещалъ.

Прежде всего велълъ Сульмскій Върушкъ переодъться въ своей комнатъ и потомъ посадилъ ее на кресла у камина. Тутъ онъ приказалъ горничной тереть ей ноги теплымъ виномъ, а самъ покуда тоже пошоль переодъваться и заставиль Егора сдълать съ своими ногами такую-же операцію. Посль этого, въ халать пришоль къ камину и сълъ подль Върушки.

О, съ какимъ восторгомъ обнялись они! Ни слова они не говорили, а понимали другъ-друга.

Расторопный Егоръ тотчасъ-же явился съ кипящимъ самоваромъ и нъсколько стакановъ чаю побъдительно начали вытъснять лихорадочную дрожь, распространившуюся по тълу ночныхъ путе-шественниковъ. Огонь камина дъятельно помогъ снаружи, и Сульмскіе, кромъ усталости и склонности ко сну, ничего не чувствовали.

Самоваръ давно уже былъ снятъ, чашки унесены, время быстро приближалось къ разсвъту, а Сульмскій все-еще сидълъ подлъ Върушки, которая перешла на диванъ, поставленный прямо противъ камина. Оба они безпрестанно спрашивали другъ-друга, каково себя чувствуютъ — и не-смотря на обоюдные отзывы, что очень-хорошо, все, казалось, не върили этому и пристально глядъли другъ на друга. Сперва Върушка все цъловала руки у отца, не говоря ни слова, а потомъ онъ самъ, поставя ей подъ ноги стулъ на которомъ она могла-бы протянуть ноги къ камину, подвинулъ къ ней свои кресла и шолковымъ платкомъ началъ тереть ей ноги. Вскоръ Сульмской увидълъ, что Върушка уснула. Тогда потихонъку всталъ онъ, и обложа ее подушками, возвратился опять на кресла и тихо, тихо продолжалъ тереть ей ноги. Наконецъ и онъ усснулъ.

По-утру Върушка проснулась раньше отца. При тускломъ свътъ утренней зари увидъла она, что онъ во-время сна ея заботился о ея здоровьи. Слезы благодарности наполнили глаза ея. Тихо встала она и наклонясь къ рукъ его, съ нъжностью поцъловала. Сульмскій проснулся.

- Что ты, Върушка? спросилъ онъ.
- Начего, папа, пойду въ свою спальню. А вы лягте на диванъ.
 - Хорошо, моя милая. Ступай.

Она бросилась въ его объятія, осыпала его нъжнъйшими ласками—и ушла. Онъ перемъстился на диванъ, закутался — и опять уснулъ.

ГЛАВА У.

Ревизоръ прітхалъ!!

Гоголь.

Не другъ-ли ъдеть запоздалой, Товарищъ юности удалой?

Пушкинъ

nearly house a care maries Bearing

Сульмскій удивлялся, а Върушка была въ восхищеніи, что городскіе и деревенскіе гости перестали къ нимъ вздить. Причиною
тому быль прівздъ новаго губернатора. Все стремилось въ городъ,
чтобъ увидьть новопрівзжаго и найдти какую-нибудь къ нему дорогу. Одинъ Сульмскій спокойно оставался въ своей деревнь—и
Върушка была счастлива, потому-что никто не мышалъ ея занятіямъ и разговорамъ съ отцомъ. Не долго однако-же продолжалось
это счастіе. Глубокая тишина всегда бываетъ предвъстницею сильной бури.

Однажды Сульмскій съ Върушкой сидъли уже за объдомъ, какъ вдругъ подъвхали къ дому трое саней. Это были Чубуковъ, Сусликовъ и Хрюминъ. Всъ они прикатили прямо изъ города, и первое ихъ слово было: «Водки! перезябли!» — Потомъ уже напс-

рерывъ пустились поздравлять Сульмскаго.

Съ чъмъ, господат спросилъ тотъ съ удивленіемъ.

— Прекрасно, полковникъ, отвъчалъ Хрюминъ. Я первый сообщилъ вамъ извъстіе о новомъ губернаторъ, а вы ни слова мнъ и не сказали, что дружны съ его сіятельствомъ.

— И отъ насъ утаилъ, прибавили Чубуковъ и Сусликовъ.

- Въ этомъ не было никакого секрета, господа, но я не полагалъ никакой и важности. Князь Гульбинъ былъ у меня въ полку ротмистромъ, и тегла мы съ нимъ жили дружно. Теперь опъ генералъ, такъ надо сперва знать: намъренъ-ли онъ возобновить прежнее знакомство! Я къ нему на поклонъ не поъду, а онъ, разумъется, еще менъе...
- Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь, Александръ Петровичь, сказалъ Хрюминъ. Едва только его сіятельство увидълъ ваше имя въ спискъ дворянъ моего уъзда, какъ съ жаромъ началъ распрашивать объ имени, жительствъ, семействъ и всъхъ

возможныхъ подробностяхъ; объявиль всемъ, что былъ у васъ подъ командой, что вы благороднейшій и достойныйшій человыкъ и что онъ сегодня-же къ вамъ прівдеть. Полиціймейстеръ взялся проводить его, — и они, върно, послъ объда нагрянутъ. Поздравляю, поздравляю, любезнъйшій Александръ Петровичъ.

Сульмскій ульібнулся, — и не отвъчалъ ни слова на всеобщів поздравленія, а позвалъ только Егора и вельлъ ему усилить объдъ для троихъ, вновь прибывшихъ, особливо по питейной части. - Съ

жаромъ принялись они и феть, и пить, и разсказывать.

Не-смотря на свой аппетитъ, гости очень-умильно поглядывали на Върушку и по-временамъ, то есть въ антрактахъ разныхъ блюдъ, осыпали ее комплиментами.

- Вотъ, Въра Александровна, сказалъ со вздохомъ Чубуковъ: вы скоро насъ гръшныхъ совсемъ забудете. - Прівдетъ къ вамъ губернаторъ и привезетъ съ собою своего сына, а онъ такой молодецъ, такой учоной...
 - Я и не зналь, что у него есть сынъ, сказалъ Сульмскій.
- Какъ-же-съ, отвъчалъ Сусликовъ: они только что еще выпущены изъ училища, а ужъ титулярные совътники. Прекра-сное дъло науки! И не служа, получаеть девятый классъ! А вотъ нашъ братъ такъ тянулъ ровно пятнадцать летъ до этого званія, а до ассесора ровно двадцать-пять льтъ. Эти-жъ господа учоные какъ-разъ схватять и штабъ-офицерскій чинъ. Конечно, объ его сіятельствъ нечего и говорить. Сынъ знатнаго барина не то, что мы. — Нашъ братъ и не посмъетъ заглянуть туда, гдъ князья за-просто бывають...
- Вотъ какой вздоръ! вскричалъ Чубуковъ. Что за униженіе! Я уважаю губернатора и сына его, но такой-же дворянивъ, какъ и они. За свою службу награждены они важными чинами и мъстами, - а я просто корнетъ въ отставкъ. Ну что-же? Имъ честь и слава! Но я себя вовсе не думаю унижать предъ ними. Я дворя-нинъ, помъщикъ — и имъю свои права. Желалъ-бы имъть такіяже права надъ сердцемъ Въры Александровны, —но... какъ быть! Моя атака не удалась. Комендантъ не сдается.

- А вотъ, дружище, сказалъ Сусликовъ: какъ явится молодой правитель канцеляріи, учоный, столичный, богатый, да князь, -такъ тутъ пойдутъ такія траншен, что Боже упаси.
- А развъ сынъ князя правителемъ канцелярів у него? спросилъ Сульмскій, желая прекратить любовный разговоръ.
- Какже-съ? Не желая разлучиться съ нимъ въ первый-же годъ после выпуска, его сіятельство оставиль его при себе въ

званіи правителя канцеляріи. — Прекрасный молодой человъкъ! Какъ пишетъ!.. Конечно не по приказному, а по учоному, ну, да привыкнетъ еще...

- Ну, братъ, не дай Богъ и привыкнуть къ подъяческой грамотъ, сказалъ Чубуковъ. Эта такая проклятая наука, что никому отъ нея прока не будетъ.
- Извините-съ. Мы такъ вотъ живемъ преблагополучно и не безвыголно.

Во все это время Хрюминъ наблюдалъ глубокое молчаніе. Онъ былъ философъ. — Зная, что во многомъ глаголаніи насть спасенія, онъ пользовался временемъ разговора своихъ товарищей, чтобъ больше пить и ъсть. — Конечно, и онъ иногда взглядывалъ на Върушку, но это было одно лакомство, — намъренія-же никакого. Вездв, гдв-бъ онъ ни былъ, ему мерещилась дражайшая его супруга, которая караулила каждый его взглядъ, и уже нёсколькихъ сънныхъ дъвушекъ отослала въ тяжолую работу за одно ласковое его слово. А какъ деревни принадлежали опой супругъ, то Хрюминъ и велъ себя самымъ добродътельнымъ образомъ, а утъщался хорошимъ столомъ и частыми поъздками въ городъ.

Зная обычай сельских в помъщиковъ, Сульмскій тотчась-же послалъ сказать Аграфенъ Петровнъ, что ожидаетъ ее къ себъ на вечеръ. Онъ зналъ, что если сосъдка узнаетъ, (а какъ ей не узнать чего-нибудь!) что губернаторъ былъ у него, и онъ не далъ ей знать, то никогда не проститъ ему такого злодъйства. Въ ожиданіи-же ея прибытія, мужчины занялись разговорами, куреніемъ и изръдка наливкою; Върушка-же, не-смотря на все равнодушіе, при извъстіи о сынъ губернатора, пошла однако-же переодъваться.

Дъйствительно въ шестомъ часу вечера подъвхали двое саней. Въ однъхъ сидълъ губернаторъ съ сыномъ, а въ другихъ полиціймейстеръ. Всъ бросились встръчать кназа. — Одинъ Сульмскій остался.

Съ искреннею радостію бросились старые сослуживцы въ объятія другъ къ другу. — Свято воспоминаніе дружбы, заключонной въ молодости; но дороже и священные памягь той, которая заключена была на поляхъ битвы. Первая измънлется, и забывается часто отъ неравныхъ отношеній свъта;—но вторая почти никогда и ничьмъ. Въ кругу гражданскаго общества все основано на условіяхъ почестей и богатства, — и тамъ дружба значитъ польза. На бивакахъ-же, гдъ деньги и жизнь — ровно ничего не значатъ, тамъ сердца людей сходятся гораздо-ближе, потому-что помощь

каждаго тамъ можетъ быть нужна, и эта связь никогда и ни-

- Хорошо, что я нечаянно узналъ о тебъ, Александръ, сказалъ князь: а-то ты, върно-бы, самъ не прівхалъ ко мнъ. Я, въдъ, тебя знаю.
- Конечно, гораздо-лучше, что ты ко мнв прівхаль, отвъчаль Сульмскій. Теперь я, по-крайней-мврв, увърень, что ты не перемвнился въ душв, сдълавшись знатнымъ бариномъ.
- Какъ тебъ не стыдно, Александръ? Развъ л когда-нибудь давалъ тебъ поводъ думать обо мнъ такимъ образомъ? Когда ты былъ моимъ полковымъ начальникомъ, то не требовалъ-ли ты, чтобъ въ дружеской бесъдъ съ тобою говорить тебъ ты, коть во фронтъ такъ-же строго взыскивалъ съ меня, какъ и съ другихъ? Теперь я тотъ-же Иванъ Гульбинъ, и мы пятнадцать льтъ не видались съ тобой. Теперь только мы обы состарълись, но другой перемъны въ насъ быть не должно. Что тебъ за дъло до моего чина? Онъ никакого отношенія не имъстъ къ нашей дружбъ. Да и кому-жъ я обязанъ всъмъ, какъ не тебъ? Не разсерди меня, а не то я припомню тебъ все, что ты для меня сдъладъ. ...

Ну, полно, полно. Обними меня, — сказалъ Сульмскій, и

дъло кончено. Этакъ мы скоръе поймемъ другъ друга.

Можно вообразить, какъ были изумлены такимъ разговоромъ присутствующіе гости! Сульмскій говорить губернатору и князю — ты! Это казалось для нихъ непостижимо.

Въ это самое время прівхала Аграфена Петровна самъ-пять и просила Сульмскаго рекомендовать ее князю. Тотъ исполниль ея желаніе, — и къ всеобщему восторгу присутствующихъ, губернаторъ объявилъ, что друзья Александра Петровича будутъ всегла его друзьями.

его друзьями.

Князь рекомендовалъ Сульмскому своего сына. — Эго былъ, дъйствительно, прекрасный молодой человъкъ. Первый взглядъ на него внушалъ любовь и довъренность. Стройный, высокій, бълокурый, учтивый, любезный, — въ немъ, по-видимому, соединялись всъ достоинства ума и воспитаніи.

- Я и не зналъ, что у тебя такой большой сынъ, сказалъ Сульмскій князю.
- А я такъ давно зналъ васъ, Александръ Петровичъ, отвъчалъ ему молодой князь. Мнъ батюшка такъ часто говорилъ объвасъ, такъ хорошо описывалъ, что, не имъвъ чести никогда васъ видъть, я-бы, кажется, узналъ васъ, встрътивъ гдъ-нибудь нечаянно.

— Помилуй, Александръ, да развъ ты забылъ, сказалъ старый князь, какъ я бывало тебъ читалъ на бивакахъ письма отз. моей покойной жены. Во всякомъ, кажется, было описаніе шалостей Николы. Ну, вотъ и овъ! — Тогда ему былъ пятый годъ, теперь девятнадцатый, а кажется давно-ли все это было!

— Это только намъ, другъ, памятно. Другіе ужъ почти и за-

Tanger h, one spines large, wayners, are wen a support - Нътъ, Александръ, ты неправъ: никто и никогла не забудетъ великаго года отечественной войны. И чемъ дальше, темъ славнъе онъ будетъ блистать въ льтописяхъ русской славы. - Ты злысь живешь въ захолустыя, такъ тебы и кажется, что о нашихъ двлахъ больше не говорятъ. Ивтъ! годъ-отъ-году больше и сильные будуть прославлять двынадцатый годъ.

— Я, братецъ, жилъ пять лътъ въ Петербургъ — и, право, не замътилъ этого живаго воспоминанія... Да гдъ-жъ ты-то былъ

все это время? де зачетите попилы, он изил, тога и и империя

— Вь полку. После твоей отставки перешоль я въ-ской гренадерской полкъ. Съ нимъ сдълалъ походъ персидскій, получилъ полковивка, переведенъ командиромъ — аго егерскаго полка, - и теперь отставленъ съ чиномъ дъйствительнаго статскаго совътника и назначенъ сюда губернаторомъ. Жаль, другъ, что тебя не было въ последнихъ нашихъ походахъ. Ты-бы порадовался на русскую удаль и молодечество.

- Э. братецъ! Кто видълъ двънадцатый годъ, того уже ни чемъ не удивишь...

- Я въдь тебъ и не говорю, чтобы ты удивился, а порадовался-бы.
 - Ну, для этого стоитъ только знать духъ русскаго солдата... Однако мы съ тобой заговорились о военныхъ дълахъ и забыли, что другимъ вовсе незанимательно насъ слушать.

— Ахъ, напротивъ, Александръ Петровичъ, сказала Аграфен Петровна: что можетъ быть пріятнае, какъ слышать двухъ зна-

менитыхъ воиновъ, воспоминающихъ свои славные подвиги.

— Ну, объ нашихъ-то личныхъ подвигахъ не много разговоришься, отвъчалъ Сульмскій: всякой исполняль долгъ свой; не всъ-то вмъстъ много хорошаго савлали.

Въ это время вышла Върушка.

— Князь! рекоменлую тебъ мою дочь, Върушку. Ты, я лумаю, ее помнишь... Върно не забылъ и Березины...

— Какъ! вскричалъ князь съ удивленіемъ. Это та самая?..

— Върушка! рекомендуйся! вотъ твой крествый отецъ! прибавилъ Сульмскій.

лъ Сульмскии. — Какъ, папа! Это князь Гульбинъ, ротмистръ М—скаго Улан-

аго полка... — А она почомъ знаетъ? съ недоумъніемъ спросилъ князь.

- Недавно видъла она свидътельство о своемъ рождени и врещенія... Помнишь-ли священника?..
- енія... Помнишь-ли священника?.. Какъ не помнить!.. Но Въра... Въра Александровна больше ничего не знаетъ?..

Значительный взглядъ Сульмскаго остановилъ князя.

- То-есть о своемъ походномъ крещении, сказалъ внязь, стараясь поправиться.
- ясь поправиться. Да и на что ей? прибавилъ Сульмскій. Въдь она не будетъ писать походныхъ записокъ...
 - Ахъ, Александръ! а твой журналъ? все еще существуетъ?
- И существуеть, и продолжается. Берегись! И ты сегодня попадешь въ него.
- О! какъ я радъ! Вотъ, Александръ, если ты когда-нибудь захочешь доказать мив, что любишь меня по-прежнему, то прочти мвъ и сыну нъсколько страницъ своего журнала. — Помнишь-ли наши бивачные вечера? Мы на-пролеть не спали цълыя ночи, слу-
- А у меня теперь есть славный помощникъ, сказалъ улыбаясь Сульмскій, в указывая взглядомъ на дочь свою.
- Позвольте вамъ, любезная Въра Александровна, рекомендовать моего сына, сказалъ князь, и подвелъ къ ней молодаго князя, который давно ужъ съ удивленіемъ смотрълъ на Върушку, неожидая найти въ провинціи такую красоту.

Между молодыми людьми тотчасъ-же начался бъглый разго-

воръ на французскомъ языкъ.

- Провлятый французскій языкъ! тихо проворчалъ Чубуковъ, полойдя къ Сусликову. Я въдь говорилъ, что она тотчасъ-же все забудеть, лишь только увидить этого молокососа. Да и онъ тутъ, проказникъ, тотчасъ-же съ своимъ проклятымъ французскимъ
- Да замолчи, братецъ, сказалъ Сусликовъ. Ну, если губернаторъ взглянетъ и догадается, что мы говоримъ объ его сынъ...

-- Большая бъла! да я это и въ лицо скажу...

 Что ты, формазовъ проклятый! съ тобою пропадешь. Тутъ Сусликовъ быстро отошоль отъ него.

Полали самоваръ. Върушка занялась приготовленіемъ чая, а гу-

бериаторъ завель общій разговоръ и старался ввести въ него присутствующихъ. — Върушка, двъ дочери Аграфены Петровны и князь Николай, составили на весь вечеръ совершенно отдъльное общество, которое вовсе не мъшалось въ сужденія прочихъ и не занималось ими.

Поздно ввечеру разъъхались всв. Провинціалы были въ восторгъ отъ ума и любезности губернатора; онъ былъ радъ прежнему своему задушевному другу; молодой Князь былъ безъ ума отъ Върушки; она .. она одна только не отдавала себъ отчота въ своихъ чувствахъ; она пріятно провела вечеръ, вотъ и все. — Князь, уъзжая, взялъ слово съ Сульмскаго, что въ слъдующее воскресенье прівдетъ къ нему въ городъ объдать съ Върушкою, но прочамъ гостямъ ничего не сказалъ. Это показалось-бы имъ оченьобидно, еслибъ онъ, обратясь къ нимъ, не прибавилъ, что ихъ не приглашаетъ онъ потому, что всегда радъ ихъ видъть у себя.

Когда всв увхали, Сульмскій, по обыкновенію, началь вицсывать сегодвяшній визить въ свой журваль. Върушка участвовала въ сужденіяхъ отца о всвхъ лицахъ собранія и разсказала ему всв разговоры своего отдъльнаго общества.

- Hy, какъ же тебъ понравился молодой князь? спросиль онъ.
- Очень-милый и умный молодой человыкъ. Мы съ нимъ цылый вечеръ въ глаза смъялись надъ Мылоными, а онъ не понимали и любезничали.
- Ты очень-дурно сдълала, другъ мой. Ни надъ къмъ смъяться не надо. Насмъшка всегда обнаруживаетъ злое сердде. И чъмъ виноваты эти бъдныя дъвушки, что ихъ дурно воспитали? Это была обязанность родителей. Кто знаетъ, можетъ-быть, это самыя добрыя и благородныя созданія по душевнымъ своимъ качествамъ.

Върушка покрасињаа и на-минуту замолчала, потомъ бросилась на шею къ отцу.

- Вы правы, пала! сказала она. Я дурно сдълала... и вы знаете, что я не люблю смъяться ни надъ къмъ. Но князь такъ остроумно шутилъ, такъ забавно разсказывалъ, такъ непримътно насмъхался, что я была увлечена... О! запишите, пожалуйста, что я сего дня очень-дурно поступила и раскаяваюсь.
- А когда опять увидишься съ молодымъ княземъ, то, върно, возобновишь этотъ разговоръ.
 - Ни за что. Я скажу ему, что это очень-дурно.
- Тогда онъ будетъ надъ тобою смъяться, или почтетъ тебя притворщицею. И то и другое очень-непріятно. Вотъ тебъ

милая, урокъ. Ненадо никогда увлекаться дурными качествами другихъ.

- Но князь говорилъ все это шутя. У него, върно, предоброе серлце.
- Въ такомъ случав онъ почолъ *тебя* влою и легкомысленною, и чтобъ полдълаться къ тебв, началъ пересмъивать твоихъ полругъ. Попытка удалась. Ты усердно помогала ему. Прекрасныхъ-же онъ о тебъ мыслей!
- Ахъ, Боже мой! Какая досада!.. Только, право, напа, онъ, кажется, вовсе не думалъ о томъ, что говорилъ.
- За то теперь объ этомъ думаетъ. Разумъется, въ разговоръ съ молодою, пригожею дъвушкою ищутъ блеснуть умомъ, остротою, новсе не заботясь о предметъ разговора. Но за то разлумываютъ послъ, и впечатлъніе остается надолго.
- Боже мой! Какая в вътреница! Ну, да впередъ буду осторожна .. Впрочемъ, этотъ молодой человъкъ повравился мнъ лучше всъхъ петербургскихъ любезниковъ. Этотъ не надоъдаетъ, по-крайней-мъръ, въчными комплиментама и затверженными фразами.
- Потому-что этотъ самъ еще довольно-неопытенъ Онъ тольки нынашнимъ латомъ вышелъ изъ Лицея, и не успълъ еще затвердить всъ формулы объясненій. — Впрочемъ, послъ двухъ, трехъ свиданій и это начнется.
- За то тотчасъ-же и кончится. Я вовсе не намърена служить забавою для его сіятельства.
- Какой вздоръ! Сперва пошутитъ, а послъ, можетъ-быть, и серьзёно поговоритъ. Въдь онъ все-таки лучше Чубукова и Сусликова.

Върушка замолчала. Идея отца произвела надъ нею какое-то цепріятное впечативніе, въ когоромъ она сама себв не могла дать отчота. И Сульмскій, съ своей стороны, не ожидая отвъта Върушки, началъ усердно писать свой журвалъ.

Когда онъ кончилъ его, то Върушка подопіла къ отцу, чтобъ проститься, и обнявъ его съ нъжностію, сказала:

- Вы меня опять очень огорчили, папа. Богъ съ вами. Прощайте.
- Чъмъ это, аругъ мой? Развъ мои совъты и наставленія ужъ огорчають тебя?
- О Боже мой, со всъмъ не то. Когда вы меня бранате, п рада, счастлива. Но когда вы мнъ начнете говорить о Чубуковъ и компаніи, то... мнъ сдълается очень-грустно. Не говорите мнъ объ этомъ накогда, цапа.

- О чомъ, моя милая, что жъ я сказалъ?
 - Прощайте, папа!

Она съ жаромъ обняла его и ушла.

Задумчиво посмотрълъ онъ въ-слъдъ за ушедшею Върушкой, в съ видимою грустію покачалъ головою.

- Хорошо, еслибъ этотъ князь... сказалъ онъ тихо и печаль-

но. Все-бы тогда было кончено... Все...

LAABA VI.

Vous m'aimez? prenez garde! une telle parole, Hélas! ne se dit pas d'une façon frivole! Vous m'aimez!.. Savez vous ce que c'est que l'amour?

Victor Hugo.

Въ воскресенье Сульмскіе отправились къ губернатору, объдали тамъ и провели весь день. — Върушка, принявшая твердое намъреніе быть осторожнѣе въ обращеніи съ молодымъ княземъ, чрезвычайно удивилась, замътя, что и онъ, съ своей стороны, наблюдаетъ холодную въжливость и общія мъста учтивыхъ фразъ. Во весь день они почти не отходили отъ Сульмскаго, который заставлялъ ее разсказывать крестному отцу ея всъ занятія ея молодости.

Послъ чая, они отправились домой, потому-что отъ города до деревни ихъ было почти 30 ть верстъ, и на этотъ разъ прівхали безъ малъйшихъ приключеній. Върушка была задумчива и мало говорила. Сульмскій спросилъ ее о причинъ такого дурнаго расположенія духа, и она ему откровенно призналась, что сегодняшнее обращеніе молодаго князя показалось ей непостижимымъ.

- А я такъ понимаю его, съ горькою улыбкою сказалъ Сульмскій: отецъ ему, върно, сказалъ, что у тебя вичего нътъ, такъ это слово тотчасъ-же расхолодило его воображение.
- Неужели, папа? Неужели, Боже мой, у всъхъ молодыхъ людей такія низкія чувства?
 - Низкія? За что-жъ ихъ такъ называть? Это, просто, чувства

благоразумія, другъ мой. Покуда человькъ ищетъ себв подругу жизни по разсулку, онъ непременно долженъ иметь въ виду: въ состоянів-ли онъ будеть солержать свое семейство? Это первая его обязанность. Бъдность самая дурвая рекомендація для жизни, самая скудвая пиша для любви. Жизнь ваша вовсе не романъ, а холодная существенность, основанная на условіяхъ общества.

- Но неужели, папа, въчно надо думать о деньгах в и выгодахъ? Неужели воображение никогда не можетъ отдохнуть на благород-

выщихъ чувствахъ серица?

- И чувства сердца должны соображаться съ приличіемъ и возможностію. Безь того это будеть бредь, бользиь, или преступлевіе. И твой князь Николай разсудиль, что, булучи самъ оченьнебогатъ, онъ дурно сдвлаетъ, если будетъ питать мечты молодой дъвушки, которыя никогда не могутъ осуществиться. Онъ сдвлался осторожные и холодине, и поступиль прекрасно.

- Напрасно онъ безпокоился, сказала Върушка: онъ можетъ быть увъренъ, что я никогда о немъ мечтать не буду и не попрошу осуществлять мои мечты. Напрасно и вы, папа, это лу-

macre. Which is the state of th - Я только вхожу въ иден молодаго человъка, а правъ-ли онъ ило натъ, это не мое дъло.

— Онъ неправъ и вы неправы.

Тутъ Сульмскій окончиль разговоръ, потому-что уже видълъ на

расницахъ Варушки слезы.

Съ того дня, какъ губернаторъ былъ въ гостяхъ у Сульмскаго, уединенная жизнь его кончилась. Всъ бросились искать его знак мства, надъясь на заступничество у князя. Многіе даже являлись къ нему съ просъбами и объщали быть благодарными. Напрасно онъ объявляль всемъ, что никогда не будеть мешаться ни въ какія правительственныя, тяжебныя и судебныя двля, что овъ дружень съ княземъ, какъ со старымъ сослуживцемъ, но что до губерпатира ему вовсе вътъ дъла. Никто не хотълъ върить, чтобъ человъкъ съ умомъ, могущій имъть вліяніе на губернатора, добровольно отъ этого отказался. По этой-то причинъ домъ Сульмскаго ежелневно былъ наполненъ гостями, -и онъ, волею, или не волею долженъ былъ съ ними бесъдовать. А какъ въ числъ друзейпросителей часто являлись и соспдки, то Върушка должна была проводить скучные вечера, толкуя съ ними о пряжъ, ткацкихъ станахъ, коровахъ, насъдкахъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Какъ радостно отлыхала она, когда гости уважали, и она, обнавъ отца своего, садилась съ нимъ за журналъ его. Тутъ она олушеugo en un rependo, valgo an Dayrunaj a craat antore somo el aum

влялась, — и часы ночи, проведенные въ этомъ занятія, быля для нея блаженныйшими минутами жизни. Часто вздилъ къ нимъ и губернаторъ съ сыномъ, но уже визи-

Часто вздилъ къ нимъ и губернаторъ съ сыномъ, но уже визиты отдавалъ одинъ Сульмскій. Върушка ръшительно отказалась отъ этихъ поъздокъ, — и отецъ не принуждалъ ее. Обхожденіе Върушки съ молодымъ княземъ приняло совершенно-церемоніальный тонъ. Сперва это удивило его, послъ разсердило. Онъ началъ всъми силами стараться ввести ее въ сношеніе взаимныхъ довъренностей, разгорячить ея воображеніе, возбудить любопытство: напрасно! Ни одна струна ея сердца не отзывалась на его усилія. Она была мяла, разговорчива, умна и—холодна.

Кто не знаетъ физіологическихъ слабостей сердца! Мы безжалостны къ невинности и неопытности; но едва встратимъ сопротивленіе, а особливо равнодушіе и холодность, то погибли. Мы уже вит себя, -и, какъ левъ въ сътяхъ, бъемся въ безсильной ярости, чтобъ еще больше запутать себя. Мололой князь былъ конечно еще неопытенъ, но по первому свиданію овъ рашилъ, что побъда надъ Върушкою была самая легкая вещь въ свътъ. Онъ признался отцу, что Върушка сдълала на него сильное впечатльніе, но ньсколько словъ, сказанныхъ старымъ княземъ (о которыхъ мы узнаемъ въ концъ) расхолодило его мечтательность. Онъ рашился быть осторожные и по-маленьку отдаляться отъ опасной красоты этой дввушки. Каково-же было его удивление, когда онъ увидълъ, что она не только не огорчается его перемвною, но еще болье его казалась спокойною и веселою! Это совершенно его разстроило. Онъ обратился на дружескій тонъ перваго свиданія, -- но ему уже не отвъчали тъмъ-же. Онъ усилилъ жаръ своихъ объясненій, намъковъ, но ихъ принимали съ улыбкою равнодушія. Онъ запымаль, заговориль о сильныхъ страстяхъ; -- но ему отвъчали общими мъстами свътской философіи. Онъ дълалея задумчивъ, молчаливъ, но его не спрашивали о причинъ дурнаго расположенія духа. А между-тъмъ, красота Върушки и ея душевныя качества все-таки были такъ очевидны и привлекательны, что по-неволь приковывали сердце юноши. Онъ опять обратился въ отцу, в тотъ, пожавъ плечами, объявилъ ему, что для него этотъ бракъ будетъ очень-непріятень, но что впрочемъ предоставляеть это дъло его собственному разсудку.

Въ это самое время явился еще соперникъ молодому князю. Это быль прівзжій изъ Петербурга адъютанть С., который долженъ быль, по какому-то порученію, прожить въ Твери насколько недъль. Онъ познакомился у губернатора съ Сульмскимъ, сдълалъ ему визить въ деревню, увидъль Върушку и сталъ вздить чаще и чаще.

Оказалось, что они уже видались въ Петербургъ, и вмъстъ танцовали на балахъ. Тогда было много хорошенькихъ и Върушка производила впечатлъніе только сравнительное; теперь-же она была одна, украшенная развитемъ дъвическаго возраста и простотою деревенскаго обращенія. И въ столицахъ С. не разъ справлялся о душевныхъ качествахъ Върушки, но цифра сто-десять всегда его пугала. Теперь онъ полагалъ для одного разсъянія заняться провинціяльною интригою, но тоже вскоръ увидълъ, что это разсъяніе доводитъ до головокруженія, и что огнемъ шутить не надо.

Какъ ви досадовалъ ввутренно молодой князь Гульбинъ на старанія прівзжаго около Вврушки, но какъ между нами съ самаго начала установилась взаимная довъренность на этотъ счотъ, то оба принуждены были продолжать играть свои роли, пересказывая другъ-другу обоюдныя надежды и неудачи. Оба шутили между собою надъ эпизодомъ своей провивціяльной жизни, —и оба однако-же чувствовали, что этотъ эпизодъ можетъ сдълаться главнымъ дъйствіемъ ихъ существованія. По легкомыслію, или по ревности, князь Николай сообщилъ своему сопернику тайну рожденія Върушки, сказанную ему отцомъ, —но и это обстоятельство, надъ которымъ молодые люди часто между собою шутили, не расхолодило ихъ страсти. Гораздо-сильнъйшимъ успокоительнымъ средствомъ для обоихъ было свъдъніе о ста-десяти душахъ Сульмскаго и, слъдственно, о въроятности безприданнаго состоянія Върушки. Къ-несчастію обоихъ, нашолся и тутъ утъщитель.

Однажды, когда губернаторъ былъ занятъ чъмъ-то важнымъ, а Сусликовъ дожидался въ канцелярій, покула его сіятельство будетъ свободенъ, сошлись тутъ-же молодой князь и С. Разговоръ тотчасъ-же зашолъ о Върушкъ и, мало-по-малу, о ея приланомъ. Слухъ стараго подъячаго былъ очень-чутокъ. Молодые люди и не замътили, какъ онъ все ближе и ближе къ нимъ подвигался и вслушивался, — и когда они начали межлу собою смъяться, говоря, что не худо-бы было какому-вибудь волшебнику дать такой хорошенькой дъвушкъ ларчикъ съ брильянтами и золотомъ, Сусливовъ вдругъ явился между ними и шопотомъ сказалъ имъ:

— Вы ошибаетесь, господа. Сульмскій богать, но онъ скрываеть свое богатство.

Сперва говорившіе изумились, поглядъли на Сусликова съ головы до ногъ и даже хотъли сказать ему что-то о неучтивости вмъшиваться въ чужой разговоръ; но слово богать тотчасъже воспламенило ихъ воображеніе, и они вступили съ подъячимъ въ разговоръ.

- Почему вы знаете, что Сульмскій богать? У него всего стодесять душь.
- Точно такъ! Но развъ одни души составляютъ богатство? А объ наличности вы не подумали. Э, э, госпола, худые-же вы политики! Спросили-бы у насъ стариковъ. Мы такъ кое-что знаemployer the attended to the country of the country
- Что-же вы знаете? Говорите.
- То, что у Сульмскаго есть секретный ларецъ, набитый золотомъ, брильянтами и жемчугомъ. Въдь онъ не даромъ-же выхолиль всь походы, быль полковникомъ...
 - Какой вздоръ! сказалъ C.
- Нътъ, извините! не вздоръ. Вамъ легко удостовъриться. Вы часто бываете у Сульмского. Найдите какой-набудь предлогь побывать у него въ спальнъ. Тамъ въ переднемъ углу подъ кивотомъ, на столикъ чорнаго дерева, стойтъ небольшой желъзный дарецъ. Онъ никогда не отпирается, и въ немъ-то лежитъ огромное боraterbo. " Hem Johnson of well collaboration at
 - Это арабскія сказки! сказаль князь.
- Нътъ, ваше сіятельство: это русская быль. Въдь я самъ сватался за Въру Александровну — в проговорился отцу ея объ этомъ дарчикъ. Но, Боже упаси. Такой скупой! Сказалъ, что изъ него ни гроша не дастъ дочери, - а пожалуй де скать половину его имънія, то-есть, пятьлесятъ-пять лушъ. Ну, вы чувствуете, что я хоть небогатый человъкъ, но не принялъ этой бездълицы. Въру Александровну можно взять и безъ приданаго.
- Какая философія і сказаль С. со смехомъ. Воть Николай Ивановичъ и еще соперникъ намъ.
- Ужъ отставной соцерникъ, отозвался Сусликовъ. И мнъ и Чубукову последовалъ отказъ.
- И Чубукову? вскричалъ С.: Боже мой! въ какой мы пріятной

Разговоръ кончился; но идея о жельзномъ ларцъ сильно подъйствовала на молодыхъ любовниковъ. Они рашились въ тоть-же день отправиться къ Сульмскому и употребить вст возможныя средства, чтобъ добиться до какихъ-нибудь свъдъній о таинственномъ ларчикъ. Congas summeros sagon?

Вздумано, сдълано.

Сульмскіе сильли за чаемъ, окружонные небольшимъ числомъ гостей, когда молодой князь Гульбинъ и С. прівхали. Всв встали, уступили имъ лучшія мъста, и разговоръ оживился. Впрочемъ,

молодые люди оба относились большею частію къ Върушкъ, а отецъ ея долженъ уже былъ занимать прочихъ гостей.

Когда отпили чай, то по условію, заранъе сдъланному междусобою, молодые люди заспорили о удобнъйшемъ распредъленіи сельскаго господскаго дома,— и кончили тъмъ, что просили у Сульмскаго позволенія осмотръть всъ его комнаты. Онъ тотчасъ-же вызвался проводить ихъ, — и они ушли. Наконецъ очутились они и въ спальнъ Сульмскаго. Тутъ одинъ брошенный взглядъ удостовърилъ ихъ, что Сусликовъ правъ. Таинственный ларецъ стоялъ именно на сказанномъ мъстъ. Оставалось какъ-нибудь узнать, что было въ немъ! Молодые люди и на это ръшились.

С. подошолъ первый къ ларчику.

— А, какъ это прекрасно придумано! Господская касса въ спальнъ помъщика, и гдъ-же? Подъ образами! Вы хорошо, полковникъ, знаете духъ Русскихъ. Ужъ, върно, никто не осмълится придти сюда для похищенія.

Сульмскій ульібнулся.

- Да! Егоръ Ивановичъ, (такъ звали С.) это сокровище на настоящемъ своемъ мъстъ, сказалъ Сульмскій. Надъюсь, что никто его у меня не похититъ. Это мое первое и единственное сокровище.
- Такъ это очень-миленькой ларчикъ. Я думаю, вы его не отдадите тысячь за сто.
 - И даже за милліонъ.
- О, о! Какая почтенная вещь... Однако извините, полковникъ, что мы втираемся въ домашнія тайны. Это вовсе нечаянно случилось...
- Мое сокровище и не составляетъ большой тайны. Три раза въ годь оно открывается. Скоро наступитъ одинъ изъ тъхъ завътвыхъ дней, и если вамъ угодно сдълать мнъ честь присутствовать при этомъ торжествъ...
- Вовсе не для этого, а во всякое время мнъ пріятно являться къ вамъ, Александръ Петровичъ...
 - Позвольте и мнъ туть быть, сказалъ князь Николай.
- O! вы еще болье имъете право быть тутъ, потому-что отецъ вашъ знаетъ, что содержится въ ларчикъ.
- Ну, это не мудрено и всякому узнать, съ улыбкою сказалъ С. Только намъ нътъ никакого до этого дъла... А когда бываетъ ваше фамильное торжество для открытія.
 - 26-го августа, 8-го ноября и 1-го января.

- A! такъ въ Новый-годъ. Ну, мы и безъ того должны явиться къ вамъ съ визитомъ.
- Любезнымъ гостямъ я всегда радъ, но не навижу церемонные визиты. Заранъе прошу извинить меня въ томъ, что въ Новый-годъ ни къ кому съ поздравленіемъ не поъду.
- Да помилуйте, къ кому вамъ и вхать. Къ саме должны являться всв...

Во-время этого разговора они вышли изъ спальни и возвратились въ гостиную. Не долго после того оставались они у Сульмскаго. Цель посещения была достигнута. Они узнали, что отецъ Върушки богатъ, что у него въ ларчикъ болъе милліона. Чего-же больше: половина этого сокровища, върно, принадлежитъ Върушкъ, и, слъдственно, она невъста хоть-куда. Планъ молодыхъ людей тотчасъ-же составленъ. Они условились быть великолушными соперниками, и предоставить счастью и ръшенію Върушки выборъ одного изъ двухъ. А какъ это уже было въ концъ декабря и времени оставалось мало, то они ръшились не дожьдаться Новаго-года, а свататься прежле, для того, чтобъ Сульмскій не подумалъ, что открытый видъ ларчика заставилъ ихъ ръшиться на этотъ шагъ.

Молодой князь явился въ тоть-же вечерь къ отцу и открылъ ему свое ръшительное намъреніе—жениться на Върушкъ. Старикъ повторилъ ему всъ доводы своего благоразумія, но ничто не помогло. Когда-же онъ прибаввлъ, что имъ будетъ нечъмъ жить, то сынъ отвъчалъ, что это дъло уже приведено въ ясность и что онъ навърное узналъ о богатствъ Сульмскаго. Подробнъе онъ не хотълъ распространяться, и унизиться въ глазахъ отца, а умоляль его только принять на себя переговоры съ Сульмскимъ.

- Сульмскій противиться не будеть, отвъчаль князь: но онъ мнъ повторить все тоже, что я тебъ уже говориль... А главное, онъ предоставить все дъло собственной волъ Върушки. Увъренъли ты, что она тебя любить?
- Если для увъренности нужны признанія, объясненія, то у меня ихъ не было; но если судить по ея обращенію, по всьмъ примътамъ... кажется, ей нельзя меня отвергнуть...
- Конечно, другъ мой. Но я все-бы совътовалъ тебъ объясниться прежае съ нею... Согласіе отцовъ, какъ оно ни прискорбно иногла, а рълко отказываетстя дътямъ. Согласіе-же аввушекъ очень-своенравно.
- Извольте, я объяснюсь... по право не знаю, какъ, гдъ и ко-гда!.. Сюда она не ъздитъ; у нихъ всегда гости и отецъ тутъ...
 - Какъ ви грустно мнъ помогать твоей глупости, но пожалуй

и устрою, это дъло. Завтра, чъмъ свътъ, пошлю звать сюда Сульмскаго, и покуда мы будемъ злесь толковать съ нимъ, ты долженъ съвздить къ Върушкъ и объясниться...

- Безподобно!-- мы вдвоемъ поъдемъ...
- Какъ вавоемъ?

Тутъ молодой князь разсказаль отцу о своемъ соперникъ С. и о взаимныхъ съ нимъ условіяхъ. — Старикъ покачаль головою.

- Какое-то предчувствіе гонорить мнъ, что твое намъреніе не сбудется, и потому-то я согласень на него. Повзжай. Искренно желаю, чтобъ Върушка, по своенравію, отказала вамъ обовмъ.
- Врядъ-ли это случится. Какой-же ей лучше партіи?
- пи Увидимъ. Провене заправления се принце в пред на сма

Разговоръ кончился, и молодой князь пошоль сочинать въ умъ своемъ завтрашнія объясненія.

nemero composata dell'acceptato de composata de composata

конець селевля св., что отсутствіе Алексийца Петролича билас на пасьство в дасе зар, ну давители, задатобо, чтобы-они могля абителя въ Вара Алексиндовій и предожить св решчиї

Vous êtes mal pour moi, vous avez quelque chose, Il faut me dire tout; vous savez, on suppose Souvent le mal et puis plus tard on est faché, Quand un malheur survient pour un secret caché.

V. Hugo.

Съ сильно-трепещущими сердцами пустились на другой день въ путь оба любовники, какъ скоро увилъли, что Сульмскій прів-халъ. Шутившіе до той минуты о своемъ романическомъ предпріятій, теперь они молчали, и оба начинали чувствовать, что дълають глупость. Каждый изъ нихъ отказался—бы непремънно отъ своего намъренія, если-бъ былъ одинъ,—но теперь каждому было совъстно. Однако-же они, мало-по-малу, разговорились и сообщили другъ-другу свои мысли. — Неловко было обоимъ вмъстъ явиться къ Върушкъ и требовать, чтобъ она одного изъ нихъ выбрала, — а потому условились они, чтобъ поочереди говорить съ нею.

ни объеменный, томоря в страсти, стаскім, руку сятов

съ нею. Съ грустною думою сидъла Върушка у замершаго окна и вышивала экранъ, — вдругъ увидъла подъвхавшія къ крымьцу сани.

Она тотчасъ-же узнала прівзжихъ и послала сказать, что Алевсандра Петровича вътъ дома. Но это не помогло. Егоръ воротился и сказаль, что молодые господа очень сожальють объ отсутствів Полковника и просять позволенія отогръться на четверть часа, чтобъ дать лошадямъ вздохнуть иля обратной ъзды. Дълать было нечего, - отказать нельзя - и Върушка спъшила поправить свой туалеть, чтобъ выйдти къ молодымъ людямъ.

Извиненія и общів фразьі были первымъ началомъ разговора:потомъ начались небольшие комплименты, пламенные взгляды, маленькія предисловія къ любовному объясненію, - и по какомуто странному расположению духа Върушки, она принимала все это съ горазло-большею благосклонностію, нежели во всъ прежнія свиданія. Это ободрило молодыхъ людей, и нападенія сдълались живъе, взгляды пламеннъе, увъренія настойчивъе. - Наконецъ, по предварительному условію между молодыми людьми, молодой князь попросилъ позволенія написать два слова къ полковнику въ кабинеть его, и тотчасъ-же удалился. Тогда уже оставшійся кандидать при тупиль съ большимъ жаромъ къ объяснению, и наконецъ сказалъ ей, что отсутствие Александра Петровича было имъ извъстно и даже заранъе устроено, для того, чтобы они могли явиться къ Въръ Александровнъ и предложить ей ръшеніе учаети двухъ страствыхъ сердецъ.

Тутъ только Върушка почувствовала всю свою силу и достоинство. Съ удивленіемъ и твердостію взглянула она на С. и смърпла его съ ногъ до головы испытующимъ взоромъ. Не-смотря на свою ловкость и опытность, С: смешался, - однако-же продолжаль свои соявчивыя объясненія, говоря о страсти, счастіи, рукъ, союзъ п прочее.

Върушка молчала и не прерывала его, покуда онъ говорилъ; когда-же краснорачие его истощились, она съ достоинствомъ от-BEQUIA CMY: SATISFULL STORE OF THE ARE NOT OF DEPONDENT ALL STORE

- Я очень-мало знаю условія свъта, в потому не могу судить, приличенъ-ли вашъ прівадъ и это объясненіе. Но не менъе того должна искренно благодарить васъ, Егоръ Ивановичъ, за честь предлагаемаго мнъ союза. Позвольте мнъ однакоже не отвъчать вамъ на это ничего, до-тъхъ-поръ, покуда я не объяснюсь съ батюшкой. Отъ него только можете вы получить ръшительный отвътъ, - и миз кажется, что вы-бы гораздо-лучше и приличите поступили, если-бы сдълали ему это предложение. Вы знасте, что я совершенно завишу отъ его воли.
 - Конечно, въ отношения приличия, согласие Александра Пе-

тровича для васъ необходимо. Но я прежде всего хотълъ обратиться къ вашему сердцу...

къ вашему сердцу... — И оно въ волъ отца моего. Я никогда не буду имъть чув-

- ствованій, которыхъ-бы онъ не одобрялъ. Это очень-похвально... Но каждый человъкъ имъетъ и свою собственную волю. Вы, Въра Александровна, можетъ-быть, болье другихъ, - и если-бъ я могъ имъть какую-вибудь надежду на собсвенное ваше сердце... — Никакой належды не могу я дать, Егоръ Ивановичъ, безъ
- согласія батюшки...
 - гласія батюшки... А мнъ-бы только ваше собственное согласіе нужно...

— Оно ничего-бы не значило безъ воли родителя.

- Извините, Въра Александровна. Я говорю не на обумъ. Мои слова имъютъ самое върное значение. Вы не вполнъ можете понять ихъ, но я не знаю, долженъ-ли говорить яснъе и открыть вамъ тайну, о которойявы до сихъ-поръ не знали.

— Какую тайну? вскричала Върушка, блъдиъя.

- Тайну вашего рожденія. Она, можетъ-быть, многимъ извъстна, вромъ васъ... — Какая? Говорите, ради-Бога, говорите!..

- Я не смъю, право... во вы сами ее поймете, если я вамъ повторю, что для выбора себъ супруга вы одни имъете полную свободу и вовсе не зависите отъ воли Александра Петровича.

— Что это значить, сударь? внъ себя вскричала Върушка. Прошу васъ, умоляю, требую .. скажите, откройте мит все.

- Кажется очень-ясно... Вы не дочь Александра Петровича.

— Не дочь!..

Она зашаталась; какой-то туманъ покрыль глаза ея; она готова была упасть. С. спешилъ поддержать ее, — во прикосновение его возвратило ей всю бодрость и силу; судорожно схватила она его за руку и не говоря ни слова, повлекла съ собою въ кабинетъ отца, гдъ молодой князь, ничего, разумъется, неписавшій, съ трепетомъ ожидалъ, чъмъ кончится объяснение его соперника. Не обратя на него вниманія. Върушка отворила бюро, съ торопливостію начала разбирать бумаги, съ крикомъ схватила одну изъ нихъ и съ блистающими отъ негодованія взорами подала ее С.-Тотъ съ недоумвніемъ взяль ее и, не читая, смотрвль на Върушку.

— Читайте, сударь, читайте въ-слухъ... Можетъ-быть и князь

Аумаетъ тоже, что и вы.

С. прочолъ свидътельство о рожденіи и крещеніи Върушки.

- Князь! что это значить? сказаль С., обращаясь къ своему сопернику. Въдь вы мнъ сообщили мнимую тайну. Съднедоумъніемъ и недовърчивостію подошоль тотъ, посмотръль на бумагу, долго разглядываль ее и, пожавъ плечами, отвъчаль тихимъ голосомъ:

— Начего не понимаю. Мнъ сказалъ объ этомъ батюшка, —а онъ не могъ обмануть меня... Развъ онъ ошибся... я, право, не знаю,

что и думать.

— А я такъ не знаю, чъмъ извинить себя предъ Върой Александровной, сказалъ С.—Повъря чужимъ разсказамъ, я сдълалъ такую глупость, что не прощу себъ во всю жизнь. — Теперь я уже не смъю возобновлять прежняго разговора. Прошу только Въру Александровну о великодушномъ прощеніи моего проступва.

Сказавъ это, онъ откланялся и—ушолъ. Князь Гульбинъ остался однако съ Върушкой и продолжалъ разсматривать роковое сви-

дътельство.

— Позвольте васъ спросить, князь, сказала Върушка: знали-ли вы, зачъмъ Егоръ Ивановичъ сюда пріъхаль?

- Не только зналъ, Въра Александровна, отвъчалъ тотъ запинаясь: но даже намъренъ былъ предложить вамъ тоже самое, и умолять васъ, чтобъ вы согласились составить счастіе моей жизни.—Батюшка далъ мнъ свое согласіе. Онъ даже сказалъ мнъ, что, въроятно, Александръ Петровичъ, по-дружбъ къ нему, не будетъ противиться моему счастію. Слъдовательно, участь моя зависить отъ васъ.
- Участь моя никогда и ни отъ кого больше зависъть не будетъ, какъ отъ моего родителя. Если онъ мнъ прикажетъ выйти за кого-бы то ни было, я повинуюсь.
- Безъ вашего собственнаго выбора, онъ никогда не дастъ подобнаго приказанія. Вы это очень-хорошо знаете. А потому, если-бъ вы удостоили своею взаимностію мои искреннія чувства...
- Извините меня, князь... я привыкла говорить съ откровенвостію. Чувствую всю цану вашего предложенія, но не смаю принять его. По моему мнанію жертвы должны быть взаимны и равны. Вы, князь, вароятно, богаты, а у меня ровно ничего натъ. Я слишкомъ-горда, чтобъ принять вашу руку, какъ милость, и слишкомъ-бадна, чтобъ вознаградить васъ за эту жертву. Притомъ-же мы слишкомъ-мало знаемъ другъ друга. Извините меня, князь...

И князь, не отвъчая ни слова, поклонился и хотълъ выйдти, – но Върушка его остановила.

Только одинъ еще вопросъ, сказала она: сдълайте милость,
 спросите сего-же дня вашего батюшку: что было причиною ужа-

сной его выдумки, на счотъ моего рожленія. Хотя вы сами вилите, какъ эта выдумка несправедлива, во я слишкомъ уважаю князя, чтобъ полагать тутъ одно легкомысліе или злость. Вы меня чувствительный ше обяжете, если увыдомите подробно обо всемъ, что могло ему дать поводъ къ полобной мысли.

Молодой князь опять поклонился и, не сказавъ ни слова, вы-

шелъ. Въ залъ ждалъ его С.-и они отправились вмъсто.

Долго вхали они молча. Наконецъ уже на половина дороги С. ATTENTONIA MARCHANIA SERVICE S расхохотался.

— Что, князь! сказалъ онъ. Мы, кажется, съ тобою оба въ дуракахъ, - оба съ носомъ. Да, насъ въ Петербургъ засмъютъ!

— Э, братецъ! Ничего-бы этого не было, если-бъ ты не выболталъ ей о тайнъ ея рожденія. Это ее совершенно разстроило, -и ужъ тутъ, разумъется, не до объяснений. Но повърь, что все это обдълается. Мы, кажется, поторопились, вотъ и все.

— Но что-жъ значитъ мнимая твоя тайна?

— Не постигаю. Отецъ мой не могъ солгать, не могъ говорить на-обумъ. Опъ ввъриль мнъ это поль величайшимъ секретомъ, и еще вчера повторилъ тоже самое два раза....

— Но бумага, это свидътельство... развъ ово поддъльное?

— Нътъ, и это невъроятно... Отецъ мой долженъ все этэ рвшить. Тотчасъ-же по прівзяв я скажу ему...

— А Сульмскій! Въдь онъ тамъ.

Разговоръ ихъ не продолжался долже, потому-что въ эту самую минуту поравнялись съ ними сани, вхавшія имъ на-встрачу.

Стой, стой! Закричалъ знакомый голосъ.

Это былъ Сульмскій. Онъ выскочиль изъ саней и бросился къ молодымъ людямъ. Съ перваго взгляда заметно было, что онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Откуда вы господа? спросилъ онъ.

- Отъ васъ, Александръ Петровичъ, с князь.
 - Что-жъ миъ доставило честь вашего посъщенія?

— Батюшка мой, върно, разсказаль уже вамъ причину нашей

- поъздки. Она была предпринята съ его согласія...
 Онъ не имълъ викакого права давать позволеніе на это. Поступокъ вашъ былъ самый необдуманный... Едва только отецъ вашъ сказалъмнъ о вашемъ вздорномъ предпріятіи, какъ я бросился въ сани и поскакалъ домой....
 - Если предпріятіе наше можно назвать легкомысленнымъ, то

оно не вмъетъ однако-же ничего предосудительнаго. Союзъ на-

- Я это знаю, сударь... Но являться къ дочери съ любовными объясненіями во-время отсутствія отца,—это почти тоже, что ночное нападеніе... Бълная Върушка, я думаю, перепугалась...
- Можете быть увърены, Александръ Петровичъ, что съ нашей стороны соблюдена была всевозможная осторожность и приличіе... и Въра Александровна не только не смъщалась отъ нашихъ объясненій, но еще заставила насъ замолчать...
- Какъ! вскричалъ съ радостнымъ движеніемъ Сульмскій. Вы получили отказъ?..

— Если не рашительный, то, по-крайней-мара, такой, что мы не

скоро осмълнися возобновить свое искательство.

— Очень-жаль, господа, очень-жаль, — сказалъ Сульмскій перемънввъ варугъ сердитый свой голосъ на самый дружескій. — А мнъ-бы пріятно было... Впрочемъ это не помъщаетъ нашему знакомству... Надъюсь, что вы по-прежнему будете навъщать меня...

Молодые люди, образованные такимъ внезапнымъ оборотомъ дъла, готовились отвъчать утвердительнымъ образомъ, —вдругъ къ нимъ присоединилось еще четвертое лицо. Сани, быстро скакавшіе изъ города, остановились и изъ нихъ выскочилъ старикъ—князь.

- Что вы туть делаете? вскричаль онъ... А я тотчасъ-же погнался за тобою, Александръ. Ты какъ общеный отъ меня увхалъ, не далъ мив хорошенько поговорить съ тобою. Я боялся за молодыхъ людей и поскакалъ вслъдъ за тобою...
- Нътъ, батюшка! отвъчалъ молодой князь: Александръ Петровичъ сейчасъ только говорилъ намъ, что, не-смотря на полученный нами отказъ, мы должны по-прежнему посъщать его домъ..
- Разумъется, прибавилъ Сульмскій. Сватовство кончено, дружба остается. Я точно вспылилъ въ первую минуту. Нельзя, тавая ужъ военная натура. Я боялся, что они перепугаютъ Върушку... Вышло противное... Олнако, что-жъ мы тутъ, господа, остановились на снагу и на большой дорогъ? Это самое неудобное мъсто для дружескихъ разговоровъ. Поъдемте лучше ко мяъ. Тамъ поговоримъ на досугъ... и, можетъ-быть, я помирю молодыхъ вътренниковъ съ моею дочерью.

Всъ согласились — и трое саней быстро покатили къ Сульмско-

My.

Съ изумленіемъ увидъла Върушка прівздъ гостей. Быстро осушила она слезы, которыя цълый часъ проливала, сама не зная почему, — и радостно бросилась на шею отцу, который, оставя гостей въ заль, поспъшиль къ ней въ спальню.

— Ты плакала, Върушка. Что это эначить? спросиль онъ съ

- Ты плакала, Върушка. Что это значитъ? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.
- безнокойствомъ.

 Ничего, папа.— Сама не знаю... но вы со мной—и слава Богу.

 Что эти вътренники тутъ надълали? Только старый князь
- Что эти вътренники тутъ надълали? Только старый князь мив сказалъ о ихъ предпріятіи, какъ я бросился отъ него, сълъ въ сани и поскакалъ сюда. Какая глупость! Развъ можно свататься такимъ-образомъ? Я боядся, что ты перепугаешься... Ну, что-жъ ты имъ отвъчала?
- Что я принадлежу вамъ однимъ, и что только одно повиновение къ вамъ можетъ меня принудить выйдти за-мужъ.
- Они мнъ сказали, что ты ръшительно имъ отказала. Это конечно, твоя воля, я тебя никогда принуждать не буду... Но надобно-жъ однако изъ приличія сохранить ихъ знакомство... А то подумаютъ, что я не хотълъ выдавать тебя за-мужъ. Я воротилъ ихъ.. Выйди къ нимъ и будь съ ними ласковъе...
- Ни за что въ свять, папа. Я ихъ ненавижу. Вы не знаете, что они мнъ сказали!
- Что такое! съ изступленіемъ вскричалъ Сульмскій.
- Они меня стали увърять, что я не дочь ваша...

Сульмскій побледнель и хотель броситься изъ спальни.

— Куда вы, папа? успокойтесь ради Бога! вскричала Върушка. Вы вит себя. Можете надълать бъдъ...

Сульмскій воротился и трепещущимъ отъгнава голосомъ спросиль:

- Чъмъ-же хотъли они доказать это?
- Ничемъ. Они ссылались только на стараго князя, который булто-бы объявилъ это своему сыну... Можете вообразить себъ гневъ мой. Я какъ сумасшедшая бросилась къ вашему бюро, отыскала свидетельство и показала вмъ.
 - Что-жъ они?
- Увърились въ своей несправедливости, просили извиненія... Не помню ужъ, что я имъ отвъчала, только они уъхали, а я все плакала. Слава Богу, что вы прівхали... И прекрасно, что вмъстъ съ ними. Теперь при старомъ князъ, скажите имъ, папа, что это гнусная ложь, выдумка, клевета...

Върушка остановилась. Съ взумленіемъ увилъла она, что отецъ ея ходитъ по комнатъ, погружонный въ глубокую залумчивость. Нъсколько минутъ продолжалось обоюдное молчаніе. Наконецъ

Сульмскій трепещущимъ голосомъ сказалъ дочери, чтобъ она шла къ гостямъ и позвала стараго князя къ нему для объясненія. Върушка, только за минуту предъ тъмъ объявившая, что ни за что въ свътъ не выйдетъ къ нимъ, теперь, по какому-то странному чувству, повиновалась. Какъ осужденная на смерть, вышла она въ залу и объявила губернатору, что отецъ ея проситъ его на минуту въ спальню. Тотъ сказалъ сперва нъсколько ласковыхъ и извинительныхъ словъ Върушкъ и потомъ отправился.

Можно вообразить себъ положение оставшихся молодыхъ людей. Долго накто изъ нихъ не смълъ начать разговора. Наконецъ однако-же приличие требовало, чтобъ не оставлять Върушку въ такомъ тягостномъ состояни, и С. первый подошолъ къ ней и объявилъ, что они возвратились такъ скоро единственно по приглашению отца ея. Молодой князь тоже ръшился продолжать разговоръ и разсказалъ о встръчъ съ Сульмскимъ и о его словахъ на-счотъ продолжения знакомства обоихъ семействъ.

Наконецъ и Върушка прервала молчаніе. Она чувствовала, что условія свъта требовали и отъ нея усилія, —а потому сказала, что ей всегда будетъ пріятно видъть ихъ въ домъ ея отца Мало-помалу общими силами продолжали начатой разговоръ, стараясь его полдерживать всъми общими мъстами, какія только каждый могъ придумать. Замътно было однако-же, что Върушка безпрестанно смотръла на дверь, изъ-за которой ожидала появленія отца своего

и стараго князя.

Наконецъ и тъ вышли. Оба казались въ довольно-лурномъ расположении духа. Это однако-же не помъщало имъ начать самый незначительный разговоръ, во-время котораго Сульмскій сказаль Върушкъ, чтобъ она занялась хозяйствомъ для угощенія хорошимъ объдомъ любезныхъ гостей. Та ушла. Слезы снова полились изъ глазъ ел,—но она продолжала заниматься приготовленіемъ къ объду.

Не-смотря на всеобщія усилія, чтобъ оживить разговоръ, видно было, что все присутствующіе заняты вовсе другими мыслями. Всехъ печальные была Върушка, потому-что она и не старалась

скрывать своего расположения.

Послъ объда всв разъвхались, и Сульмскій съ Върушкой остались одни. — Могла-ль она когда-нибудь вообразить себъ, что въ то время, когда она будетъ съ отцомъ наединъ, сердце ея будетъ объято тягостнымъ, мучительнымъ чувствомъ! Напрасно ожидала она, что во-время объда онъ изобличитъ ужасную выдумку молодыхъ людей: онъ и не упомянулъ объ этомъ. Тщетно и теперь ожидала она объясненія его загадочнаго поведенія; онъ ходиль взадъ и впередъ по комнать, и молчаль. Что ей оставалось дълать? Горестныя предчувствія волновали грудь ея. Ей страшно уже было спросить, еще страшнье узнать тайну своей судьбы. Невольные потоки слезъ омочили ея щоки. Сульмскій увидълъ страдальческое положеніе Върушки и, остановясь съ безмолвною грустію, смотръль на нее.

— Не плачь, милый другь мой, сказаль онъ ей... Скоро все объяснится. Я объщаль и князю,—ничего не скрывать отъ тебя...

Върушка подняла на отца взоры свои, полные слезъ.

- Что-жъ это значитъ? спросила она. Какая-же ужасная тайна лежитъ на моей судъбъ? Только одно слово скажите мнъ и больше мнъ ничего не надобно. Дочь-ли я ваша?
- Если ты меня любишь, какъ дочь, то я навсегда буду нъжнъйшимъ отцомъ твоимъ.
- O! ради Бога! Не отвъчайте такимъ мучительнымъ образомъ, вскричала она. Дочь-ли я ваша? Умоляю васъ всъмъ святымъ, говорите.

Сульмскій опустиль голову, и насколько минуть молчаль; потомъ взяль Върушку за руку, молча повель въ свой кабинетъ отперъ бюро, подавиль скрытную пружину, вынуль изъ потаеннаго ящика связку бумагь, заперь его опять, отдаль Върушкъ вынутыя бумаги и, обнявъ ее съ нъжностію, ушолъ.

Нѣсколько времени смотръла она, то за ушедшимъ, то на оставленныя имъ бумаги. Она иредвидъла, что въ этихъ бумагахъ заключена вся тайна ея. Сердце ея сжалось невъдомымъ, мучительнымъ чувствомъ. Она упала на близь-стоявшія кресла и долго оставалась въ полубезчувственномъ положеніи... наковецъ ръшимость и любопытство одержали верхъ. Она осушила слезы, и твердою рукою взяла бумаги. Она тотчасъ-же узнала руку Сульмскаго. Это былъ походный журналъ его, и именно того времени, котораго Върушка никогда не могла отыскать. Съ трепещущимъ сердцемъ и возрастающимъ любопытствомъ прочла она слъдующіе листки.

NAME OF THE POST OF THE PARTY O

Openior state summer is not on course Prince makes a re-

station for the transfer of the second state o

глава уні

Быль въкъ чудный, дивный въкъ, Громкій, величавый; Быль огромиый человъкъ Расточитель славы! То быль въкъ богатырей!

Давыдовъ.

«15 ноября (1812). Какой удивительный переворотъ военнаго счастія! Кто-бы сказалъ, за два мтсяца тому назадъ, когда мы, послъ трехъ-мъсячнаго, безпрестаннаго отступленія отъ береговъ Нъмана до Калужской Губервій, остановились наконецъ въ Тарутинскомъ лагерь и, поникши головами, разсуждали, за вечерними кострами, какая судьба ожидаетъ теперь наше горестное отечество, кто-бы изъ насъ повърилъ тогда, что черезъ два мъсяца мы будемъ на берегахъ Березины, и грозный повелитель Европы, стъсненный ото-всюду нашими побъдоносными войсками, будетъ въ опасности потерять жизнь и свободу?

А кажется, нътъ ему спасенія! Какъ все прекрасно придумано! Какъ превосходно приведено въ дъйствіе! О, добрый, великій мой Багратіонъ! Зачамъ нать тебя въ живыхъ! Какъ-бы теперь порадовалась высокая твоя душа! Я помню твое геройское негодованіе после оставленія Смоленска, помню великодушную печаль твою послъ знаменитаго Бородинскаго двя. Не бользнь твоей ужасной раны, не предчувствие близкой смерти, заставили тебя стонать и сокрушаться. Ты сокрушался объ участи святой нашей родины, ты плакалъ о плънъ и пожаръ Москвы, ты безнадежно смотрълъ въ будущее. И вотъ что ускорило твою кончину! Безвозвратна была твоя потеря для Россіи. А для меня!... О Боже! и теперь я все-еще плачу, какъ дитя, вспомнивъ о тебъ, мой любимый, мой герой, добрый мой начальникъ!... Теперь, теперь-то именно не достаетъ тебя. Теперь, когда неимовърными усиліями, неслыханными пожертвованіями отечества, когда твердою великодушною решимостію Царя, когда мудрою опытностію вождя и непоколебимою грудью воиновъ и народа, святая Русь перемогла тяжкую голину испытавія, и стряхнула съ себя уныніе, грянула праведною местію на злобнаго пришельца, и наконецъ, окружа его отовсюду твердыней русской создатской груди, готовитъ ему планъ вли смерть. О, какое великое, радостное мгновеніе! И завтра все это рашится. Невароятно, непостижимо! Потомство не поваритъ разсказу всъхъ чулесъ нашего времени. — Этотъ могучій геній войны, этотъ великій завоеватель, который раздаваль царства п короны своимъ сподвижникамъ, ранулся съ силами всей Европы ва Россію, - в какъ жгучій вътеръ аравійскихъ пустывь, прошоль, въ три мъсяца, отъ Ивмана до ствиъ Москвы. Все казалось погвбшимъ. Ни одинъ голосъ во вселенной не возвышался за умирающую Русь. Не многіе жальли о ней, -и то въ-тайнь. Мы сами, воины отчизны, съ радостію готовые пролить за нее последнюю каплю крови, мы отчаявались въ ся спасеніи. Одинъ великодушный Государь нашъ, онъ одинъ пребылъ твердъ. - Онъ одинъ помниль свое великое слово: не положить оружіл, доколь ни одного испрілтельскаго воина не останется въ его предвлахъ. О, незабвенный, благословенный Монархъ! Ты одинъ зналъ силу своего народа! Ты одинъ предвидълъ свое близкое торжество. Ты одинь спасъ Россію!

Графъ Ватгенштейнъ расположенъ у насъ въ-право. Полкъ мой служитъ связью между имъ и авангардомъ Платова. — Сквозь корпусъ Витгенштейна Наполеовъ не пробьется. Тотъ уже привыкъ къ побъдамъ. — Когда мы съ главною арміею унывали отъ безпрестаннаго отступленій, Витгенштейнъ одинъ поражалъ французскихъ маршаловъ. Овъ не пропуститъ Наполеона. Да и не куда, если-бъ и удалось злодъямъ туда прорваться. Назадъ, противъ Платова и Кутузова еще менъе можетъ онъ что-либо предпринятъ. Вперели-же Березина съ шумящамъ по ней льдомъ, крутыми берегами, топкими окрестъ болотами и русскою арміею на другомъ берегу. Чичаговъ также не пропуститъ Наполеона. — Тамъ ждутъ его тъже самые дунайскіе герои, которые не давно сще уничтожили съ Кутузовымъ цълую турецкую армію.

Уже полночь. Лежу въ какой-то лачужкъ, съ которой спяли уже соломенную крышу. Предо мною стоитъ фонарь на лавкъ. А я почти лежа пишу эти строки. Гдъ буду писать ихъ завтра? Бу-ду-ли еще въ состояніи писать ихъ? Не окончится-ли мой журналъ вмъстъ съ жизнію? И о чомъ буду я писать? Что буду разсказывать? Великъ завтрашній день. Я имъю приказаніе не терять изъ виду непріятеля, а въ случав битвы примкнуть съ полкомъ къ лъвому флангу Витгенштейна. Что, если-бъ судьба подарила мнъ одного илъннаго изъ всей этой громады пепріятельскихъ силъ! Одного бы только Кто знаетъ!...

Лачужка моя стоить у самаго обрыва в в волны Березины. Если-бъ по долгу службы я не обязанъ былъ бодрствовать во всю ночь, то и тогда шумъ отъ льдинъ, которые упираются въ берегъ, трещатъ и ломаются, не далъ-бы мнъ уснуть. Темнота ужасная. Хододный вътеръ проникаетъ сквозь бурку. А огня не велъно раскладывать.

Разъвзды донесли мяв, что верстахъ въ четырехъ слышна свльная стукотня отъ рубки лвса, и замътно большое движеніе непріятельскихъ войскъ по этому направленію.—Не строитъ-ли тутъ Наполеонъ мосты? Я, конечно, не могу воспрепятствовать, но послаль однако-же донести Атаману и Витгенштейну. Платовъ тоже не въ состояніи помъщать,—но Витгенштейнъ... Увидимъ! Главное дъло, чтобъ Чичаговъ узналъ объ этомъ. О! навърное узнаетъ. Казаки разсыпаны по всему берегу Березины...

Нъсколько удалыхъ Донцовъ вызвались прокрасться въ темнотъ къ самому тому мъсту, гдъ производится работа. Съ Богомъ!

Разсвътаетъ. Движеніе непріятельскихъ силъ увеличивается. Густыя колонны тянутся къ Веселову. Что-то будеть!

Удалые мои возвратились. — Догадки были справедливы. Наполеонъ построилъ два моста, и переправа началась. Но я не върю этимъ людямъ. Они говорятъ, что на томъ берегу, кромъ казаковъ, они никого не видали. Неужели молдавская армія не караулитъ злодъевъ. Нътъ! Върно она хочетъ допустить часть французской арміи на ту сторону, и тогда уже общими силами съ Витгенштейномъ ударить на нихъ. Прекрасно! Нътъ злодъю спасенія!

46 иолбря. Вотъ прошолъ и знаменитый день Березанской-переправы!

University of Reports of the continue of the first that the

Не такъ-ли въ свътъ всь человъческія ожиданія и разсчоть! Все казалось такъ хорошо обдумано, устроено... и что-жъ?.. Наполеонъ прошолъ. — Конечно, дорого овъ заилатилъ за свою удачу. — Но все-таки спасся. Отъ-чего все это произошло? Незначущій подполковникъ не можетъ теперь вполнъ знать ни общихъ плановъ, ни возможностей. Значитъ Наполеонъ былъ сильнъе, нежели мы предпогали. И послъ всъхъ ужасныхъ потерь отъ Москвы до губительныхъ дней Краснаго, върно, овъ все-еще сохранилъ сильную армію. — Всъ однако-же ронщутъ, потому-что всеобщія ожиданія не сбылась. Не такъ-ли-же точно и въ первые мъсяцы вой-

ны всъ мы роптали, что намъ безпрестанно велятъ отступать, что не дадутъ русскому штыку поразгуляться! А вышло на повърку, что мудрость водила движеніями нашей арміи. Если-бъ подъ Бородинымъ не было назади насъ такъ близко Москвы, то и тогдабы, кажется, рано было вступать въ генеральную битву. И теперь, когда силы злодъевъ истощены всъми возможными бъдствіями народной войны, поспъшнаго отступленія и ужасныхъ пораженій, они еще успъли пробиться сквозь Чичагова.— Непостижимо!

Рано по-утру началъ напирать Витгенштейнъ на отступающія

Рано по-утру началъ напврать Витгенштейнъ на отступающія колонны, —но онъ мужественно отражали его. Будучи на оконечности нашего лъваго фланга, я съ полкомъ моимъ два раза дълалъ нападенія во флангъ непріятеля, но онъ былъ слишкомъ-силенъ. А между-тъмъ, въ виду моемъ тянулись по мостамъ колонны. Правда, что съ праваго фланга били по нимъ сильныя баттарен, — но съ противоположнаго берега отвъчали также сильнымъ отнемъ, а колонны продолжали идти. На другомъ берегу слышна была также цълый день пальба, но непріятель все продолжаль идти, слъдственно, молдавская армія не задерживала его. Какое несчастіс! Наилучшее соображеніе всей компаніи не удалось. А почему? Время откроетъ.

Уже подъ-вечеръ успъли наконецъ баттарен Витгенштейна разрушить одинъ мостъ переправы, — и всъ обозы остались на нашей сторонъ. По другому продолжали тануться послъднія отступающія войска, не заботясь о тысячахъ своихъ товарищей, осужденныхъ на гибель...

Мнъ дано было приказаніе ударить на прикрытіе обоза, —и въ минуту вся эта жалкая горсть защитниковъ и собственнаго, и награбленнаго на Руси имънія, положила оружіе. — Какая ужасная картина представилась тогда! Нътъ, чувствую, что никакое перо не въ-силахъ описать ее.. Я пашу не для исторіи, не для печати, и вовсе не занимаюсь изысканіемъ фразъ. Какъ приходять въ голову, такъ и ложатся на бумагу. Но сколько ни напрагаю своего воображенія, не могу изобразать картины ужасовъ этой переправы. Туть надобно самаго холоднаго историка, — и если онъ опишетъ самые простые факты сегоднишнихъ событій, то это будеть самая высокая эпопея. Грозно, ужасно! Я, русскій солдатъ, видъвшій развалины и пепелъ русскихъ городовъ и сель отъ Нъмана до Москвы, кипящій ненавистію къ злодъямъ, внесшимъ смерть и опустошеніе въ мое отечество, я сегодня сожальль объ этихъ несчастныхъ, страдаль за нихъ душою, спасалъ ихъ, гдъ и сколько могъ. И надобно отдать честь моимъ солдатамъ. Всъ они раздъля-

ли мои чувства. Ни одинъ не постыдилъ своего оружія пораженіемъ слабаго и несчастнаго врага.

На пространствъ нъсколькихъ верстъ сгромоздились всъ обозы французской арміи. Подъ словомъ обозы, не надобно полагать, что это казенныя, полковыя фуры съ провіантомъ, казною и вмуществомъ Французовъ, какъ у насъ, — нътъ! Эго всъ и всякаго рода экипажи, насильственно собранные Французами по Россіи, отъ Нъмана до Москвы, со всъми возможными предметами роскоши, награбленными въ городахъ и помъщичьихъ домахъ. Тутъ ривы съобразовъ содранныя святотатственною рукою злодвевъ, лежали подлъ книгъ безбожія и разврата; тамъ парчевыя одежды священвиковъ покрывали последній запасъ муки и сухарей; тугъ груды русскихъ ассигнацій валялись съ кухонною посудою; мъха, шали, шолковыя платья, шитые мундиры, книги, картины, вазы, фарфоровая посуда, сапоги, шляпки, самовары, и сверхъ всего этого.... груды женщинъ, дътей, служителей, раненныхъ воиновъ. Вотъ что составляло главную массу французскаго обоза! Остальное составляли зарядные ящики, артиллерійскіе и полковые, которыхълошали не могли уже везти и которые охраняемы были нъсколькими сотнями человъческихъ тъней, державшихся за оружіе для того только, чтобъ устоять на ногахъ.

И вся эта масса, нахлынувшая къ березинской-переправъ въ ту самую минуту, какъ баттарен Витгенштейна разрушили мостъ, назначенный для ся перевзда, все болье и болье тыснилась къ берегамъ. Напрасно передніе кричали, что моста уже вътъ, что переправиться нельзя: задніе не върили, продолжали тъсниться впередъ, и движеніемъ своей массы, низвергали съ крутыхъ береговъ переднія линіи своихъ соотечественниковъ. — Стонъ, вопли, проклятія, молитвы, раздирающіе крики утопающихъ - все это страшно смешивалось въ воздухе и составляло какой-то гуль, неностижимый, грозный, неумолкающій.- Многіе изъ несчастныхъ. видя себя преданными во власть Русскихъ, старалися перебираться чрезъ плывущія льдины в, обрушиваясь, исчезали въ волнахъ; другіе-же безотчотно бродили по берегу и, потерявъ уже, отъ голода и страданів, всв чувства, безтренетно смотръли на картины гибели и ужасовъ. Нъкоторые наконедъ, не постигая своего положенія, очень спокойно располагались ужинать и ночевать на бивакахъ. Они разводили огни у самыхъ пороховыхъ ящиковъ; срывали съ вихъ крышки для растопки, - и когда, отъ разлетающихся искръ, пороховые яшики взлетали на воздухъ, поражая и увъча несчастныхъ, прочіе расходились и разводили огонь въ другомъ мъстъ, гдъ ихъ ожидало тоже самое.

Я, съ полкомъ, все болве и болве стъснялъ эту нестройную массу къ берегу ръки. Но когда увидълъ, что сопротивленія неотъкого ожидать, остановиль солдать. Со взводомъ уданъ и сотнею Донцовъ, пробрадся я къ самому берегу, — и началъ тутъ спасать несчастныя жертвы...

Вдругъ странное зрълюще поразило меня. Съ противулежащаго берега ринулся въ волны какой то вседникъ, — и не-смотря на ледъ, шедшій по ръкъ, старался перебраться на нашу сторону.

- Не прикажите-ли спустить его, ваше высокоблагородіе? спросилъ одинъ изъ Донцовъ, прицъливаясь въ него своимъ пистолетомъ.
- Какъ тебъ не стыдно, братецъ? Онъ одинъ, а насъ больше ста, отвъчалъ я.
- Виноватъ, ваше высокоблагородіе... Такъ неприкажите-ли помочь ему. Лошадь его не вынесетъ. Видите какъ отнесло... Конь долженъ быть славный... Однако-же храпитъ и изъ силъ выбивается. Скоро ко дну пойдетъ.
- Коли, не дълая себъ вреда, можешь помочь, такъ дъло будетъ христіанское.
- Силорка! закричалъ Донецъ своему товарищу: переймемъ этого налета. Спускайся...

Сказавъ это, Донцы спустились съ берега и поплыми по ръкъ. Не постигаю мужества, искусства и счастія этихъ людей. Если-бъ долгъ службы повельваль миж сдълать тоже, я-бы конечно сдълаль, во, навърно-бы, погибъ. А ови — изъ одного удальства производили чудеса. То отпихивали пиками льдины, то помогали другъ другу, то ложились со всъмъ плашмя на лошадь, то подшучивали другъ надъ другомъ...

Плывшій всадникъ замьтилъ ихъ и нарочно направилъ коня своего прямо къ нимъ. Но благородное животное уже изнемогало. Еще-бы минута и оба пошли-бы ко дну.—Но козаки нолъвхали... Одинъ схватилъ коня за уздцы и началъ поддерживать морду, другой отпихивалъ льдины и выдерживалъ стремленіе воды. Не могу ужъ описать, какъ они достигли обратно до берега, — только чрезъ нъсколько минутъ передо мною стоялъ уже молодой французскій полковникъ гвардейскаго конно-егерскаго полка.

- Говорите-ли вы по-французски? спросилъ онъ у меня.
- Говорю: что вамъ угодно.
 - Вы не начальникъ-ли здъшняго поста?
- Точно-такъ. Мой полкъ составляетъ здъсь отдъльный отрядъ.

- Могу-ли я говорить съ вами какъ человъкъ съ человъкомъ. а не такъ какъ Французъ съ Русскимъ.

- Дай-Богъ, чтобъ вы, господа, начиная съ вашего Императора, помнили въ продолжение всей войны, что вы люди. Къ-сожальнію, дъла ваши доказывають противное.

- Г. полковникъ! я не оправдываю и не обвиняю никого. Я только хочу вь васт найти человька съ сострадательнымъ серд-Henry and the total and the state of the sta

— Всв Русскіе гордятся этимъ качествомъ. Говорите, что вамъ

- VIOAHO. OF VETER OF STREET, ST - Прежде всего позвольте спросить, почитаете-ли вы меня
- военноплъннымъ?
 Кажется, мы въ войнъ, —а вы очутились между Русскими...
- Но вы видъли, что я добровольно првшолъ и даже съ опасностію моей жизни. Послушайте, каждая минута дорога. Я полковникъ Жюрлонъ. Только за нъсколько мъсяцевъ до похода женился я; жена моя последовала за мною, и въ продолжение всего похода, жила въ Вильнъ. Только недавно, обманутая ложными слухами, что мы заняли зимніл квартиры въ Смоленскъ, она пріъхала ко мнъ. Вообразите весь ужасъ моего положенія! Два дни тому назадъ — она родила. — Не только помощи и спокойствія не могъ я ей доставить, -- даже въ пищъ нуждалась она. До сегодняшней переправы честь и долгъ держали меня при полку. Дъло шло сегодня не о семейныхъ несчастіяхъ, а о спасеніи всей арміи и особы Императора. Но завтра-же я хотълъ везти жену мою въ Вильну. Король Іоахимъ далъ мнъ свою карету для этого, - и вдругъ я узнаю, что всъ обозы великой арміи остались за Березиной. -Жена моя и новорожденной младенецъ тутъ-же. Нужно-ли говорить вамъ еще что-нибудь? Вы понимаете весь ужасъ моего положенія. Полковникъ! Если въ васъ есть искра человъколюбія, то дозвольте мнъ отыскать жену мою и дитя; позвольте поручить ихъ хоть вамъ-же самимъ до первой возможности ея переъзда за границу. Умоляю васъ, полковникъ, всемъ священнымъ...

— Кончите ваши фразы, — онъ излишни. Я знаю свой долгъ и исполню его. Повдемте. Козакъ! Дай полковнику свою лошадь и покуда мы съ нимъ вздимъ, накорми и обсущи его коня. Егоръ (это мой деньщикъ...) Подай сюда мою теплую шинель. Полковникъ! Скиньте ваше мокрое платье, его здесь высущатъ. Надъньте

- Вы добрый и благородный человъкъ, -- но что мнъ за дъло до моего здоровья!.. моя жена, мое дитя!..

-- Для нихъ-то и нужна ваша жизнь. Прошу васъ, г. полков-

някъ, надъвайте скоръе и поъдемте. Полвзвода оставайся здъсь. Остальные со мною! Козаки! впередь! Очищай дорогу!

Мы двинулись къ обозу. Какъ изступленный бросился мой товарищъ по всемъ повозкамъ и всехъ распрашивалъ объ обозъ гвардейскаго конно-егерскаго полка. Долго не могъ никто скавать ему объ этомъ, потому-что все перемъщалось и всякой остался на томъ мъстъ, гдъ голодъ и усталость заставили его опуститься на землю.-Почти не возможно было провхать. Я мало-помалу оставилъ весь свой конвой, и почти одинъ съ моимъ товаращемъ бродилъ между сонными, мертвыми и немногими еще бодретвующими Французами. Какъ-бы легко могъ каждый изъ нихъ убить меня, -- но никто не обратилъ на насъ и вниманія. --Едва отвъчали они на распросы моего товарища, который для этого будилъ даже сонныхъ. Изръдка встръчалъ я и Русскихъ, прогуливающихся по этому обозу. Наиболье-же встрычаль я вонновъ ополченія. Цълая дружина была послана для очищенія дороги, во трудъ былъ исполинской. Съ любопытствомъ смотрели они на моего спутника, и по взглядамъ ихъ видно было, что если-бъ не я, то пули этихъ бородатыхъ героевъ давно-бы ужъ ссадили его съ Ama managera save mageonaria

Наконецъ поиски наши увънчались успъхомъ. Французскій пол-

ковникъ открылъ свою коляску. Не могу, не смъю описывать этой сцены. Сердце мое обливается кровію, глаза наполняются слезами. Бъдная женщина! Несчастное дата!-Мало того, что она, послъ трудныхъ родовъ, едва могла полнять голову отъ слабости и бользни; мало того, что уже другой день питалась одними сухарями съ водой; что прислуга ся давно скрылась, или была убита; что ея-же соотечественники при глазахъ ея выбрали у нея изъ коляски все, что только можно было. -Къ-довершению всъхъ несчастий, при взрывъ одного заряднаго ящика, наполненнаго брандскугелями, одинъ осколокъ съ визгомъ пролетълъ мимо самой страдалицы и сильно повредилъ ей плечо.

Боже мой! Какое ужасное положеніе! И она не жаловалась, не плакала! Она только радовалась, видя своего мужа, и безпрестанно давала цъловать ему сонное дитя, которое, не-смотря на всъ ужасы, около него совершавшиеся, спало сладко и...

О! эгой сцены не забуду я во всю жизнь. — Какъ я буду внутренно смъяться, когда столичная причудница скажетъ мнъ: Какъ я нестастна! Какой у меня жестокой мигрень! Какъ презрительно посмотрю я на честолюбца и лихоимца, которые почитаютъ себя самыми несчастными въ свътъ людьми, если планы ихъ разрущаются! Несчастіе! Какое странное слово въ общественной жизни, какое жестокое элоупотребленіе дълають изъ него люди! Н-бы привель этихъ мнимыхъ несчастливцевъ къ Березинской-переправъ, указалъ-бы имъ ту картину, которая была у меня предъ глазами и спросилъ-бы ихъ: понимаютъ-ли они, что такое несчастіе?

И однакоже ни полковникъ, ни жена его не жаловались на сульбу свою. Они обнимались, утъщали, услокоивали другъ друга и цъловали свое дитя. О будущемъ они не говорили ни слова. Будущаго у нихъ не было.

— Г. полковникъ, сказалъ мнъ наконецъ Французъ, подойдя ко мнъ: я-бы васъ спросилъ, какъ намърены вы поступить съ намъ, — но благородная слеза, нависшая на вашихъ ръсницахъ, отвъчаетъ мнъ за васъ. Она мнъ говоритъ, что предо мною — не врагъ мой, не Русскій, а братъ мой и другъ.

Я не отвъчалъ ни слова: сердце мое было слишкомъ-полно. Я подалъ только ему руку, — а другою отеръ слезу, катившуюся по щекъ моей.

Тогда онъ обратился къ женъ и въ короткихъ словахъ разсказалъ ей, что поручаетъ и ее и дочь свою на мое попеченіе. Теперь только взглянула она на меня. Да этой минуты ей и въ голову не прашло, что есть свидътель ихъ свиданія. Боязливо спросила она теперь мужа: куда-же повезутъ ее?

- Мы въ двухъ миляхъ отъ Борисова, отвъчалъ я. Завтра-же по-утру я перевезу васъ, сударыня, въ этотъ городъ, и все, что только вужно будетъ для вашего спокойствія...
- О ради-Бога! не для меня, вскричала она, прерывая слова мон: только для моей лочери умоляю я о вашей помощи. Я только за нее боюсь... Разбойники отняли у меня недавно всю теплую одежду и послъдню пищу...
- Боже мой! Кто смълъ это следать! вскричалъ я. Неужели Русскіе!..
- О натъ, сударь! Къ стыду нашему, это были Француы. —Вашихъ пъшихъ козаковъ * видъла я недавно, многіе заглядывали въ коляску, — и я, говоря по польски, поняла, что они другъ-другу говорили: Не троны! это женщина, да и съ ребенкомъ.
 - Я узнаю Русскихъ, сказалъ я... Вы, однакоже, здъсь не без-

^{*} Такъ называли тогда Французы наше ополченіе.

опасны, сударыня. Наглость вашихъ соотечественниковъ не знаетъ границъ. Притомъ-же вамъ нужна пища и нокой. — Можете-ли вы пробхать съ полмили?

— Куда угодно, лишь-бы дочь моя нашла пристанище.

Я созвалъ нъсколько своихъ козаковъ, уговорилъ ихъ запречь ихъ лошадей въ коляску полковницы, и съ помощію этихъ людей, мы тронулись изъ этого ада.

Чрезвычайнаго труда стоило выбхать оттуда. Но оставшійся мой конвой успъль уже въ это время, для собственнаго моего пробзда, очистить кое-какую тропинку, и по ней-то тащили мы коляску. Мужъ шолъ подль пъшкомъ и безиреставно говорилъ съ женою, утъщая ее и успокоивая. — Наконецъ достигли мы до моей лачужки. — Боже мой! какъ она обрадовалась этой развалившейся норъ безъ крыши! Она ей показалась пышнымъ дворцомъ.

Развели огонь на очагъ, постлали соломы, нъсколько бурокъ, разогръли чайникъ, подали бълаго хлъба, жаренаго гуся, рому... Кто опишетъ восторгъ этой бъдной женщины! Она дрожала отъ радости, взявъ въ руку стаканъ съ горячимъ чаемъ... А мужъ ея... Онъ плакалъ, какъ дитя, пожимая мнъ руки, и говоря безпрестанно: «Боже мой, Боже мой! Дай мнъ когда-нибудь случай воздать этому человъку.»

Я не въ состояніи описывать болье этой сцены. — Скажу только, что они пробыли у меня почти до самаго развъта. Наконецъ надобно было разстаться. Я не хотълъ удержать Полковника военноплъннымъ. При обстоятельствахъ нашего знакомства это мнъ казалось слишкомъ-жестоко. Я далъ ему слово, что, какъ скоро жена его оправится, то я отправлю ее въ Австрію. До-тъхъ-поръ объщалъ писать къ нему въ Вильну или изъ Вильны, чрезъ домъ одного тамошняго банкира. А если сульба не позволитъ подобной переписки, то оба мы объщали публиковать обоюдныя свои свъдънія въ гамбургскихъ газетахъ.

На заръ онъ отправился обратно. Жена его уснула въ это время, и онъ имълъ довольно твердости, чтобъ воспользоваться этою минутою. Къ-счастію его, ледъ къ утру сдълался очень-ръдокъ. Конь его, сыто накормленный козаками, чувствовалъ себя въ полной силъ. При прощаніи подалъ онъ мнъ свое обручальное кольцо.

— Полковникъ! Это не подарокъ, сказалъ онъ мнъ. Я могу только благодарить Бога, что Онъ послалъ мнъ такого благороднаго человъка. Онъ одинъ наградитъ васъ.

Я взялъ кольцо и пожалъ его руку.

— Во всякомъ Русскомъ вы-бы нашли тоже самое, отвъчаль я: но я радъ, что судьба доставила мнъ случай сдълать христіанское льдо. Смедо можете-быть уверены, полковникъ, что супруга ваша и дочь будутъ для меня самыми священными предметами. после чести и моего долга. - Прощайте. Вотъ и вамъ память обо мив. Я ему подалъ обручальное кольцо моей матери, которое я всегда носилъ послъ смерти ел. Мы обнялись, и чрезъ нъсколько мвнутъ онъ уже плылъ черезъ Березину. Я дождался на берегу, покуда онъ ступилъ на противный берегъ и возвратился въ XHERRY. CON CLOSE SUCCESS OF A STREET, STATE OF STREET, WHICH SHEET,

17-го ноябоя. Политическая драма быстро приближается къ развязкъ. Французы пробились, правда, сквозь корпусъ Чвчагова, но это было последнее моральное ихъ усиліе. Теперь они, просто, разбрелись и бъгутъ. Настоящая война уже кончилась. Теперь одна

погоня. Я съ полкомъ занялъ Борисовъ. Городъ очень-бъдный. Кромъ жидовъ, никого теперь нътъ. Все разорено. Ничего почти достать нельзя. Вельно устроить госпиталь. Я оставленъ временнымъ комендантомъ, покуда пройдетъ вся армія.

Бъдная женщина! Худо ей. Я занялъ лучшій домъ въ городъ и употребилъ всъ средства, чтобъ доставить ей помощь. Все, кажется, напрасно. Она таетъ. Жизнь ея видимо угасаетъ. Только

любовь къ дочери поддерживаеть еще ся существование.

И дочь ея еще не крещена. Я спросилъ объ этомъ у бъдной страдалицы, и она умоляла меня отыскать ей священника. Здесь есть, правда, русская церковь во имя Пророка Иліи, но священникъ выгнанъ былъ Французами. Я послалъ его отыскивать. Говорять, что онъ гдъ-то вблизи живеть въ деревнъ.

18-го полбря. Священникъ отысканъ, но для чего? Бъдная Эмялія! (такъ звали жену полковника). Ея уже нътъ! Страданія ея

окончились. Она теперь въ лучшемъ міръ.

окончились. Она теперь въ лучшемъ міръ. А какъ она вчера ввечеру была хороша. Я радовался, что она такъ поправляется; только она сомнительно улыбалась.

- Что вы сдълаете съ ребенкомъ, если я умру? спросила она меня.
- ня. Боже мой! Перестаньте, сударыня, отвъчалъ я. Вы, слава Богу, поправляетесь. Вамъ вовсе не надо питать такихъ печальныхъ мыслей...
- Я ко всему готова, любезный полковникъ, сказала она. Но простите сердцу матери... я повторяю вамъ вопросъ свой: что вы сдълаете съ моею дочерью, если я умру?

— Покуда не найду случая возвратить ее въ объятія отца ея, клянусь вамъ, что замьню ей и васъ и его.

— Дайте мив руку, любезный полковникъ. Вы это говорите

умирающей женщинь, и Богъ слышить вашу клятву.

Она подала мнъ ребенка и я поцъловалъ его, продолжая успокоивать бъдную мать и даже шутить надъ ея мрачными мечтами. Увы! она предчувствовала. Черезъ часъ ей сдълалось вдругъ

Увы! она предчувствовала. Черезъ часъ ей сдълалось влругъ хуже. — Цълую ночь провела она въ бреду, и сегодня поутру — скончалась. Бъдный мужъ! какъ жестоко поразитъ тебя это извъстіе!.. Но когда и какъ онъ получитъ его? — Не знаю. Да и самъ онъ живъ-ли еще? — Ежедневныя извъстія изъ арміи ужасны, неизобразимы; французская армія представляетъ картину такой деморализаціи, что исторія не въ-состояніи будетъ описать этой эпохи. Цълые баталіоны бросаютъ оружіе предъ сотнею козаковъ.

19-го ноября. Бъдная моя Эмилія! Вотъ она лежитъ на столь! Насилу досталъ я бълой кисеи, чтобъ сшить ей послъднее праздничное платье. — А дочь ея! Она спитъ. За 50-тъ злотыхъ въмъсяцъ согласилась одна жидовка приходить ко мнъ три раза въсутки и кормить ее грудью.

Пришолъ и священникъ. Я не хотълъ ему разсказывать моего березинскаго произшествія. На что ему! Онъ пріобщитъ къ сталу Христову еще одно существо, вотъ и все. Я позваль заранъе нъскольккихъ офицеровъ, знавшихъ все дъло, и разсказалъ имъ, что намъренъ въ первый разъ въ жизни солгать. Всъ одобрили мой планъ.

Когда явился священникъ, я объявилъ ему, что у меня умерла жена послъ трудныхъ родовъ, и просилъ его совершить вдругъ двъ требы. Похоронить мать и окрестить дочь. Безъ дальнихъ распросовъ исполнилъ онъ тайнство крещенія. Бъдную спроту назвали Върою, и мой добрый Гульбинъ былъ крестнымъ отцомъ. Кумою-же взяли мы жену священника.

Потомъ началась панихида, и всъ мы отправились на кладбище. Гульбинъ взялъ у священника свидътельство и отдалъ миъ. На что миъ его?

Тутъ оканчивались листки походнаго журнала.

Все теперь было открыто и ясно для Върушки. Она была не дочь Сульмскаго! Тысячи идей толпились въ умъ ея, но въ одной заключались всъ: она была не дочь Сульмскаго. Гдъ-же отепъ

ея? Въроятно, и онъ давно уже соединился съ ея матерью въ лучшемъ міръ, а она!..

Опа склонила голову и не чувствовала, какъ ручьи слезъ текутъ по ланитамъ. « Оиз не отецт мой!» было первымъ и послъднимъ словомъ ея размышленій.

Грубый голосъ Егора прервалъ ея размышленія. Пожалуйте, Въра Александровна, чай кушать. Самоваръ поданъ.

Она машинально встала и пошла.

— У батюшки никого нътъ? спросила она.

— Чубуковъ и Сусликовъ недавно пожаловали.

Это извъстіе нъсколько успокопло ее. Она явилась и застала отца, занятнаго съ гостями въ жаркомъ разговоръ о трехъ-польномъ и плодоперемънномъ хлъбопашествъ. Гости однакоже бросились къ Върушкъ, и въ тысячу-первый разъ донесли ей, что она «очень-прекрасна».

И Сульмскій сказаль ей нісколько самых обыкновенных фразь, какь-булто между ними вовсе ничего не случилось. Оставалось, сладственно, и Върушка сообразоваться съ видимымъ желаніемъ Сульмскаго.

Прошомъ чай, окончилась милые разговоры сосъдей, и наковецъ они уъхали. А Сульмской, проводя ихъ, сълъ за бюро, писать, по обыкновению, свой журналъ. Върушка не могла уйти, но тягостно было ей и оставаться.

— Что-жъ ты не помогаешь мнв, другъ мой? сказаль Сульмскій. Сегодня замъчанія твои всего нужнъе. Сегодняшній журналь весь до тебя касается.

Върушка трепетала. Однакожъ, по обыкновенио своему, подошла къ Сульмскому, оперлась на его плечо и не имъла силы сказать ни одного слова. Замътно было, что и Сульмскій былъ въ видимомъ волненіи; онъ избъгалъ взоровъ Върушки и старался подавлять свои чувства. Однакоже, когда слезы ел упали ему на руку, онъ не могъ выдержать своей роли, обхватилъ ее дрожащею рукою, и трепешущимъ голосомъ сказалъ: «Върушка! другъ мой!..» больше онъ ничего не могъ выговорить; собственныя слезы заглушили его ръчь.

Громко зарыдала теперь Върушка и, бросясь на колъни предъ Сульмскимъ, схватила его руку и покрыла нъжнъйшими поцълуямя.

— Перестань, Ради Бога перестань, шепталъ онъ, и симился поднять ее. Ты убъешь меня своею горестию.

 Это слово возвратило ей всю бодрость. Она осушила слезы, бросилась въ кресла и въ мрачномъ безмолвін опустила голову на грудь. Сульмскій также собраль всю силы своего разсудка и началь убъждать ее, чтобъ она была спокойна, что между ними ничего не перемънится, что она на всю жизнь останется его дочерью, что эта тайна будеть также свято сохраняема, какъ прежде, и что только для всеобщаго успокоенія совъсти, князь непремънно требоваль объявить ей обо всемъ.

Върушка слушала и молчала. Она уже собрала всъ свои сялы, и съ твердостію подойля къ бюро, взяла перо, которымъ Сульмскій хотълъ начать свой журналъ, п написала на немъ:

«22-го декабря. Она все знаетъ! Князь требоваль открытія втой тайны. Сераце ся разрывается. И мое тоже. Но я всегда буду любить ее по-прежнему, а если можно, то и больше».

Написавъ эти строки, она бросилась на шею Сульмскаго, обняла его и, зарыдавъ, быстро ушла изъ комнаты.

areno a omos enso da acordenessa en escentral estándo acesta.

По пикогда Элеоноръ милой
Ни словъ люблю, ип вздоховъ пе попілю,
А прошенчу самъ-про-себя уныло:
Ахъ Боже мой, какъ я ее люблю!

моность послодый примент и предстага

атридогоз выпотов дроца атой от папра Кукольника.

Перваго января собралось множество лицъ къ Сульмскому съ повдравленіемъ. Успъвъ представиться губернатору и слълать по городу самые необходимые внзиты, всъ отправились гурьбою къ Александру Петровичу. — Онъ какъ-будто ожидалъ множества гостей. Въ залъ былъ уже накрытъ огромный столъ для завтрака, и когда всъ почти съвхались, онъ объявилъ, что прежде завтрака долженъ просить ихъ, присутствовать при божественной службъ, всегда совершаемой имъ въ этотъ день. Всъ, разумъется, согласились. Но какъ спальня, гдъ стоялъ кіотъ съ образами, была-бы

слишкомъ тъсна для множества гостей, то вынесли оттуда одинъ образъ и, поставя въ переднемъ углу на небольшой столъ, готовились къ слушанію молебствія.

Съ нъкоторымъ удивленіемъ увидъли между-тъмъ гости, что вмъстъ съ образомъ вынесенъ былъ оттуда извъстный ларецъ и поставленъ также предъ иконою. Большая часть гостей значительно взглянулись между собою. Но еще большее изумленіе поразило ихъ, когда священникъ, бывшій дотоль между ними, началъ облачаться въ чорную, траурную ризу. — Для Новаго-года и для ожидаемаго всъми молебствія, эта одежда казалась вовсе неприличною. Никто однакоже не требовалъ объясненія. Ръшились дождаться окончанія предстоящей службы.

Она началась, — и вмъсто молебствія — это была панихида. Съ печальною торжественностію отперъ Сульмскій ларецъ и, отойдя къ стънъ, сталъ на кольни и съ величайшею набожностію молился. Подль него Върушка дълала тоже. Когда-же священникъ провозгласилъ влиную памать князю Михаилу, то Сульмскій закрыль лицо руками и зарыдалъ.

Пробывъ насколько минутъ въ этомъ печальномъ положеніи, онъ всталь, подошоль къ столу, наклонился надъ ларцомъ, съ благогованіемъ поцаловаль содержащуюся въ немъ вещь и опять заплакалъ. Всъ съ удивленіемъ смотрали на эту печальную церемонію и не постигали на цали, ни предмета ся.

Наконецъ служба кончилась; священникъ скинулъ свое печальное одъянье, и Сульмскій торжественно благодарилъ всъхъ присутствующихъ, удостоившихъ его своимъ посъщеніемъ и участіемъ въ ежегодно-совершаемой имъ божественной службъ.

— Можетъ-быть, васъ удивило, господа, что въ Новый-годъ в совершаю панихиду. Я наложилъ на себя этотъ священный долгъ и три раза въ году исполняю его. Вотъ ларецъ, который содержитъ причину панихиды и предметъ драгоцъннъйшихъ воспоминаній въ жизни. Вы всъ знаете, что я служилъ въ военной, — но не всъмъ, можетъ-быть, извъстно, что я былъ нъсколько лътъ адъютантомъ у князя Багратіона... Простите мнъ... это имя всегда извлекаетъ изъ глазъ моихъ слезы. Въ самый день Новаго-года поступилъ я къ нему, а потому и праздную память этого драгоцъннаго дня. Всъ Русскіе знаютъ знаменитыя заслуги князя, оказанныя отечеству, но только приближенные его знали все благородство его луши, всю доброту его сердца, все дружеское обращеніе съ подчиненными. Есля весь свътъ уважалъ его, превозносилъ, то мы обожали его. И отецъ родной не былъ-бы такъ добръ, ласковъ и спра-

ведливъ въ своемъ семействъ, какъ онъ былъ съ нами. О! это бы-ло святое, незабвенное время! Нужно-ли говорить вамъ, что великій этотъ герой погибъ при Бородинь. Кто этого не знаетъ! Мы окружали его, стараясь защищать собственными нашими тълами отъ града пуль, ядеръ и картечь, съпавшихся около него. Но онъ безпреставно посылалъ насъ по разнымъ пунктамъ кипъвшаго бояи число наше безпрестанно уменьшалось. Я наконецъ одинъ остался при немъ. Онъ меня особенно любилъ. Видя направление непріятельскихъ выстреловъ, противъ которыхъ великолушный мой герой стояль спокойно и безстрашно, я безпрестанно старался ваъзжать впередъ, чтобъ принять въ себя роковую картечь или ядро, но онъ всякой разъ замъчалъ мою хитрость и, улыбаясь, отсылалъ меня на свое мъсто. Наконецъ мои манёвры разсердили его. «Г. адъютантъ!» вскричалъонъ: «извольте стоять смирно. Ваше мъсто позади меня, а не впереди». Милосердый Боже! Это были первыя и послъдвія его строгія слова. Роковое ядро повергло его въ эту минуту, и подле меня врылось въ землю. Все къ нему бросплись... «Ничего! ничего!» сказалъ онъ тихо и спокойно: «не разглашайте только. Это отниметъ бодрость у солдатъ, а имъ она очень-нужна въ эту минуту». Я былъ вна себя отъ горести. Онъ пожалъ мою руку. «Спасибо, Александръ, » сказалъ онъ: » я видълъ, что ты хотълъ сберечь меня, но воля судьбы сильные насъ. Богу угодно иначе, да будетъ Его святая воля!..» Онъ не хотълъ, чтобъ его унесли съ мъста сраженія, для того, чтобъ солдаты не видали постигшаго ихъ несчастія. Тутъ, подъядрами, осмотръли его рану, и лекарь успокоилъ насъ всехъ, говоря, что князь лишится только ноги. но выздоровъетъ. Сомнительно покачаль онъ головою, не сказавъ ни слова. По какому-то странному чувству, вырымъ я тотчасъ-же изъ земли роковое ядро, и со слезами смотрълъ на это орудіе воли рока. Князь увидълъ это и, подознавъ меня, сказалъ: «Храни его, другъ мой. Пусть оно тебъ напоминаетъ обо мнъ». Я залился слезами и бросился цъловать его руку, но онъ подозвалъ другихъ, чтобъ прекратить тигостную сцену. Что вамъ больше сказать? Черезъ нъсколько дней его не стало. А роковое ядро -- вотъ оно! Съ-тъхъ-поръ храню я его, какъ святыню, и всякой день, молясь, вспоминаю о моемъ добромъ, незабвенномъ героъ. Три раза въ годъ совершаю по немъ панихиду: въ день Бородина, въ день тезоименитства князя и въ день моего поступленія подъ его начальство. Вотъ, господа, тайна моего ларца. Многіе, можетъ-быть, думали, что овъ содержить въ себъ вещественныя сокровища: они ошаблись. Сокровище, которое я берегу въ немъ, дороже всъхъ

богатствъ въ міръ. Ни одинъ богачъ не можетъ похвалиться подобнымъ. Ни одинъ изъ вихъ не возьметъ съ собою въ могилу ни денегъ, ни имънія, а я унесу это сокровище съ собою во гробъ. Тотъ, кто будетъ хоронить меня, върно, исполнитъ мою послъднюю волю,—и бородинское ядро ляжетъ со мною въ могилу.

Сульмскій пересталь говорить, и глубокое молчаніе долго не нарушалось пичьмъ. Наконецъ Сульмскій приказаль подавать завтракъ, и, мало-по-малу, всъ разговорились, сперва шопотомъ, а потомъ уже и въ-слухъ.

Въ числъ гостей были, разумъется, молодой князь и С. Они выждали отъъздъ всъхъ гостей и просили у Сульмскаго позволенія поговорить съ нимъ. Онъ повель ихъ въ свой кабинетъ, и тамъ оба они объявили, что возобновляютъ свое предложеніе и просять руки Въры Александровны, безъ мальйшаго приданаго.

—Тогда, какъ вы еще почитали меня отцомъ, отвъчаль онъ: вы обратились съ предложеніемъ къ ней самой. Теперь, когда увърены въ противномъ, требуете моего согласія. Кажется, господа, что Върушка одна можетъ и должна ръшить это дъло.

Онъ вышель изъ кабинета и кликнулъ се.

- Вотъ эти господа, сказаль опъ ей, возобновляють свое предложеніе. Они просять руки твоей, и даже не требують приданаго. А какъ только чрезъ это несчастное сватовство открылась тайна, которую я хотъль сохранить на всю жизнь, то ты одна и можешь отвъчать на это предложеніе. Я не могу въ это мъщаться.
- Если вы мнъ предоставляете отвъчать, сказала она съ нъкоторою важностию: то прошу васъ ничъмъ ни стъснять моей воли и не стараться перемъпить ее, ни согодня, ни на булущее время.
- Разумъется, другъ мой. Никто не можетъ и не будетъ уговаривать или приневоливать тебя, сказалъ Сульмскій.
- Итакъ позвольте мнъ ноблагодарить этихъ господъ за честь и великодушіе ихъ предложенія. Я чувствую всю его цъну, но не въ моей власти согласиться на этотъ союзъ. Я не хочу выходить за-мужъ. Я не чувствую въ себъ пикакой склонности къ перемънъ образа жизни. Покуда есть у меня отсяъ, я хочу быть только нъжною дочерью.
- Мы предвильни отвыть, сказаль С: но долгь нашь требоваль возобновить предложение. Мы имъли недавно глупость повърить разсказамь одного подъячаго объ огромномь богатствь Александра Петровича, которое онъ скрываеть въ своемъ ларчикъ. Сегодня онъ открыль великолушную свою тайну, и долгь чести требоваль, чтобъ мы повторили прежнее свое сватовство, для того,

чтобъ ни Алексанаръ Цетровичъ, ни вы, не полумали, чтобъ корысть побудила насъ къ первому предложению. Мы были-бы оченьсчастливы, если-бъ вы улостоили выбрать кого-нибудь изъ насъ, по и при самомъ отказъ впкогда не перестанемъ уважать васъ и сохранять къвамъ наши прежнія чувства.

Сказавъ это, оба они откланялись и увхали.

Задумчиво сильять Сульмскій по отъезде ихъ, и не зналъ, какъ начать съ Върушкой разговоръ. Ему хотвлось дать ей почувствовать всю неосновательность ея отказа...

- Вы, кажется, недовольны, папа, что я отказала обоимъ женихамъ, -- сказала она съ твердостио.
- Я не имъю права распоряжаться твоими чувствами и твоею волею, — но, милый другъ мой... эти люди знаютъ, что я не отецъ твой... Они не обязаны быть ни скромными, ни великодушными, - они даже могутъ...

Онъ не кончиль фразы, не зная, какъ выразить свою мысль.

- Что могутъ они? быстро спросила Върушка.

- Сульмскій молчаль.
 Я понимаю вашу мысль, сказала Варушка съ гордостію: они могутъ прибъгнуть къ злословію. Жалкое оружіе! Повърьте, что оно притупляется объ имена истинно-благородныя и великодушныя. — А впрочемъ что могутъ они выдумать! — Они скажутъ, что я имъ отказала потому, что любила другаго. Что-жъ? я не отопрусь. Это правда!
- Правла? векрикнулъ Сульмскій и векочилъ въ ужаснъйшемъ волненія. Ты любишь? Върушка! Кого-же?...

Гордо улыбнулась она и тихо подошла къ бюро, вынула оттуда журналъ Сульмскаго, взяла перо и написала слъдующее:

«1-е января. Сегодня совершалъ я обычное торжество въ память моего героя. Толпа людей присутствовала въ первый разъ ври этомъ. Что могли они понять въ моей горести и моихъ воспоминаніяхъ! Но в виъсть съ тьмъ обнаружилъ клевету и злость монкъ добрыкъ сосъдей. Они распустили слукъ, что въ моемъ ларцъ хранятся деньги, награбленныя въ походъ. — Теперь они знають, что въ немъ лежить сокровище, гораздо-благороди вишее вськъ богатствъ въ мірь, что въ немъ Бородинское ядро, поразившее моего героя.

«Посль церемовія молодой князь Гульбинъ и С. возобновили свое сватовство. Они требовали руки Върушки, боясь, чтобъ мы не стали подозръвать ихъ въ корыстолюбіи. Они благородно поступили. Я позвалъ Върушку, отдалъ на ея ръшеніе отвътъ моло-дымъ людямъ, и она-отказала.

«Они увхали,—и я хотълъ побранить Върушку за ея необдуманный отказъ. Эти люди могутъ теперь клеветать и злословить. Я началъ-было говорить Върушкъ объ этомъ,—но она отвъчала мнъ что у ней есть въчная, неизмънная и непреодолимая причина къ прошедшимъ и будущимъ отказамъ всъмъ женихамъ: это — любовь къ другому.

— Къ кому-же, спросилъ я виъ-себя.

— Милосердый Боже! Она отвъчала, что любитъ меня, — в никогда, никого больше любить не будетъ.»

Написавъ это, подала Върушка листокъ Сульмскому, а сама очень-снокойно съла на ливанъ.

Съ сильно-трепещущимъ сердцемъ прочолъ Сульмскій роковое признаніе, и раздирающій вопль исторгся изъ груди его. Онъ опустилъ листокъ, закрылъ глаза рукою и упалъ въ кресла почти безъ чувствъ. А Върушка! Она съ рыданіями бросилась къ ногамъ Сульмскаго, схватила его руку, осбіпала ее поцълуями.

-О! возьмите, возьмите меня! вскричала она, рыдая и прости-

рая къ нему свои объятія.

ГЛАВА Х.

......и больше ничего Не выжмешь изъ разсказа моего.

Пушкинъ.

Весело праздновали въ Твери радостный и священный для всъхъ день, 21-е апръля, тезоименитство обожаемой Государыни. У губернатора былъ великольпный балъ. Не только все дворянство и именитое купечество собралось у него въ этотъ день, но даже онъ приказалъ, чтобъ всъхъ проъзжихъ просить къ нему отку-

шать. Изъ этого, разумъется, вышла небольшая пестрота. Два дилижанса высадили своихъ пассажировъ туда-же, и туалетъ проъзжихъ не могъ быть на-скоро поправленъ.

Вдругъ прибъжалъ почтмейстеръ, запыхавшись, и спросилъ, приглашать-ли проъзжаго Француза? При этомъ онъ подалъ подо-

рожную его.

— Какъ-же, братецъ, помилуй, вскричалъ князь. Эй! Николай прабавилъ онъ обратясь къ своему сыну; бъги, братецъ, на почтовый дворъ, разскажи графу предметъ нашего празднества, и проси его, чтобъ онъ удостоилъ павъстить меня. Скажи ему, что всякой, кто сгупилъ на русскую землю, долженъ праздновать день тезоименитства нашей Царицы.

Николай схватилъ подорожную и побъжалъ, а князь разсказалъ окружающимъ его, что французскій перъ, путешествующій по Россіи, ъдеть въ Москву, и что онъ послалъ его звать къ себъ на

балъ.

Чрезъ полчаса явился путешественникъ въ сопровождени молодаго князя, усиввшаго ему разсказать все. Губернаторъ принялъ знаменитаго гостя со всъмъ отличіемъ и уваженіемъ, и представилъ ему первъйшихъ чиновниковъ своей губерніи. Графъ принималъ ихъ со всею опытностію и утонченностью вельможи, и разговаривалъ со всъми, которые были въ состояніи отвѣчать ему.

когда первыя минуты церемоніала прошли, губернаторъ сълъ съ графомъ отдъльно и продолжалъ съ нимъ дружескій разговоръ. Прочіе гости съ любонытствомъ посмэтривали на прівзжаго. Это былъ человъкъ лътъ пятидесяти, но еще довольно-свъжій, статный, ловкій. Шитый мундиръ и ордена, какъ временъ Имперіи, такъ и возстановленія Бурбоновъ, свидътельствовали, что онъ давно уже служитъ отечеству.

Вскоръ начался балъ, и губернаторъ предоставилъ честь открытія его французскому графу. Тотъ исполнилъ это съ ловкостью, свойственною его націи, ангажировалъ даму, которую ему указалъ князь, и во все время польскаго разговаривалъ съ нею съ особеннымъ удовольствіемъ.

Когда танецъ кончился, онъ отвелъ ее на мъсто и обратился къ губернатору, съ пылкостію юноши разспрашивая объ очарова-тельной своей дамъ.

 — О! это цвлый романъ, отвъчалъ губерваторъ. Садитесь, графъ; я вамъ съ удовольствіемъ разскажу объ ней. Это ваша соотечественница...

- Какъ? Француженка! Боже моя! Я-бы долженъ быль это тогчасъ узнать по ловкости, по выговору...
- Извините, графъ. Она родилась въ Россіи, воспитывалась у Русскихъ, и русскому солдату обязана жизнію, существованіемъ и званіемъ.
- Виноватъ, любезный губернаторъ. Національная гордость заставила меня сказать глупость. Прошу извинить меня... Но признаюсь, видъ этой дъвушки...
- Она жена полковника Сульмскаго, стараго ветерана 1812 года.

Графъ вздохнулъ.

- Несчастный годъ! сказаль онъ. Сколько людей погибло въ этомъ безумномъ походъ... Я самъ тутъ участвоваль и потеряль столько...,
- Какъ, графъ? И вы были тогда въ Россія! Такъ, можетъ-быть, мы и не въ-первый разъ встръчаемся съ вами. Только теперяшияя встръча гораздо-прівтиве... Въ которомъ корпусъ войскъ находились вы?
- Я служилъ въ молодой гвардін...
- Значить, были при Императоръ. Великій быль человькъ! Тогла конечно мы проклинали его, ненавидьли и имъли полное на то право; но теперь, когда для него настало время исторіи, и друзья и враги его единогласно скажуть: Онъ быль великій человькъ!

Молча пожалъ графъ руку у губернатора и не отвъчаль ни слова. Черезъ минуту возобновилъ свой свои разспросы о Върушкъ. Князь разсказалъ ему все.

Сильно волновалось сердце графа. Онъ. однако-же, умълъ преодолъть себя и продолжалъ разспросы до малъйшей подробности.

— Какой великолушный и благородный человъкъ вашъ Сульмекій сказаль онъ по окончаніи разсказа... Позвольте мнъ любезный князь, поговорить съ нимъ въ вашемъ кабинетъ нъсколько минутъ? Попросите его, чтобъ онъ слълалъ мнъ эту честь.

Князь тотчасъ-же отвелъ туда путешественника, и черезъ минуту привелъ къ нему Сульмскаго, съ которымъ и оставилъ ихъ.

Внимательно посмотрълъ графъ на черты Сульмскаго.

— Да! это точно онъ! сказалъ графъ и протянулъ къ нему руку. Г. полковникъ, върно, не узнаете меня?

- Виноватъ, не помно стольном стибев поважьододи атай
- Такъ не узнаете-ли вы этого кольца? "Итобитантно он исан

Тутъ онъ снялъ съ руки своей золотое кольцо и отдалъ Сульмскому, который съ недоумъніемъ взялъ его, и началъ внимательно разсматривать.

- Боже мой! вскричалъ онъ вдругъ. Это обручальное кольцо моей матери!
 - А помните-ли, кому вы его отдали?

 Сульмскій затрепеталъ, и въ свою очередь, снимая съ руки своей кольцо, которое вадъто было на одинъ палецъ вмъстъ съ другимъ, подалъ графу.

— Благородный и великолушный мой спасителы сказаль графъ, и бросился въ объятія Сульмскаго. Губернаторь разсказаль мнъ всю вашу жизнь. Вы ръдкой человъкъ... Я давно оплакиваль дочь свою, а теперь варугъ и дочь и сынъ... О! поскоръе, поскоръе приведите мнъ ее, приведите сюда. Эга сцена не для толпы.

Черезъ минуту вошла Върушка. Съ недоумъніемъ посмотръла на графа и спросила Сульмскаго, зачъмъ онъ привелъ ее?

- Я просиль полковника осчастливить меня знакомствомъ съ такою прелестною особою. Нъсколько минутъ провелъ я въ вашемъ обществъ, и вы обворожили меня на всю жизнь. Садитесь пожалуйста. Удостойте старика вашимъ лестнымъ знакомствомъ.
- Намъ весьма-пріятно будетъ, графъ... отвъчала она, съ недоумъніемъ посматривая то на мужа, то на путешественника.
- Я нечанно узналъ, что вы моя соотечественница, и я, можетъ-быть, нашолъ-бы средство отыскать вашего родителя... хотите-ли поручить мив это?

Върушка затрепетала... Еще разъ взглянула она на мужа.

Тоть стояль, склонивь свою голову, и съ сильнымъ волненіемъ ожидаль ръшительнаго мгновенія. Въ рукъ графа было еще роковое кольцо, которое Върушка очень-хорошо знала. Сильное, ничьмъ незаглушаемое чувство природы довершило остальное. Съ воплемъ: «Отецъ мой!» поверглась она въ объятія графа.

Набросимъ покрывало на эту сцену, которую можно только чувствовать, а не описать.

Чрезъ полчаса вышли всъ трое опять въ залу, и никто не подозръвалъ случившагося. Только всъ узнали, что графъ остается на нъсколько дней въ Твери. Балъ продолжался своимъ порядкомъ. Заздравные тосты гремели по окрестности, и когда всъ они кончились, то вдругъ князь всталъ и предложилъ тостъ за здоровье путешествующаго графа Жюрлона, который принадлежитъ теперь Россіи, потомучто остается въ ней съ дочерью своею, Върою Александровною Сульмской.

Всеобщее изумленіе и крики ура! были отвътомъ на тостъ.

о бросился из объяда Ставнества. Губеризгора рязеказиль ини

Tonesa anarry nomin Derviges. Ca seconamienta one norman

res as a water and a color of the color of t

d seconde Areara, we are the forewesternesses, as, us-

Cantain Commences with the plant and commences of the post-

The mean realistics are the new contract to be the contract of the contract of

Чреть получет вышля эсе трое опеть ре салу, и пекто не по-

nomieun: «Dreys gonts noseprates qua scottaria essent

values a norway press to as average to so avrengeer menusta,

neutre universe annerer ettag. Dre enese ud gen roman.

. Авторъ «АЕОНИДА.»

TYPETROPATE, a He OHMLOTS.

на пасколько дисјі ил Твери.

КУПЛЕТЫ ИЗЪ КОМЕДІИ-ВОДЕВИЛЯ:

ГЕРОИ ПРЕФЕРАНСА

или

душа овщества.

Эта забавная комедія-водевиль, въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненная П. И. Григорьевымъ, дана будетъ въ бенефисъ его, 7-го ноября. Предсказываемъ ей большой успѣхъ, а между-тѣмъ, въ ожиданіи всей піесы, помѣщаемъ нѣкоторые куплеты изъ нея.

Въ первой картинъ выставлено благородно-бъдное семейство Андрея Андреевича г. Прикупки, который ежедневно играетъ въ преферанчикъ (разумъется, отлично), и этимъ средствомъ кормитъ, одъваетъ, себя, жену и дътокъ. Вотъ, между-прочимъ, одинъ изъ многихъ куплетовъ Андреея Андреевича Прикупки, собравшагося на игру:

Всёмъ сдёлаю уступочку, Но, какъ сойдусь съ тобой, Узнаешь ты Прикупочку! Поплатишься со мной! Кто тронетъ репутацію,

сопинениям П. Н.

cenelierso Anaroa

Иль кошелечекъ мой, Тотъ дасть мив консоляцію Такую, что ой-ой! Ужь я-же, друга, милочку Довду, проучу: И во жилку друга, въ жилочку Чувствительно хвачу! Къ малинь всв вваь сходятся. Я лакомку пущу... Но, въ ней въдь черви водятся, Такъ яжъ-те подточу!!

Вотъ также куплетъ ючаго чиновника (сына Прикупки), подающаго въ будущемъ большія надежды. Онъ страшный франть, тдеть къ своему начальнику на преферансъ, гдф ждетъ его невъста.

CHARTEL HIRE ROMEMIN - BOLEBILLE:

(Прыскаясь духами, юноша поеть).

Въ даръ невъсть приношу Все, что я им'вю: Раздушусь и задушу Нѣжностью своею! Тянетъ къ ней - какъ къ картамъ страсть, Радъ отдать все въ мірѣ! Впрочемъ, я ей самъ подъ масть, Въ новомъ вицмундирѣ! Лочь начальника любить, День и ночь быть вивств, Значить тоже, что служить Мыв на штатномъ мъсть! Только взгляветъ... хватитъ дрожъ, Въ родъ лихорадки! А какъ за руку возьмешь, пон дан меренея зыдотов Та первой кантив выстава винтика йоная эшеуК Точно- дамочка червей! папуляц в приначения приначения (разумбется, отдичне), и этинфизимал онвохо-никро/Прасть, себя, желу си детока. Потъ, между-прочитийов у инираляп ажу Акундетока Анареон Андросия Прикупки, собравицияние пожов выпосовки Какъ остра-то, мой дружокъ, Какъ бъла ... въ затяжкъ, Какъ обточенный мелокъ Во цвътной бумажив! на винявно с

Разговоры съ ней ведешь Съ полнымъ наслажденьемъ! Такъ свободно... какъ идешь Въ вистикъ съ приглашеньемъ! Съ нею я, какъ самъ не свой, Такъ мила, голубка! Безъ нея-жъ, — какъ безъ одной Александръ Прикупка!

Но когда юный Прикупка находить себь очень - опаснаго соперника, въ Минусъ, который слыветь игрокомъ, то отецъ Прикупки, вступаясь за честь сына, описываеть упомянутаго соперника:

Axel coupy! sameat kaness acknot.

Онъ чисто ходить, щеголяеть, Почище сына моего, Но такъ нечисто поступаетъ, Что замараетъ хоть кого; Онъ здёсь чистёйшими рублями Затьмъ изволить соблазнять. Утобы нечистыми руками У всёхъ карманы очищать: Онъ говорить весьма-ръчисто, Чтобъ скрыть нечистый свой обманъ, И передергиваетъ чисто. Гдв разсыпають чистоганъ... Ужъ чисто съ дьявольскимъ умфиьемъ Я слышаль быеть онь всякій кушь, .Да и нечистымъ помышленьемъ Убиль довольно чистыхъ душъ! Такъ приговоръ объ немъ върнъйшій Я на-чисто скажу вамъ вслухъ: Что по деламъ - онъ плуть чистейшій, А по душѣ-нечистый духъ!!

Во второй картинъ представлено, какъ мадамъ Пулькина любитъ выигрывать въ преферансъ и до какой степени зла, когда ее обремизятъ. Въ финалъ второй картины, когда юный женихъ Прикупка усадилъ ее безъ плти въ червяхъ, она выходитъ изъсебя и поетъ съ истиннымъ чувствомъ:

> Нѣтъ, вашей свадьбѣ не бывать! Меня и мужа вѣкъ не знайте!

STIPPE TOCTH. ORKODOS ANE

His sucrema de ross annements

За что-же? дайте намъ узнать?..

пулькина.

Ахъ! спирту! капель! капель дайте!...

(Показывая на жениха дочери).

Taken may be consider a metamagner in the

The synthesis and the state of the

Mars, sameli essentiture de sucurol

Rosmonos adjuntas apeatranzeno, neua maista Urasmana, modera etratuadone an apeatranta a no tantos ejecular asas, sortas en objestiva propertiras, notras estenos acanas estenos esten

Совсѣмъ съ-ума меня онъ сведъ! Убилъ, зарѣзалъ, обезславилъ: Разбойникъ, въ вистъ ко мнѣ пошолъ, И... безъ пяти въ червяхъ оставилъ!!!

(Падаєть въ изнеможеніи).

CMBCL. - Tri um existant arpured Il and arre continuents committees

water was seen a communical and the seen and - Peach a suppured one positioned Renaults. - Ja nan vyv do bere japaneniase -

- Что ва кома держата, про а просудением са вива отвершие, и ри nelxa, na redunganaxa evandangan a

- Konchno. Bowlar-see a craor ormquared? Pagel a noortman Avend Pond v was seen and posite mery at a tree at the Barous men вышировую опи внейнальный сабатеми. . . Rec. almostuo, comporers a ar roga, sea conjugate ora neco merchie nekpinser, apparer en skingerfak - А совимось по всемь, что винь уголяя, спокойно отволяю, пер-

- At exhicusoversing, and community --

стаканъ лимонаду. Сюжеть для траседіи. — Что ынъ ва дъло

- Normits ages orbits agrants again no auggangers, man ellen-

до мижнія світа? вскричала прелестная маркиза де-Гиссакъ.

- Но мит есть до него дто, сударыня, вскричаль маркизъ бледный, насупивъ брови и съ сверкающими гитвомъ глазами. Баронъ Дармый вездѣ пресыѣдуетъ васъ, присымаетъ вамъ каждое утро букеты цвътовъ, которые вы не только принимаете, но еще носите ...

- Почему-же мив не носить букстовъ, составленныхъ изъ пре-

лестиваниях цевтовъ?

- Потому, сударыня, что это подаетъ поводъ къ обиднымъ для меня заключеніямъ. еня заключеніямъ.
 — Что-жъ далье? В доли и делення дань опримент делення деле
- А то сударыня, продолжалъ маркизъ, стиснувъ зубы: что не проходить ночи, чтобы какая-нибудь серенада не напоминала сосъдямъ того, что знаетъ весь городъ, а именно, что баронъ Дарила поклон-Созорных посмотреля на муми, есля заметно удыбот дольства стян
- Я страстно люблю музыку, вы это знаете ... то-есть, вы это знали до свадьбы нашей - послъ забыли. Баронъ Дармый не забываетъ TOTO, BOTE H BCC. A PRINCE A DESIGNATION CONTROL AND A CENTRAL PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE
- Сезарина! вскричалъ маркизъ, всеми силами стараясь удержать гнъвъ свой: не доведите меня до крайности!
- Боже сохрани меня отъ-того! небрежно возразила маркиза. Я невиновата, что вы вездъ видите дурное.
- Я вижу, что всякій можеть видеть, а именно, что вы ободряете маркиза вниманіемъ, которое оказываете ему. Я вижу, что онъ везать следуеть за вами, я знаю, что вы встречаетесь во-время прогудокъ вашихъ, вмъсть гуляете...

T. VIII. 14

- Что въ томъ дурнаго, что я прогуливаюсь съ нимъ открыто, при всъхъ, на публичныхъ гульбищахъ?
 - А! следовательно, вы сознаетесь?
- Конечно. Зачъмъ-же я стану отпираться? Развъ я поступаю дурно? Развъ у меня есть намъреніе поступать дурно?... Баронъ меня занимаеть, онъ очень-любевенъ, забавенъ...
- Вы, въроятно, сознаетесь и въ томъ, что получаете отъ него письма? вскричалъ маркизъ съ живостію.
- Я сознаюсь во всемъ, что вамъ угодно, спокойно отвъчала маркиза.
- Сезарина! Сезарина! повторилъ маркизъ задыхающимся голосомъ и съ сверкающимъ взоромъ.
 - Но что-же я савлала дурнаго?
- Что вы сдълали дурнаго? И вы еще осмъливаетесь спрашивать, видя, въ какомъ я состояни!
 - Развъ я виновата, что вы ревнивъе Испанца.
 - Да какъ тутъ не быть ревнивымъ?
- Хоть-бы весь свъть осудиль меня по наружности, вамъ слъдовало-бъ защищать меня. Кто лучше васъ знаетъ, какъ я върна обязанностямъ своимъ? Кто менъе васъ можетъ обвинить меня?
- О, правду-ли ты говоришь? вскричаль маркизь и упаль къ ногамъ жены.
- Это сомнъніе, маркизъ, есть новое оскорбленіе, замѣтила прелестная маркиза, небрежно играя опахаломъ.
- Сезарина! умоляю тебя, не поступай со мною съ этою убійственною холодностію! Зачёмъ играть страданіями моими? Разві ты не внаешь, какъ страстно я люблю тебя?.. Прости если я тебя обиділь... прости безразсудству ревнивыхъ сомніній моихъ... одинъ взглядъ, одну улыбку, умоляю тебя!
- Я прощу, подарю васъ взглядомъ и улыбкой, но съ однимъ условіемъ.
- Какимъ? какимъ? о, скажи это условіе я впередъ об'єщаюсь исполнить все, чего ты отъ меня потребуешь.

Сезарина посмотрѣла на мужа, една замѣтно улыбнулась и сказала:
— Я булу видѣться съ барономъ Дармла́ такъ часто, какъ мнѣ вздумается.

- Никогла! вътъ, никогла! вскричалъ маркизъ и всталъ.
- А вы булете вполит довтрять добродатели моей не-смотря ни на какія сплетни...
- -по-Никогда, сударыня! опаторов ботот это ваби пиводов вакой-
 - -Какъ вамъ угодно, маркизъ! подуд плотия факов нав ото детемения
- Мив угодно, сударыня, чтобы сегодня-же вы прервали всв сношенія съ барономъ. Мив угодно, чтобы жена, удостоившаяся носить имя мое, сама-бъ уважала и заставила другихъ уважать его, чтобъ она сама была достойна уваженія...

MAY T

- Боже иой! Сколько уваженій! всяричала маркива, смівясь. Мужъ бросилъ на нее грозный взглядъ и вышелъ изъ комнаты.

Она вскочила, заперла, дверь на задвижку и, весело хлопая малень-

кими ручками своими, воротилась на прежнее мъсто.

- Онъ ревнивъ! проговорила она весело: ревнивъ, какъ безумецъ, какъ тигръ!.. А, господинъ маркизъ, вы требуете, чтобы я была невнимательна къ любезностямъ, хотя сами перестали оказывать мнъ ихъ! По вашему мижнію, теперь моя очередь обожать васъ... моя очередь употреблять всв усилія, чтобы цонравиться вамь... я должна переносить капризы, дурное расположение духа вашего и быть въ восторгь отъ васъ, потому-что я ваша жена... увидимъ! Я должна не доводить васъ до крайности... неужели?.. Но что, если онъ вызоветь e armin, there are a merely of this and

При этой мысли маркиза остановилась въ залумчивости передъ зеркаломъ; сначала она ничего не видала; вдругъ замѣтила, что волосы ея были насколько въ безпорядка, позвала служанку, отдернула за-

движку, одблась и приказала подать карету.

Она вспомнила, что должна была встратиться на гуляны съ барономъ. Мужъ ея, въроятно, зналъ о томъ... онъ будеть взбышонъ... этого-то ей нужно было! Ревностью она хотъла опять оживить угасавшую любовь его...

 О! какъ онъ прежде любилъ меня, когда женился на мнъ противъ воли всъхъ родныхъ своихъ! думала молодая жена, которая не могла привыкнуть къ супружеской любви; она не понимала, что тихая, но глубокая нѣжность, которую она внушала, была величайшимъ сокровищемъ супруговъ... она принимала ее за равнодушіе, за холодность, и ръшилась возбудить ревность мужа, ръшилась доказать ему, что она можетъ еще быть любима до безумія.

И по этому опасному нути шла она со всею безразсудностью юности.

- На бульваръ! сказала она лакею, салясь въ карету.

Въ этогъ разъ она обращалась съ барономъ Дармай холодно, почти насмѣшливо.
— Кокетничаетъ, подумалъ онъ. Лучшее доказательство тому то,

что она таки прівхала.

Возвращаясь домой, Сезарина была въ дурномъ расположении духа. Она замътила въ баронъ какую-то дерзкую самоувъренность, доходившую до безстыдства, и стала страшиться, не слишкомъ-ли далеко вашла она, не окомпрометировала-ли себя во мижніи свъта и для кого? за кого?

Она отобъдала одна. Маркизъ не явился, подъ предлогомъ какого-то важнаго абла.

- Онъ, можетъ-быть, боленъ... боленъ отъ страданій, которыя я ему причиняю! подумала Сезарина.

Она вспомнила утреннюю сцену съ мужемъ, и то радовалась искусству, съ которымъ выдержала роль свою, то раскаявалась въ жестокости своей... Она не знала, жхать ли ей въ театръ? Баронъ Дармла хотъль быть тамъ, только для того, чтобы хоть на мгновеніе взглянуть на нее, сказалъ онъ... Прежде и мужъ ея былъ также страстенъ, а мент пункани домин, въргания во промине и пот-

Яркая краска выступила на щекахъ Сезарины. Она позвонила.

- Карету, приказала она.

Возвратившись изъ театра, она застала маркиза въ залъ. Она невольно испугалась и хотела удалиться. Маркизъ горько улыбнулся, подощоль къ ней, взяль ее за руку и усадиль ее возле себя въ кресла. тый и принце втур и изменением постиры изменением и городории

- Послів дня, такъ прекрасно проведеннаго, сказаль онъ строгимъ голосомъ: ужасно непріятно выслушивать выговоры строгаго мужа!.. не правда-ли, сударыня? Не бойтесь, я не стану делать вамъ выговоровъ, но все должно имъть цъль свою, какъ радость, такъ и горе. Мы достигнемъ этой цели, сударыня... но вамъ очень-жарко, выпейте этотъ стаканъ лимонаду... Пейте, сударыня, я этого требую!

 - Commission of the commission of annual fact the program of - Пейте, говорять вамъ!

Сезарина взяла стаканъ.

- Довольно! сказаль онъ, вырвавъ у нея стаканъ, я вынью остальное... Теперь повремените несколько минуть, сударыня. Я хочу виавть авиствіе яда...
 - Дъйствіе яда!

Да, сударыня, мы отравлены.

- Помогите! помогите! вскричала Сезарина, и хотела броситься къ колокольчику, но мужъ удержаль ее твердою рукою.

- Усновойтесь, сударыня, умоляю васъ. Никакая человъческая

сила не спасеть насъ.

— Успоконться!.. Леонъ, что вы сделали!.. Матушка! матушка! мы отравлены!.. Помогите, Боже мой! Помогите! the prore times one of partial

- И я умру съ вами, сударыня!

- И ты умрешь! Ты, Леонъ... о оставь меня... я хочу спасти тебя, хочу спасти тебя!
- Перестаньте звать на помощь, сударыня, никто не придеть. Мы можемъ умереть и безъ свидътелей...
- Но намъ нужны утъщенія религіи... вы должны покаяться въ двойномъ преступленіи... to all, un wentermought on the on
 - А вы, сударыня?
- Я!.. я невинна...
 - Невинны!.. Вы!
- Ахъ, Леонъ! Ты считалъ меня преступной!.. Леонъ, ты могъ подумать... о, какъ я страдаю... ты могъ подумать, что я полюблю другаго... Леонъ, Леонъ!.. я умираю...

Маркизъ обнялъ жену свою... она была бледна, страшныя судоро-

ги искажали прелестное лицо ея... онъ невольно прижаль ее къ сердцу своему, потомъ скоро оттолкнулъ:

- Вы обманули меня! сказаль онь, и теперь еще обманываете, въ

минуту смерти!

- Нѣтъ... нѣтъ... Леонъ... влянусь тебѣ... на колѣняхъ! И Сезарина упала предъ нимъ на колѣни... Никогда преступная мысль не рождалась въ умѣ моемъ... Я думала, что ты меня не любишь... я хотѣла... ревностью... возбудить любовь твою... которая составляетъ всю прелесть жизни моей!.. а теперь... теперь я умираю... отъ руки твоей... и ты ненавидишь меня... Леонъ!
- Нътъ, я не ненавижу тебя. И я страдалъ изъ любви! И мое сераце изъ любви наполнялось ревнивою яростью!.. А ты заставила меня возненавидъть жизнь!.. Ты ввергнула меня, за любовь мою, въ безуміе, которое повело меня къ преступленію!..

Сезарина рыдала, опустивъ голову на колени мужа.

- Я самъ могъ-бы воротить любовь, которую вы, какъ миѣ казалось, отдали другому, возбудивъ ревность вашу... Вы меня нѣкогда любили...
 - О! я по-прежнему люблю васъ!
- Но я побоялся заслужить общаго укора... вы-же не побоялись прослыть кокеткой въ глазахъ человъка, который думалъ легко овла-дъть вами!.. Вы не побоялись открыто воспротивиться приказаніямъ моимъ... я могъ вызвать его... я могъ убить его... вы трепещете... вы стращитесь за него...
- Ахъ, Леонъ! . за тебя .. за тебя одного!
- Я скрылъ въ душѣ оскорбленіе... я не хотѣлъ на вѣки запятнать добраго имени вашего... мы умремъ вмѣстѣ... Ахъ! если ты меня любишь, то эта мысль должна быть тебѣ пріятна... мы будемъ соединены въ могилъ, въ вѣчности!
- Въ вѣчности!.. и Сезарина поспѣшно встала... въ вѣчности! Священника, ради Бога! призовите священника — пусть онъ, по-крайнеймѣрѣ, узнаетъ невинность мою!

Она покачнулась и безъ чувствъ упала на паркетъ.

Когда она пришла въ себя, то лежала на диванъ; мужъ стоялъ возлъ нея на колъняхъ и держалъ одну руку ея въ своихъ.

— О! прости мив, говориль онь: прости мив жестокость мою... Севарина, я хотвль отметить... прости!

Севарина была бавдна и молчалива... только по-временамъ ввдрагивала она, вспоминая о близости смерти.

- Умереть! умереть въ двадцать лётъ! умереть, когда жизнь такъ прелестна! умереть, обладая всёми радостями жизни... умереть отравленною... въ мукахъ, страданіяхъ! Онъ говоритъ, что любитъ меня и убиваетъ меня!.. вскричала она скоро приподнявшись.
- Это и есть та самая любовь, которой ты жаждала, Сезарина.
 Ты также говоришь, что любишь меня, а не-смотря на то, ты по капаф

214 CANGES

отравляла жизнь мою... ты сомиввалась въ любви моей... развѣ ты никогда не слыхала, что любовь мужа тиха и нѣжна!.. Средства, унотребляемыя тобою, приличны только любовнипѣ, которая желаетъ крѣпко привязать къ себѣ любовника, начинающаго етыдиться узъ своихъ. Возбужлать ревность мужа — для него оскорбленіе, для жены позоръ! Любовницу можно обожать, презирать, ненавидѣть и опять обожать, но женѣ принадлежить постояпная любовь и уваженіе. Ты, Сезарина, не удовольствовалась любовью и уваженіемъ мужа, ты хотѣла быть любима, какъ любовница, и не побоялась ви суда, ни миѣнія людей!.. Я лучше готовъ умереть, нежели питать къ тебѣ любовь безъ уваженія!

 Да, лучше смерть, нежели твое презрѣніе! вскричала Сезарина, и опустила голову на плечо мужа...

 И озмужинтя-бы вертенть любого, погорум измете в в малелого, от обще домента, дозбужного резильть егорум, для очен немима.

На савдующій день супруги вывств отправились въ имѣніе маркива де-Гиссака.

Предестная маркиза никогда не забывала получоннаго урока, и по-

клувъ неучтивцевъ. Извъстно, въ какой модъ теперь составлять клубы или общества. Богь знаеть, сколько и подъ какими навваніями не заведено ихъ въ Европь и въ другихъ частяхъ свыта, вачивая отъ Клуба филантропово до Клуба шроково во домино отъ Клуба экокеевт въ Парижъ до Клуба верблюдовт въ Оранъ. Въ Англіи, классической странь всевозможныхъ странностей, завели Клубь жирныхъ и Клубъ сухощавыхъ, и казалось-бы пальма клубоманіи осталась за Англичанами, но нътъ! недавно Берлинъ вступилъ съ ними въ соперничество, и побъда осталось покуда за нимъ, до новой, еще забавитипей выдумки какихъ-вибудь клубомановъ. Вотъ что выдумали клубоманы прусскіе: человькъ двъсти или триста, утомленные исполненіемъ правиль учтивости, рішились возстать и свергнуть съ себя иго обычая, обязывающаго встрачающихся знакомцевъ кланятьея другь другу. И воть эти врэги поклововь и сниманія шляпь составили клубъ подъ названіемъ Клубт пеучтивцевт. Каждый членъ этого новаго клуба давалъ клятву никогда не снимать шляпы или фуражки при встръчъ съ знакомыми, а привътствовать или отвъчать на привътствіе только однимъ движеніемъ руки. Каждое привътствіе, на примъръ; «здравствуйте», «прощайте», «кланяйтесь вашей супругь» и т. п., выражалось особеннымь движеніемь, такъ-что клубисты изъ рукъ своихъ саблали родъ маленькаго телеграфа. Клубъ приходилъСмпьсь

было постепенно въ самое цвътущее положение; ежедневно поступали въ него новые члены, и скоро, можетъ-быть, слово учинвость, сдъладось-бы въ Бердинъ пустымъ звукомъ, если-бы не возстали противъ этого люди, которымъ такая новость пришлась совстви не по сердцу, а именно-пляпные фабриканты. Они решились, во что бы то ни стало, уничтожить этотъ влубь, потому-что, благодаря его правиламъ, всякая шолковая шляпа могла проноситься три года, а пуховой шляны достаточно было одной на всю жизнь человъческую: каковоже было это г-мъ фабрикантамъ? Но вотъ затрудненіе: какія м'єры принять, чтобы подорвать и уничтожить этогъ клубъ? — Завести для конкурренціи клубъ учтивцевъ, которые при покловахъ снималибы шаяны по два или по три раза; - но вто согласится быть членомъ такого клуба? Наконецъ одно обстоятельство весьма естественнымъ образомъ содъйствовало видамъ ненавистниковъ этого общества. Каждый членъ Клуба пеучтивцево обязанъ былъ, въ знакъ своего участія въ этомъ обществь, носить на шляпь маленькую кокарду, и эта-то несчаствая кокарда и погубила клубъ Съ этой минуты шляпники восторжествовали; съ уничтоженіемъ кокарды Клубт пеучтивцевт потеряль почти всюцену въ глазахъ своихъ членовъ; кокарда-то именно и привлекала ихъ вступать въ него, потому-что кому-же непріятно обращать на себя вниманіе уличныхъ з'явакъ, хоть какою-нибудь особенностію отъ прочихъ?

живой портретъ наполеона. Въ Баденъ проживаль ныншнимъ автомъ странный человъкъ, который, будучи моложе, надъзалъ много шуму. Это — скрипачъ Александръ Буше. Было время, когда онъ, надъвъ маленькую треугольную шляпу, выходилъ на сцену и приводилъ зрителей въ изумление сколько искусной игрой своей, столько-же поразительнымъ сходствомъ съ темъ, могила котораго была на уединенномъ островъ св. Елены. Въ продолжение нъсколькихъ льть объ Буше не было ничего слышно, но въ нынашнее лато, онъ, неизвъстно откуда, опять появился въ Баденъ.

Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ разсказываютъ слъ-

дующее:

Въ полу-мили отъ Бадена лежитъ прекрасный Лихтентальскій монастырь, съ большимъ сиротскимъ домомъ, готической капеллой и обширнымъ монастырскимъ дворомъ, на который сосны, окружающія высокія стѣны, бросають густыя тѣни. Тамъ царствуєть глубо-

кая тишина, внушающая невольное благогов вніе ...

«Когда Буше быль въ 1819 году въ Бадень, то прелесть мъстоположенія, торжественное півніе монахинь до того очаровали его, что онъ написаль для последнихъ музыку на священный гимнъ «O salutaris. • По прошествіи двадцати пяти л'єть онь опять пріважаеть въ Баденъ, и первымъ дъломъ его было посътить Лихтенталь. Онъ нашоль въ монастырь еще четырехъ монахинь, которыя узнали его и

216 Смпьсь

сказали, что гимнъ его поется еще въ торжественные дни. Лля

него онв решились спеть его.

«Между присутствовавшими была мать одной изъ молодыхъ монахинь, пришедшая повидаться съ дочерью; дама эта была родомъ Испанка, за-мужемъ за нъмецкимъ офицеромъ. Монахини, знавиня Буше, вспомнили, что Испанія была второй отчизной его и попросили. чтобы онъ поговориль съ дамой по-испански.

•Буше исполниль просьбу ихъ; давно неслыханные звуки возбудили въ обоихъ старинныя воспоминанія... Испанка вынула кастаньетки, съ которыми никогда не разставалась (?), а скрипачъ сталъ играть испанскія національныя п'єсни и танцы. Въ первый, можетъ-быть. разъ, монастырь огласился нечестивыми звуками; монахини сбъжались, и не въ-силахъ будучи противиться увлекательнымъ звукамъ. принялись сменться, петь и плясать...

«Посать того Буше сыграль свой гимнъ «o salutaris», и монахини

торжественно запѣли...»

оржественно запъли..... Представьте себъ стараго скрипача съ Наполеоновскимъ лицомъ, Испанку съ кастаньетками, плящущихъ монахинь, и тотчасъ-же вследь за темъ торжественное, благочестивое пеніе, и скажите, на что не рышится французскій журналисть, чтобы только наполнить столбцы журнала своего, и въ срокъ представить его своимъ подписчикамъ?

- россини и дюпре. При первой репетиціи «Вильгельма-Телля». въ парижской Королевской-Академін-Музыки, въ 1837 году, півенъ Дюпре остановился въ самомъ началь и просилъ капельмейстера, г. Габенека аккомпанировать медленнъе. Всъмъ извъстны во Франціи артистическое достоинство г. Габенека и тесная дружба, въ которой онъ находился съ предшественникомъ Дюпре, павцомъ Нурри.

— Позвольте вамъ замътить, отвъчаль знаменитый капельмейстеръ: вотъ уже пятнадцать лътъ, какъ я аккомпанирую эту партитуру и авлаль это въ присутствіи безсмертнаго композитора ея; до-сихъ-поръ, другъ мой Нурри следовалъ этому размеру и такту;

вакъ вамъ угодно, а играть медлениве я не могу и не буду.

- Позвольте вамъ замътить, возразилъ Дюпре, что я десять-лътъ уже изучаю это мастерское произведение; не понимаю и не пълъ это иначе: хотите-ли аккомпанировать такъ, какъ я васъ о томъ прошу? account formular rates four law dept.

— Нѣтъ.

— пътъ. — Въ такомъ случаћ, прощайте.

И Дюпре́ удалился. Шумъ, говоръ, общее изумленіе и неудовольствіе. Никакія просьбы не могуть побъдить намъренія г. Габенека; ничто не можеть поволебать рашимости Дюпре. Что далать? Надо писать къ Россини.

Маэстро велъ въ то время счастливую и мирную жизнь на Югъ. Ему объяснили важность присутствія и рішенія его въ этомъ спорі. Смъсь

Онъ прівзжаеть въ Парижъ и извиняясь преклонностію леть сво-ихъ, покорнейше просить Дюпре пожаловать къ нему.

- Потрудитесь, сказалъ манстро, послѣ первыхъ привътствій, садясь за фортеніано: потрудитесь стать возлів меня и пропівть партитуру точно такъ, какъ вы ее понимаете. Дюпре сталь пъть:

- Хорошо! Прекрасно! Чудесно! говорилъ маэстро по-мъръ того, какъ могущественный голосъ пъвца развивался.

Посль большой аріи четвертаго дъйствія: «Amis, secondez ma vengeance! . Россини прервалъ пѣвца и съ восторгомъ обнявъ его, ска-

- Будьте увѣрены, что милый нашъ Габенекъ будеть аккомпа-

нировать такъ, какъ вамъ угодно; вы великій артистъ.

«Вильгельмъ-Телль» былъ сыгранъ и спъть такъ, какъ требовалъ Дюпре, который, какъ читатели наши помнять изъ біографіи его. имблъ огромный успъхъ.

ошивки въ разсчотъ. Часто случается, что авторъ ошибается въ достоинствъ собственныхъ сочиненій своихъ; онъ неръдко предпочитаетъ менъе хорошія и неимьвшія успъхъ. Часто авторъ бываетъ обманутъ въ надеждахъ своихъ или встрвчаетъ успъхъ тамъ. гав не ожидаль его.

Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ представленъ отчотъ ощибокъ последняго рода, т. е. пеожиданные успехи театральныхъ піесъ въ продолжение 25 лътъ. Этотъ трудъ не такъ важенъ, какъ если-бъ кому вздумалось исчислить піесы, неим'ввшія усп'єха, вопреки ожи-

даніямъ автора и публики. Робертъ-Дъяволъ былъ принятъ на сцену послѣ долгихъ переговоровъ и хлопотъ. Журналы предсказывали, что это мастерское произведеніе разорить Оперный Театръ. Наконець опера была дана только тогда, когда Мейербэръ обязался выплатить 60,000 франковъ въ случат неуспъха, для покрытія издержекъ постановки на сцену.

Aline, reine de Golconde, Алина, королева голкондская, комическаяопера, имъвшая огромный успъхъ, была дана только потому, что валежалась въ портфель директора и потому, что на театръ Коми-

ческой-Оперы ръшительно не было ничего новаго.

Les Mémoires du Diable, Записки Дьявола, два года пролежали въ портфёляхъ Водевильнаго-Театра, и были даны за неимѣніемъ ничего

другаго. Эта піеса имъла успъхъ во всей Европъ.

La grace de Dieu, названная у насъ La Nouvelle Fanchon, и переведенная на русскій языкъ подъ заглавіемъ Материнское благословеніе, была принята только въ ожиданіи большой мелодрамы: Les Pontons de Cadix. Авторамъ предсказывали, что піеса ихъ не выдержить и десяти представленій, а между-тімь ее давали цільній годь без-прерыено и теперь еще дають съ успівхомъ. Мелодрама «Les Pontons de Cadix. была отложена, потомъ играна и упала.

за смъхомъ — горе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскій актеръ Батистъ младшій, объѣзжая провинцій, остановился въ Дуэ, гдѣ намѣревался играть. Въ гостинницѣ онъ встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ часто видалъ въ Парижѣ, въ Королевскомъ Французскомъ-Театрѣ.

— Какъ я радъ, что встрътилъ васъ вдъсь, мосье Н., свавалъ актеръ молодому человъку: я внаю, что вы одинъ изъ постоянныхъ посътителей нашего театра, что вы умный судья и знатокъ въ драматическомъ искусствъ; мы, актеры, не ръдко пользуемся хорошими совътами вашими; налъюсь, что вы завтра будете въ театръ?

 Не могу, отвчвалъ Н.; я сегодня-же вечеромъ уважаю въ Годдандію. Говоря эти слова, Н. казался озабоченнымъ и безпокойнымъ;

Батистъ замътилъ это, и изъ въжливости замолчалъ,

Послѣ обѣда, актеръ и любитель вышли вмѣстѣ прогуляться. Едва они вышли на улицу, какъ къ нимъ подощолъ какой-то человѣкъ и, низко поклонившись Н., спросилъ:

- Не съ господиномъ-ли Н., имъю я честь говорить?

— Точно такъ; что вамъ угодно?

Незнакомецъ вынулъ изъ кармана листъ исписанной гербовой бу-

маги и продолжалъ:

- Одинъ изъ добрыхъ пріятелей моихъ переслалъ мнѣ изъ Парижа это требованьице... Если вамъ не угодно учинить по оному уплату, то соблаговолите послѣдовать за мною. . сумма, которую вы должны, съ процентами, рекамбіями и другими судебными издержками, составляетъ 3443 франка и 71 сантимъ...
- Если-бъ у меня была эта сумма, такъ я не былъ-бы здѣсь, отвѣчалъ Н., и продолжалъ, обратившись къ Батисту: вотъ зачѣмъ я торопился уѣхать отсюда; безжалостный заимодаведъ преслѣдуетъ меня съ ожесточеніемъ и не даетъ мнѣ въ Парижѣ ни отдыха, ни покоя. Я хотѣлъ отказаться отъ занятій и отъ родины моей, хотѣлъ бѣжать за границу, но... не удалось! Я попался и, вѣроятно, долго просижу въ тюрьмѣ.

Тронутый жалкамъ положеніемъ Н., Батистъ, съ похвальнымъ

великодушіемъ, тотчасъ-же вызвался помочь ему.

— Я не могу, сказаль онь: сейчась-же выплатить эту сумму, но по условію моему съдпректоромъ здішняго театра, я иміно право на бенефись; я устроюсь такимъ образомъ, чтобы онъ быль завтра-же, и сочту себя счастливымъ помочь вамъ вырученной суммой.

Н. съ благодарностію приняль это великодушное продложеніе; полицейкій согласился на столь короткую отсрочку съ тімь, однакоже условіемь, чтобы ему позволено не отставать отъ должника во все это время, ни на шагь. Надо было согласиться.

И вогъ коммиссаръ прицепился къ добыче своей; не отходить отъ Н. ни на шагъ, гуляетъ съ нимъ, возвращается въ гостинивцу

Смпьсь

вывств ужинаеть и наконець дожится спать въ его комнатв. На ельдующій день онъ идеть съ нимъ вмісті въ театръ и не спускаеть

съ него глазъ. Коммиссаръ никогда не видалъ Батиста на сценъ; послъдній, оживленный добрымъ дёломъ, игралъ превосходно и приводилъ всёхъ врителей въ восторгъ. Коммиссару особенно понравился комизмъ актера; онъ хохоталь оть луши; следиль за малейшими движеними актера, старадся не пропустить ни одного слова, однимъ словомъ, былъ виф-себя; удовольствіе его выражалось самымъ шумнымъ образомъ; онъ покачивался въ креслахъ, хватался за животъ, смъялся до слезъ... Никогла ему не было такъ весело, но, по окончании піесы, когда онъ пришолъ въ себя то вся радость и веселость его превратилась въ отчаяніе... возлів него было пустое місто... Н. исчезъ.

Всв поиски несчастного коммиссора были тщетны. Должникъ воспользовался отъездомъ дилижанса и отправился въ Голландію, оставивъ Батисту записку, въ которой онъ объяснялъ ему все дело.

Насколько дней спустя, Н. получиль въ Гага отъ Батиста письмо

савдующаго содержанія:

ідующаго содержанія: «Бъгство ваше, высочайшее торжество мое; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно «послужило мив къ счастливому окончанію вашего двла; отсутствіе «ваше савлало заимодавца вашего менье взыскательным»; я пслуичиль сбору 2,500 франковъ; по слову, данному мною, деньги эти • принадлежали вамъ; на остальную-же сумму кредиторъ далъ доволь-«но-продолжительную отсрочку, которая находится въ монхъ ру-«кахъ – сабдовательно, вы можете спокойно воротиться въ Парижъ.»

лизистрата. Эпизода иза пелопонезской войны. Это было въ прелестный вечеръ мъсяца гекатомбеона (іюля). Солнце величественно опускалось въ воды Сароникскаго озера, окращеннаго золотыми дучами его. Морскія чайки летали отъ Соломина до Пирея, касаясь распущенными крыдами свътлой поверхности волнъ... Вершины Гимета мало-по-малу теряли красноватыя отгънки заходящаго солнца, принимая фіолетовый цвътъ, столь восхитительный на вершинахъ южныхъ горъ По направленію отъ Абинъ слышались неясные звуки... народъ Минервы, наслаждаясь свъжимъ, вечернимъ воздукомъ, прогуливался по широкимъ террассамъ Пирея, вдыхая благоуханія, наносимыя Horonia Compression of some вътеркомъ.

Близь небольшаго храма, находившагося въ недальномъ разстояни отъ берега и на одинъ стадій отъ города, молодая Афинянка, сопровождаемая маленькимъ невольникомъ, казалось, ожидала кого-то съ нетеривніемъ. Маленькій невольникъ также казался озабоченнымъ; онъ ходиль взадъ и впередъ по берегу, взбираясь иногда на сосъднія скалы и смотря въ-даль. Но вотъ человъческая фигура появилась на берегу. Аовиника позвала невольника и сказала ему на критскомъ – Иди и скажи, что я жду.

Невольникъ исполнилъ приказаніе и, возвратившись, радостно отвічаль:

Да, Ливистрата; это Лакедемонянка Лампито приближается сюда.
 Ливистрата подняла руку въ знакъ радости и сдълала нъсколько шаговъ впередъ.

— Лампито, это ты! сказала она. Милая подруга моя! какъ ты пре-

лестна! Я нетеривливо ждала тебя.

— Лизистрата, отвъчала Лакедемонянка: какъ я счастлива, что вижу тебя! Дороги ужасны. Между Мегарой и Элевксисомъ лошадь моя дважды падала. Я получила посланіе твое. Супругъ мой въ Аеинахъ для заключенія мирныхъ договоровъ; онъ очень удивится, когда увидитъ меня. Но ты желала видъться со мною — и я пріъхала!.. Зачъмъ призвала ты меня?

— Ты все увнаешь, Јампито, все!.. Но какъ лицо твое цвѣтетъ здо-

ровьемъ! Какая сила! Очаровательная грудь!

— Да, я вмѣстѣ съ подругами своими занимаюсь гимнастическими играми въ честь Поллукса. Я верхомъ перескакивала черезъ высокую ограду и танцую пиррійскую пляску... но зачѣмъ ты такъ странно смотришь на меня?

- Сколько важныхъ новостей сообщу я тебъ. Но подождемъ под-

ругъ нашихъ.

- Следовательно, ты созвала ихъ на морской берегъ?

 Да. Но какъ они медлятъ! О, еслибъ дъло шло о празднествъ во храмъ Бахуса, или Пана, или Венеры...

Онъ давно-бы собразись. Я ихъ знаю.
 А! вотъ Миррина! сказала Лизистрата.

Аоинянка Миррина медленно приближалась, опираясь на плечо сильной здоровой Сиріянки.

- Я опоздала, Лизистрата, сказала она: но супругъ мой прибылъ

сегодня вечеромъ изъ Пилоса.

— Это прекрасно, и послужить намѣренію моему... Но зачѣмъ ты покрыла щоки свои румянцомъ, Миррина? Тебѣ такъ присталь блѣдный цвѣтъ лица!

Супругъ мой любитъ румяныя щоки.

Настоящій Авинанинъ! Но вотъ идетъ Стратиллиса.

Подошла Стратиллиса и, взявъ Лизистрату за руку, сказала ей, улыбаясь:

- Кто причиной сходки нашей? Амуръ, Фортуна, Юнона или Бел-
- Узнаеть. Какъ платье твое коротко—у тебя ножка Діаны и ты не хочешь прятать подобное сокровище.
- Природа надъляетъ насъ подобными сокровищами не для того, чтобы мы скрывали ихъ. Но не въ томъ дъло: супругъмой въ Аоинахъ, овъ присоединился къ пелопонезскимъ посламъ, чтобы требовать продолженія перемирія... Когда-же кончится эта несносная пелопонезская

Смъсь 221

война! Отчего мужчины сражаются сътакимъ ожесточениемъ, когда женщины различныхъ городовъ живутъ въ такомъ мирѣ и согласіи.

 Мы сейчасъ разрѣшимъ этотъ вопросъ, отвѣчала Лизистрата: и ты увидишь, что онъ находится въ тѣсной связи съ причиной, для которой я созвала васъ сюда.

Вскорѣ къ подругамъ присоединилась еще молодая женщина, изъ Коринеа, что не трудно было узнать по гибкости и тонкости таліи ея

и по драгоцинности браслетовъ.

 По-истинѣ, Солоника, сказала Лизистрата, поцѣловавъ ее въ чело: я должна быть благодарна тебѣ за то, что для насъ ты рѣшилась коть на время разстаться съ вашими сикіонскими садами.

— Да, милая Лизистрата, вашъ городъ прекрасенъ, богатъ и воин-

ственъ, но вы не внаете нашего искусства-жить съ нъгой...

- Нъга ведетъ къ разврату, возразила Лакедемонянка.

 Стъ! сказала Ливисрата: не заводи ссоры, суровая Лакедемонянка. Пора помириться всей Греціи... Но теперь, кажется, все на лицо; прочія-же подруги соберутся въ домъ мой.

По внаку Лизистраты, маленькій невольникъ, съ помощію другихъ, прибывшихъ позже, разложилъ на пескѣ коверъ, и прелестная Аоннянка пригласила подругъ своихъ, усѣсться вокругъ нея. Составилась очаровательная группа не берегу Сароникскаго озера; никогда лучи Діаны не освѣщали собранія болѣе роскошныхъ красавицъ: будто Нереилы собрались слушать дивные разсказы царицы ихъ Галатеи.

- Полруги, сказала Асинянка: какое ваше мивніе на-счоть войны, подобно коршуну, пожирающей Грецію въ продоженіе двадцати льть? Нъсколько непродолжительых перемирій прерывають ужасныя кровопролитія, пожары, разбои, грабежи, достойныя скискихъ народовъ, которыхъ мы уже не смъемъ называть варварами. Я съ своей стороны, не навижу войну по причинамъ, которыя было-бы слишкомъ дого излагать здёсь.
- Я, сказала Лампито, съ удовольствіемъ перешагнула-бъ черевъ море, въ Азію, и съ мечомъ и огнемъ вступила-бъ въ изнѣженныя владѣнія великаго повелителя, чтобы видѣть, какъ онъ будетъ спасаться бѣгствомъ на слонахъ, съ испуганными нимфами своими. Но война между греческими городами, война преступная, противуваконная. Я полнимаю руку противу этой войны.

 И я также, прибавила Миррина. Кинсасъ, супругъ мой, сводитъ меня съ ума разсказами о битвахъ, о лошадяхъ и вооруженіи...

Только и слышишь, что осада, набыть, побыда...

— Мой супругъ, сказала Стратиллиса, поетъ только воинственныя пъсни, чиститъ щитъ, шлемъ и наостряетъ мечь свой. Онъ почти не ъстъ и не пьетъ, пълуетъ меня разсъянно и холодно, и уъзжаетъ изъ дому въ станъ до заката солнечнаго!..

 И мой не умиће, прибавила Солоника. Въ продолжение двухъ дней, проведенныхъ въ Коринећ, онъ подарилъ миъ только два часа,

и то... О! я ненавижу войну!

- Вотъ это чудесно, сказала Лизистрата: следовательно, мы все со-

гласны Намъ нуженъ миръ. Мы достигнемъ его.

— Будеть молить Грацій и Минерву! произнесли подруги. По какъ заставить супруговъ нашихъ, находящихся теперь въ Аоннахъ, въ званіи Эллинских в пословъ, согласиться на заключеніе твердаго, прочнаго мира? Вы увидите, какъ они завтра будуть ссориться на совъ-

— Какъ? возразила Лизистрата. Довфряете-ли, вы миъ?

- Да, ты умна и прекрасна, какъ Минерва!

- Благодарю. Я всей душой и всемъ сердцемъ желаю мира. Миръ, это должное спокойствіе, счастіе, это благоденствіе семьи, радость автей...

И жонъ, прибавила Стратиллиса. Я откровенна.

— Прекрасно. Вотъ цъль моя: заставить насильно мужей нашихъ согласиться на миръ. mint of the same work of the

— Но какъ? Что аблать? Какъ приступить къ этому? спросили всв

женщины вдругъ.

— Какъ? отказомъ, отвъчала Лизистрата.

- Я начинаю понимать мысль твою, возразила Солоника:

становится грустно...

 Молодыя и предестныя жовы Аттики и Пелопонеза, продолжада съ живостію Лизистрата: дъло идетъ о нашемъ спокойствіи, о нашемъ счастій. Отвъчайте, согласитесь-ли вы на предложевіе мое?

- Конечно, конечно, егли только...

- Никакихъ условій! Хотите-ли мира?

- Хотимъ, хотимъ!

 Хотимъ, хотимъ!
 Клянусь вамъ, что вы будете имъть его. Вотъ какими средствами: старшей изъ насъ не болве двадцати-двухъ лвтъ; мы хороши собою и можемъ всякому вскружить голову. Самъ Адонисъ влюбился-бъ въ — Да, отвъчали всъ. – Эго правла.

 Супруги наши влюблены въ насъ, продолжала Лизистрата. Мужья наши начальники Греціи, отъ нихъ зависить заключеніе міра. Заставимъ-же ихъ заключить его... понимаете-ли вы меня?

- Да и нътъ, отвъчала Лампито. Ты хочешь, въроятно, чтобы до заключенія мира мы поступали съ мужьями, какъ съ непріятелями,

чтобы мы во всемъ отказывали имъ?

- Мало того! вскричала Лизистрата. Мы должны разстаться съ alon grapper, estanta Ligarnames, mora rollen munecia unun
- Ахъ! возразила, вздыхая, Солонина: это выше силъ моихъ...
- Правду сназать, прибавила Стратиллиса: декарство хуже бользни. Пусть лучше продолжается война.
- Я ни ва что не соглащусь ввергнуть супруга своего въ отчаяніе, сказала Миррина: тъмъ болъе, что у меня самой не достанетъ тверsynfloa granting on a 10 ... of a ДОСТИ...

223 Смись

- Какія вы жазкія созданія! вскричала Лизистрата. Неужели вы до того малодушны? Вы такъ слабы, что не хотите достигнуть мира, тоесть общаго благоденствія, легкими пожертвованіями!.. А! боги, по справедливости, наслали на насъ этотъ бичъ, потому-что во всей Греціи нѣтъ даже тѣни добродѣтели!

— Но наконецъ, сказала Лампито: объясни-же намъ, какъ мужья

наши, будучи разлучены съ нами, сойдутся и согласятся на миръ?

- Какъ? отвъчала Лизистрата: неужели ты не понимаешь, какъ

тятостна будетъ имъ разлука съ нами?

- Да, возразила Миррина: если бъ они могли видъть насъ, говорить съ нами, не имъя права располагать нами, то я понимаю, что мы мо-

гли-бъ смирить ихъ...

- Благодарю тебя, милая моя, что ты поняда мысль мою. Итакъ, прелестныя подруги, пойдемте въ домъ мой. Вы знаете, что у меня есть обширныя террасы и галереи въ саду. Тамъ мы проведемъ нъсколько дней въ удовольствіи, въ півніи и въ пляскахъ, при звукахъ лидійскихъ флейтъ. Ночью мы будемъ ужинать при свѣтѣ факеловъ, окружонныя зеленью и цвѣтами. Мы будемъ въ праздвичныхъ нарядахъ, и красота наша вскружитъ голову самымъ равнодушнымъ: потому-что насъ можно будеть видъть, но достигнуть до насъ не будетъ возможности. Сначала мы подвергнемся угрозамъ, потомъ упрекамъ и наконецъ, упреки уступятъ мъсто просьбамъ, а за просьбами посавдують мольбы. Вы увидите, что съ нами будуть поступать, какъ съ божествами, и будуть жечь опијамъ у оградъ возвышенныхъ садовъ нашихъ. Скажтие, будете-ли вы еще сопротивляться навъреніямъ монмъ? франция при проти проти дини сот на верой в порт
- Нъгъ, отвъчала Солиника: мнъ кажется, что супругъ мой, въ любовномъ восторгъ, ръшится прекратить войну.
- Темъ боле, прибавила Лизистрата, что мы дадимъ имъ нонять, что только съ этимъ условіемъ мы сжалимся надъ ними.
- Конечно, сказала Миррина. Я вижу своего супруга побъжденнаго. Кстати, я привезла съ собою платье изъ ткани, прозрачной и нъжной. вакъ покрывало Авроры.
- У меня милетская туника, сказала Солоника, и персидскіе бра-
- слеты.
 Я надену, свазала Стратиллиса, платье съ узкой тальей и венокъ изъ золотыхъ листьевъ.
- Да, сказала смуглая Лакелемонянка: наряжайтесь какъ нимфы. Мой нарядъ будетъ проще. Я, какъ Спартанка, надъну короткую ту-нику, ноги мои будутъ обнажены и пурпуровая лента обовьетъ чорные волосы мои.
- Этотъ нарядъ удвоитъ прелести твои, сказала Лизистрата, обнимая ее. Ты будешь походить на прелестнъйшаго юношу Греціи. Подруги мои, я вижу, что вы образумились; хвала Минервъ! Соберитесь же всв сегодня вечеромъ въ домъ Лизистраты. Вы ни въ чомъ не бу-дете нуждаться, ни въ вкусныхъ кушаньяхъ, ни въ Оазосскомъ винь,

224 CMRCS

ни въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, ни въ ароматахъ, ни въ музыкѣ, ни въ плодахъ, ни въ драгоцѣнностяхъ, ни въ веркалахъ, ни въ румянахъ, ни въ плодахъ, ни въ плодахъ, ни въ плодахъ, ни въ плодахъ, словомъ, ни въ чомъ, что услаждаетъ жизнь и дѣлаетъ ее счастливой!.. Невольники, предшествуйте намъ и когда мы войдемъ въ жилище мое, то идите и скажите пританамъ, что мы вступаемъ подъ покровительство законовъ, потому-что мы хотимъ праздновать мистеріи въ честь Цереры.

Въ продолжение четырехъ дней уже, домъ Ливистраты оглашался радостными кликами и гармоническимъ пѣніемъ. Ни одинъ мужчина, даже изъ невольниковъ, не былъ впускаемъ въ жилище, гдѣ праздновались мистеріи въ честь Цереры. Пританы, получившіе привошеніе, обыкновенное въ подобныхъ обстоятельствахъ наблюдали за тѣмъ, чтобы никто не нарушилъ спокойствія Лизистраты и подругъ ея. Около вечера, молодыя Гречанки выходили на террассы, въ предестные сады, откуда былъ видъ на Акрополисъ, Пирей и Сароникское озеро. Онѣ были очаровательны, какъ богини. При свѣтѣ факеловъ можно было видѣть предестныя группы, которыя онѣ образовывали, то сидя за столомъ, то танцуя при звукахъ свирѣлей, тимпановъ и флейтъ лидійскихъ.

Около половины четвертой ночи, нѣсколько старцевъ появились подъ террассами Лизистраты, и подруги ея получили уже нѣсколько посланій отъ мужей своихъ, умолявшихъ ихъ прекратить празднованіе мистерій и возвратиться къ нимъ. Очаровательнѣйшія изъ жонъ не улостоили даже мужей отвѣта. Имъ пришли доложить о прибытіи старцевъ и онѣ вышли на галлереи, чтобы насладиться врѣлищемъ мимической ярости почтенныхъ Афинянъ. При видѣ ихъ, гнѣвъ старцевъ увеличился и разразился въ упрекахъ и угрозахъ.

- Вотъ онѣ, вскричалъ одинъ изъ старцевъ, Стримодоръ: вотъ онѣ, преступныя существа, поклявшіяся погубить городъ Минервы! Мы очень-хорошо внаемъ, что подъ мнимыми мистеріями ихъ скрывается ужасный умыселъ. Они хотятъ принудить мужей заключить миръ, пагубный для Аеинъ, отказывая имъ... Безсмертные боги! вы знаете, въ чомъ онѣ имъ отказываютъ! Нѣтъ, нѣтъ, война должна продолжаться до-тѣхъ-поръ, пока Пелопонезъ не даруетъ городу Палады того, что онъ требуетъ...
- Преступныя жоны, продолжаль старець Филургій: вы заставите насъ приступомъ взять домъ, въ которомъ вы заперлись! Вы до-того возмутили разсудокъ супруговъ вашихъ, что они не могутъ ръшиться ни въ пользу, ни противъ войны, и какъ безумные спорятъ въ храмъ Минервы. Приказываю выдти вамъ изъ вашего логовища, волчицы! и воротиться къ супругамъ вашимъ, имъющимъ безразсудство быть еще привязанными къ вамъ!..
- Посмотрите, какъ онъ еще дерзки, прибавилъ Дракъ: онъ смъются надъ нами съ высоты террасъ своихъ! Ахъ, жаль, что здъсь

Смпсь 2:5

ивтъ лъстницы! Я-бы взобрался къ нимъ и проучилъ ихъ. Эврипидъ правъ, называя женщинъ бичомъ рода человъческаго.

И другіе старцы обратились съ рѣчами своими къ преступницамъ, когда вдругъ Лизистратѣ и Лампитѣ пришла мысль облить лысыя и почтенныя головы ихъ водою.

- Великіе ораторы! вскричала Лизистрата: продолжительныя ръчи возбуждають жажду... воть вамь водица!

 Обольемъ ихъ еще разъ, вскричала Стратиллиса: это охладитъ иъсколько воинственный жаръ ихъ.

- Они нуждались въ омовеніи, прибавила Солоника: мало-ли они

нагръшили, проживъ столько лътъ на свътъ!

— Презрѣнный полъ! вскричалъ Филургъ: я промокъ до костей! Опять слѣлается у меня насморкъ и кашель. — Невольники, осущите плечи мои тонкими тканями и перемѣните верхнюю одежду мою.

— О боги! вскричалъ Страмодоръ: я опять начну страдать желуд-

комъ отъ простуды!

Параличъ убъетъ меня! прибавилъ Дракъ.

Пока невольники хлопотали около сердитыхъ стариковъ, Лизистра-

та обратилась къ намъ съ слъдующими словами:

— Навазаніе это еще слишкомъ-мало въ сравненій съ вашею дервостью. Какъ не смелться надъ брюзгливыми и злобными стариками. въчно возстающими противу всего благороднаго, радостнаго юнаго и прекрасного въ жизни? Не вы-ли, старики, возбуждаете и поджигаете дурныя страсти въ сердцахъ начальниковъ греческихъ городовъ? Не вы-ли, дряхлыя и изсякшія сердца, не терпите согласія, мира и любви? Пороки ваши происходять отъ вашей слабости и дряхлости, которая, вмісто того, чтобъ быть покорной, безпрестанно возстаеть противу неизмѣнныхъ законовъ природы, и желала-бъ, въ зависти своей, уничтожить, нарушить навсегда гармонію міра. Старые панегиристы прошедшаго, вы ненавидите настоящее, а будущее устращаеть васъ, потому-что будущее для васъ, это воды Стикса и судъ Миноса. И вы еще хотите, чтобы васъ уважали, тогда какъ въ сердив вашемъ, одна ненависть, глупое тщеславіе, упрямство и безсильные пороки!... Удалитесь, возвратитесь въ жилища ваши; перестаньте выбшиваться въ общественныя дела, требующія юнаго ума, живаго воображенія, сильной воли, словомъ-молодыхъ людей. Берегите лучше здоровье ваше, вспоминайте о счастливыхъ дняхъ юности вашей, предайтесь тихимъ семейнымъ наслажденіямъ и любуйтесь веселыми картинами природы, могущими еще радовать сердце ваше; вънчайте посъдъдыя главы ваши дубовыми и миртовыми листьями, если хотите, прааднуйте Бахусу виномъ, но, именемъ боговъ, просимъ васъ, оставайтесь подъ покровительствомъ Јаръ вашихъ и не показывайте лысыхъ головъ вашихъ въ народныхъ грозахъ!..

Увы! эти слова еще болке раздражили стариковъ.

- Замодчишь-ли ты, безстыдная сирена! вскричиль Страмодоръ. т. УІІІ Удались и не показывай намъ голыхъ ногъ и роскошныхъ плечъ твоихъ, женщина столь-же опасная, какъ дочь Тиндора.

Смотрите, сказалъ Филургъ: на эту Кориноянку, которую зовутъ
 Салоникой; съ какимъ безстыдствомъ является она предъ нами почти

въ одъяніи Нереиды!.. Это ужасно!

— А! прибавилъ Дракъ: закроемъ глаза и заткнемъ уши, потомучто ничто не можетъ сравниться съ безстыдными обольщеніями Стратиласы и Миррины, которыя плящутъ теперь самымъ сладострастнымъ образомъ.

 Неужели? отвѣчала имъ Лампито, подошедъ къ балюстрадѣ: неужели? зачѣмъ-же вы остаетесь тутъ, передъ садами нашими, старые развратники? Какое божество привлекаетъ васъ? Зачѣмъ смо-

трите вы на насъ?

— Мы хотимъ проклясть тебя и подругъ твоихъ, отвъчалъ Фи-

О Филургъ! воскликнула смуглая Лакедемонянка: проклинай лучше дряхлость свою и дрожащія ноги.

- О Страмодоръ! сказала Стратиллиса: берегись, чтобы кости

твои не загорълись. Ничто не горить лучше старой рухляди.

Невозможно передать всёхъ насмёшекъ мололыхъ женщинъ. Упрямые старики приступомъ хотёли взять домъ, но невольники, боясь притановъ, не приносили лёстницъ. Вдругъ послышался сильный шумъ въ жилищё Лизистраты. Увидали человёка, старавшагося скрыться въ лавровыхъ кустахъ, покрывавшихъ террасу со стороны моря. Кто былъ этотъ человёкъ? Какъ онъ пробрался въ садъ? Молодыя женщины были сильно встревожены. Вдругъ Миррина бросилась на шею къ Лизистратё и со слезами произнесла:

 Милая Аеинянка моя, прости! прости несчастному супругу моему; это самъ Киней... пламенное желаніе увидёться со мною на-

учило его перельзть черезъ ствиу...

- Счастливая супруга! сказала Лизистрата, улыбаясь: послушай, Миррина, ты можешь помочь намъ заключить миръ. Супруги наши собрались теперь въ храмѣ Минервы, гдѣ они разсуждаютъ при свѣтѣ факеловъ. Твой мужъ удалился отъ нихъ, но не надолго. Онъ долженъ возвратиться въ собраніе. Онъ непремѣнно хочетъ видѣть тебя... Иди-же къ нему; объяви ему условія наши, скажи, чтобы онъ лично явился сюда, съ мирнымъ договоромъ, подписаннымъ всѣми начальниками Греціи, иначе... рѣшительный отказъ!
- Ты хочешь, чтобы я пошла въ мужу своему, подъ густыя лавровыя деревья! вскрикнула Миррина. Но ты забываешь, на что мы решились, Лизистрата!
 - Не забываю, Миррина, и ты будешь непоколебима!
- Непоколебима? повторила супруга Кинея, сомнительно покачавъ головою.

Ты должна, предестная подруга моя, сказала Лизистрата торжественно.

И наклонившись къ уху Миррины, она что-го сказала ей шопотомъ. Миррина, успокоившись и вполнъ постигнувъ приказанія очаровательной предводительницы возмутительницъ, пошла къ лавровымъ деревьямъ...

Нѣсколько времени спустя, Киней выходиль изъ дому Лизистраты съ печальнымъ и озабоченнымъ видомъ. Онъ прошолъ мимо толпы

старцевъ, не обращая даже на нихъ вниманія.

- Смотрите! это, кажется, одинь изъ пословъ анинскихъ въ общемъ собраніи начальниковъ Греціи? Не Киней-ли это, другъ нашъ? сказалъ старецъ Страмодоръ.

- Точно, это онъ, прибавилъ Филургъ, полнявъ дрожащую го

лову

Откуда, Киней, и куда? спросилъ Дракъ.

Молодой Аоинянинъ остановился и посмотръвъ на стариковъ, спросилъ:

— Что вы, почтенные деды, здёсь делаете, въ такое позднее время? Зачёмъ вы не на одрахъ вашихъ?

- Мы спасаемъ Асины отъ заговора, возразилъ Филургъ. Заговорщицы въ этомъ домѣ; онѣ поютъ, плящутъ, празднуютъ и угрожаютъ гибелью городу нашему, островамъ, колоніямъ и всему асинскому могуществу.
 - Я сейчась отъ нихъ, сказалъ Киней съ глубокимъ вздохомъ.
 - Что-же? что-же? нетерифливо вскрикнули старцы.
 Что? я лумаю, что заговорщины восторжествують.

- Боги! возможно-ли! Въ такомъ случать мы должны сожалать о деспотическомъ владычествъ Пизистрата, потому-что натъ инчего ху-

же деспотизма этихъ развращенныхъ женщинъ...

- Молчи, Филургъ, сказалъ Киней. Ты не можеть понять, до-какой-степени онъ обольстительны въ этомъ домъ... о, онъ очаровательны!.. особенно жена моя, Миррина, жесточайщая и предестнъйшая изъ женщинъ!
 - Она напоила тебя какимъ-нибудь зельемъ!
 - Прелести ея дъйствительнъе всякаго зелья!
- Она заговорила и помрачила разсудокъ твой таинственными, водшебными словами!
 - Какъ вы ошибаетесь!

- Она вооружила противу тебя страшныя божества.

- Она явилась, сказала мит итсколько словъ, взяла меня за руки...
 - А потомъ?
- Потомъ? Ничего. Она приказала мий склонить предводителей къ миру и воротиться къ Лизистрати съ подписаннымъ договоромъ.

- И ты повинуешься?

- Какъ не повиноваться?

- И ты будешь говорить въ пользу мира?

- Если миръ можетъ возвратить намъ жовъ нашихъ, почему-же намъ не любить мира?
 - Ты подпишешь договоръ?

— Подпишу

- Ты возвратишься съ нимъ къ Лизистратъ?

 Друзья мои, послы городовь греческихъ рѣшатъ этотъ вопросъ. Намъ нужвы жоны наши.

— Вамъ нужна моровая язва, несчастные! всвричалъ Страмо-

доръ.

— Вамъ нуженъ раздоръ! сказалъ Дракъ.

— Вамъ нужны фуріи! прибавиль дрожащій Филургъ.

Киней ушоль отъ нихъ; миновалъ амфитеатръ Бахуса, поднял-

ся по лъствицъ Акрополя и вощолъ въ храмъ Минервы.

Между-тыть упрямые старцы оставались подъ террасами дома Ливистраты. Тщетно невольники умоляли ихъ не подвергаться простудь, оставаясь на свыжемы, холодномы ночномы воздухы. Филургы начиналы сильно кашлять; Дракы теры себы ноги шерстью, потомучто ощущалы вы нихы боль; Страмодоры прохаживался взады и впереды, прижавы руки кы животу. Кы нимы подыйхалы на горломы коны Филархонты. Этогы начальникы конницы былы молоды и хорошы собою; оны остановился возлы старцевы, переды домомы Лизистраты.

— Клянусь богами! сказаль онъ: я не удивляюсь, что вижу васъ вабсь въ восторгв при слабомъ свътв звъздъ; какая божественная музыка! какія божественныя женщины! Берегитесь, о почтенные дъды! чтобы Венера не увлекла васъ за предълы благоразумія... вы рискуете здоровьемъ, жизнью... приносите лучше жертвы Эскулапу.

— Презрѣнный сумасбродъ! сказалъ Страмодоръ, не переставая прохаживаться и не сничая рукъ съ живота: воротись лучше къ конямъ своимъ. Развѣ ты не видишь, что мы собрались, чтобы жесто-

кимъ образомъ покарать этихъ отвратительныхъ тварей?

Филархонтъ выпучилъ глаза, вытянулъ шею впередъ и полураскрытый ротъ, казалось, вдыхалъ въ себя упоительныя благоуханія, мелодіи, воздухъ, исполненный нѣги и сладострастія, наносимый отъ жилища благородной Авинянки.

 Слушай, молодой человѣкъ, сказалъ Филургъ: я тебѣ подарю серебряный щитъ, если, приподнявшись на стременахъ, ты согласишься плюнуть въ лицо этой презрѣнной Стратиллисѣ, которая на-

клонилась теперь на балюстрадъ...

Филархонтъ приблизился къ стѣнѣ и, вскочивъ на коня своего, старался поцѣловать предестную ножку Стратиллисы, выдавшуюся надъ карнизомъ мраморной стѣны. Смѣлый всадникъ поцѣловалъ ножку съ жаромъ. Стратиллиса наказала дерзновеннаго, бросивъ ему вълицо большой букетъ цвѣтовъ...

Но вотъ прибыли начальники Греціи и увидели счастливаго Фи-

Смњег 229

зархонта у ногъ Стратилиссы. Легкая дрожъ пробъжала по всему тълу ихъ... Праздныя и разлучонныя съ мужьями, жоны могутъ имъть странныя фантазіи!.. Всадникъ поситино удалился съ букетомъ цвътовъ и сладострастнымъ поцълуемъ. При видъ пословъ греческихъ, старцы оживились сильною радостію.

 Вы видъли собственными глазами вашими! вскричали они: вы знасте теперь, какъ мало надо уважать женщивъ, назначающихъ свиданія молодымъ Аоинянамъ и позволяющихъ цъловать ножки свои...

Это доказываетъ...

Это доказываетъ, о мудрый Страмодоръ, сказалъ супругъ Стратиллисы, какъ опасно разлучаться съ ними... Это доказываетъ, что миръ, дълая жонъ нашихъ върными, добродътельными и любезными, есть величайшее изъ благъ земныхъ!

— Клянемся быть върными, благородные предводители городовъ греческихъ! вскричали единогласно жоны, выбъжавъ на галерею.

- Безсмертные боги, какъ онъ предестны! вскричаль Эрхидамъ,

супругъ Лампиты.

— Лизистрата, сказалъ Ликонъ Афинянинъ: сжалься надъ нами. У насъ едва осталось довольно разсудка, чтобы подписать мирный договоръ, съ которымъ возвращаемся къ тебъ. Положите конецъ, оча-

ровательныя женщины, мистеріямъ Цереры.

— Все кончено! всвричали старцы: погибла Греція! Лучше находиться подъ владычествомъ Мидянъ, Персовъ, Скифовъ и всёхъ варварскихъ народовъ вмёстё, нежели зависёть отъ развращоннаго пола, отъ котораго зависитъ судьба всего міра, по непостижимой прихоти воли боговъ. Пойдемте, о мудрецы! согремте названія побѣдъ нашихъ, написанныхъ на столбахъ храма Минервы; вырвемъ трофен наши изъ Тетраполя; уничтожимъ прошедшее, коли не можемъ остановить теченія времени и подчинить настоящее покольніе, занятое собою и будущностью, постоянному изученію прогекшихъ временъ!...

Невольники засвътили большіе факелы и пошли предъ старцами, которые, закутавшись въ мантіи, удалились нетвердымъ шагомъ, опустивъ головы и съ негодованіемъ въ сердцѣ ..

Въ домъ Лизистраты увеличились веселіе и радость.

Супруги вошли туда съ торжествомъ; мирный договоръ былъ подписанъ. Оставалось молить о покровительствъ домашнихъ боговъ, и жертвовать богинъ любви...

жертвовать богинъ мови...
— Io! io! Эво э! повторяло эхо Акрополиса до утра...

РОДИТЕЛИ И СЕСТРА ШИЛЛЕРА. Во-время Австрійской войны за паслідство, отецъ Шиллера быль лекаремъ при одномъ изъ баварскахъ полковъ; въ-послідствін онъ вступиль въ виртемберскій полкъ принца Людовика прапорщикомъ и наконецъ воротился въ герцогство въ чинъ полковника. Съ-тъхъ-поръ містопребываніе его было непостоянно, смотря по назначенію полка — Марбахъ, глів родился

230 Смпсь

сынъ его — поэтъ, Людвигсбургъ и многіе другіе города: послёдніе дни свои провелъ старый Шиллеръ въ нетрудныхъ ванятіяхъ и спокойствіи, въ увеселительномъ замкв Солитюдь. Онъ быль человъкъ

серьёзный, положительный, но крайне-добрый.

Мать Шилера происходила отъ древней дворянской фамиліи. Она была исполнена глубоваго, истиннаго поэтическаго чувства — достойная мать великаго поэта, который быль изумительно похожь на нее. Она была высокаго роста, стройна; лицо ея было кротко, привлекательно и отличалось бѣлизной и нѣжностью кожи; высокій лобъ придаваль лицу открытое, прямодушное выраженіе. Волосы ея были рыжевато-бѣлокурые, какъ и волосы сына ея.

Сестра Шиллера, вдова Гофрата Рейнвальда, была нѣжно любима имъ. Вотъ что пишетъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ путешественникъ, прожившій нѣсколько дней въ Мейнингенѣ, гдѣ и по-

нынъ живеть сестра Шиллера, въ преклонныхъ лътахъ:

«Я съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ посттить сестру великаго поэта нашего, который, какъ извъстно, сердечно любилъ ее. Она приняла меня съ открытымъ, непритворнымъ прямолушіемъ, и немедленно вступила въ одинъ изъ техъ разговоровъ, которые сближають людей вовсе незнакомыхъ, какъ-будто-бъ они давно уже находятся въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Она говорила съ такою искренностью, живостью, свежестью чувствъ и твердостью голоса, что я вабывался, полагая, что нахожусь въ обществъ молодой дъвушки. И комната ея (названіе будуаръ было-бъ здісь неумістно), была убрана съ дъвическою прихотливостью, между-тъмъ воспоминанія, соединенныя съ каждой бездълушкой, простираются уже лътъ за пятьдесять и болье. Множество рисунковь и картинь, собственные труды ея, доказывають, что она обладаеть не простымь художническимъ даромъ. И теперь еще рисуетъ она цвъты съ натуры, съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ-сатаующихъ, собственныхъ словахъ ея, выражается вся простота и вмісті съ тімь образь жизни ея:

— Я не могу жаловаться на судьбу свою, говорила она: это былобы несправедливо; я должна благодарить Создателя моего, сравнивая себя съ другими людьми; Онъ содълать меня счастливъйшею, нежели я заслуживаю. Мнъ оказывають неръдко почоть, въ память брата моего... вообразите, продолжала она улыбаясь, и въ словахъ ея не видно было ни малъйшей гордости, — вообразите, меня часто посъщають знатнъйшія особы, и если-бъ вы знали, какъ онъ милостивы ко мнъ! Воть хоть-бы князь***, подарилъ мнъ этоть предестный серебряный бокалъ, на которомъ выгравированы слъдующіе стихи брата моего: «Drinnen waltet die züchtige Hausfrau, die Mutter des Kinder, und herrschet weise im hauslihen Kreise...» Не правда-ли, какъ это мило? Не должно-ли меня трогать, въ моемъ домашнемъ уелиневіи, подобное внимавіе? Впрочемъ, я не жалуюсь на свое уединевіе, я умъю употреблять время свое — рисую, записываю воспоминанія и мысли свои, читаю. Не оживляють ли подобныя завоспоминанія и мысли свои, читаю. Не оживляють ли подобныя завоспоминанія и мысли свои, читаю. Не оживляють ли подобныя завоспоминанія и мысли свои, читаю. Не оживляють ли подобныя завоспоминанія и мысли свои, читаю. Не оживляють ли подобныя завоспоминанія и мысли свои, читаю.

Смпсь

нятія и счастливыя, прелестныя воспоминанія о прежнихъ дняхъ, величайшее уединеніе? Благодарю Бога, что Онъ даровалъ мив способность сочувствовать всему прекрасному и жить сердцемъ!

Сестра Шиллера средняго роста, глаза ея чрезвычайно-живы и исполнены ума; черты лица, въ которыхъ много сходства съ ІНиллеромъ, отличаются свъжестью; движенія ея быстры и граціозны; манеры ея одежды и убранства комнать напоминають времена молодости ея. Роскошь не проникла еще въ мирный, тихій Мейнингенъ, а потому убранство комнатъ гофратци Рейнвальдъ можно назвать богатымъ по тамошнимъ понятіямъ, но не по общимъ.

Я разстался съ нею съ темъ благодетельнымъ впечатлениемъ, ко-

торое производять на насъ чистыя, спокойныя ощущенія.

похождения танцовщицы. Если-бъ вы знали, сколько мужества, терпънія, покорности и неусыпныхъ трудовъ нужно молодой дъвушит, сколько ужасныхъ мученій должна она перенесть, сколько горькихъ слезъ должна она пролить въ уединеніи, чтобы савлаться даже посредственной танцовщицей, то сердце ваше наполвилось-бы сожальніемъ.

Послушайте исторію танцовщицы, разсказанную ею самою:

Елва мит минуло семь лътъ, какъ меня стали посылать къ танцмейстеру. Я уходила рано утромъ изъ дому, выпивъ маленькую чашечку жиденьваго вофе. У меня не было ни ботинокъ, ни теплаго платка, и часто ситцевое платыще мое было продыравлено, какъ ръшего. Дрожа отъ холоду и голоду являлась я въ танцилассъ. Тамъ начинались ежелневныя мученія мои, самое върное описаніе которыхъ не можеть дать вамъ върнаго понятія. Будучи изгнана законами, пытка удалилась въ танцилассы.

Каждое утро танцмейстеръ заключаль ноги мои въ узенькія колодки. Приставивъ пятки къ пяткамъ, терпя невыразимую боль, пріучалась я держать ноги свои въ горизонтальномъ направленіи. Полчаса спустя я переходила въ пыткъ другаго рода. Я должна была приставлять ногу къ падкъ, упертой въ наклонномъ положении въ поль, чтобы пріучаться давать ногамъ своимъ сколь возможно перпендикулярное положение. Вы видите, какъ необходима геометрія въ танцовальной начкъ.

Вы, можетъ-быть, думаете, что после этихъ трудовъ мев позволяли отдохнуть. Отдохнуть?.. Какъ-бы не такъ! Развъ танцовщица когданибудь отдыхаеть? Мы были какъ въчныя плящущія жидовки, которымъ танцмейстеръ повторялъ безпрестанно: Пляши! Пляши! Послъ двухъ первыхъ пытокъ, мы, во избъжавіе отеческихъ выговоровъ или, даже, материнскихъ наказаній, должны были пріучаться къ assemblées, jetés balancés, fouettés, cabrioles, пируэттамъ и антрша разныхъ размъровъ и высотъ. Таковъ элементарный курсъ прелестнаго искусства танцованія. Не думайте однакожъ, что по окончаніи этого курса танцовщицъ остается только танцовать. Нътъ! она должна во

Смтьсь 232

всю жизнь свою повторять первые уроки свои, если хочеть сохранить довкость, гибкость и дегкость. За одну недълю отдыха она должна будеть поплатиться двумя місяцами усиленнаго и безпреher County of the County and the

рывнаго труда.

Я видела Тальйони, после урока, давнаго ей отпомъ ея; бевъ чувствъ упада она на полъ - ее раздъли, переодъли и она все не приходила въ себя. Вотъ чего стоила ей вечернее торжество. Вев танповщины строго следують примеру мадмоазель Тальйони. Некоторын, которымъ природа не даровала всъхъ средствъ, которыми обладаегь всемірная сильфида, выдучывають сами себь, съ варварскою жестокостью, новыя муки. Одна изъ извъстныхъ танцовщицъ, Наталія Фицъ-Джемсь, изобрѣла новую меголу пріучать ноги къ горизонтальному и перпендикулярному направленію в'є одно время. Она ложилась на полъ, лицомъ внизъ и протянувъ ноги горизонтально потомъ приказывала горничной своей садиться на... спину ея, и нъсколько минуть оставалась въ этомъ положени...

Вы въроятно, не внаете, что искусство танцованія разділяется на два разряда: ballonné и tacqueté. Ballonè - это школа Тальйни, легкость, соединенная съ граціей; воздушные полеты и роскошныя, полныя нѣги, округленныя движенія. Тасquetè — это живость и быстрота; прыжки и сладострастныя, пламенныя, пылкія движенія,

словомъ, это Фанни Эльслеръ.

Очень-понятно, что всё эти пытки пріучають танцовщиць не только къ теривию, но и къ опасностямъ разнаго рода. Онв цвиляются къ проволокамъ, садятся на картонным облака, исчезаютъ въ трапахъ, высканивають въ окна. Въ балеть Пери есть такой опасный скачокъ, что зрительницы невольно вскрикивають, когда Карлотта Гризи исполняеть его. Буль Петина немножко неостороженъ или неловокъ, и Гризи раздвоитъ себъ черепъ!.. Одинъ Англичанинъ, проживающій въ Парижь, не пропускаеть ни одного представленія этого балета; овъ говоритъ, что у него есть предчувствіе, что этотъ скачокъ будеть нагубенъ мадмоазель Гризи, и онъ непременно хочеть быть свидътелемъ этого несчастія. Это этоть самый Англичанинъ, который, высколько лыть тому назадъ, везды вздиль съ Картеромъ и Фанъ Амбургомъ, налъясь, что звъри наконецъ скущають своихъ хозяевъ.

Если одной изъ сотни и удается прославиться, то сколько несчаствыхъ не выносять мученій или остаются во мракк! Мололая дьвушка, посвящающая себя балету, подобна солдату, отправляющемуся на войну: и первая и второй инфють передъ собою блестящую будущность, но увы!.. проходить несколько леть, и солдать возвращается на родину израненный, изувъченный и не генераломъ - а

приключение съ вальсомъ-рондо г-на пащенки, и новыя его сочинения. Въ первой книжев - Репертуара и Пангеона - Смпьсь 233

тевущаго года помѣщена была нами, въ «Смѣси», статейка «Музыкальное нѣчто», въ которой, между-прочимъ, заключался отзывъ о вальсѣрондо г. Пащенки. Представьте-же, каково было наше изумленіе, когда въ 47 нумерѣ «Одесскаго Въстника» мы прочли слѣдующую статью г. К. М - чъ:

«На-дняхъ мы имфли удовольствіе, въ одномъ почтенномъ семей«номъ домф, нечаявно услышать новый вальсъ, который былъ розы«гранъ саминъ сочинителемъ, очень молодымъ человъкомъ. Это пре«красная, довольно больщая піеса; она состоигъ изъ интродукціи,
«въсколькихъ кольнь вальса и финала; все эго приведено молодымъ
«композиторомъ въ одно цълое, гармоническое, пріятное и веселое,
«такъ. что невольно пустился-бы вальсировать. Эго точно Штраусов«скій вальсъ, съ тою только разницею, что онъ написанъ въ нашемъ
«вкусъ —Не станемъ распространяться въ похвалахъ этому прекра«сному музыкальному созданію, и ограничимся выпискою изъ первой
«книжки «Репертуара и Пантеона» на текущій годъ о вальсъ, издан«номъ тѣмъ-же композиторомъ — г. Пащенко, въ прошломъ году:

«Появившійся въ 1843 году вальсъ-рондо соч. г-на Пащенки, мо-«додаго, очень-мододаго музыканта, занимающагося изученіемъ му-«зыки съ неутомимымъ усердіемъ, есть, по нашему мивнію. - свазавно тамъ, — вънецъ всъхъ музыкальныхъ новостей, въ этомъ родь, изданныхъ нашими композиторами въ прошломъ году, для фортепіано. Вальсы писали Бетговень и Веберь - такіе вальсы, съ которыми, конечно, трудно потягаться. Но представьте себъ, каково быио наше удивленіе, когда мы разсмотрѣли вальсъ г-на Пащенки. •При общемъ, единодушномъ стремленіи нашихъ молодыхъ маэстро «къ чисто плясовой, балаганной музыкъ для фортепіано, вичего невыражающей, — мы въ вальсѣ г-на Пащенка нашли идею и соотвѣт-«ствующее развитіе, такъ-что, не обинуясь, вальсъ этотъ должно отвести къ разряду техъ-же произведеній, какія, въ этомъ родь, вы-·шли изъ полъ пера Бетговена и Вебера. Любители и любительницы «отличной компатной музыки, воспользуйтесь нашимъ открыгіемъ, «и мы напередъ уже увърены, что вы поблагодарите отъ души г-на «Пащенко, подарившаго вась прекрасною піссою; при томь-же вамь, въроятно, уже порядочно прискучили всъ эти хроматическіе и паровозные галопы, всв эти фантазів и воспоминанія о чомъ-то, на из-• битыя темы Беллини и Донидзетти, и тому подобный анти-музыкаль-

«ньий бредъ».
«После этого, намъ ничего не осгается более сказать о печатаю«щемся злесь въ Одессе второмъ вальсе г-на Нащенко, (вальсь этотъ
«выйдеть изъ печати 19 го числа настоящаго месяца, подъ названиемъ:
«Чорныя очи – вальсъ»,) какъ усердно пригласить любительницъ и
«побителей музыки адрессоваться въ музыкальной магазинъ, на Ри«пельёвскую улицу, въ ломе Лекса, и пріобрести новый вальсъ за
«самую схолную цену, а потомъ посвятить несколько часовъ досуга
«на его разыграніе».

234 CMToCb

«Мы увърены, что всв найдуть этотъ вальсъ очаровательнымъ, и «пожелаютъ съ нами, чтобы молодой композиторъ развилъ свой та«лантъ и пріобрълъ со-временемъ славу Штрауса, Даннера и Вебера.
«Онъ, навърно, не перестанетъ по-временамъ дарить насъ такими-же
«милыми вальсами, произведеніями своихъ музыкальныхъ вдохно«веній»

На это обязанностію считаемъ отвічать: во-первыхь, что вальсьровдо, въ самой сущности, превосходная піеска, въ музыкальномъ отношении, и никакъ не можетъ идти въ сравнение съ какими-нибудь вальсами Штрауса, Ланнера и тому подобнымъ плясовымъ вздоромъ; напротивъ-того піесу эту скор'ве можно назвать прекраснымъ этюдомъ, который написанъ молодымъ композиторомъ только въ формъ вальса-рондо; и во-вторыхт, что вальсъ этоть действительно принадлежить тому г. Пащенко, котораго мы лично внаемъ и который уже оволо семи лътъ постоянно живетъ въ Петербургъ; - овъ никогда даже не бываль въ Одессъ, никогда не упражнялся въ сочинени больших вальсовь, собственно по части плясовой музыки, и написалъ всего только одинъ вальсъ-рондо, который изданъ въ іюль 1843 года, чрезъ посредство музыкальнаго магазина Габлера, (магазинъ этотъ находится въ Петербургв, на Невскомъ просцентв, въ домв Энгельгардть). Изъ этого, какъ каждый изъ читателей видеть можеть, само-собою выводится савдующее заключеніе: а,) Пащенко № 1, написавшій вальсъ-рондо, и Пащенко, № 2. сочинитель большаго вальса, подъ заглавіемъ «Чорныя очи», - два совершенно-различныя лица, имъющія сходство только по фамиліи; б,) что, потому отзывъ «Репертуара и Пантеона, о вальсъ-рондо Пащенко (Петербургскаго) опрометчиво и не основательно, а можетъ-быть, и съ намъреніемъ приписанъ г. К. М - чъ Пащенко (Одесскому), и с,) что г. К. М - чъ, ве слыхалъ вальса-рондо Пащенка - Петербур., ибо если-бы онъ имъль случай услышать эту піесу, то, въроятно, не отнесъ-бы отзыва объ немъ «Репертуара и Пантеона» къ вальсу г. Пащенко-Одесскаго.

Съ своей стороны присовокупляемъ, что мы не слыхали и не желаемъ слышать вальса одесскаго Пащенко, потому уже, что, какъ видно изъ отзыва объ немъ г. К. М — чъ, вальсъ этомъ есть чисто-плясовая музыка, какой мы не жалуемъ и знать не хотимъ. Если-бы Пащенко петербургскій написаль въ этомъ-же родь и своей вальсъ-рондо, то мы никогда и ни за что не сдылали-бы объ немъ никакого отзыва, и если написали свою статейку, то собственно потому, что вальсъ этотъ выходитъ изъ ряда всыхъ, такъ называемыхъ вальсовъ Штрауса, Ланнера и всего этого скарба балаганно плясовой музыви. Наконецъ не излишнимъ считаемъ замътить, что самыя музыкальныя познавія г. К. М—чъ, намъ кажутся довольно-подозрительными, ибо человъкъ, даже безъ всякихъ познаній въ музыкъ, едвали рышится сказать во всеуслышаніе такъ: «Пожелаютъ съ нами г. Па-

Смпьсь 935

•щенко пріобрѣсть славу Штрауса, Ланнера и Вебера! • Сказавъ это, г. К. М — чъ и не замѣтилъ, что онъ всѣхъ трехъ композиторовъ поставиль на одну доску. Штраусъ, Ланнеръ и Веберъ. Странно! Впрочемъ. быть можетъ, по мнѣвію г. К. М — чъ, всѣ три композитора равно велики, хотя извѣстно всѣмъ и каждому, что первые два, по-просту говоря, музыкальные нуми, а послѣдній великъ и неподражаемъ, лаже въ вальсахъ.

Въ заключение мы спѣшимъ подѣлиться съ любителями музыки следующею новостью: г. Пащенко (сочинитель вальса-рондо) напи саль - большую фантазію на оригинальную тему, для скрипки и фортепіано, harmonie religieuse-дуэть для двухъ скрипокъ, интродикцію и адажіо тріо для скрипки, віолончелля и фортепіано. Всѣ три піесы въ непродолжительномъ времени, выйдуть въ свъть. Мы слышали ихъ и заранъе поздравляемъ истинныхъ любителей музыки съ прекрасными композиціями. Въ самой сущности произведенія эти весьма и весьма-замѣчательны и обличають въ молодомъ музыкантѣ неподабльный талантъ, сколько оригинальностію идей, столькоже и по развитію ихъ. Судя, по этимъ первымъ опытамъ, мы даже считаемъ себя въ правѣ надъятся увидъть, современемъ, въ г. Пащенко компониста, который, быть-можеть, составить себъ извъстность, даже славу, нетолько у насъ, но и во всемъ музыкальномъ мір'в Европы. - Наконецъ, самыя сочивенія эти должны положить ръзвое различие между гг. Пащенками-петербургскимъ и одесскимъ!!!...

моды и роскошь старинных временъ. Леть за двести, внатныя германскія щеголихи не только ежемесячно выписывали сесей изъ Парижа куколь въ последнемъ модномъ костюмъ, но посылали даже нарочно туда своихъ портныхъ или часто ездили сами за модами. Дочь Дувуа не носила платьевъ другой матеріи, какъ, покрайней-мере, по двадцати луидоровъ за аршинъ. Елизавета, супруга Филипна II, ни одного платья не надевала двухъ разъ, а между-тёмъ, некоторыя изъ нихъ стоили отъ трехъ до четырехъ-сотъ талеровъ. Парадное платье Маргариты Наварской стоило по сту та-

^{*} Нелишнимъ считаемъ сказать, что «Одесскій Въстникъ» въ своемъ промать оговорился тъмъ, что въ Одессь живетъ другой г-иъ Пащенко, котораго авторъ статьи смъщалъ съ петербургскимъ. Очень-хорошо; но почему-же г-иъ одесскій Пащенко въ свое время не вывелъ издателей Од. В. наъ недоразумънія и въ-тихомолку пользовался не къ нему относившенося похвалой до-тъхъ-поръ, пока другіе вывели его, что называется, на чистую воду?

236 CMBcb

леровъ за аршинъ. Костюмъ маршала Бассомпьера изъ фіолетовой парчи стоиль ему около четырнадцати тысячь талеровъ. Маріона де-Лормъ на однъ перчатки, духи и помаду тратила въ годъ по девяносто тысячь талеровь. Монтань разсказываеть, что одна знатная парижская дама, за которой ухаживали Маршалъ де-Фуа и другой какой-то молодой придворный, всегда являлась на балы въ свътло-голубомъ атласномъ платъв, съ вытканными по немъ горящими сввчами и порхающими около нихъ бабочками. Испанскія дамы и кавалеры временъ Людовика XIV носили огромныя очки изъ простаго стекла и бархатныя или парчевыя туфли съ золотыми каблуками. Платья-же дамъ того времени укращены были безчисленнымъ множествомъ адnus Dei или маленькихъ освященныхъ образковъ. При туалеть старая дуэнья должна была безпрестанно окуривать ихъ благоуханіями и прыскать духами въ лицо. Въ Байовъ была мода въ прогулкахъ и в при визитахъ носить на рукахъ вывсто собачекъ маленькихъ поросять, украшенныхъ хорошенькими ожерельями; ихъ брали даже съ собою и на балы. Во Франціи дамы во-время траура носили ленты и браслеты съ нарисованными или вытканными мертвыми головами, разными печальными сценами, атрибутами, и т. п.: потомъ носили на груди портреть умершей особы. При Генрих IV быль тамъ обычай, во-время путешествія и даже при обыкновенныхъ визитахъ носить маски. А въ Исцаніи дамы румянили не только однѣ щоки, но и верхнюю губу уши, руки, плеча и добъ, а въ ушахъ восили серьги дливою въ далонь, и привъшивали къ этимъ серьгамъ часы, маленькіе колокольчики, ключи и т. п.

прекрасная вріенцская перевозчица, Кто авть двадцать тому назадъ постщалъ Бріенцское озеро, этотъ перль Бернскаго округа Швейцаріи, тотъ, вероягно, видель и прекрасную перевозчицу, кружившую въ то время головы туземцамъ и пріфажимъ. Хотя туризмъ тогда еще и не быль въ такой модь, но въ Швейцаріи всетаки много бывало путешественниковъ, и «прекрасная перевозчица» безпрерывно каталась въ своемъ челнокъ по гладкому озеру "или перевозила съ одного берега на другой путешественниковъ всъхъ націй. Много романическихъ исторій разсказывають еще и теперь о прекрасной Эльзъ и о твердости, съ какою она противилась всъмъ обольщеніямъ очарованныхъ ею посттителей Бріенцскаго озера. Разсказывають даже, что одинь богатый лордъ предлагаль ей не только сердце, но и руку свою и когда прекрасная Эльза не хотъла сдълаться лэди, то онъ решался самъ сделаться перевозчикомъ, только бы обладать ею; когда же и на эго последоваль отказь, то отчаянной дордъ въ глазахъ жестокой красавицы прострълилъ себъ черепъ. Однажды вечеромъ въ челнокъ хорошенькой перевозчицы сѣлъ молодой иностранецъ, прекрасной, благородной наружности, съ задумчивымъ лицомъ. Они поплыли. Иностранецъ долго въ безмолвіи внимательно смотрѣлъ

Смъсь 937

на нее, и въ первый разъ прекрасная Эльза почувствовала какое-то волнение въ груди при пристально-устремленномъ на нея взглядъ незнакомца; но онъ молчалъ. Вечеръ былъ превосходный, небо ясно и усыпано звъздами. Наконецъ незнакомецъ прервалъ молчаніе и попросиль Эльзу спать что-нибудь. Она вапала простую, безъискусственную песнь альпійскую, но запела темъ чистымъ, звучнымъ голосомъ, который свойствененъ только однимъ детямъ Альповъ. Когла пісня кончилась, незнакомець вынуль памятную книжку, написаль въ ней нъсколько строкъ и вырвалъ исписанный листокъ. Выходя изъ челнока, опъ подалъ прекрасной перевозчицъ сперва волотую монету, сказавъ: «Вотъ это перевозчицѣ,» а потомъ и исписанный листокъ, прибавивъ «А это пѣвицѣ». - На другой день Эльза показала листокъ нъсколькимъ Агличанамъ, нанявшимъ ея челнокъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ ей: «Продай мив его я дамъ тебе десять гиней».-Эльза охотно согласилась; Англичанинъ отсчиталь деньги и быль въ восторгв, что успыть такъ дешево купить - собственноручно писанный сонетъ Байрона. - Теперь прекрасная, поэтическая перевозчица бріенцская сділалась тімь-же, чімь ділаются и всі прекрасныя дъвушки, то-есть, плотною пожилою женщиною; въ хорошую поголу она посиживаетъ наберегу Туннскаго озера, въ шалашикъ и-торгуетъ разными безделушками. О поэзія юности! въ какую пошлую прозу превращаенься ты подъ старость!!...

ньсколько словъ о генріеть ниссенъ. (Сообщено). Нелавно началь Петербургъ соперничать съ Парижемъ и Лондономъ своею красотею, богатствомъ, роскошью и вкусомъ, и уже во многомъ сравнялся съ ними, въ иномъ опередилъ ихъ. Не доставало ему нтальянской оперы, которая въ Парижъ и Лондовъ служитъ лучшимъ украшеніемъ общественныхъ увеселеній, любимымъ удовольствіемъ образованивищаго класса публики. Петербургъ почувствоваль этоть недостатокъ, и опера явилась, будто по мановению жезла волшебнаго. Въ одинъ сезонъ пріобрѣла она европейскую знаменитость и стала на ряду съ парижскою. На всехъ театрахъ Италін нашли мы, не говоря объ артистахъ путешествующихъ, только едва возникающіе или второстепенные таланты, а еще чаще таланты увядшіе... Почти тоже можно сказать объ итальянскихъ труппахъ въ Германіи, кром'в В'вны. Все лучшее до-сихъ-поръ похищалось изъ Италіи парижскою оперою. Но что недоступно Италіи и Гермавін, то возможно и легко для Россіи. Не-смотря на соперничество парижскаго итальянскаго театра, на петербургскій собраны первовласные европейскіе артисты, еще въ полной силь и красоть своего дарованія, и таланты юные, но высокіе и отлично-образованные. За выборъ последнихъ публика петербургская обязана глубокою привнательностію превосходной распорядительности Театральной Дирекцін. Мы обезпечены въ будущемъ: когда артисты первыхъ ролей

238 Смъсь

со-временемъ сойдутъ со сцены, у насъ останутся артисты мододые, которымъ пока поручены вторыя роди и которыхъ теперь уже блистательное дарованіе достигнетъ тогда высшей степени своего развитія. Въ числѣ этихъ артистовъ первое мѣсто принадлежитъ Генріетѣ Ниссенъ, бывшей примадоннѣ парижской Итальянской-Оперы. Она только еще начинаетъ театральный каррьеръ свой и, вѣрно, мало извѣства публикѣ; потому разскажемъ о ней все, что слышали и знаемъ.

Ниссенъ родилась въ Швеціи. Съ ранняго д'втства стали учить ее музыкъ, и тогда уже открыдись необыкновенныя ея музыкальныя способности. Въ двенадцать леть она съ успехомъ разыгрывала на фортепіано концерты первыхъ композиторовъ. Родные присудили быть ей пьянисткою; но скоро явился ея прекрасный голосъ. Ей взяди учителя пенія. Успехи были такъ быстры, голосъ развивался такъ сильно, что родные поняли высокость ея таланта и рѣшились послать въ Парижъ, для окончанія образованія. Здісь училась она четыре года у знаменитаго Гарсіи (брата г жъ Малибранъ и Віардо), директора Парижской-Консерваторіи и профессора пінія. Въ цілой Европ'в признано превосходство его методы. Кто слышаль г-жу Малибранъ, слышитъ г-жу Віардо и услышитъ Генріету Ниссенъ, тому конечно не трудно убъдиться въ справедливости этого мивнія. Едва кончилось музыкальное воспитаніе Ниссенъ, Дирекція парижской Итальянской-Оперы поспѣшила ее ангажировать въ свою труппу. Забсь оставалась она примадонною два театральные сезона. Давно блистають на парижской сцень два великіе таланта, - Гризи и Персіани: давно пріобрѣли овѣ колоссальную европейскую славу, - и межау ими должва была явиться Ниссень, петь въ однихъ съ ними операхъ. Трудно было после нихъ пріобрести какой-нибудь успехъ пѣвинѣ молодой и неопытной; не-смотря на то высокое достоинство первых в примадонит не затмило прекраснаго таланта Генріеты Ниссенъ. Всегда и вездъ браза она свою дань похвалъ и удивленія публики. Делиттанты парижскіе, избалованные дивнымъ пеніемъ незабвенной до-сихъ-поръ Малибранъ, несравненныхъ Гризи, Персіани, Віардо, Рубини, Ронкони, Тамбурини, Лаблаша, - равнодушны ко всему даже прекрасному, если оно не выходить изъ круга обыкновеннаго.-Сделать впечатление на эту публику-уже великая заслуга артиста; а Генріета Ниссенъ никогда не уходила со сцены, безъ единодушнаго апплодисмента. Мы слышали ее въ Нормъ (роль Адальгизы), въ Аннъ Боленъ (роль Анны Сеймуръ), Велизаріъ (Ирены) и Севильскомъ цирюльникъ (Розины). Соединяя предесть методы съ красотою голоса, всв этв партіи выполняла они съ искусствомъ замічательнымъ. Легко понять, сколько выигрывала оттого наждая опера.

Весною нынѣшняго года, когда кончился оперный сезонъ въ Парижѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и контрактъ Ниссенъ, она поѣхала въ ИтаСмпсь 239

лію, гдѣ дирекція Миланскаго театра la Scala хотѣла ангажировать ее въ первыя примадонны. Пока шли переговоры, получено приглашеніе петербургской Дирекціи. Ниссенъ отправилась въ Россію. Въ Дрезденѣ въ прошломъ августѣ намъ удалось опять ее слышать въ концертѣ на тамошнемъ театрѣ. Она пѣла арію изъ Семирамиды, арію изъ Пуританъ (втораго акта) и Тирольень. Намъ показалось, что талантъ ея еще возвысился съ того времени, какъ мы слышали ее въ Парижѣ. Успѣхъ ея здѣсь былъ изумительный. Дрезденскіе дилетанты такъ были восхищены, что вызывали пѣвицу по нѣскольку разъ послѣ каждой аріи, кричали и апплодировали, какъ безумные, — что очень—рѣдко можно видѣть въ Германіи. Тамъ худое сносятъ съ терпѣніемъ, хорошее хвалятъ съ умѣренностію.

Голосъ Генріетты Ниссенъ сопрано, полный, чистый, сильный. Не станемъ говорить о ея искусствъ. Публика петербургская услышить ее и, върно, оцънитъ по достоинству; а за тъмъ, върно, согласит ся съ мнъніемъ нашимъ, что эта пъвица есть прекрасное пріобрътеніе для нашего театра.

в. СДЛИСК.

анекдоты и мелочи,

Россини однажды сказаль про извёстных французских в компонистовъ Берліоза и Галеви слёдующее: Галеви молодой человёкъ, который подаетъ блестящія надежды, но этё надежды никогда не исполнятся. Большое счастіе, что Берліозъ ничего не смыслить въ музыкѣ, въ противномъ случав онъ-бы написаль множество плохихъ піесъ.

- Однажды актеръ Дюфрень очень-тихо декламировалъ свою роль на сценъ. Одинъ зритель изъ райка закричалъ: Говори громче!—А ты кричи тише» отвътилъ ему Дюфрень.
- Одинъ вритель въ театрѣ вытащилъ у другаго тихонько часы изъ кармана, и тотчасъ пошолъ вонъ изъ залы. Обкраденный однакоже

240 Смъсь

во-время схватилъ за руку своего сосъда, и сказалъ: Извините, М. Г. мои часы не ходятъ!

— Олинъ простякъ услышавъ обворожительное пѣніе Віардо-Гарсіи, сказалъ своему сосѣду, сидѣвшему въ креслахъ: Да что тутъ ва диво, что за искусство? Если-бы моя жена имѣла такой-же голосъ, то, право, могла-бы пѣть не хуже Гарсіи!

Porota Lengierras dincrena compant, no sesifi, verrarii, en sananii.

mars es a, stano, ordante no goercantint, a sa chea chao, estimant es ca es nubalenta namant, are una abanca erre noespacace uniotatre-

crost departed a l'areno cabarteques-l'arcas notoción astantes, agrespara colbera d'acoratifia nalemant, no del saleman na nomentanaren dela mos cuncife, uno departes anteservas enticanta de astante en aportesnona cartan des-del naturcala unonecero, nacesa nices.

— Однажды актора Люфрень очені-тихо декланироваля свою родь на спець. Однак аратель пох райка закрачель: Гонори (ромче— А ты

 Озинъ вритель во театръ вытащила у другато тиховако часта как карилна, и тотчаст пошолъ вона изъ залы. Обкраденный однакоже

A STATE OF THE STA

amonoord, vice exertare - count news

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ

NHOCTPAHHLIE TEATPLI.

ПАРИЖСКІЕ.

American and manufact and a days are

THÉATRE-FRANÇAIS.

L'Heritière on un coup de partie. (Наслюдища.) комедія въ пяти д'ыствіяхъ, г. Аний.

Г. Люсівнъ д'Оне, секретарь министра иностранныхъ дёлъ, сынъ честнаго земледёльца; не имён никакого состоянія, онъ наслаждается всёми благами жизни; онъ посвятилъ себя удовольствіямъ всякаго рода и честолюбію. Благодаря могущественнымъ покровителямъ и довольно-блестящимъ способностямъ, онъ занимаетъ значительное мёсто и умёлъ обратить на себя вниманіе знатной фамиліи. Мат. У III.

дамъ де-Сирёль любить его, какъ сына, какая-то герцогиня видитъ вънемъ будущаго пера Франціи, а мадамъ де-Ренвиль страстно влюблена въ него. Чтобы сохранить это положеніе, д'Оне пользовался всеми средствами. За границею онъ продаваль государственныя тайны, въ Парижъ онъ пустился играть, но увы! проиграль послыднее... Онъ хочетъ удалиться изъ Франціи, когда мадамъ де-Сирёль предлагаетъ ему руку наслѣдницы трехъ милліоновъ, мадмозель Катерины Рено. Три милліона! Можноли отказаться?

MINE ROBERT CAMPBELL, 1922 AT

DETERMINATION OF THE PERSON OF

200, fory numbers on 500 test

bers yen ore bysymano mechanic-

MARHETTE, TTO ONE OR MODERN M. OCC.

Но – о досада! нѣкій мосьё Сенъ-Лорень, человъкъ дюловой, велить арестовать д'Онѐ, за неуплату 300 тыс. франковъ, впрочемъ Сенъ-Лоренъ человъкъ сговорчивый, съ нимъ можно саблаться. Подъ добродътельною и строгою наружностью его, скрывается душа Тартюфа — темъ скорее уладился онъ съ Люсіеномъ; въ присутствіи цѣлаго общества они сговариваются и оканчивають дело, между-темъ какъ никто не поняль настоящаго смысла словъ ихъ, Сенъ-Лоренъ соглашается не арестовать л'Оне, съ темъ условіемъ, чтобы вифсто 300, тотъ заплатиль ему 500 тыс. франковъ; Люсіенъ на все согласенъ - въдь ему остается еще два милліона съ половиною.

Молодая дъвушка, Катерина, влюблена уже въ блестящаго дипломата; самъ ляля ея, добрякъ, безъ ума отъ будущаго илемянника своего. Остается подвисать контрактъ. Люсіенъ между-тъмъ пишетъ къ мадамъ де-Ренвиль, умоляетъ ее не сердиться на него клянется, что онъ ее любитъ и всегда будетъ любить, и что бракъ его – чисто денежный.

Но Люсіенъ не заслуживаетъ та-

кого огромнаго богатства.

Молодой чиновникъ посольства, бывшій товарищь Люсіена, Луи Морель, человъкъ совершенио другаго характера, любитъ Катерину чистою, искреннею любовію и не хочеть, чтобы она сделалась жертвой честолюбца. Морель чедовёкъ съ душой и талантомъ, не имъетъ ни пороковъ, ни ненасытнаго честолюбія Люсіена. Онъ долго не можеть решиться следаться доносчикомъ, но обстоятельства вынуждають его къ тому. Передъ старикомъ Рено и племянницей его онь открываетъ всю безиравственность Люсіена; но Катерина такъ ослеплена, что не върить подобнымъ

Всѣ обвиняють Мореля въ зависти и клеветь—всѣ возстають противъ него.

Люсіенъ вызываеть на дуэль человѣка, обнаружившаго поведевіе его, по дѣло слишкомъ-важное и его откладывають до слѣдующаго дня. Между-тѣмъ д'Оне́, пользуясь певинностію Катеривы, пграетъ роль человѣка некорыстолюбиваго, возвращая ей 300 т. франковъ, выданныя ему дядей ея, въ счотъ придапаго. Сень-Лорепъ убѣждаеть старика Рено окончить поскорѣе дѣло бракомъ, потомучто слухи, оскорбительные для племянницы его, стали уже распространятся по городу.

Люсіенъ торжествуеть, но — не долго. Морель приносить Катеринь письме, которое а'Оне написаль г-жь де Ренвиль. Посльдняя, изъ ревности и оскорбленнаго самолюбія, ръшилась метить Люсіену.

Безнравственность Люсіена выходить наружу; Катерина понимаеть всю глубину бездны, въ которую чуть не вверглась, и отдаеть руку и сердце спасителю своему.

Пісса, исполненная правственности и высокаго ума. Не-смотря на искоторую растянутость, на повторенія, она была оценена публикой по достоинству,

THÉATRE DE GYMNASE.

Les trois péchès du diable. (Три пръха дъявола), водевиль въ одномъ дъйствія Г. Г. Варена и Любиза.

Рѣшительно, дьяволъ теперь въ большой модъ въ Парижъ; вогъ еще одна піеса въ честь его.

сісна; но Кавна, что не въруетъ въ сверхъ-ественныя разсказамъ. зарейнскія преданія. Людовикъ добръ, простолушенъ, но и онъ пошалилъ нѣкогла—вы не удивитесь, если я скажу вамъ, что это было въ Царижѣ: тамъ онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ публичныхъ баловъ, обольщалъ молодыхъ дѣвушекъ, пилъ, дрался, словомъ велъ жизнь оченъ-безпорядочную.

Но на другой-же день возвращенія его въ Мангеймъ, всѣ привычки и наклонности его измѣнились; онъ сдѣлался порядочнымъ, благоразумнымъ, миролюбивымъ молодымъ человѣкомъ—онъ увидѣлъ Женевьеву и влюбился въ вее.

Уже назваченъ день бракосочетанія молодыхъ людей. Такъ-какъ Людовикъ уже порядочно покутиль въ жизнь свою, то ему пе зачьмъ праздповать послъдняго дня холостой жизни; онъ уходитъ къ себь, и для большей безопасности запирается въ компаткъ своей. Гордясь настоящимъ порядочнымъ поведеніемъ своимъ и увъренный въ своей твердости, онъ говоритъ, что не впадетъ ни въ какое искушеніе, хоть-бы самъ дьяволъ лично удостоилъ его вниманія своего, онь и надъ тьмъ посмъется.

Дьяволь не далекь—онъ является и принимаеть вызовъ. Но этоть дьяволь не мрачный духъ преисподвей, а хорошенькій былкурый дьяволенокъ, требующій, чтобы Людовикъ впаль въ три грѣха: пьянство, любострастіе и убійство.

Мюдовикъ выгоняетъ дъяволенка, но въ то же время кто-то стучится въ дверь его – это хорошенькая парижская гризетка, сосъдка Людовика, или лучше сказать, дъяволъ, въ образъ хорошенькой жепщины; она просить одолжить ей

огия. Людовикъ отказываетъ съ грубостію и принимается спокойво ва уживъ свой, состоящій изъ хльба, сыра и чистой воды; но грубость его не пугаетъ гризетку, она почти насильно входить въ комнату ... скажите, можно-ли воспротивиться прелестямъ очаровательной дівушки, въ коротенькой юбочкъ и ночномъ чепць? Сверхъ того, она принесла съ собою корзину съ вкуснымъ ужиномъ и нъсколькими бутылками рейнвейна... Людовикъ впадаетъ во искушение и напивается... фантасмагорическая сцена открываеть предъ нимъ несчастія брака; гризетка тапцуеть съ нимъ польку, онъ влюбляется въ нее по ущи и изманяетъ Женевьевъ.., но кто-то стучится; слышится чей-то голосъ... гризетка въ испугъ убъгаетъ: она узнала голосъ кузена своего, офицера. of British British A

Офицеръ долго стучится, и выведенный изъ терпънія, выламываеть дверь... не-смотря на воинственный видъ его, блестящій мундиръ, можно узнать по бълокурымъ волосамъ и плутовскимъ глазамъ, дьяволенка; онъ опять проказитъ, оскорбляетъ Людовика, вызываетъ его на дуэль, дерется съ нимъ и... падаетъ мертвый отъ руки молодаго Нъмца...

Аюдовикъ совершилъ три грѣха, которые требовалъ отъ него дьяволъ, и отправился-бъ прямо въ адъ, еслибъ Жепевьева не пришла за нимъ... дьяволенокъ, гризетка и офицеръ исчезаютъ... открывается, что въ этихъ трехъ видахъ являлась сосѣдка Людовика, гризетка, слышавшая слова его и желавшая пошутить надъ нимъ. Однакожъ не всѣ обстоятельства этой

шутки были открыты Женевьевв. 1 Водевиль имфлъуспфхъ.

LA RAISON PROPOSE. (Pascydore предполагаеть), водевиль въ одномъ дъйствіи, г. Поля Дюнора.

Разсудокъ предполагаетъ, любовь располагаеть!

Принцесса Матильда находится въ плену у принцессы Ульрики, которая хочеть заставить ее выдти за племянника своего, принца Альфонса, чтобы присоединить насабдственное Монакское владбије Матильды къ владеніямъ Масса-Карара, принадлежащимъ фонсу.

Монакскимъ владъніемъ, во-время заточенія Матильды, управляетъ маркизъ Сиголо, почему онъ присовътывалъ государынъ своей не выходить за-мужъ, которая ни за что не хотела даже видеться съ Альфонсомъ, котораго предлагали ей въ женихи. Матильда послъдовала совъту Сиголо; за то онъ спасетъ ее изъ заточенія и преследованій Ульрики.

Сиголо принимаеть решительныя мфры; приказываеть бросить въ тюрьму посланника Масса-Карарскаго, а самъ садится на лодку, чтобъ похитить княжну Матильду изъ тюрьмы, въ которую она завлючена; но его предупреждають: карарскій маіоръ Крассъ беретъ его въ пленъ и велить съ вимъ поступить такъ-же, какъ онъ поступиль съ посланникомъ карарскимъ; потомъ ему очень-въжанво объявляють, что если онъ не уговорить принцессу свою выдти ва-мужъ, то будеть повъщень на сабдующій-же день.

Сиголо разсказываетъ все прин-

перь-то и представляется министру прекрасный случай доказать ей привязанность свою; плохо пришлось-бы бѣдному Сиголо, если-бъ Альфонсъ, подъ чужимъ именемъ, не заслужилъ-бы уже любви Матильды.

Піеска довольно-пустая; въ ней хороша одна роль Сиголо.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

LES DEUX PERLES. (AGID DICEMUYоксины), водевиль въ двухъ действіяхъ, гг. Альбоаза и Поля Фуше.

Караъ II еще ребенокъ и боленъ при смерти. Донъ Жуанъ Австрійскій, побочный брать его, предвидя смерть Карла, хочетъ освободиться отъ инфанты Маргериты, сестры Карла II и законной наследницы его - и всячески старается ускорить бракъ ея съ Императоромъ Австрійскимъ. Но сердце Маргериты не лежить къ августвишему жениху ея: она любить молодаго дворянина, съ которымъ везав встрвчается и который, по мижнію ея, питаеть къ ней безнадежную страсть.

Бъдная Маргерита! Молодой дворянинъ, донъ-Фернандъ, и не думаеть объ ней; онъ влюбленъ въ фрейлину ея, молодую герцогиню де-Сандоволь, которая, открывъ случайно мивніе повелительницы своей, приходить въ ужасъ, не смъя однакожъ разувърить ее.

Фернандъ пробирается въ аранхуэзскіе сады, чтобы поговорить съ герцогиней о любви, о надеждахъ й мечтахъ — Фернандъ рискуетъ жизнью, потому-что дерзновенный, входящій въ королевскіе сацессь, и та отвъчаетъ ему, что те- ды, наказывается смертію!.. Стра-

жи увидели Фернанда и пресле-1 дують его; молодой человыкь вбыгаеть во дворець, входить въ покои Инфанты и бросается къ ногамъ ея, умоляя о пощаль.-Представьте себв отчанніе несчастной принцессы! Сераце говорить ей, что Фернандъ рисковалъ жизнію для нея; следовательно, она будеть причиной смерти его!.. При этой мысли она не колеблется, - показываетъ Фернанду дверь павильйона, и запираеть его на ключъ... въ это самое время являются стражи, но-Фернандъ спасенъ!..

Однако ему остается еще выдти изъ дворца. Какъ быть? у всёхъ выходовъ часовые. Инфанта придумываетъ подкупить Пачеко, начальника стражи и такимъ образомъ поспособствовать бъгству мододаго человъка. Это легко подумать, но какъ исполнить? У бълной принцессы ивть ни одного марадевиса, которымъ она могла-бъ располагать, не отдавая въ томъ отчота; а герцогиня Сандоваль не богаче ее! Въ этомъ затруднительномъ положении, Маргерита даетъ Пачеко двъ жемчужины, присланныя ей женихомъ, Императоромъ Австрійскимъ. Онъ стоять милліонъ; но Паченко этого не знаетъ и находить, что подарокъ довольно-незначителенъ: простой червонецъ былъ-бы ему пріятиве; но н ймитих сифаосор сно сикрый и коварный, то и находить средство воспользоваться этимъ случаемъ, и рашается все открыть донь-Жуану.

Овладевъ тайной Инфанты, Донъ-Жуанъ увъренъ въ успъхъ происковъ своихъ: Маргерита выйдеть за Императора Австрійфанта рѣшается на горестную жертву; она думаетъ, что Фернаидъ любить ее, и эта мысль придаетъ ей бодрости и ства.

По-несчастію, обманъ этоть продолжается педолго; допъ-Ферпандъ, неподозрѣвающій инчего, наивно признается Инфантъ въ любви своей къ герцогинъ Сандоваль. Какъ объяснить изумленіе, горесть, негодование Маргериты при этомъ ужасномъ открытіи! Никогда она не простить ни герцогинь, ни возлюбленному ем! В бъщенствъ, виъ себя, отсылаеть она Донъ-Жуану жемчужины, которыя Пачеко передаль емуэто значить, что она отказывается отъ руки Императора Австрійскаго.

Донъ -Фернандъ погибнетъ... мщеніе Донъ-Жуана будеть ужасно!..

Однако-жъ просьбы герцогини трогаютъ Инфанту: она соглашается спасти Фернанда. Но увы! не поздно-ли? Донъ-Жуанъ, въроятно, уже получиль жемчужины, и следовательно, узналь объ отказъ ел. По-счастію, онъ ничего не узналъ. Пачеко, которому Маргерита поручила отнести жемчужины къ Донъ-Жуану, узналъ уже ценность ихъ, и въ этотъ разъ счоль за лучшее оставить ихъ у себя. Фернандъ спасепъ. Маргерита, вадыхая, отправляется Австрію.

Водевиль агами атоте шенный и вполне заслужонный успъхъ.

TURLURETTE, (Tiopaiopemma), BOдевиль въ одномъ дъйствіи, скаго или Фернандъ умретъ. Ин- Поренсена и Лопе.

Тюрлюретта нѣчто въ родѣ Ригодетты «Парижскихъ тайнъ». Она добродътельна. Четверо мужчинъ лобиваются любви ел.

Во-первыхъ Изидоръ, молодой художникъ, подающій самыя блистательныя надежды и припявшійся писать декораціи, чтобы отомстить судьямъ живописи, которые не приняли на Луврскую выставку произведенія кисти его; во-вторыхъ, маленькій Помпетть, аптекарскій ученикъ, невинпый, какъ лакрица; въ-третьихъ, мосье Папино, дидя обоихъ молодыхъ людей, почтенный старикъ съ просъдью и ревиатизмами; въ-четвертыхъ, мосье Монакоръ, барышникъ, торгующій лошадьми и думающій поступить съ Тюрлю реттой, какъ съ смиривишимъ изъ коней своихъ.

Эти четыре обольстителя, помощію низкой хитрости, завлекаетъ молодую дъвушку въ квартиру Изидора. Тюрлюретта ви-дить опасность и не пугается она устоить противу всёхъ обольщеній!

По-счастію, къ ней на помощь приходить еще мадамъ Шардонре, навздница въ конской компании, и возлюбленная Моникора. дамъ Шардонре провъдала о коварныхъ намъреніяхъ своего обожателя, и съ хлыстомъ въ рукахъ приходить проучить его- она дълается союзницой Тюрлюретты. Устоятъ-ли жалкіе Ловласы противу двухъ такихъ женщинъ!

Первый является — Помпеттъ ; Тюрлюретта скоро справляется съ аптекарскимъ ученикомъ: танцуеть передъ изумленнымъ юношей танецъ, котораго смвона курить и пускаеть ему въ лицо дымъ, отчего Помпетту дълается дурно и онъ поскорће убъгаетъ.

За нимъ приходитъ Изодоръ; съ нимъ трудиве справиться; къ тому-же Тюрлюретта, не-смотря на всю добродътель свою, расположена къ живописцу; если-бъ у нея было состояніе. она бы охотно вышла за него. Въ борьбъ съ Изидоромъ побъждена Тюрлюретта - она открывается ему въ люб-

Является дядя. Онъ на-весель: онь безь ума отъ Тюрлюретты, и предлагаеть ей 10,0000 съ-пьяна франковъ за одинъ взглядъ. Тюрлюретта беретъ деньги, объщая дать взглядь когда-нибудь, посль.

Моникору-же приходится плохо отъ хлыстика мадамъ Шардонре.

Дело кончается темъ, что Тюрлюретта выходить за Изидора и Папино оставляеть ей 10,000 франковъ темъ охотнее, что Изидоръ будеть наследникомь его.

Смѣшной фарсъ.

THEATRE DU PALAIS-ROYAL

UN ENFANTILLAGE, (Pedauecmeo), водевиль въ одномъ дъйствіи, гг. Мельвиля и Кармуша.

Г. Мартино извъстный докторъ. Достоинство его состоить, правда, въ свъткости его, въ прелестной манерь, съ которою онъ щупаеть пульсъ больныхъ, и нъсколько въ бълизнъ руки его. украшенной блестящими брилліавтами. Надо еще прибавить, что докторъ Мартино мало върить въ лость приводить его въ ужасъ; медицину и самъ, первый-же

смъется надъ выздоровленіемъ больныхъ своихъ.

Не-смотря на то, что Мартино теперь въ такой славъ, онь въ юности своей претерпъль не мало горя — онъ даже хотвль застрълиться съ отчания, по быль спасенъ маркизомъ а'Эрмевилемъ, которому онъ поклялся быть вѣчно благодарнымъ.

Теперь все удается доктору Мартино; онъ вдеть въ Руанъ жениться на хорощенькой и богатой молоденькой дівушкі, мадмоавель Агать, илемянниць г. Ларибардьера, советника при какомъто судъ.

Булущій дядя принимаетъ доктора съ отверзтыми объятіями; но вечеромъ, въ день прівзда Мартипо, ему докладывають, что какая-то дама, съ опущеннымъ вуалемъ, желаетъ говорить съ нимъ. Какъ отказать въ помощи больной дамъ! Докторъ велить просить ее въ свою комнату, и послъ накоторыхъ приготовительныхъ фразъ, узнаетъ, что ее зовутъ Агатой, что она недавно вышла изъ пансіона, что противу пансіона были казармы, и что капитанъ Гекторъ овладълъ сердцемъ ея! Она даже признается, что Гекторъ предпріимчивъ, какъ... какъ драгунскій капитанъ и что она слабая женщина! Наконецъ она умоляетъ Мартино, чтобы онъ не женился на ней.

- Будьте покойны, сударыня, отвъчалъ изумленный докторъ: посль этого объяснения я самъ ни ва что не захочу жениться на васъ.

Бѣдный докторъ очень-разочарованъ, но вивств съ темъ счастаивъ, что его предупредили во- что Генторъ внукъ бывшаго по-

время; но онъ незнаетъ, что дама съ опущеннымъ вуалемъ была не Агата, а самъ капитанъ Гекторъ, молодой человъкъ съ пискливымъ, тоненькимъ голоскомъ! Докторъ, наконецъ представленъ Агать; опъ крайне изумлень, съкакимъ искусствомъ она разыгрываетъ роль невинности-это заставляеть его скорве объявить г. Ларибордьеру, что -эги ви кратинаж атажом эн ано мянниць его, но что надобно поскорће отдать ее за другаго - что это не териить отлагательствъ:... Ларибардьеръ взбынойъ.

Однако вскорѣ докторъ откры. ваетъ истину: Агата сама добродътель и надъ нимъ посмъялись. Онъ отомстить и опять объявляеть дядь, что женится на племянииus ero. The least more compared or part

- A ба! восклицаетъ дядя: женитесь?
 - Женюсь.
- Какъ-же вы говорили, что се надо отдать за другаго?
 - Не надо.
- А то, что не терпитъ отлагательствъ... понимаете?
 - Это ребячество!
- Какъ ребячество? Въ какомъ смыслѣ вы это говорите, докторъ?
- Въ томъ смыслв, что это шутка-довольно-плохая.
- A! Hy слава Богу! A я, въдь, думаль, что... какъ-бы это вамъ получше объяснить... ребячество... понимаете?.. другаго рода.

Ларибардьеръ счастливъ, потому-что онъ гордится будущимъ мужемъ племянницы его; но капитанъ Гекторъ взбъщонъ и вызываетъ доктора на дуэль.

Вскоръ все дъло принимаетъ другой обороть. Мартино узнаеть, кровителя его, маркиза а'Эрмевиля!.- Онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы соединить молодыхъ людей, и успѣваетъ въ томъ. Счастливый тѣмъ, что ему удалось заплатить долгъ благодарности хотя внуку маркиза а'Эрмевиля, Мартино возвращается въ Парижъ.

Маленькая комедія, сочиненная съ искусствомъ, написанная съ умомъ и имѣвшая большой ус-

пѣхъ.

THEATRE DES VARIETES.

Une chaîne à Rompre, (Сброшенная цъпь), водевны въ одномъ дъйствін, г. Дюбуа.

Мадамъ Сенъ-Флуръ цирюльница и красавица. Мосьё Ашиль фехт-

мейстеръ и красавецъ.

М. Сенъ-Флуръ увидала Ашили и полюбила его страстно; Ашиль, употребляя во-зло пламенную страсть ея, сдълался тираномъ слишкомъ чувствительной цюрильницы.

Замътивъ это, она готова послать къ чорту ревниваго и бъщенаго любовника, непозволяющаго ей даже танцовать польку, и хочеть привлечь къ колесниць своей новыхъ поклонниковъ. Но Ашиль шутить не любить; въ рукахъ его письма, написанныя во-время-оно слишкомъпылкою и неосторожною мадамъ Сенъ-Флуръ. Не довольствуясь собственнымъ надгоромъ, Ашиль заставляеть еще присматровать за цюрильницей мужа ел, ревность котораго онъ возбуждаетъ съ коварствомъ и хитростью, которую Шекспиръ угадаль, создавая мрачное лицо Яго.

Мосьё Сень-Флуръ толсть, какъ

кровителя его, маркиза д'Эрмеви- бочка — это физическая сторона ля!.- Онъ употребить всъ усилія, его; глупъ, какъ горшокъ — это чтобы соединить молодыхъ людей. правственная.

Однажды цирюльница, не будучи въ состояни сопротивляться желанію своему пококетничать, отправляется въ маскарадъ и овладъваетъ тамъ сердцемъ нъкоего господина Валезо, стараго, отставнаго льва.

Ашиль и мужъ открываютъ ин-

тригу и клянутся мстить.

Валезо, пойманный у мадамъ Сенъ-Флуръ, долженъ позволить обстричь себъ голову, чтобы спасти красавицу и львиную шкуру свою. Когла со льва снимаютъ гриву, то Ашиль узнаетъ въ немъ бывшаго мясника.

Но Валезо́ успѣлъ еще до несчастія своего удалить Ашиля, который долженъ оставить Парижъ. Мадамъ Сенъ Флуръ свободна, теперь она останется вѣрною — привычкѣ кокетничать.

Довольно-забавный водевиль.

La Fée du logis (Фел жилища), водевиль въ четырехъ действіяхъ, Г. г. Анисе Буржуа и Бризбарра.

Это не водевиль — а пѣчто въ родѣ мелодрамы, украшенной куплетами. Тутъ вы найдете всѣ условія, всѣ элементы мелодрамы:

Молодую дѣвушку, найденную во ржи, посреди васильковъ и неизвѣстно кому принадлежащую;

Глупаго бургомистра;

Молодаго графа, влюбленнаго въ молодую дъвушку неизвъстнаго происхожденія;

Даму въ чорномъ платъћ и съ вуалемъ;

Пастуха въ продыравленномъ плащѣ, таковыхъ-же панталонахъ и съ длиннымъ посохомъ.

Наконецъ - дурачка!.. Дурач-

ва! спросите господъ ***, можетъли существовать какая-нибудь драма, трагедія или какой-нибудь тяжолый романъ безъ дурачка?
Нѣтъ, гдѣ такое литературное произведеніе, тамъ и дуракъ.

А сюжеть? Воть онь въ нёсколькихъ словахъ: Fleur-des-Champs, т. е. лёвушка неизвёстнаго происхожденів, дочь дамы въ чорномо платыю съ вуалемъ; а молодой влюбленный графъ Родольфъ женится на дёвушкё неизвёстнаго происхожденія, дочери дамы въ чорномъ платьё, съ вуалемъ.

Больше ничего? Ничего.

THÉATRÉ DE LA PORTE-SAINT-MARTIN.

Саминсо не могла утвишився...) (Каминсо не могла утвишився...) Минологическій фарсь въ двухъ двіствіяхъ и трехъ картинахъ, г. г. братьевъ Коньяръ.

Мы не станемъ разсказываетъ читателямъ нашимъ сюжета этой піески, да и не знаемъ, есть-ли возможность саблать это; но замъ тимъ только, какъ Французы любять пародіи. Въ прошлой книжкъ Театральной Льтописи быль помѣщонъ разборъ балета Eucharis, сюжеть котораго заимствовань изъ "Телемака" Фенелона, съ которымъ познакомился весь образованный міръ не столько по собственному достоинству его, какъ по метолъ Жакото - и вонъ уже на балетъ готова пародія фабрикаціи братьевъ Коньяръ и компаніи; паро-Яя незабавная и несмъщная.

Théatre des Folies-Dramatiques.

Le Maitre Maçon et le Banquier (Каменьщикь и Банкирь), драма-водевиль въ трехъ дёйствіяхъ, г. г. Мишеля Массона, Фредерика Тома и Лурдеро.

Этьенъ Жиро, каменьщикъ, хочетъ дълаться подрядчикомъ; честолюбіе и коварные совъты Леона Фавьера, молодаго, свътскаго банкира, заставляютъ его пуститься въ спекуляціи. Но для этого нужны деньги, и Фавьеръ предлагаетъ ихъ каменьщику по дружбъ и... за большіе проценты.

Бѣдный Жиро дѣлается обязаннымъ банкира; онъ долженъ отдавагь ему отчотъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, всѣхъ доходахъ и предпріятяхъ своихъ; будучи каменьщикомъ, Жиро спалъ спокойно; сдѣлавшись подрядчикомъ, онъ совсѣмъ не спитъ. А между-тѣмъ онъ и не подозрѣваетъ величайшаго бѣдствія, ему угрожающаго. Фавьеръ такъ услужливъ и добръ съ подрядчикомъ только потому, чтоу послѣдняго есть сокровище — прелествая жена, которую Фавьерь надѣется обольстить.

По-счастію, между молодымъ банкиромъ и Каролиной, женой каменьщика, есть третье лицо, старый Шампаньйоль, каменьщикъже, воспитавшій Жиро, люблщій его, какъ сына, и наблюдающій за спокойствіемъ хозлина своего, бывшаго ученикомъ его, какъ за своимъ собственнымъ. Шампаньйоль открылъ намъренія банкира. Старый каменьщикъ лицо прекрасное, оригинальное, мастерски очерченное.

Не-смотря на то, что Каролина ј обожаетъ мужа своего и не обращаетъ вниманія на волокитство Фавьера, однакожъ она вовлечена въ неосторожный поступокъ, который можеть навсегда запятнать доброе имя ея. Но Шампаньйоль наблюдаеть за нею; онъ спасаеть Каролину и доказываеть мужу ея, что она не преступна и не перестала обожать его; онъ заставляеть Фавьера вполив оправдать ее; потомъ, довольный добрымъ поступкомъ своимъ, онъ онять принимается за работу, заставивъ Жиро поклясться, что онъ откажется отъ спекуляцій и по-прежнему останется хорошимъ каменьщикомъ.

Успъхъ.

ВЪНСКІЕ ТЕАТРЫ.

THEATER ANDER WIEN.

ые Schule des Lebens, (Школа жизни). Драматическая сказка въ ияти дъйствіяхъ, Эрнеста Раупака.

Дона-Изаура, дочь дона-Альфонсо, гранда кастильскаго, главное лицо этой, уже на многихъ театрахъ Германіи поставленной піссы. Гордан и упрямая до такой степени, что не въ-силахъ перенести ни малъйшаго противоръчія воли своей, дона Изаура изъ ревниваго опасенія лишиться такъназываемой свободы, отказывается отъ замужства, и къ неудовольствію отца прогоняеть, такъ-ска-

вать, оть себя всёхъ искателей сердца и руки ея, въ томъ числъ даже и донъ-Рамиро, герцога Наваррскаго, прекраснаго, благородваго и равнаго ей по роду: и имъ жертвуетъ она мнимой свобол и неограниченности. Донъ-Альфонсо рвиваетсяпослв этого предать дочь свою жестокому испытанію. Онъ начинаеть тирански обходиться съ нею, даже угрожаеть ей постыдною смертію, такъ-что наконецъ принуждаеть ее бъжать изъ родительскаго дома. Тогда, лишонная всего, она своро подвергается всьмъ непріятностямъ своего быдственнаго положенія. Рядъ испытаній этихъ начинаеть она какъ прислужница въ трактиръ. Тамъ безпрерывно оскорбляють ее пьяные гуляки, покуда добрый благородный брильянщикъ Санхо Перецъ не избавляеть ее отъ нихъ. Онъ берется проводить ее въ монастырь; но на дорогѣ туда онѣ попадають въ руки пресавдователей, посланныхъ будто-бы отцомъ ея, и дона-Изаура спасается оть нихъ только темъ, что действительно выходить за мужъ за Санхо, который выдаваль ее преслыдователямъ за свою невъсту. Когда опасность миновалась, Изаура натурально хочетъ исполнить предпринятое ею нам'вреніе, то-есть, вступить въ монастырь; но Санхо такълюбезенъ, такъ нъженъ и такъ благороденъ, что она нивакъ не въ-силахъ отвергнуть его просьбу, хотя на короткое время остаться обожаемою его супругою. Поживъ насколько времени въ этомъ новомъ положении, она почувствовала себя столь довольною скромнымъ счастіемъ и въ особенности нъжною любовью своего

превосходнаго супруга, что не ръ-1 шается уже оставить его, и малопо-малу, благодаря любви и кроткимъ наставлениямъ супруга, совершенно перерождается и изъ гордой, тщеславной и упрямой явлается кроткою, покорною и ивжно-любищею супругою. Однако рядъ испытаній ся еще не кончился. Герцогъ донъ Рамиро, тотъ самый, котораго руку она ивкогда отвергла въ числе прочихъ, встречаетъ ее: она находитъ, что онъ во ви смодик сжохоп-онйвримение мужа, а онъ, что прекрасная супруга брильянщика очень походить на гордую дону-Изауру, отвергшую нѣкогда его искательства. Вдругъ, по приказу герцога, Санхо беруть подъ стражу, обвиняють въ какомъ-то преступленіи и приговаривають къ жестокому наказанію. Изаура спѣшитъ къ герцогу умолять о помилованіи Санхо. Герпогъ предлагаетъ ей на это условія, но она съ презрѣніемъ отвергаетъ ихъ. Наконецъ Санхо освобожденъ, но, о ужасъ!онъ лишонъ врвнія; имущество его все конфисковано, и вотъ будущее предстаетъ предъ Изаурою со всъми ужасами нищеты и отчаянія. Но она не пугается и этого жестокаго испытанія: гордая Изаура шается кормить своего слапаго супруга работою рукъ своихъ; она рвшается даже просить для него милостыню!.. Но завсь конецъ испытанію; она узнаеть, что все претерпънное ею, было заранъе подготовленный обманъ, для ея исправленія; обрадованный и довольный этимъ исправленіемъ, отецъ принимаетъ ее снова въ домъ свой; мнимый брильянщикъ Санхо встръчаеть ее уже какь герцогь донь-

Рамиро, и бъдная жена брильянщика, атлается счастливою супругою герцога.

Это новое произведение одного изъ лучшихъ въмецкихъ драматурговъ настоящаговремени встрътило въ Германии много и защитниковъ и противниковъ. На вънскомъ театръ оно имъло большой успъхъ,

 Тверрьбіліс, oder Spieler und Тодтендвавек. Картина жизни въ двухъ отдъленіяхъ.

Піеса эта принадлежить къ категоріи Иффландовскихъ чувствительныхъ піесъ съ моральнымъ основаніемъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ большимъ успѣхомъ давалась на Іозефштадтскомъ театрѣ.

THEATER IN DER LOSEPSHTADT.

Das Невгвünкеві, картина жизни въ трехъ дъйствіяхъ, Ф. Гервица. Музыка капельмейстера К. Биндера.

У Теодоры фанъ - деръ-Марие два сына; изъ нихъодянъ, Захарій, легкомысленный, слабоголовой и вполнъ негодный малый, другойже, Освальдъ, напротивъ, прекрасный, умный благородый юноша. Не-смотря на то, мать обожаетъ Захарія и ненавидить Освальда, такъ, что этотъ последній принуждень удалиться изъ родительскаго дома, и укрывается у одного стараго пріятеля покойнаго отца своего. Однако, по прошестви нъсколько времени, ослфиленная мать сознаетъ свое заблуждение, и піесъ, разумъется, конецъ, -Довольно неновый сюжеть, но изъ котораго все-таки можно было-бы савлать кое-что, господинъ-же Гервицъ не сдълалъ ровно ничего. Музыка Биндера довольно-порядочна.

— Die Beiden Narren oder der Bettler am neuen Markt in Wien. Романтическая арама въ пяти дъйствіяхъ, Іог. Гейнриха Мирани.

Принадлежить въ роду той драматической рыцарской поэзіи, которою такъ уже пересыщена нъ-

40 militar appropriate gardeskargo

seensbeb un loscomiarciones re-

Tuerres in our losersurant.

Dis Herreiteren, raprine munu. en riore de Tepuna. Menana marciamintena K. Enn.

-dorrege Aberen Branzonen Ineder -egrapu seneroguen Liveria Origi

Sexapia n' negornanto Octobras.

province of the second of the

У Теоборы вань сверь-Марие

мецкая сцена. Впрочемь, въ авторъ замътенъ опытный сценическій таланть, и нъкоторыя сцены этой драмы его довольно эффектны.

Намреимами sucht ein Logis.
 Мъстная шутка въ 5-ти картинахъ. Шутка, въ которой нътъ содержанія, но есть презабавныя сцены и преостроумныя выходки.

Peron apple advantaging sign To transfer don't live at the control of the control

ва пакомъ-то преступления ври

nies. Happy cotmory as reputity

esergist. Baronens Linxo com-

CRORRED R BOTS, 623 VINCE COMMA

de lorrenti renger alagricano

nervanito, bus vanaers, tro nee oue

Pycckie Teatphi.

Agreement and a state of the st

провинціальые.

КАЗАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ предъидущей моей статьв, я имълъ намъревіе говорить о живокини; приводя его въ исполненіе, я включу въ настоящій отчоть мой краткій очеркъ о всёхъ бенефисахъ, бывшихъ по-сie-время. Первый бенефист въ пользу г-на Соколова 1-го, состояль изъ драмы Заложение С. Петербурга и водевиля Продолжение Студента, артиста, хориста и афериста. Не-смотря на отчотливую игру всехъ актеровъ, въ особенности г-на Борисогавбекаго, спектакаь быль сухъ. Въ антрактъ, г-нъ Звъздаковъ имваъ смвлость передъ казанской публикой, которая еще живо понезабвеннаго Щепкина, выйдти на сцену и спъть извъстную песню изъ малороссійскаго водевиля Котляревского « Москаль Чаривникъ , въ которой такъ неподражаемо-хорошъ внаменитый артистъ московскій:

«Съ того часу, якъ женився, Я николы не журывся»,

as and a companies of the companies of

MODEL HERRING DE GREEN BORNES BEREIS

Но простимъ ему эту дервость, за то, что онъ этотъ куплетъ спѣлъ дъйствительно порядочно. Въпродолжение этого спектакля, въ креслахъ явилось новое лицо, и слухъ всёхълюбопытныхъбыль поражонъ пріятною новостью: незнакомое лицо былъ артистъ Императорскихъ Московскихъ театровъ г-нъ Живокини; разнесенныя аффиши извъстили публику, что въ сабдующій спектакль онъ явится на казанской сцень, въ роли Синичкина. Съ нетерпъніемъ мы дожидались назначенного дня, въ которой явится передъ нами Живокини; еще наканунъ нельзя было найдти ни одного билета; словомъ, въ первое представление Живокини театръ былъ набитъ. Громкое привътствіе, безчисленныя браво встрътили гостя при его выходъ на сцену. Въ этотъ разъ игра его была прекрасна, очаровательна.

Каждое слово, каждый жесть, все р это было у мѣста, все было такъ мило, такъ естественно, что мы невольно заслушивались, невольно заглядывались. По весь восторгъ публики, и весь комизмъ Живокини, кажется, истощились въ первое представление: во всв другие спектакли, въ театръ было на половину зрителей, и г-нъ Живокини, кажется, быль этимъ недоволенъ, не принимая въ разсчоть, что его посъщение было въ такую пору, именно въ концъ поня и началь іюля месяца, когда большая часть жителей казанскихъ живетъ въ деревняхъ. Хотя мив, скромному рецензенту провинціи, и нельзя высказать явно своего мивнія о такомъ артистъ, о которомъ говорять въ столицахъ, игру котораго уже разбирали не одинъ разъ рецензенты-авторитеты, во все-таки позволительно сказать, что онъ иногда делаль такіе фарсы, часто очень въ піес'в прибавляль такіе кадамбуры и остроты, которыя могли вравиться только одному райку... Тъмъ-же, которые всегда принимали его за истиннаго артиста, райковые фарсы были непріятны. Но, не смотря на это, онъ играль въ большей части піесь натурально, какъ сабдовало, и темъ окупаль ошибку - неглижерованье своими родями.

Второй беневись быль въ его нользу и признаюсь, ожидали отвего беневиса гораздо-более и опиблись въ разсчотъ. Во-первыхъ, выборъ піесь быль не слишкомъ-удачень; во вторыхъ, сцектакль начался такъ поздио, что послебервой піесы, именно Жештьбы, комедіи Гоюля, почти всё начали разъвзжаться; Жештьба шла чрез-

вычайно-сухо и вяло, разумбется, отъ игры провинцізавныхъ актеровъ, и не-смотря на славу своего автора, эта комедія никому не поправилась, потому-что действипот ви омагот втобох вно ончета сцень, гдь существують первоклассиые таланты. Въ-продолженіе перваго акта не было ни одного апплодисмента, исключая только той сцены, когда всв жевихи сходятся смотръть одну невъсту и уствинсь въ одинъ рядъ, по-очередно хотятъ говорить и незнаютъ что говорить. Раскъ (вотъ, что значить полагаться на раскъ!) не нопявъ эгой сцевы и принявъ продолжительное молчание за незнаніе актерами ролей, хотвль поострать, и за громкимъ емькомъ разразился громъ рукоплесканій. Второй актъ быль лучше; вообще эта піеса ежели выиграла ивсколько на сцевъ, то выиграла именно только игрою самого прівзжаго бенефиціанта, да еще и всколько игрою Турчанинова и Новиковой.

Вторая пісса водевиль, Путешественникт и путешественница, тоже быль чрезвычайно-сухъ; вдёсь Живовини взяль на себя роль совершенно не по своему характеру. Роль молодаго образованнаго человёка, къ тому-же довкаго повёсы и волокиты, совершенно къ нему не шла, хотя она и была выдержава имъ хорошо, но ветакъ какъбы слёдовало; не доставало чегото опредёлительнаго, и публика скучала.

Живокини быль въ Казани нелолго, торопясь на нижегородскую ярмарку: онъ увхаль послъ десати спектаклей. Мы отъ-души жалвемъ, что онъ быль такъ недолго, когда половина общества не живетъ въ городъ. Теперь многіе дилъ Бурдина. Отвровенно скажу, жальютъ, что не видали его и не въ Казани; слышно, что г-ну Жи вокини очень было непріятно невииманіе казанской публики къ вему.

Третій бенефись быль г-жи Новиковой и былъ гораздо удачиве первыхъ двухъ. Дана была драма: Пятнадцашь льть спустя и водевиль Гераклить и Демокрить или философы на Пескахт и еще другой водевиль Купцы 3-й гильдій. Во-второмъ игралъ Живокини, въ драм'в играль Борисоглабскій, въ роли Лидина, а въ водевиляхъ, не говоря о Живокини, Турчаниновъ и Новикова были очень-хороши. дивертисманъ шестильтияя дочь г-жи Новиковой сибла старинпую пъсню: Мижчины на свъть. какт мухи кт намт льнутт, такъ мило и весело, что мы невольно и долго дюбовались на этого ребен-

Четвертый бенефись, Соколова 2-го, состояль изъ воденией Записки демона и Никнико въ Токсовъ который, по бользни самого бенефиціанта, замъненъ водевилемъ Дюдушка Назаръ Андреевичь: этотъ бенефись, весь какъ-то не клеился. Бенефиціантъ быль боленъ, піссы были скучны, въ театръ почти никого не было.

Патый бенефисъ г. Бурдина. Завсь, прежде, нежели я стану разбирать бенефисъ г-на Бурдина, савлаю маленькую оговорку — завсь она будетъ у-мъста, потому-что дъло идетъ о самомъ г-нъ Бурдинъ. Нъкоторыя лица, прочитавъ мою первую статью о казанскомъ театръ, упрекали меня вато, что я уже слишкомъ похва-

что, говоря о казанскомъ театръ. я воздаваль каждому должное, безъ пристрастія въ тому или другому лицу. Тогда я уже замвчаль, что г. Бурдинъ очень-ръдко является въ своихъ настоящихъ розяхъ, что г. содержатель ограничиваетъ его авятельность всегда бъдными, незначительными розями, состоящими изъ двухъ, трехъ словъ, не болье. Теперь-же г. содержатель Стрыжовь (дай Богь, чтобь это было подъ добрымъ вліявіемъ первой моей статьи!) начинаеть давать т-ну Бурдину рольки порядочныя, значительные прежнихъ: за это мы приносимъ ему полную благодарность.

Бенефисъ г-на Бурдина состоялъ изъ водевиля Симонь сиротинка. комедін Гоголя Игроки, и Апашы отшельницы. Надобно отдать справедливость г-ну бенефиціанту за выборь піесь и ихъ обстановку. Въ «Игрокахъ» всв актеры играли равно, но въ особенности Борисогльбскій роль Утьшительнаго такъ хорошо поняль и передаль, что лучшаго требовать было совершенно невозможно. Г. Бурдинъ въ роли Симона былъ милъ и хорошъ. Какое неподдъльное, живое чувство выражалось въ каждомъ его словь; большая часть куплетовъ были говорены речитативомъ и говорены прекрасно. Вся сцена, гав онь отказывается оть своей невъсты, для ся-же счастья, въроятно, надолго, и у многихъ, останется въ памати.

Зато посл'ядній водевиль не поддержаль славы цізаго бенефиса. Роль генерала Бургошарда отдана была г-ну Звіздакову, а онь быль въ ней такъ дурень, что ни на что не похоже, между-темъ-какъ эта ничего нельзя сказать положиродь по всей справедливости принадлежала г-ну Борисоглъбскому, и если-бы г. Бурдинъ просиль его принять на себя трудъ, сыграть Бургошарда, тогда и дело былобы совстви иное.

Отличительнымъ характеромъ казанскихъ бенефисовъ могутъ служить ливертисманы, на которыхънашъ maestro, Звъздаковъ, отличается паніемъ куплетовъ, большею частію не комическихъ, но чисто шутовскихъ, и поетъ хорошо; впрочемъ, не удивительно: они чрезвычайно-върно гармонируютъ съ его характеромъ, физіогноміей, образомъ мыслей и пр. и пр. На сценъ-же онъ часъ-отъ-часу становится хуже и хуже. Странно, къ чему приниматься за то, чемъ не надълиль Богь? но въдь это общая ошибка всякой бездарности, которая не знаетъ своего горькаго назначенія въ свъть: играть роль статистовъ. Пать-бы ему какіе-нибудь куплетцы въ дивертисманахъ, нътъ, - намъ нужно играть, да еще играть первыя роли, а

Бъда, коль пироги печь примется сапожникъ,

А сапоги точать пирожникъ!

Въ дивертисманахъ всегда отличаются Фастрицкая, Александрова, Николаева, въ самыхъ разнообразныхъ пляскахъ: и въ венгеркъ, и въ козакъ, и въ русской цияскъ, цыганской и т. д. Изъ плясуній, Николаева и Александрова изрѣдка являются на сценѣ въ маленькихъ роляхъ; онъ еще такъ молоды, что обънихъ пока тельнаго.

Г-ну Молчанову нужно отдать справедливость: въ немъ замътно большое стараніе сдълаться порядочнымъ актеромъ, и нынъ онъ уже значительно измѣнился въ хорошую сторону. Остальное уже все идетъ свомъ порядкомъ.

Теперь нужно-бы сказать чтонибудь вообще о театръ; но мы лучше скажемъ здёсь несколько словъ объ отношении нашего театра къ нашему обществу. Съ горестію мы должны сказать, что вся масса казанской публики чрезвычайно-холодна къ театру; несмотря на прекрасный и благодътельный примъръ начальника губерніи и двухъ, трехъ высшихъ лицъ въ губерніи, театръ всегда пусть. Отъ-чего это? Неужели наша публика такъ нехудожественна, если могу такъ выразиться? И действительно, мы, отброшенные за рубежъ гражданственности, далеко на степную границу, въ непросвъщенную Азію, мы по-неволь должны были утрапривычки цивилизованной Европы. Для насъ чуждъ міръ искусствъ, тъмъ наче, что тутъ надобно платить деньги, а на нихъ ничего не покупается, кромъ какого-то непонятнато намъ удовольствія, которое такъ быстро проходить въ головъ, не дотрогиваясь до нашего сердца, окаменъвшаго въ жизни, наполненной разсчотами. Въ преферансъ гораздо-веселье играть, чымь смотрыть на сцену. Садясь за карты, мы, по-крайней-мъръ, въ надеждъ выиграть, а тутъ ровно ничего. Чрезвычайногрустное явленіе для театральнаго критика, но за то поучительное

для психолога. Мы хладнокровно; говоримъ, что намъ чужаъ міръ искусствъ, а какъ тяжко и горько это признаніе! Намъ-скажуть въ опровержение нашего мивнія, что на забшнемъ театръ играютъ только пошлыя піесы, на которыя совъстно смотръть молодымъ дъвушкамъ, и скажутъ многое еще коечто; но они забывають, что совершенствование театральнаго искусства, лучшій выборъ піесь, зависять отъ теплаго участія публики къ театру; что тамъ, гдв это участіе существуєть, существуєть и выгода съ объихъ сторонъ. По-неволь на сцень будуть даваться піесы для райка, когда только онъ бываеть полонъ. Простой народъ ходить въ театръ для того, чтобы вдоволь насмъяться на лишній рубль. Не кормить-же его такими піесами, которыхъ онъ не пойметъ! - Вотъ видите-ли, искусство, какъ-бы оно возвышенно не было, всегда имветь практическую сторону, безъ которой нельзя существовать; если на театръ будуть играться прекрасныя драны, высокія комедіи, хорошенькіе водевили, то театръ будетъ пустъ: простой народъ не пойдеть отъ-того, что онъ туть ничего не понимаеть, а дучшая публика — по привычкъ.

Казань

Сентябри

1844 года.

ТЕАТРЪ ВЪ КОЗЛОВЪ.

Въ одинъ изъ последнихъ дней августа, разбитый, а болье утомленный скучною, однообразною и долгою степною дорогой, лежалъ я въ гостинницѣ уѣзднаго города Козлова. День былъ праздничный, и крупный разговоръ на улиць давалъ знать, что православный народъ веселится и потвшается... Вдругъ является ко мнв половой, трактирный слуга, такъ върно изображенный Гоголемъ въ его Мертвыхъ Душахъ... Трактиры, ихъ устройство, прислуга, все это въ большей части Россіи имъетъ одинакое лицо и одинаковый типъ... Онъ съ самодовольною улыбкою подаль мив афишу, чотко и правильно написанную на полулистъ бумаги. Въ Козловъ театръ!.. театръ провинціяльный!... признаюсь, я обрадовался этому открытію не меньше Архимеда. Около трехъ мъсяцевъ я не видалъ театра, привыкнувъ быть въ театрв почти каждый день... Провинціяльнаго-же театра я не видаль съ дътства... Пойду... Я мигомъ одълся и поспъщилъ на это интересное зрълище.

Не доходя нёсколько шаговъ до дому, занимаемаго театромъ, я уже вналъ, чго подхожу къ театру: свётъ въ окнахъ, а вёдь это большая рёдкость въ провинціи; нёсколько полковыхъ музыкантовъ стояло у воротъ, что еще боле утвердило меня въ справедливости моей догалки, что я точно подхожу къ храму Таліи, Мельномены, а, можетъ-быть, и

Трепсихоры города Коздова. Надъ который нравится въ провинціи, воротами была прибита чорная вывъска, за которою стояли двъ плошки, и съ помощію буквъ, намазанныхъ масломъ, можно было прочесть: спектакль... Хитро!.. Я взошоль на лестницу, лестница большаго каменнаго дома чиста, широка и опрятна; наконецъ я вошоль въ заль театра. Привнаюсь, я никакъ не могъ предположить ничего хуже и бъднъе этого. Домъ не совсьмъ еще отстроенъ, ствны не выбълены, окна забиты тесомъ, кресла стары и грязны, ложъ и райка совершенно итть; освъщение не дурно. Я устлея... но невольно оглядывался на всв стороны... Привыкнувъ сидъть въ прекрасной залъ московскаго театра, въ Большомъ петербургскомъ театръ, мнъ быдо зайсь какъ-то неловко, тисно, душно!.. На занавѣсѣ изображалась какая-то минологическая картина: здёсь быль и Нептунь, и Венера, или, лучше и върнъе, чтото похожее на Нептуна и Венеру. Грянулъ оркестръ; музыкантовъ девять человѣкъ, не считая дирижора музыки; оркестръ дуренъ. Наконецъ занавъсъ вавился... т. е. съ шумомъ, пискомъ и скрипомъ медленно поднялся хотьль сказать я, любя точность въ выражении. Сцена мала, декораціи б'єдны и жалки... Но почему знать? подумаль я: можетьбыть на этихъ помосткахъ, подъ втою бъдною кровлею, пріютился талантъ!..

Въ этотъ вечеръ давали два водевиля: Узкіе башмаки и Мужев въ каминь, а жена вы гостяхь.

Кажется Низаръ сказальтав-то,

не нравится въ столицѣ, и чѣмъ авторъ болье извъстень въ провинціи, темъ онъ менее известень въ столицъ... Въроятно, поэтомуто остроты К ... такъ смещатъ Козловъ... Оба водевиля были разыграны весьма-удовлетворительно. Г. Вертовскій въ роли мужа быль даже хорошь; у него есть дарованіе; видно, что онъ опытный актеръ: были сцены истиннокомическія; жаль только, что его жесты, его манеры слишкомъръзки, слишкомъ угловаты; въ игрѣ много натяжки; безпрестанное стараніе смѣшить, иногда даже гримасы... но можетъбыть, это нравится, а актеръесли онъ не геній, - рабъ публики. Куплеты Вертовскій поеть вѣрно и твердо знаетъ ихъ, но другіе ни какъ не попадутъ въ тактъ, не-смотря на всѣ усилія дирижора музыки. Аносовъ, игравшій роль слуги, очень фарсилъ. Григорьевъ, занимавшій роль служителя пожарной команды, не только не умыт соразмирить своего голоса съ голосомъ другихъ персонажей и съ величиною сцены, но такъ кричалъ, что не было силы слушать его. Вообще, неумѣнье соразмѣрить голосъ со сценою, есть почти общій недостатокъ провинціяльныхъ актеровъ, сколько я могь замѣтить; вѣроятно, это происходить отъ-того, что они часто мъняютъ сцену. Г-жа Колосова, въ роли Терезы служанки, была тоже очень-недурна. Тутъ-же участвоваль Апшинскій, но это ужъ ужасъ, ужасъ, ужасъ!.. А вообще актеры и актрисы, право, лучше театра и его устройства. весьма-справедливо, что авторъ, Водевиль «Узкіе Башмаки» былъ

разыгранъ не хуже первой піесы. Г-жа Колосова даже кое-что спѣла и спѣла весьма-удовлетворительно; Аносовъ и Аносова были тоже на своихъ мѣстахъ

Г-жа Колосова, кажется, примадонна. Ей аплодирують, ее вызывають... что-же? ужъ такъ устроень свъть: гдв есть люди, тамъ есть и степени, гав театръ, тамъ зависть, соперничество и торжество, какъ-бы ни было оно жалко и ничтожно. Театръ кончился довольно-поздно, и я съ грустію его оставиль: мив пришло невольно на мысль положение провинціяльнаго актера. Въ-самомъ-дъль, эти бедные актеры переходять изъ города въ городъ, изъ труппы въ труппу, мвняя также часто содержателей, какъ костюмы и роли: они рѣдко, очень-рѣдко бываютъ вознаграждены... въ какомъ-то чаду проходятъдни годы, а наконецъ и самая жизнь. И бъдвый провинціальный актеръ, вѣчный поденьщикъ и работникъ, промучившись съ полъ-въка, умираетъ наконецъ, подавленный ярмомъ нужды, въ какой-нибудь богадельнь, забытый, покинутый... А почему знать? быть-можеть, онъ тоже любилъ прекрасное, сочувствоваль прекрасному, хоть по инстинкту...

Вотъ вамъ положеніе провинціяльнаго актера; какъ-же порицать его, какъ-же судить и осуждать? Онъ подавленъ, убитъ обстоятельствами, нуждой, не рѣдко, можетъ-быть, самой горькой. Онъ не имъетъ ни средствъ, ни способовъ ни видъть, ни слышать, ни внать, ни образоваться. Въ этомъ смъшномъ, а, можетъ-быть, и поэтическомъ кочеваніи, онъ

тратитъ время, здоровье, самую жизнь. Онъ жалокъ... онъ вызываеть на сочувствіе, на размышленіе. Что ему до искусства?.. Искусство обратиль онъ въремесло: его сценическіе труды - его насущный хавбъ... Когда-жъ ему мечтать о славь, объ извыстности, о развитін таланта?.. Если-бы онъ сталь заниматься этими химерами, онъ умеръ-бы съ голоду. И почему знать, сколько светлыхъ, сколько яркихъ, живыхъ и юныхъ талантовъ погибло, и погибло невозвратно на этихъ помосткахъ провинціяльной сцены!.. Не всякому таланту приходится разорвать эти путы... Одному генію нѣть препонъ, одному генію нътъ преградъ!..

M. K.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Александринскій Театръ.

Марія Стюарть, трагелія въ 5-ти действіяхь, соч. Шиллера. — Тяжба. Комическая сцена Н. Гоголя. — Разскавь Горлопанова изъкомедіи «Женихи или Векь Живи, векь учись». — Москаль Чаривникь, малороссійская опера вь 1-мъ действіи, сочиненіе И. П. Комляревскаго. (Бенефись г-на Щепкина, 27 сентября.)

Наша петербургская публика -

честь и хвала ей! - очень полюбила московскаго гостя. Во всв спектакли, въ которыхъ участвуетъ Шепкинъ, театръ бываетъ полонъ: если хотите попасть въ театръ, когда играетъ московскій артисть, вапасайтесь билетомъ какъ можно поскоръе, а не то-не прогиввайтесь: билеты беруть на-расхвать. Въ бенефисъ Щепкина, не-смотря на значительное повышение цѣнъ на мъста, театръ быль полнехонекъ. Апплодиссментовъ, вызововъ было вдоволь. Публика осталась виолив довольною. Истинные любители театра на-лодго сохранять воспоминание объ этомъ вечеръ: онъ доставиль имъ наслаждение высокое...

А между-тьмъ, за исключениемъ Тяжбы Гоголя, какая все старина была объявлена на афишъ! Марія Стюарть игралась тому назадъ льть десять, если не ошибаемся; Разсказь Гормапанова взять изъ комедін Иванова (Ө.), напечатанной въ 1808-мъ году; Москаль Чаривникь, котя на малороссійскомъ языкъ въ первый разъ играется на петербургской сцень, но на русскомъ былъ игранъ нѣсколько равъ, подъ разными названіями: Солдать на ночлеть и др. Чтоже это доказываеть? Во-первыхъ то. что публика полюбила Щепкина и съ радостію идеть смотрѣть его, въ чомъ-бы онъ ни игралъ, а во-вторыхъ, что наша новъйшая драматическая литература такъ бъдна, что добросовъстный артистъ, который въ своей бенефисъ не желаетъ угощать публику всякою аребеденью новъйшаго изавлія. предпочтетъ лучше дать старину, увъренный, что на афишъ всего

занимательнье имя сю, артиста, а не новизна ваглавія піссы: такъ поступиль Щенкинь, и поступиль прекрасно, благородно, какъ долженъ поступать истинный артисть.

Нельзя не поблагодарить за возобновление на нашей сценф прекрасной трагедіи Шиллера, несправедливо забытой новфинимъ репертуаромъ, хотя публика, вфроятно, отъ нетерифнія скорфе увидфть самого бенефиціанта, приняла ее довольно-холодно, не смотря на превосходную игру В А. Каратыгина...

Небольшой отрывокъ Гоголя Тлжба разыгранъ былъ Щенкинымъ и Мартыновымъ удивительно; первый представилъ типъ степнаго помѣщика, обрисовавъ его въ одной сценъ съ изумительною върностію; второй явился въ полной мъръ петербургскимъ чиновникомъ.

Послъ коротенькаго антракта, передъ нами явился тоже степной помещикъ, но въ другой форме, явился страстный псовый охотникъ, который только и бредить своими собаками, только и говорить, что о лисицахъ и о зайцахъ. Щепкинъ произнесъ одинъ небольшой монологь, но съ какимъ одушевленіемъ, съ какимъ огнемъ! Невольно подумаете, что этотъ чедовькъ, всю жизнь свою проведъ на псовой охоть, предался ей со всею страстію, со всею пылкостію души: такъ онъ былъ натураленъ, въренъ изображаемому лицу, такъ слился съ нимъ своею собственною натурою!

Но верхъ торжества Щенкина это была роль малороссійскаго козака. Искусство здесь доведено ло такой высокой степени, что его трудно различить съ природою. Вы видите передъ собой не актера, но живое лицо, малороссійскаго козака въ натуръ, со всъмъ его складомъ, манерами, ухватками, сь его лукаво-простодушною фивіономією, съ его неповоротливою ленью, которая проглядываеть во встхъ движеніяхъ, даже въ тъ мгновенія, когда козакъ, что навывается, расходился и пускается въ плясъ. Какъ мастерски пропълъ этоть козакъ пъсню:

> Съ того часа якъ женывся Я николы не журывся!

Публика заставила его три раза повторить ее, и — вамѣтьте это! — повториль пѣсню, Щепкинъ ни разу не повторилъ самого себя, не новторилъ ни одного своего жеста, ни одного движенія: такъ разнообразенъ онъ въ игрѣ своей.

Вообще малороссійская опера разыграна была очень-хорошо и принята публикою съ восторгомъ. Г-жа Самойлова 1-я, въ ролѣ Татяны, была прекрасна; каждую пъсню ея публика заставляла повторять по два раза, не-смотря на то, что піеса шла въ заключеніе спектакля, и было уже близко къ полночи.

us. 20 co centendors areas on 65, as

SOLUTE ONLIGHTED BY MILLIAMS

the sourcest authorities nebycorne

O MERCHANISM STREET, AND AND ASSESSED.

more requestors minister a

РАЗНЫЯ ИЗВЪСТІЯ.

Тальйони ангажировава на годъ въ Соединенные Штаты, за 10,000 фунтовъ стерлинговъ (250,000 р. асс.). Это будетъ ея послѣднее артистическое путешествіе, послѣ котораго она навсегда оставитъ сцену, и удалится въ свою виллу, построенную на берегахъ озера Комо. Говорятъ, что эта вилла — чудо богатства и вкуса. Въ недальнемъ разстояніи отъ виллы Тальйони находится вилла Пасты.

- Мейерберъ написалъ большую пяти-актную оперу, подъ названіемъ Гусситы подъ Наумбурюмъ. Этою оперою откроется новый лирическій театръ въ Дрезденъ.
- На томъ же Дрезденскомъ театрѣ, если вѣрить журналамъ, въ скоромъ времени представлена будетъ опера А. Ө. Львова Bianca е Gualtieri. Нашъ талантливый композиторъ, нахолящійся теперь въ Дрезденѣ, говорятъ, самъ будетъ дирижировать репетиціями своей оперы.
- Во Франціи излюстраціи пробиваются всюду. Кром'в книгъ и газеть нын'в начали излюстрировать театральныя афиши. Дирекція театра Ambigu обклеиваетъ стіны домовъ огромными розовыми и голубыми афишами, на которыхъ изображены сцены изъ піесы Le Miracle des Roses.
- Послѣ своего путешествія по Германіи, Эленшлегеръ, знаменитый датскій поэтъ пріѣхалъ въ Парижъ, со вторымъ своимъ сыномъ.

- Литературные и политическіе парижскіе журналы, въ настоящую минуту, очень - заняты важною новостію, что Викторъ Гюго будетъ избранъ перомъ Франціи.
- Тальбергъ за одну серенаду получиль отъ издателя музыкальныхъ произведеній въ Лондонъ, Беля (Beale) 6000 фр. Монартъ, Бетговенъ и Веберъ не были такъ счастливы. Впрочемъ въ наше время ни артисты, ни композиторы, ни литераторы не могутъ пожаловаться на судьбу. По скольку, напримъръ, получають за листь Бульверъ, Скрибъ и Ежень Сю уже всемь известно. А теперь и неменкіе писатели не отстають отъ французскихъ; такъ г-жа Ганъ-Ганъ получаеть за листъ по 100 фл., а Паальцова даже по 120 фл. Не худо тоже въ Германіи и учонымъ, которые въ модъ.
- Фанни Эльслеръ въ концъ октября отправляется изъ Лондона въ Мюнхенъ, гдъ дастъ 12 спектаклей. По заключонному ею условію, къ 15 ноября она должна уже опять быть въ Туринъ.
- Въ Лондонъ на мъстъ стараго Standart-театра строится новый, по плану англійскаго Опернаго-Театра. Театръ этотъ будетъ такой-же величины и такъ-же украшенъ, какъ театръ Франкони въ Парижъ.
- Извѣстіе, повторенное недавно всѣми французскими и нѣмецкими газетами, что будто-бы Россини пишетъ новую пяти-актную оперу «Jeanne d'Arc», оказывается дожнымъ. Поводомъ къ этой вы-

думкѣ послужили одна сцена и арія, когда-то уже давно написанныя или, лучше сказать, набросанныя великимъ маэстро на этотъ сюжетъ и хранящіяся у его пріятельницы, г-жи П.

Г-нъ Григорьевъ, кромѣ Геросев Преферанса, комедін-водовиля, изъ которой мы напечатали въ нынъшней книжкъ «Репертуара и Пантеона в некоторые куплеты, написаль для своего бенефиса, какъ мы слышали, еще презабавный водевиль Полька вт Истербурнь или Баль у танцовальнаго учителя. Сверхъ-того дастъ онъ въ свой бенефисъ драму П. П. Каменскаго: Давидь Клеторь, Шуть Марін Стюарть, и комедію Эмиля Сувестра Французский Гусарь. Спектакль, по-видимому, будеть оченьзанимательный.

- Н. А. Полевой написаль оригинальную комедію подъ названіемъ Государственная Тайна. Мы слышали, что эта комедія дана будеть въ бенефисъ г-на Куликова.
- Новая пісса Н. В. Кукольника, о которой изв'єщали мы въ прошедшихъ листкахъ нашей «Театральной Літописи» называется, говорятъ Импровизаторъ.
- Геніальный віолончелистъ Серве, 30-го сентября даваль въ Петербургъ послѣдній концертъ свой передъ отъѣздомъ въ Москву, куда онъ отправляется по приглашенію многихъ любителей искусства Можно Москвѣ повавидовать. О

placer on though superiors to explore the explored and explored on

eparate, as another spin or entry of the production of the contract of the con

service programmentally a technic printing of the programment and detection depresentations.

to present appear to the set of t

последнемъ концерте его скажемъ общимъ читателямъ нашимъ мы въ савдующихъ листкахъ «Те- будущую субботу. атральной Летописи».

- Наконецъ дождались мы, чего съ такимъ нетерпфијемъ и такъ долго ожидали: 2-го октября открывается петербургская Итальянская Опера. Воображаемъ, что будеть въ театрѣ въ этотъ вечеръ! А что именно будеть, о томъ со- скомъ театрь.

ВЪ

Къ этой книжкъ «Репертуара и Пантеона» прилагается сцена изъ Отелло, драмы Шекспира, которая недавно съ такимъ успъхомъ возобновлена на Александрин-

Редакторъ Межевичъ.

корреспонденція редакціи репертуара и пантеона.

1) Bennerie mai neconscience canolienas. Temente en 1-22 golleranas, en

nila mineria e iriliana ne biguema,

1) Bayalveria Cen, solestica

Ольком, кули и приским попорым г-де лости пошники отогка обращаемы, св. пребразайська ихъ плаваду, если на диомента местира баной долиновия паненамико, кого спостол подпочения рез срудения из вретители статья будеть почасье по сторона рез веди мажеть бар отого деленая, что статья будеть прнечатела, пра периота удебение ст. от Веспрации статью, резекта в Ресвиступра и Папталена, вискольки бас стороте себи обязанного ибъекто и дчась, прочему суктья на пристатами и по ем игро на старова старами. В пристания

Любители театра жалуются на скудость современной драматической литературы русской, на малочисленныхъ драматическихъ писателей; мы, напротивь, не знаемь, куда дъваться оть драматическихъ русскихъ писателей н отъ ихъ драматическихъ писаній. Драмы и комедін сынлются къ намъ со всъхъ сторонъ, такъ-что мы не успъваемъ перечитывать ихъ. А стихотворенія, стихотворенія... Господи Боже мой! Если взять въ разсчотъ только тъ стихотворенія, которыя присылаются и доставляются вь редакцію «Репертуара и Пантеона», то смвло можно положить, что въ Россіи на каждый день прибываеть по пяти стихотворцевь, и каждый чась производится по десяти стихотвореній; а что-же выйдеть, если возьнемь въ разсчоть стихотворенія, присылаемыя въ редакцію другихъ журналовъ! Къ чести «драматическихъ писателей» можемъ сказать, что это народь довольно-смирный и деликатный: они позволяють продержать драму недели две, не приступал за ръшительнымъ отвътомъ; но за то стихотворцы такой народъ, что упаси Боже! Доставить стишки, да черезь чась и бъжить за отвітомь: будеть-ли напечатано? Когда будетъ напечатано? Почему не будетъ напечатано? Прошу отвъчать деликатно, въ особенности на послъдній вопросъ! Разумъется, не напечатано - по независящими от редакціи обстоятельствами. Что-же сказать болье? Когда-нибудь мы разскажемь читателямь нашимь, какъ являются въ редакціи періодическихъ издапій поэты, нь особенности «юные», а теперь считаемъ долгомъ объявить, одинъ разъ навсегда, -

1) Поэтамъ,

которые пожелають доставить въ редакцію «Репертуара и Пантеона» свои стихотворенія, что о причинъ ненапечатанія стихотвореній редакція никому никакого отвъта и отчота, ни словеснаго, ни письменнаго, отдавать не намърена, и присланныхъ стихотвореній возвращать не будеть.

2) ДРАМАТИЧЕСКИМЪ И ДРУГИМЪ ПИСАТЕЛЯМЪ,

желающимъ доставить свои сочиненія въ редакцію, что редакців отвъта ва счоть помъщенія или непомъщенія ихъ ранье двухъ недъль давать не можеть; сочиненія, которыя почему-либо къ помъщенію найдутся неудобными, отсылаются въ контору редакціи, состоящую при книжномъ магазинъ М. Д.

Ольхина, куда и просимъ покорно г-дъ доставившихъ статьи обращаться съ требованіемъ ихъ назадъ, если въ листкахъ театральной льтописи напечатано, что статья помьщена не будетъ; въ противномъ случать, молчаніе со стороны редакціи можетъ служить знакомъ, что статья будетъ напечатана, при первомъ удобномъ случать. Возвращая статью, редакція «Репертуара и Пантеона», нисколько не сочтетъ себя обязанною объяснять причины, почему статья не напечатана и ни въ какомъ случать въ письменных объясненія входить не будетъ.

Слъдующія статьи, доставленныя въ редакцію «Репертуара п Пантеопа» напечатаны не будуть:

- 1) Парижскія Фец, водевиль.
- 2) Свирскіе или несчастное семейство. Трагедія въ 4-хъ дъйствіяхъ, въ стихахъ запада по под проделения в продукти в применения в пр
 - 3) Драматическія сцены нашего времени, изв наблюденій.
 - 4) Черданъ поэта. Комедія или драма водевиль.
 - 5) Матильда. Арама, переводъ съ французскаго.

Доставившіе эти статьи благоволять получить ихъ обратио изъ конторы редакцій.

дени прибываеть по истиготорцевь, и каками чась производится по дости стихотвореній; в чуб-же выбаеть, если козыкваь их разсчоть стихотасровія, присызавныя ва редавнію зругих журкання! Из чести «дравати-ческих» писатськії по кожень сванкть, что вто пародь доставній и данкатамій; она полюдяють продержить драку неділи дей, не приступал за решительныць отвітомы; на за то стихоткорцы такой народь, это унаси быме! Доставить стишкі, да черезь чась и быжить за отвіточь будеть на присыднай подежу не будеть папечатамо? Порему не будеть папечатамо? Прошу намечать белакамно, на особенности на поставній попроск! Разумоста, не намечатьно — по иставницима она ребакции облюсиває свинове. Что-же області болье? Когла-забудь кат разокажна потагелям вышать, нака замесь, а

ARREST (1

которые пожелають достоветь вы редакцію «Генертуаря в Пантаона» свои спихотворенія, что о причись веньпочаталія стологарный редакція викому вилленого ответа в отчота, щі слонесчаго, на пислачать, отдакть не навт-

.2) Asserbaces a crease and transfer of

he every non-tagenta nam accountagents names parke instructive grants are nowers: consumply, scropian noneny-ando no simpagnatio incluyer negrobusing, ornalization as nonropy negroting decreasings of minimum with all.

велерь очитаемь долгомъ объявить, одинь рызь напечтда,

река; и присманиять сечкотворений возгранцик по будеть:

втесто відленов оти сображное на вівоного поРедакторъ Межевичь.

новыя музыкальныя сочинения.

Outerlands, Openus, Palpoirris etc. p. Pf. it amins.

REFEROVER, L. v. Chrishna am Olberne, Oral, are: par E. R. Rich-

AGER. Dens Potpourds de Vop. La Reine d'un jour (à 1 r. 75 c.)

acara, Potpourri de l'op Zanetta (1 r. 25.)

nomizeru, Ouverture de l'opy-La Fille du Régiment (1 r.)
- Deux Pote, de l'op, Les Mariers (1 2 r.)

malevy, Potp. de l'op. Le Guitarrèro (1 r. 25 c.)
mirra, I. F. Concert-Ouverture op. 22 (1 r. 25 c.)

mera, Cuvertage a flere of beauder on 111 a

Polo do l'op. Goillame Tell (1 r. 75 c

LORTELS Q. Ouvert, de l'op. Casacovà (1 r

ter (3 r. 75 c.)

Въ Музыкальномъ Магазинъ «au Ménestrel» (Менестрель) въ Большой Морской, въ домъ Коссиковскаго.

- Zaac et Zienmerman: Opère com, arr. par. Schubert (7 r. 50 e.)

RADZIVIL, Pr. Ant Fogue de Mezert servout d'Ouverture au Laust,

men, Trois Poly, de l'ou, Corrado di Altamere (à 1 r. 50 c.)

Ouvrages périodiques pour le Piano etc.

- ABEILLE musicale, mois de Septembre; prix de souscription pour 100 cahiers 13 r. 50 c. argent, y compris le port de poste.
- № 68. Kullak op. 20. A Minuit, Nocturne (70 c.)
- 69. Loewenskjold op. 15 Hommage aux Dames de St. Petersbourg; Amusement de Salon (70 c.)
- - 70 Listz, Galop russe (60 c.) anish al golf sh glot made
- - 71. Hunten op. 131 Thème de Haas varié (70 c.)
- - 72. Birscher, Quadrille sur La Fille du régiment, de Donizetti (60 c.)
- 73. Strauss op. 154 Lore-Ley-Rheinklänge, Valse jouée av. grand succès par l'Orchestre de Mr. Herrman (75 c.)
- - 74. Gungl op. 34. Der frohliche Uhlane, Mazurka (30 c.)
- 75. Паскуа, Вѣтка, Романсъ (40 с.)
- - 76. Masini, Rose-Marie; Romance (30 c.)

ADAM, Deux Potpourris de l'op. La Reine d'un jour (à 1 r. 75 c.) AUBER, Potpourri de l'op. Zanetta (1 r. 25.)

BRETHOVEN, L. v. Christus am Olberge; Orat. arr. par E. E. Richter (3 r. 75 c.)

DONIZETTI, Ouverture de l'op. La Fille du Règiment (1 r.)

- Deux Potp. de l'op. Les Martyrs (à 2 r.)

Trois Potp. de l'op. La Favorite ou Richard et Mathilde (à 1 r. 25 — 1 r. 50 c.)

HALEVY, Potp. de l'op. Le Guitarrero (1 r. 25 c.)

RITTL, I. F. Concert-Ouverture op. 22 (1 r. 25 c.)

LORTZING, Ouvert. de l'op. Casanova (1 r.)

- Zaar et Zimmerman; Opèra com. arr. par. Schubert (7 r. 50 c.)

 MERCADANTE, Quatre Potp. de l'op. II. Bravo (1 r. 50 c. et 2 r.)
- Potp. de l'op. Robert de Diable (á 1 r. et 1 r. 50.) NIROLAI, Quatre Potp. de l'op. Il Templario (à 1 r. 75 c.)

RADZIVIL, Pr. Ant. Fugue de Mozart servant d'Ouverture au Faust, arr. par C. Klage (70 c.)

RICCI, Trois Potp. de l'op. Corrado di Altamura (à 1 r. 50 c.) RIETZ, Ouverture à Hero et Leander op. 11 (1 r. 75 c.)

ROSSINI, Stabat mater, arr. par. Ch. Czerny (3 r. 75 c.)

— Potp. de l'op. Guillame Tell (1 r. 75 c.)

THOMAS, Potp. de l'op. Le Corbeille de fleurs (1 r. 25 c.)

TITL, Potp. du vaudeville Der Zauberschleier (2 r.)

Ouvertures, Opéras, Potpourris etc. p. Piano seul.

bourg Amusement do Salon (70 c

ADAM, Potp. de l'op. La Reine d'un jour (1 r.)

ANDRÉ, A. Der Opernfreund; Collection de Potpourri, Mélanges tirés des opéras favoris; livr I - III (à 2 r. 50.)

AUBER, Ouvert. de l'op. Les Diamants de la Couronne (75 c)

Potpourri d-o (1 r. 25 c.) d-orol del que annua 87

DONIZETTI, Ouvert de l'op. Les Martyrs (90 c.)

- Adelia, opèra complet (5 r. 25 c.)

- d. Potpourri (90 c.). 04) annua Tomano T. Caroli . Grand . G

HALEVY, F. Le Guitarrero, op. compl. arr. par. Mokwitz (5 r)

- idem Potpourri (90 c.)
- Ouverture de l'op. Le Sherif. (90 c.)

aneurzen, Das Nachtlager in Grenaba; opera compl. (6 r.) LORTZING, Ouvert. de l'op. Casanova (75 c.)

- Casanova; opéra complet (6 r.)
- idem Potpourri (1 r. 25 c.)

cannay, 21 Eindes chemates op MERCADANTE, Potp. de l'op. Il Giuramento (1 r.)

MEYERBEER, Ballets de l'op. Les Huguenots (1 r. 50 c.)

- Potpourri-sur les thêmes le plus favoris d'opéras nouveaux Æ 1
- 48 (à 1 r. 1 r. 25 c. et 1 r. 50 c.)

Etudes et Exercices pour le Pianoforte.

Studio scheroso - Tarantella ap. 609 250 c.1

des joures élèves op. 700 JF 1-12 A (50 o.

ABRAMOWITZ, . Si oiseau j'etais . Valse - Etude (57 c.) ALKAN, Caprice ou Etude (50 c.) BACH, I. S. Trois Préludes et Fugues Af 1 - 3 (à 40 c.) BERTINI, H. Collection complete des Etudes. 1. Serie (11 r.)

- 1) Douze petits Morceaux precédés chacan d'un prélude en deux Suites, chaque (65 c.)
 - 2) Vingt-cinq Etudes faciles et progressives op. 100 (1 r. 50 c.)
- 3 et 4) Vingt-cinq Etudes doigtées, dédiées à I. B. Cramer op. 29 et 32 liv. 1 - 2 (à 2 r.) 11 rost et et la liv. 1 - 2 (à 2 r.)
 - 5) Sept Etudes mélodiques op. 86. (75 c.)
 - 6) Vingt-cinq Etudes musicales à 4 mains op. 97 livr 1. (2 r.)
 - 7) Rudiment du pianiste op. 84 en 3 Suites chaque (1 r. 50 c)
- Supplément à la I. Serie.
 - 4) Etudes doigtées op. 134 liv. 3 (2. 75 c.)
 - 6) Vingt-cinq Etudes à 4 mains op. 135 liv. 2.
 - II Serie des Etudes (16 r. 25 c.)
- 8) Vingt-cinq Etudes caractéristiques op. 66 (4 r. 25)
 - 9) Caprices-Etudes op. 94 (5 r. 50 c.)
- 10) Etudes artistiques op. 122 (8 r. 25 c.)
- 25 Etudes élémentaires pour les petites mains op. 137 (2 r. 25 c.)
- Exercices en Accords; complement à toutes les Méthodes de Piano (1 r. 15 e.) e expresive up. 134 (90 c.)
 - 50 Leçons progressives et doigtées cah. 1-4 (à 1 r. 50.)

- BURGMÜLLER, Penseés expressives, Douze mélodies caractéristiques en forme d'Etudes op. 73 (2 r.)
- BURKHARDT, 25 Leçons et Pieces de conversation à l'usage des jeunes Commençants. op. 44 (90 c.)
- снорім, Trois nouvelles Etudes (1. r. 15 с.)
- czerny, 24 Etudes élégantes op. 672 1 1-24 (à 50 c.)
 - Aufmunterung zum Fleiß; Exercices amusantes op. 694 cuhier 1-4 (á 1r. 50 c.)
 - 24 grandes Etudes de Salon caractéristiques et pitoresques op.
 692 № 1-4 (à 1 r. 75 c.)
 - Studio scherzoso Tarantella op. 699 (50 c.)
 - Delassement de l'étude; 12 Morceaux du petit Salon à l'usage des jéunes élèves op. 700 № 1 - 12 à (50 c.)
- HELLER, St. La Chasse, Etude (90 c.) intal massic in any works and
- HENSELT, Etudes op. 5 M 1-12 (à 40 c. -65 c.)
- HERZ, H. 30 Etudes progressives et doigtées op. 110 Æ 12 (à 2 r. 25 c. et 2 r. 75.)
- HORNEMANN, Douze Caprices op. 1 liv. 1 4 (à 1 r.)
- KALEBRENNER, 25 grandes Ftudes de style et de perfectionement pour servirde complément à la méthode op 143 cah. 1 2 (à 2 r. 25.)
- кольтат, Douze Etudes (dediées à H. Berlioz) op. 55 liv. 1 (1 г. 70 с.)
- кольк, Elégie de Ernst, suivie de deux Etudes de Beriot; La Tristesse-La Prière op. 9, № 1-3 (à 75 с.)
- LISTZT, Morceau de Salon; Etudes de prefectionnemene de la Méthode des Méthodes (75 c.)
 - Etudes d'exécution transcendante d'après Paganini (ded à M-me Schumann Wieck) part. 1. 2 à (3 r.)
- LANZ. I. L. Abandonné; Etudes précédé d'un Prélude op. 20 (50 c.) MENDELSOHN-BARTHOLDY, Pracludium et Fuga (1 r.)
 - Une Etude de la Méthode des Méthodes et Scherzo (à 50 c. et 75 c.)
- MOSCHELES, L'Ambition L'Enjouement; Deux nouvelles Etudes (75 c.)
 RAVINA. Vingt cinq Etudes caractéristiques liv. 1. 2 (à 1 r. 90 c.)
 REISSIGER, L'Espérance frustrée; Piècce brill. en forme d'une Etude expresive op. 134 (90 c.)
- scanlatti, Ratzenfuge (nouv. édition) (40 c.)

schmitt, A. Exercices préparatoires, servant à acquerir une indépendance et égalité des doigts possible op. 16 (75 с.)

- 20 Etudes, Suite de l'oeuvre 16 (1 50 c.)

TRAUBE, La Najade; Pièce concertante suivie de deux Etudes op. 49 liv. 1. 2 (1 r. 75 c.)

WIELHORSKY, Ct. Ios. Deux Etudes op. 7 (1 r.) WOLFF, Ed. Premier Caprice (75 c)

КПИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Философія и Исторія музыки. Несколько словь о духовной музыків. Статья Жоржа Ортига. — 11. Утро. Стихотвореніе Н. С. — 111. — Болривь Федогь Васильения Басенокъ. Трагедія въ пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. В. Кукольцика. — 1V. Нитв, оруго мой, пьтол... Стихотвореніе Н. С. — V. Два газсказа Свимена Игнатьевича. 1. Ивант Изаньих Марошка 2. Петра Иваньих Мерошка. — VI. Півсня Испанца. — VII Матеріалы для исторін русскаго театра. — Нівсколько подробностей о Медоксії и о старинномъ московскомъ театрії. — VIII Піску ссьво и художники. Дюпрії. — 1X. Юмогистика. Петербургскія манін. — X. Смісь. Пісколько словь о дійствительности и идеалахъ. (Разужденіе отнодь пекритическое. Петра Парфі...). — Ничто не ново подъ лупою. — Новый Піскспира. (Изъ записокъ путешественника). — Странный ноклонникъ. — Письмо Ронкони. — Чему быть, тому не миновать. Разсказъ Поль-де-Кока.—М-йс Марсъ въ дезабилье. — Анекдоты и мелочи. — Театральная дътопись.

книжел пятая.

І. Обозрыне русской драматической литературы. Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго.—П. Какт чистая отва. Стихотвореніе Е. С. — ПІ. Веселый вечеръ наъ жизни великаго государя, или четвего часовыхъ у одной будки. Драматическая шутка въ одномъ дъйствіи. Переводъ Н. Г. Ободовскаго. — IV. Пъсна М. Истребода. — V. Филесофія и исторія музыки. Критическій взглядь на музыку Россини. (Паралясью между Россини и Вольтеромь). — VI. А Viardot-Garcia. Стихотвореніе Г-ок.— VII. Пажи герпога Вандомскаго. Водевиль въ одномъ дъйствіи. Переводъ Н. А. Кородкина. — VIII. Соловей. Стихотвореніе Н. С. — IX. Поэтъ. Повъсть. — X. Сонъ. (Посвяш. У. Т. Г-йг. Стихотвореніе Виктора К-кб.—XI. Юмогистика О тоть какъ Виссаріонъ Ивановичъ хотбать сазбаться Рубини, а Мавра Пегровиа — Тальйоли. — XII Черты паъ жизни Моцарта и посаздніе его дии. — Жаль-Жакъ Руссо и г-жа Жанлисъ. — Анеклоты о Паганиви. — Суфлеръ. — Въкъ илясопой музыки. Опибся. — Характеристика инструментовъ.—Плата тою-же монетою — Клара Метцгеръ. — Добро отъ зла. — Зыходка Каталари. — Авое въ одномъ. — Дешево пріобрътенная извъстность. — Стефанъ Швейлераь. — Музыкальный кассъ-тетъ. — Забавный поединокъ. — Анеклоты и мелочи. — Театральная льтопись. — Забавный поединокъ. — Анеклоты и мелочи. — Театральная льтопись.

RHUKKA IHECTAS.

1. Амыль. Стихотвореніе Вийтор і К-ка. — 11. Евгенія Гранде. Романь Опоре де-Бальзака — 111. Скажи, скажи, товаришь мой. Стихотвореніе Н. С.—1У. Матеріалы аля исторін русскаго театра. Владимірь Лукинь, драматическій писатель 1765-го гора Статьв М. Н. Макарива. — V. Рыбачкь. Стихотвореніе Миполища Голубина. — VI. Испанскіе любовники. Происшествіє XIV віжа. Драма вть пяти дійствіяхь и шести картинахь, соч. Фреоерика Сульй. — VII. Искусство и художники. Гайдиь. — VII. Инвалидь Стихотвореніе Виктора К-ка. — IX. Какь опасно читать вный гласты! Комическія сцены. — X. Облякі. Стихотвореніе 1-4. — XI. Смесь. Представленіе комеліи Аристофана • Облака •, въ Афинахъ въ 378 году до Р. Х. (Извлечено изб Плутаржа. — Слеза ребенка, разсказъ Эдуарда Лемоаня. — Французскіе законы о театрахъ. — Нікоторыя подробности о Казимірів Делавинів. — Французскіе півны Деривисы. — Странное дійствіе музыки. — Барабань лорла Сандвича. — Жизнь композиторовь и музыкантовъ. — Забавный концерть. Гарі Мартень. — Черта пізь жизни Лесюзра. — Россини и Галли соперники — Честолюбіе Спонтини. — Некрологь композитора Бертона. — Анекдоты и мелочи. — Театральная дьтопись.

КИИЖКА СЕДЬМАЯ.

І. Пловенъ. Стихотвореніе Виктора К-ка. — Лучше въ я выла сиротой! Драма въ пяли дъйствіяхъ. Сочниеніе графа Скарбека. Перев. съ польскаго С. И Поблодогоцева. 111. Женшних Ститотвореніе 1. 4. — IV. Евгенія Гранде. Романъ (пире де-Бальзака. (Окойчаніе). — V. Къ ***. Стихотвореніе 1. 4. — VI. Исторія драматической дитературы. Карлъ Гопци, вевеціянскій Аристофанъ. — VII. Ночь и утро. Стахотвореніе ***. — VIII. Совгеменные сцеппчерків крінсты. Плесси, актрисса Перимскиго фрализскаго-Театра. (Тhéâtre-Français) — IX. Ты и пы. (Пзъ Б.). Д. Т. Лекскаго. — X. Смась. Зозотая монета (Разсказъ. который можеть служить сюжетоми доля водеваля). — Краткій очеркъ жизна композитора Бертона. — Клавикорды Маріи Антоанеты. — Поклонникъ Тальмы. — Оба правы. (Современный анекфоть). — Паспортъ Боско- — Нигаё венапечатанное письмо Вольтера. — Корреспонленція тановшицы Фанны Эльслерь съ Китайскихъ Императоромъ. Анеклоты и мелочи. — Тёлталіная льтопись.

КИИЖКА ВОСЬМАЯ.

1. Комета. Стихотвореніе 1. 4.— П. Молодые ключиниы у старыхъ холостяковъ или обочлюсь въ газсчотъ. Водевиль. П. А. Каратышна.— ПІ. Гондола. Стихотвореніе Н. С.—Исторія драматической литературы. Испанскій театръ. Перев. съ испанскаго М. Н. Лихопина.— V. Иральнаская мелодія. Изъ Томаса Мура.— VI. Пьтухъ и кугочки Итальянскій пародный фарсъ. Перев. П. Р. Фурманна. — VII. Не удивляйся, другъ мой милый Стихотвореніе Виктора К-ка. — VIII. Сынъ Нотаріуса. Разсказъ Библюфила Жакоба.— ІХ Еврейская мелодія. (Пзъ Байрона). А. Фета.— Х. Піараь Подье, изгнанникъ изъ отечества. — XI. Современные сценическіе артисты. Джюлія Гризи, изгнанникъ изъ отечества. — XI. Современные сценическіе артисты. Джюлія Гризи, извина парижской Итальянской-Оперы. — XII. Смъсь. Актрисса пропілаго въка.— Невинюсть Скарамуша.— Отчальный Россинисть.— Кто кого угостиль.— Серафенъ.— Селеніе, котораго нътъ въ цъломь міръ. — Театръ и музыка въ Вънъ. (Статью франкфуртскаго капсльмействера Гура).— Двъ методы явнія.— Фанатизмъ. — Гробница Вебера въ Лондонъ. Анекдоты и мелочи. — Театральная льтопись.

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

1. Сонеть. Стихотвореніе А. Фета.— ІІ. Философія и истогія музыки. Бетховень. Часть первая. Жизнь Бетховена.— Библіографическій подробности и звекдоты. — III. Памяти **. 1.4.— IV. Сввяльскій цирюльникь. Конедія Бомарше. Переводь В. М. Строела. — Нівте, за тебя молиться и не могь. Стихотвореніе. — VI. Одил глава изъ «Курса драматической литератуумі». Сень-Маркъ-Жирарденя. (О материнской любен. — Лукреція Борджіа). — VII. Исторія мелкихь парижскихь театровь. — VIII. Годъ-оть-16бу оть нась все дальше чудний вікть. Стихотвореніе В. Р. З-вс.— ІХ. Святочныя вильнія. Пов'єсть Чарлса Диккинса.— Х. Насльдство. (Eulalie de Pontois). Драма въ няти л'ябіствіяхъ, съ прологомъ. Сочиненіе Фредерика Сулье, перев. Д. М. Григоровича.— XI. Смась. Бальная перчатка. (Изъ записокъ парижскиго льва). Любопытныя похожденія знаменнтаго кавалера л'Эова, пли мужчина-женщина. (Канеа для ораматическаго представленія). — Какъ онасно актерамъ слишкомъ углубляться въ свои роли. — Плохая шутка. — Гильберъ-де-Пиксерикуръ. (Некрологъ). — Карать Блумъ. (Некрологъ). — Судебное л'яло о десяти строкахъ Мольера. — Анекдоты и мелочи. — Музыкальныя новости. Театральная дътопись.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Въ-течение сентибрявышло три театради «Телтральной дътописи», изъкоторыхъ первая принадлежить къ девятой внижкъ, а вторая и третья къдесятой

Къ этой книжкъ приложены:

- 1) Сцена изъ Отелло, драмы Шекспира, рисованная т-мъ Долле, а литографированная Полемъ Пёти.
- 2) Объявление объ издании «Репертуара и Пантеона» въ будущемъ 1845-мъ году.